ИСТОРІЯ

СЕРБСКО-ХОРВАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

СОЧИНЕНІЕ В. ЯГИЧА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ СЕРБСКО-ХОРВАТСКАГО.

(ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ)

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1871.

ИСТОРІЯ

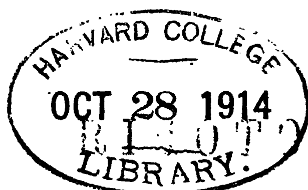
СЕРБСКО-ХОРВАТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

СОЧИНЕНІЕ В. ЯГИЧА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ СЕРБСКО-ХОРВАТСКАГО.

КАЗАНЬ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1871.

Печатать, по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго университета, 26 мая 1871 года.

Секретарь Совѣта университета *Н. Фастрицкій.*

Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ Казанскаго университета за 1871 годъ.

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ

СЪ VII ДО КОНЦА XIV ВѢКА.

Τὰ παλαιότερα σαφῶς εὑρεῖν
διὰ χρόνου πλῆθος ἀδύνατα ἦν.

Өукидидъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Юго-востокъ Европы населяютъ четыре славянскія народности, а именно: Словенцы, Хорваты, Сербы и Болгары. По отношенію къ единоплеменнымъ народамъ, занявшимъ сѣверо-востокъ Европы, первыхъ называютъ обыкновенно однимъ именемъ: «Юго-славяне», подразумѣвая подъ этимъ названіемъ массу народонаселенія достигающую 13 милльоновъ душъ. Но названіе «Юго-славяне» принимается то въ обширномъ, то въ тѣсномъ, то даже въ самомъ тѣсномъ значеніи. Въ обширномъ значеніи подъ именемъ Южныхъ Славянъ подразумѣваются всѣ четыре народности въ совокупности; но такъ какъ издавна до настоящей поры Болгары и въ историческомъ и въ литературномъ отношеніи стоятъ особо отъ остальныхъ вѣтвей юго-славянства, то названіе Юго-славянъ въ тѣсномъ смыслѣ присвоивается только Словенцамъ, Хорватамъ и Сербамъ. Наконецъ въ самомъ тѣсномъ значеніи иногда называютъ Южными Славянами единственно Сербовъ и Хорватовъ. Въ предлежащемъ трудѣ подъ именемъ южныхъ славянъ подразумѣваются Словенцы, Хорваты и Сербы; а гдѣ говорится о двухъ послѣднихъ народностяхъ,—тамъ онѣ и называются своими настоящими именами—Сербами и Хорватами, а языкъ ихъ называется Сербскимъ и Хорватскимъ или иногда и просто *сербско-хорватскимъ* языкомъ.

Земля, на которой живутъ Южные Славяне—въ обширномъ значеніи этаго слова,—простирается отъ Запада къ Востоку—отъ рѣки Сочи (Isonzo) и Адріатическаго моря до Чернаго моря, а съ Сѣвера къ Югу—отъ рѣкъ Дравы, Муры и Дуная до Бояны, Архипелага и рѣки Арды во Ѳракіи. На этомъ пространствѣ въ старину, какъ извѣстно, жилъ Ѳракійско-Иллирскій народъ, занимавшій почти весь нынѣш-

ній Балканскій полуостровъ на западѣ достигавшій Альпъ. Въ IV вѣкѣ до Р. Х. къ Иллирамъ присоединяются Кельты, поселившіеся между Иллировъ въ краяхъ альпійскихъ и посавскихъ, приблизительно тамъ, гдѣ теперь живутъ Словенцы и Хорваты. Между ними сохранились, быть можетъ, какіе нибудь остатки славянскаго народа, который до прихода Кельтовъ распространялся по Панноніи до Адріатическаго моря. Въ эпоху такъ называемаго переселенія народовъ эти края сильно опустѣли. По восточной окраинѣ этихъ земель около 500 г. по Р. Х., начинаютъ перебираться чрезъ Дунай массы того славянскаго народа, который позднѣе получилъ названіе *болгарскаго*; эти толпы народа, пришедшія съ сѣвера на Дунай, заняли старую Мизію, Македонію и Ѳракію, а отдѣльныя вѣтви достигли нынѣшней Албаніи, Ѳессаліи и даже Греціи, и уже въ концѣ X-го столѣтія Греки жаловались на славянизированіе почти всей Восточной Римской имперіи. Западные края прежняго Иллирика, опустошенные и занятые незадолго предъ тѣмъ Аварами, заняли въ продолженіе VI и VII столѣтій—между 600—640 гг.—*зататранскіе славяне*, а именно:—алпійскіе края заняли Словенцы, посавскіе и далматинскіе—Хорваты, а на Востокъ и Югъ отъ нихъ края по рѣкамъ Моравѣ, Дринѣ и Неретвѣ—Сербы. Не смотря на родственность этихъ Славянъ имъ не удалось въ ихъ новомъ отечествѣ составить одно цѣлое государство; и западные Юго-славяне, а именю Словенцы, вскорѣ сдѣлались добычею нѣмцевъ, отъ которыхъ только съ большими усиліями отбились Хорваты;—восточные Юго-славяне, а именно Болгары, составили могущественное на Балканскомъ полуостровѣ государство, но принуждены были безпрерывно вести борьбу съ завистливыми Греками; наконецъ и Сербы, раздробленные на ничтожныя части, долго не могли выпутаться изъ своего незавиднаго положенія. Въ исторіи Южныхъ Славянъ хотя и сіяютъ имена Симеона Болгарскаго, Петра Крешиміра Хорватскаго, Стефана Немани Сербскаго, Ивана II Асеня Болгарскаго и Стефана Душана Сербскаго—но ни одинъ изъ этихъ государей не достигъ соединенія подъ своимъ скипетромъ хотя бы большей части Южныхъ Славянъ: эти послѣдніе, раздробленные на нѣсколько частей, утрачивали почти всѣ свою самостоятельность и свободу, подпавъ власти Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Мадьяръ, Грековъ и Турокъ. Только въ послѣднее время начинаетъ улучшаться положеніе Южныхъ

Славяны: у нихъ появилась уже идея славянской взаимности, которая хотя и проявляется пока только въ литературѣ, но вскорѣ должна обнаружиться и въ другихъ сферахъ народной жизни.

Задача настоящаго труда состоитъ въ изложеніи духовной жизни сербско-хорватскаго народа,—жизни, которая проявлялась главнѣйшимъ образомъ въ литературѣ отъ ея возникновенія до настоящей поры,—той жизни, которая хотя была и не исключительною, но во всякомъ случаѣ самою замѣчательною стороною народнаго существованія. Но, какъ у отдѣльнаго человѣка появленію литературнаго труда предшествуютъ многія приготовительныя работы, точно такъ и цѣлые народы долго готовятся къ литературной жизни: и исторія литературы говоритъ не объ отдѣльныхъ литературныхъ явленіяхъ, но принимаетъ въ разсчетъ все что обусловливаетъ развитіе, процвѣтаніе и упадокъ литературы, и изъ цѣлостности жизненныхъ явленій старается уловить то благородное влеченіе человѣческаго духа, которое высказывается въ литературной дѣятельности. И предлежащій трудъ будетъ держаться тогоже направленія, на сколько позволятъ тѣсныя рамы книги, (предназначаемой главнѣйше для молодаго поколѣнія) и настоящее положеніе этой, еще мало воздѣланной, отрасли знанія.

I. Названіе и объемъ народности.

Всѣ представители науки, Славяне и не Славяне, соглашаются въ томъ, что Хорваты и Сербы—издревле двѣ ближайшія и самыя родственныя народности одного и того же племени; но благодаря различію духовной (вѣроисповѣдной) и государственной жизни съ теченіемъ времени были разрознены и разбросаны члены этого единаго тѣла, и братья были отчуждены другъ отъ друга. Исторія признаетъ только два народныхъ названія языка: *Сербскій* и *Хорватскій*, которыя искони были извѣстны народу и жили въ его устахъ, пока съ политическою раздробленностью не вкрались среднія прозвища, заимствованныя изъ Далмаціи, Дубровника, Босны, Славоніи и т. д. и пока домашніе и чужеземные писатели не ввели еще болѣе употребительныхъ названій: *Словинскій* и *Иллирскій*. Много вѣковъ должно было пройдти

до появленія въ названіяхъ путаницы, господствовавшей въ книгахъ прошлаго столѣтія. Такъ еще за три—четыре вѣка прежде въ Дубровникѣ, отчужденномъ отъ остальной Далмаціи и т. н. Хорваціи, существовало народное названіе *Хорватскій*, при которомъ появилось, и вскорѣ взяло верхъ, другое «книжное»—*Словинскій* (по латински: lingua illyrica). И наоборотъ въ такъ называемой провинціальной Хорваціи когда-то господствовало названіе *Словенскій*, позднѣе замѣненное государственнымъ—*Хорватскимъ*.

Къ государственной разрозненности присоединилось еще и *вѣроисповѣданіе*, которое у послѣдователей греко-восточной церкви тѣсно связано съ *народностью*. Сербская Патріархія въ Печи (Ипекъ) и народная церковь *Сербская* сохранились въ памяти народа какъ величайшая святыня, и послѣ паденія государственной и церковной самостоятельности; для несчастнаго народа эта святыня была единственною защитою и прибѣжищемъ и отъ ислама и отъ другихъ посягательствъ на его народность.

Между тѣмъ какъ единственно это имя (Сербскій) и внѣ своихъ границъ служило въ религіозномъ отношеніи для обозначенія всего «православнаго народа»—послѣдователи западной церкви, подъ вліяніемъ религіознаго космополитизма, держались того имени, которое имъ было ближе и знакомѣе ихъ слуху, т. е. принимали политико-географическія выраженія, какъ напр. дубровницкій, далматинскій, боснійскій, славонскій и т. д.; нельзя не вспомнить прискорбной истины, что католики въ Боснѣ, по словамъ Гильфердинга, нерѣдко сами себя называютъ *латинами*. Такъ Гильфердингу привелось въ Яйцѣ слышать такой отвѣтъ: «у насъ нѣтъ ни одного Серба, мы всѣ Латины». (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія. стр. 125).

Въ VII вѣкѣ по Р. Х. Хорваты и Сербы жили въ слѣдующихъ предѣлахъ: на сѣверо-западѣ въ нынѣшней Далмаціи и Хорваціи съ прилежащими островами и Истріей до Лабина (Albona) и Раши (Arsa); затѣмъ со стороны Словенцевъ границу составляла Купа, приблизительно до Метлики и Крка до Савы, потомъ Сутла, отъ которой пограничная черта сворачиваетъ къ Птую (Pettau). На сѣверѣ границею была Драва, на югъ отъ которой находится нынѣшняя Славонія. На востокѣ и югѣ Босну, Сербію съ Метохіей, Герцеговину и Черногорье охватываетъ черта, проведенная отъ

Бѣлграда по направленію рѣкъ Моравы и Ибра до Митровицы, откуда ломаною линіею идетъ къ Скадрскому озеру и Боянѣ. На этомъ пространствѣ поселились Сербы и Хорваты: по Савѣ, Врбасу и далѣе спускаясь Неретвою на югъ къ Дубровнику, весь западный край заняли Хорваты; на югъ же и востокъ отъ этихъ границъ всюду поселились Сербы...» Такъ было въ VII столѣтіи по словамъ Императора Константина Порфиророднаго, нуждающимся въ нѣкоторой поправкѣ (см. Šafař. Starož. II. č. IV. § 32; č. V. § 34. Rački: Odlomci. 13—19). Поправка касается *южной* границы, которая отъ р. Цетины проведена далѣе на югъ пониже Дубровника; такъ какъ еще въ XV столѣтіи дубровницкіе поэты писали *чакавскимъ* нарѣчіемъ, а языкъ называли Хорватскимъ.

Если съ этимъ разселеніемъ Сербо-Хорватовъ въ VII вѣкѣ мы сопоставимъ ихъ нынѣшнія границы, то кромѣ поселеній въ Угріи и Австріи, мы найдемъ слѣдующія отличія: въ Далмаціи беретъ верхъ хорватскій элементъ и въ тѣхъ городахъ и на тѣхъ островахъ, населенныхъ потомками римлянъ, которые сначала не хотѣли мѣшаться съ пришельцами варварами. Эти мѣстности были: Дубровникъ, Сплитъ, Трогиръ, Задръ, Рабъ, Осоръ и нѣкоторые другіе острова. Дубровникъ сдѣлался хорватскимъ уже въ X вѣкѣ, не много позднѣе—Сплитъ, Трогиръ и Задръ. Мнѣніе, принимаемое нѣкоторыми, что Дубровничане уже въ XI вѣкѣ употребляли славянскій языкъ, должно быть объясняемо въ пользу устнаго, семейнаго, а не книжнаго употребленія. Точно также хорватская народность распространилась и по Истріи на западъ, далѣе границъ указанныхъ Константиномъ Порфиророднымъ, а именно за Лабинъ и Рашу, такъ что теперь границею считается черта, проведенная отъ Чичскихъ горъ до долины, которою течетъ Драгоня до Перапа, и оттуда на востокъ.

На востокѣ и югѣ вышеупомянутыхъ границъ совершились значительныя перемѣны. Извѣстно, что жупанъ Неманя въ концѣ XII вѣка увеличилъ сербскую территорію болгарскими краями, гдѣ находились на югѣ города Приштина и Призренъ, на востокѣ—Нишь и Поморавлье. Преемники Немани присоединили къ этому восточный край отъ Моравы до Тимока. Политическія намѣренія сербскихъ владѣтелей, которымъ очевидно хотѣлось соединить сербскій пре-

столъ съ византійскимъ, при постоянномъ расширеніи южной границы государства,—не слѣдуетъ смѣшивать съ отношеніями народными, и было бы ошибкою думать, что сербская народность преобладала вездѣ, куда достигала государственная власть Сербовъ. Вѣрно только то, что сербская народность распространялась до Неготина и Тимока, служащихъ и теперь границами сербскаго княжества—между тѣмъ какъ почти весь край по ту сторону Моравы до Дуная и Тимока, населенъ валахами (Гласн. др. Срб. Слов. IX. 201); на югѣ же, куда политика сербскихъ государей перенесла и столицу государства (Призренъ) и каѳедру патріарха (Печь), гдѣ воздвигались великолѣпные храмы кралей и царей сербскихъ—на югѣ былъ въ XIII—XV вѣкахъ цвѣтъ сербскаго населенія, что лучше всего доказываетъ намъ роковой переходъ слишкомъ сорокатысячъ семействъ сербскихъ въ Австрію въ 1690 г. съ весьма незначительнаго пространства. Вслѣдствіе этаго и опустѣли тѣ края и большую часть ихъ заняли Албанцы. Впрочемъ новѣйшія изслѣдованія ученыхъ путешественниковъ (Гильфердинга, Лежана, Гана) объ этихъ южныхъ предѣлахъ сербскаго народонаселенія нисколько не согласны ни между собою, ни съ прежними выводами Шафарика.

Кромѣ указанныхъ измѣненій границъ сербско-хорватской народности достойны упоминовенія и нѣкоторыя внутреннія событія. Жизнь сербско-хорватскаго народа, не смотря на его вполнѣ мирный характеръ, въ различныя эпохи была весьма бурною—особенно же въ продолженіе времени отъ XV до XVIII вѣка, когда бѣшеный турокъ прошелъ по всей сербо-хорватской территоріи, грабя и опустошая ее и большую часть ея подчинивъ своему жестокому игу, подъ которымъ и теперь еще стонетъ часть сербско-хорватскаго народа. Тогда наступило на всемъ югѣ страшное волненіе; горемычный сербско-хорватскій народъ въ Боснѣ, Герцеговинѣ и Старой Сербіи, не въ силахъ будучи бороться съ враждебнымъ началомъ, начинаетъ разбѣгаться во всѣ стороны, ища себѣ убѣжища и новаго отечества, преимущественно между единоплеменниками на западѣ и сѣверѣ. Какъ воспоминаніе объ этихъ бурныхъ временахъ, осталась въ народѣ пословица: «Герцеговина всѣ земли населила, а сама не обезлюдѣла». Послѣдствіемъ такихъ народныхъ передвиженій и переселеній было то, что едва не измѣнилась совсѣмъ физіономія сербско-хорватской территоріи. Множество старожиловъ Хорватовъ съ

Куны и Уны перебрались далѣе на сѣверъ или въ край между Савой и Дравой, или въ Сѣверо-западную Угрію и Эрцг. Австрію; ихъ жилища заняли бѣглецы и ускоки сербскіе, разселяясь по сѣверной Далмаціи, нынѣшней хорватской в. границѣ и приморью, въ такъ называемомъ Жумберацкомъ (Sichelburg) дистриктѣ, въ тогдашней верхней Славоніи (нынѣшней провинціальной Хорваціи (Kroatien) и т. н. Вараждинской границѣ) около Копривницы, Крижевца (Kreiz) и Иванича, наконецъ въ нынѣшней Славоніи, особенно въ Пожежскомъ (Posseg) дистриктѣ (прежде Малой Валахіи) и въ Сремѣ. Подробнѣйшій разсказъ о грустной судьбѣ сербско-хорватской эмиграціи XVI и XVII вѣковъ не входитъ въ настоящій трудъ; можно принять за истину только то, что это значительное эмигрированіе принесло болѣе вреда нежели пользы развитію народной жизни сербо-хорватовъ. Эти многія тысячи хорватскихъ семействъ, разселившіяся по сѣверо-западной Угріи—(ихъ въ Мошонскомъ (Wieselburg), Шопронскомъ (Ödenburg), Желѣзномъ (Eisenburg), и Пожунскомъ (Pressburg) комитатахъ болѣе сотни селъ, говорятъ по чакавски, и отчасти еще и теперь называются *боснійскими* Хорватами)—Австріи и Моравіи (ихъ около 8,000 душъ), отторженныя отъ своего отечества и отовсюду окруженныя чуждыми народностями (нѣмецкою и мадьярскою), никогда уже не разовьются до высшей духовной жизни и не сохранятъ даже своей народности. Точно также слѣдуетъ пожалѣть и Сербовъ въ южной Угріи, изчезающихъ вслѣдствіе онѣмечиванья или порумуниванья. И дѣйствительно ихъ настоящее число въ Бачкѣ, Банатѣ и вдоль Дуная до Будима (Ofen) вмѣстѣ съ Бунѣевцами, простирается только до 400,000,—число весьма незначительное въ сравненіи съ количествомъ ихъ, перебравшимся въ разныя времена въ Угрію. И такъ съ одной стороны сербско-хорватская народность ничего не пріобрѣла, а съ другой утратила тѣ прекрасныя края (Старую Сербію), которые нѣкогда соединяли прежнюю Зету и нынѣшнее Черногорье съ Сербіей. Точно также утратили свою народность тѣ тысячи Сербовъ, которые въ 1751—1753 году переселились въ Южную Русь и руссировались. Тоже постигло и тѣхъ Хорватовъ, которые въ концѣ XV (1467—1494) вѣка населяли Апулію; въ настоящее время сохранили свою народность только два села: Acquaviva (Вода жива) съ 1823 обывателями и San Felice Slavo съ 2208 обывателями. Луч-

ше сбереглись сербскія колоніи между Албанцами и Болгарами, особенно около Охридскаго озера (Lejean).

Въ противоположность этому значительному ущербу сербско-хорватской народности внѣ предѣломъ прежняго ея отечества въ ней высказывалась великая жизненная сила въ томъ, что она была способна ассимилировать повсюду части чуждыхъ народностей, врывавшихся въ сербско-хорватскую массу. Нужно дивиться тому, что сербско-хорватской народъ, находящійся подъ столь различными правительствами, вполнѣ сохранилъ свою народность; ни Нѣмецъ, ни Итальянецъ, ни Мадьяръ, ни Турокъ не могли подавить ее. Даже и въ городахъ (напр. въ Далмаціи, Хорваціи), насколько бы они ни были чужды славянской народности (итальянскихъ, нѣмецкихъ, турецкихъ), всюду преобладаетъ сербско-хорватская народность; и между тѣмъ не рѣдки примѣры, что отъ чисто нѣмецкихъ семействъ, переселившихся въ тѣ же мѣста за пятьдесятъ, сто и больше лѣтъ, сохранилось только одно воспоминаніе, заключающееся въ иностранной фамиліи; а порою изчезъ даже и этотъ слѣдъ происхожденія.

Кто обратитъ вниманіе на все сказанное о треволненіяхъ, выпавшихъ на долю сербско-хорватскаго народа въ XVI и XVII вѣкахъ, тотъ не будетъ требовать тщательнѣйшаго, подробнѣйшаго указанія настоящихъ поселеній Хорватовъ и Сербовъ; потому что во многихъ мѣстахъ такъ перемѣшались Хорваты съ Сербами, что уже не возможно въ точности отдѣлить что собственно хорватское и что собственно сербское. Можно только сказать вообще, что на востокѣ общей отчизны живутъ Сербы, на западѣ Хорваты или, что въ тріединомъ королевствѣ преобладаетъ большинство Хорватовъ, а въ Боснѣ, Герцеговинѣ, Черногорьи и Сербіи еще значительнѣйшее большинство Сербовъ. Относительно настоящаго положенія сербско-хорватской народности слѣдуетъ замѣтить, что въ ней гнѣздится нѣкотораго рода дуализмъ, который понемногу изчезаетъ, и который основывается не столько на народности, сколько на вѣроисповѣданіи и грамматѣ. Духъ прогресса и просвѣщенія рано или поздно сравняетъ эти неровности и уничтожитъ послѣднюю преграду, отдѣляющую брата отъ брата.

У каждаго многочисленнаго народа бываютъ нарѣчія, характеризующія извѣстную мѣстность. И такъ было бы странно если бы ихъ не было у сербо-хорватовъ, и преимуществен-

но на западѣ. Въ особенности слѣдуетъ припомнить, что сѣверо-западный хорватскій край—т. е. такъ называемая Провинціальная Хорвація —на столько отличается своимъ нарѣчіемъ отъ всего остальнаго сербско-хорватскаго народа, что, судя по существующимъ законамъ лингвистическаго сродства, нарѣчіе этой провинціи нельзя назвать ни чисто Хорватскимъ, ни Сербскимъ (Чакавскимъ или Сербскимъ); оно въ значительной степени перемѣшано съ словинскимъ нарѣчіемъ, или скорѣе: это словинское (хорутанское) нарѣчіе, переходящее въ хорватское. По этому за два, за три вѣка предъ симъ тогдашніе писатели хорватскіе (Пергошичь, Врамецъ, Петретичь, Габделичь) и говорили, что пишутъ *словенскимъ* языкомъ. Затѣмъ исторія ничего не знаетъ о томъ, чтобы словенскій языкъ когда либо позднѣе повліялъ на языкъ хорватскій, и чтобы изъ этой смѣси произошло нынѣшнее кайкавско-хорватское нарѣчіе, а всѣ филологическія соображенія указываютъ на какой-то процессъ перемѣшиванья, въ которомъ словинскій языкъ былъ сильнѣе хорватскаго; все это служитъ доказательствомъ, что въ темныхъ извѣстіяхъ Константина Порфиророднаго, изъ которыхъ видно, что онъ и самъ не имѣлъ объ этомъ достаточно свѣденій, скрываются великія этнографическія тайны о народныхъ отношеніяхъ между Словенцами и Хорватами VII вѣка. Лаконическое извѣстіе Константина Порфиророднаго сообщаетъ слѣдующее: отъ Хорватовъ, пришедшихъ въ Далмацію, отдѣлилась нѣкоторая часть и заняла Иллирикъ и Паннонію; они имѣли также своего великаго жупана, который только по дружбѣ посылалъ пословъ (съ дарами) къ великому жупану хорватской земли (гл. 30).

Судя потому насколько нынѣ мы понимаемъ значеніе, величину и силу словенскаго племени, достигавшаго по паннонскимъ равнинамъ нынѣшней Словеніи, а на востокѣ даже родственнаго болгарскаго народа, возможно допустить, что такъ называемая хорватская кайкавщина произошла оттого, что Хорваты, подаваясь на югъ, въ этихъ горныхъ краяхъ новаго отечества, т. е. между Дравой и Савой, перемѣшались съ бывшими тамъ жителями словенскаго происхожденія. Напротивъ невѣроятно извѣстіе Константина Порфиророднаго, будто бы часть Хорватовъ двинулась уже изъ Далмаціи обратно на сѣверъ, откуда только что пришли Хорваты; да и прибытіе Хорватовъ и Сербовъ на югъ не было слѣд-

ствіемъ дружескихъ приглашеній и дипломатическихъ переговоровъ, а насильственнымъ вторженіемъ переселенцовъ, которые должны были кровью покупать каждый шагъ занятой земли. Равно кажется вѣроятнымъ и то, что Хорваты основали государство прежде въ сѣверной Хорватіи (между Дравой и Савой), потомъ уже въ южной (въ Далмаціи и Приморьи).

Къ Словенцамъ,—дѣлившимъ судьбу Сербо-Хорватовъ съ начала ихъ исторіи и во многихъ случаяхъ опережавшимъ хорватскую народность,—принадлежатъ настоящіе обыватели жупаній Вараждинской, Загребской—приблизительно до Купы, и Крижевацкой съ половиною Вараждинской границы, Междумурья и нѣкоторыхъ краевъ Угріи вдоль Дравы. Точнѣйшими границами кайкавщины относительно штокавщины (на западѣ) и чакавщины (на югѣ) будутъ слѣдующія: по чертѣ отъ Дравы у Питомача, чрезъ Вировитицу, Беловаръ и Цирквену, по Капелѣ до Лупоглавы; оттуда чрезъ Иваничь, Мославину до Лони и Ясеновца на Савѣ, далѣе Савою до Петрини и Купою до Карловца; отсюда на сѣверозападъ чрезъ Драганичь, Крашичь, Ястребарско, и захватывая Жумберакъ, черта у Драги переходитъ въ Краину.

II. Численность народонаселенія.

Въ указанныхъ границахъ живетъ въ настоящую пору сербско-хорватскій народъ; но трудно даже приблизительно опредѣлить его численность. Числа, представленныя различными учеными, на столько не сходны одно съ другимъ, особенно же касательно турецкихъ сербско-хорватскихъ земель, что данныя одного изслѣдователя опровергаютъ данныя другаго и всѣ одинаково сомнительны. Въ истинѣ этихъ словъ насъ убѣждаютъ показанія Шафарика (Slovanský národopis), Чернига (Ethnographie der österr. Monarchie, 1855—1857, и Statistisches Handbüchlein, 1861), Лежана (Ethnographie de la Turquie d'Europe, 1861), Гильфердинга (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, 1859), Гана (Reise von Belgrad nach Salonik, 1861) и другихъ частныхъ и оффиціальныхъ извѣстій.

Въ Австрійскихъ земляхъ приводятся слѣдующія цифры:

	Шафарикомъ.	Чернигомъ (Hdb).
Въ Угріи (Бачка, Банатъ и остальные комитаты на Юго-востокѣ)	532.000	397.954
(Междумурье и остальные западные комитаты).	145.000	120.092
Въ Кроаціи, Славоніи	2,023.000	809.357
и Военной границѣ . .		865.377
Въ Приморьи (Истрія, острова и округъ Рѣчскій—Фіумскій).	254.000	134.891
Въ Нижней Австріи	—	6.870
Въ Моравіи	—	1.000
Въ Краинѣ	40.000	16.260
Въ Далмаціи	391.000	359.310
Въ войскѣ	—	57.000
Итого. . . .	3,385.000	2,778.111

Но большинство этихъ цифръ можетъ быть замѣнено теперь новыми и, по всѣмъ соображеніямъ, точнѣйшими; а именно число жителей Хорваціи и Славоніи, въ ихъ настоящемъ объемѣ, проф. Матковичь полагаетъ въ 920.000; а статистическая коммиссія даже въ 935.175; исключивъ изъ этой цифры часть народонаселенія, падающую на иностранцевъ, мы принимаемъ цифру 900.000. Численность хорватскаго народа въ Далмаціи можно смѣло положить въ 400.000. На военной границѣ, за исключеніемъ Петроварадинскаго полка, Матковичь считаетъ 711,480. На «благовѣщенскомъ» сеймѣ 1861 г. сосчитано было сербско-хорватскаго народонаселенія въ Бачкѣ, Банатѣ, Сремѣ и на прилежащей военной границѣ около 584.777; если же отнять отсюда сремскій комитатъ, уже выше вычисленный, то останется 480.992; но если возьмемъ во вниманіе, что имѣются сербскія поселенія и внѣ тѣхъ границъ, которыя сербскій сеймъ 1861 года предлагалъ для образованія новаго сербскаго воеводства, а именно по Дунаю до Будима (Ofen), то можно положить круглую цифру въ 500.000. Сюда еще не причислены Кайкавцы и Чакавцы Хор-

ваты, живущіе въ юго-западной Угріи и Междумурьи: Шафарикъ насчитываетъ ихъ до 145.000. Наконецъ въ сочиненіи «Vévodství Korutany a Krajinâ» (стр. 106) въ Краинѣ насчитывается 56.000 Хорватовъ, если къ нимъ причислить такъ называемыхъ «бѣлыхъ Краинцовъ».

По новымъ даннымъ числа будутъ слѣдующія:

Сербовъ и Хорватовъ въ Австрійскихъ земляхъ:

Въ Юго-восточной Угріи	500.000
Въ Юго-западной Угріи.	145.000
Въ Кроаціи и Славоніи.	900.000
На Хорв. Слав. военной границѣ (безъ петроварадинскаго полка).	711.480
Въ Далмаціи	400.000
Въ Приморьи	134.891
Въ Краинѣ.	56.000
Въ Нижней Австріи.	6.870
Въ Моравіи	1.000
Въ войскѣ (австрійскомъ)	57.000
Итого. . . .	2,912.241

Въ этомъ числѣ заключаются Штокавцы, Чакавцы и Кайкавцы. Слѣдовало бы перечислить количество говорящихъ каждымъ говоромъ, но этаго пока еще не сдѣлано. Легче обозначить число Кайкавцевъ, нежели Чакавцевъ. Первыхъ насчитывается въ трехъ хорватскихъ жупаніяхъ: 466.648, въ двухъ полкахъ (Крижевацкомъ и Гюргевацкомъ—St. Georger Reg.): 148.668, въ Междумурьи: 55 413—а всего 670.729. Сюда же слѣдуетъ причислить еще до 50.000 изъ 145.000, Хорватовъ живущихъ въ западныхъ угорскихъ комитатахъ,—остальные Чакавцы; затѣмъ 40.000 «бѣлыхъ Краинцовъ». Итакъ всѣхъ Кайкавцевъ — Хорватовъ насчитывается до 760.729. Шафарикъ насчитываетъ ихъ до 801 000, и называетъ Хорватами, но ошибочно присчитываетъ къ нимъ и тѣхъ Хорватовъ, которые живутъ въ Желѣзномъ, Шопронскомъ, Мошонскомъ и Рабскомъ комитатахъ и говорятъ чистымъ Чакавскимъ нарѣчіемъ.

Численность Сербо-Хорватовъ въ двухъ независимыхъ государствахъ, въ Сербіи и Черногорьи, принимается здѣсь

по оффиціальнымъ даннымъ: въ Сербіи считается 1.108.568; въ Черногорьи (1863 г.)—196.238 душъ; а въ обоихъ государствахъ вмѣстѣ—1.300.000.

Весьма трудно опредѣлить настоящее количество южныхъ славянъ въ Боснѣ, Герцеговинѣ и Старой Сербіи. Шафарикъ насчитываетъ ихъ всѣхъ до 1.552.000. Въ Боснѣ насчитываютъ до 900.000; въ Герцеговинѣ — до 250.000 душъ. По оффиціальнымъ турецкимъ извѣстіямъ 1865 г. въ пяти боснійскихъ санджакахъ было 262.114 душъ *православныхъ*, мужескаго пола; 125.839 *католиковъ*; и 187.657 *магометанъ*, а всего 575.610. Если количество женщинъ сочтемъ одинаковымъ съ числомъ мужчинъ, то получимъ 1.151.220 душъ. Если изъ этого числа вычтется хоть 150.000 душъ, принадлежащихъ чуждымъ народностямъ, и именно—турецкой, то у насъ останется всетаки болѣе милльона Сербохорватовъ. Въ одной части Старой Сербіи, въ Новопазарскомъ санджакѣ, принадлежащемъ теперь Боснѣ, считается по турецкимъ извѣстіямъ 48.000 душъ православныхъ мужескаго пола, стало быть всего 96.000 душъ; и 33.389 душъ м. п. магометанъ, т. е. 66.778 душъ; но этихъ магометанъ Старой Сербіи не будемъ причислять къ Сербо-хорватской народности, потому что они навѣрное Албанцы. Итакъ въ Новопазарскомъ санджакѣ считается настоящихъ Сербовъ только 96.000 или maximum 100.000 душъ. Наконецъ въ Герцеговинѣ, въ Мостарскомъ санджакѣ, оффиціальное турецкое извѣстіе насчитываетъ 77.755 душъ православныхъ м. п., т. е. 155.510 душъ и 22.154 души магометанъ м. п., т. е. 44.308 душъ; а всего 199.818 душъ, или круглымъ числомъ 200.000. Число католиковъ не обозначено, но оно должно достигать 500.000. И такъ всего въ шести санджакахъ Босны и Старой Сербіи и въ Герцеговинѣ мы насчитываемъ: 1.350.000 Сербо-хорватовъ. Но такъ какъ въ этотъ разсчетъ не входитъ большая часть Старой Сербіи, а именно все пространство между городами — Печь, Бѣлополе, Приштина, Призренъ и Дьяковица, то къ вышеприведенной цифрѣ оффиціальнаго турецкаго извѣстія слѣдуетъ причислить еще отъ 150.000 до 200.000 душъ. (Юкичь насчитываетъ слишкомъ 160.000). Новѣйшія извѣстія вполнѣ подтверждаютъ ту цифру, которую привелъ уже Шафарикъ, а именно что въ Боснѣ, Герцеговинѣ и Старой Сербіи насчитывается

1.550.000 душъ Сербско-хорватскаго населенія. И такъ внѣ Австріи на славянскомъ югѣ насчитывается Сербо-хорватовъ:

Въ Сербіи	1.100.000
Въ Черногорьи	200.000
Въ Турецкихъ земляхъ (Боснѣ, Герцеговинѣ и Старой Сербіи)	1.550.000
А всего	2.850.000

Если эту цифру сопоставить съ численностью Сербо-хорватовъ въ Австріи, то найдемъ что всѣхъ Сербовъ и хорватовъ на славянскомъ югѣ приблизительно можно насчитать до 5.762.241.

Уже ранѣе замѣчено, что вѣроисповѣдное различіе проходитъ не безслѣдно для Сербо-хорватскаго народа, потому что въ немъ, какъ нигдѣ, съ религіею соединяется и культура, у католиковъ отличная отъ православныхъ, и еще болѣе отличная, скорѣе несуществующая вовсе, у магометанъ. По этому необходимо знать соотношеніе всѣхъ трехъ вѣроисповѣданій у Сербовъ и Хорватовъ.

Въ Австрійскихъ земляхъ насчитывается:

Въ провинціяхъ	Сербовъ и Хорватов.	Католиковъ.	Православныхъ.	Магометанъ
Юговосточная Угрія	500.000	48.138	451.862	—
Югозападная Угрія	145.000	145.000	—	—
Кроація и Славонія	900.000	767.477	132.523	—
Хорв. Слав. граница	711.480	402.329	309.151	—
Далмація . . .	400.000	322.856	77.144	—
Приморье (Истрія и острова) . . .	134.891	134.659	232	—
Краина	56.000	55.400	600	—
Нижняя Австрія .	6.870	6870	—	—
Моравія	1000	1000	—	—
Въ Австр. войскѣ .	57.000	34.000	23.000	—
Итого . .	2.912.241	1.917.729	994.512	

Въ Сербіи и Черногорьи одни только православные. Въ Боснѣ, по нынѣшнему раздѣленію, слѣдуя оффиціальному турецкому извѣстію: 251.678 католиковъ, 524.228 православ-

ныхъ, 375.314 магометанъ. Въ Герцеговинѣ, въ Мостарскомъ санджакѣ: 50.000 католиковъ (въ оффиціальномъ турецкомъ извѣстіи пропущено), 155.510 православныхъ, 44.308 магометанъ. Въ Старой Сербіи, въ Новопазарскомъ санджакѣ, по турецкимъ извѣстіямъ: 96.000 провославныхъ и 66.778 магометанъ, не принадлежащихъ сербской народности; о католикахъ не упоминается. Изъ остальныхъ 150.000 — 200.000 находящихся въ Албаніи (прежней Старой Сербіи) можно отчислить, слѣдуя Юкичу, отъ 10.000 до 20.000 на католиковъ; остальная часть состоитъ изъ православныхъ или магометанъ.

Итакъ всего въ Боснѣ, Герцеговинѣ и Старой Сербіи насчитывается до 300.000 католиковъ, 900.000 православныхъ и болѣе 400.000 магометанъ. А всѣхъ вмѣстѣ:

Въ	Католиковъ.	Православныхъ.	Магометанъ.
Австрійскихъ земляхъ	1.917.729	994:512	—
Сербіи . . . . . :	—	1.100.000	—
Черногорьи	—	200.000	—
Боснѣ, Герцеговинѣ и Старой Сербіи . .	300.000	900.000	400.000
А всѣхъ . .	2.217.729	3.194.512	400.000

Хорваты и Сербы живутъ сплошною массою въ тріединомъ королевствѣ, Далмаціи, Хорваціи и Славоніи (956.04 □ м.), въ княжествѣ Сербіи (998 □ м.), въ Боснѣ и Герцеговинѣ (1.115 □ м.), и въ Черногорьи (78 □ м.), и такъ занимаютъ пространство въ 3.147.04 □ миль. Вмѣстѣ съ другими народностями, но въ большинствѣ, живутъ въ Истріи (85 □ м.) съ небольшимъ числомъ итальянцевъ; затѣмъ въ Старой Сербіи т. е. въ Печской, Дьяковицкой, Призрѣнской, Приштинской и Вучитрнской, отчасти въ Скадрской, Лешской (Alessio) и Барской нахіяхъ нынѣшней Албаніи (375 □ м.) живутъ вмѣстѣ съ албанцами; въ юго-восточной Угріи, на границѣ (190 □ м.), въ Бачь-бодрожскомъ и Торонтальскомъ (119 □ м.) комитатахъ, живутъ перемѣшанно съ румунами, нѣмцами и мадьярами. И такъ можно принять, что Хорваты и Серб занимаютъ въ юго-восточной Европѣ пространство, занимающее по крайней мѣ-

рѣ 3.500 □ м. Уже и то пространство, на которомъ Сербы и Хорваты живутъ сплошною массою, много обширнѣе напр. Англійскаго королевства (2.749 □ м.), и равняется южной и средней Италіи (3.189 □ м.); но въ то время какъ на югославянской территоріи живетъ только до 4.700.000 душъ Сербо-хорватскаго населенія, въ Англіи насчитывается до 20.205.000 обывателей, въ южной и средней Италіи—болѣе 15.000.000 душъ. Между тѣмъ какъ въ югославянскихъ земляхъ на одну кв. милю приходится 1.493 души Сербо-хорватовъ— на такую же милю въ Англіи приходится 5000 душъ, въ Бельгіи 8.814, въ Саксоніи 8.186 душъ на одну квадратную милю.

Изъ этихъ статистическихъ данныхъ можно видѣть какъ великъ еще просторъ для развитія Сербо-хорватскаго народа въ его настоящемъ отечествѣ, и какъ далеко онъ можетъ идти впередъ, вмѣстѣ съ удаленіемъ тѣхъ препятствій, которыя и теперь еще со всѣхъ сторонъ задерживаютъ его.

Послѣ всего сказаннаго о сербо-хорватской народности, духовная дѣятельность которой составляетъ задачу настоящей книги, слѣдуетъ еще сказать, какъ въ этой послѣдней принято дѣлить исторію сербо-хорватской литературы.

Въ литературной дѣятельности Сербо-хорватовъ нельзя не замѣтить *трехъ періодовъ*.

Первый или *древній періодъ* можетъ называться періодомъ церковной дѣятельности и идетъ отъ начала исторіи до эпохи обновленія наукъ и искуствъ въ Италіи; или до конца XIV вѣка. Смотря съ политической точки зрѣнія можно положить предѣломъ перваго періода литературы—паденіе Сербскаго царства.

Второй или *средній періодъ*, который можетъ быть названъ далматинско-дубровницкимъ, идетъ отъ XV вѣка—далматинскій гуманизмъ и начало хорватской поэзіи въ Далмаціи—за половину XVIII вѣка, когда ослабѣло значеніе Дубровника и литературная дѣятельность стала искать новыхъ центровъ въ Хорваціи. Славоніи и Угріи.

Третій или *новый періодъ* начинается возрожденіемъ народной литературы у австрійскихъ Сербовъ во второй половинѣ XVIII вѣка, обнимаетъ дѣятельность кайкавскихъ писателей, изъ которой возникаетъ новая иллирская литература въ Загребѣ, обращаетъ вниманіе на народную поэзію, и наконецъ продолжаетъ новую литературу до нашего времени.

I (ДРЕВНІЙ) ПЕРІОДЪ.

СЪ СЕДЬМАГО ВѢКА ДО КОНЦА ЧЕТЫРНАДЦАТАГО.

I. Народная жизнь Хорватовъ и Сербовъ въ древнѣйшія времена.

Тщательныя изысканія новыхъ историковъ, къ которымъ должно причислить Шафарика, Дюмлера, Гильфердинга и Рачскаго, освѣтили темное прошедшее Сербо-хорватскаго народа отъ древнѣйшихъ временъ, когда онъ, покинувъ свое прежнее зататранское отечество, спустился на югъ, гдѣ живетъ и донынѣ. Почти все, что только можно узнать изъ скудныхъ извѣстій о внѣшней исторіи Сербско-хорватскаго народа того времени, уже извѣстно. Но тѣмъ еще темнѣе для насъ его внутренняя, матеріальная и духовная жизнь, которая могла бы уяснить тогдашнее культурное состояніе сербско-хорватскаго народа. Въ доказательство того, что даже въ тѣ древнѣйшія времена существовала извѣстная культура, могутъ служить лестные отзывы иностранцевъ современниковъ о многихъ прекрасныхъ свойствахъ и обычаяхъ древнихъ Славянъ, которые, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, могутъ относиться и къ Сербо-хорватамъ. Даже и донынѣ сохранилось много обычаевъ, такъ рѣзко характеризующихъ Сербо-хорватскій народъ какъ часть цѣлаго славянства, что по нимъ уже видно, что было древнимъ и общимъ для всего славянства и что развилось въ послѣдствіи. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о сербо-хорватскомъ общинномъ (zadruga) образѣ жизни, который вполнѣ сохранился и до сихъ поръ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что Хорваты и Сербы съ сѣвера принесли его съ собою. Это видно изъ точныхъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ общественномъ строѣ, который Хорваты и Сербы принесли на югъ. Слово župa значило сначала то же самое,

что позднѣе обозначалось словомъ *zadruga*, обозначавшемъ членовъ одного дома или семейства, а когда *задруга* расширилась въ общину, то и слово это пріобрѣло болѣе широкое значеніе. Поэтому сначала *жупанъ* былъ только старшиною *жупы* или *задруги*, и самъ Константинъ Багрянородный въ одномъ мѣстѣ такъ переводитъ это слово; позднѣе власть жупана, распространилась и на нѣсколько *жупъ* или общинъ и весь такой округъ получилъ новое названіе *жупанія*, произведенное отъ слова *жупанъ*. И такъ мы имѣемъ три слова: *жупа* отсюда *жупанъ*, а отъ него уже *жупанія*. Жупаны временъ Константина Порфироднаго были начальниками уже не жупъ, а жупаній. *Жупа* же, какъ мѣстность открытая, противополагается *градамъ*, въ которыхъ славяне прежде не нуждались; въ послѣдствіи градъ сдѣлался обычною резиденціею жупана и средоточіемъ всей жупы; по закону Душана жупа обязана была поддерживать градъ, находившійся въ ея округѣ.

Въ то время когда Хорваты и Сербы переселились на югъ, ихъ народная жизнь уже перешла первыя и нисшія ступени развитія. Въ народномъ сознаніи уже проснулась мысль о какомъ-то бо̀льшемъ объединеніи: жупанъ стоитъ во главѣ жупаніи, а нѣсколько жупановъ въ то же время подчиняются *великому жупану*; власть великаго жупана была наслѣдственною. Если бы идея объединенія могущественнѣе овладѣла цѣлымъ народомъ, то прошлое сербо-хорватскаго народа было бы гораздо счастливѣе и славнѣе. Но къ сожалѣнію древніе Хорваты и Сербы почти никогда не умѣли жить согласно въ государственной задругѣ, между тѣмъ какъ въ семейной задругѣ у нихъ всегда было больше порядка и согласія: то, что они уважали въ малыхъ размѣрахъ, они не научились уважать въ болѣе широкихъ. Далматинская Хорватія была, какъ кажется, съ самаго начала раздѣлена на нѣсколько жупаній: Константинъ Порфирородный насчитываетъ ихъ одиннадцать; Паннонская Хорватія, имѣя конечно также нѣсколько жупаній, относится къ ней какъ уже вполнѣ самостоятельная страна. Еще болѣе разъединеннымъ оказалось новое отечество сербской вѣтви: рядомъ съ Сербіей, въ самомъ тѣсномъ значеніи, Константинъ Порфирородный упоминаетъ о Боснѣ, Захлумьѣ, Нарентѣ (Неретва), Травуніи, Конавлѣ и Дуклѣ или Зетѣ; нѣкоторыя изъ этихъ

странъ имѣли кромѣ того нѣсколько жупаній. Къ несчастію мы должны еще сознаться и въ томъ, что, на сколько намъ извѣстны границы этихъ странъ, сама даже природа не содѣйствовала болѣе тѣсному объединенію, не обозначивъ на всемъ этомъ пространствѣ ни одного природнаго центра, который въ исторіи колебался между Десницею, Дуклею и Расою.

Здѣсь на югѣ Сербо-хорваты начали новую жизнь при самомъ простомъ государственномъ строѣ. Въ послѣдствіи до мелочей развившіеся придворные порядки и обычаи, которыми окружили себя сербо-хорватскіе князья, заимствованы у чужеземцевъ—частью у нѣмцевъ (франковъ), частью у грековъ; объ этомъ рѣчь будетъ впереди. Однако неправдоподобно, чтобы уже въ то время весь народъ былъ раздѣленъ на *племичей* (бояръ, властелей) и несвободныхъ поселянъ на феодальныхъ основаніяхъ; *челядь* жупы была свободна и имѣла свою *дъдину* или *баштину*, которою управлялъ старшина всего рода. Это однако не исключало права имѣть отдѣльныхъ *слугъ* въ домѣ, которые состояли большею частью изъ военно-плѣнныхъ. Обыкновеннымъ занятіемъ простолюдина было земледѣліе и виноделіе, а главнымъ богатствомъ или *доходомъ* дома были стада; и донынѣ *тежакъ* (земледѣлецъ) обозначаетъ особый классъ рабочихъ людей, которые занимаются полевыми работами, а *благо* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считается синонимомъ стадъ (ср. лат. pecus, peculium, pecunia). За отсутствіемъ обо всемъ этомъ болѣе полныхъ историческихъ свидѣтельствъ, за исключеніемъ того, что говорится въ одномъ мѣстѣ о Неретванахъ, будто двѣ ихъ жупаніи кормились мореплаваніемъ, а третья—земледѣліемъ, а обитатели болотистыхъ мѣстъ кормились скотоводствомъ,—намъ остается только одинъ живой свидѣтель, который и по прошествіи многихъ вѣковъ даетъ положительныя свѣденія: это народный языкъ. Мы обратимся теперь къ этому свидѣтелю чтобъ онъ вкратцѣ разсказалъ намъ, что онъ объ этомъ знаетъ; потому что, когда Хорваты и Сербы разстались съ остальными братьями на сѣверѣ, то не взяли съ собою ничего, кромѣ единаго драгоцѣннаго сокровища, въ которомъ, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, отражались всѣ жизненныя стяжанія,—это были живыя слова, которыя въ точности доказываютъ, сколько *вещей* зналъ народъ въ то время, какъ онъ отдѣлился отъ тѣхъ, съ кѣмъ вмѣстѣ онъ создавалъ эти слова.

Достаточно будетъ, если мы помимо скотоводства и пищи, имъ доставляемой, упомянемъ о томъ, что славянскіе языки особенно богаты выраженіями, относящимися къ отдѣльнымъ случаямъ пастушеской жизни; это служитъ вѣрнымъ доказательствомъ того, что славяне издавна уже занимались скотоводствомъ съ бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ ихъ издревле ближайшіе сосѣди, германцы, которые не такъ богаты подобными выраженіями. Можно сказать и то, что скотоводство у славянъ долѣе пользовалось всеобщимъ уваженіемъ, чѣмъ у германцевъ, занимавшихся болѣе войною и охотою. Сербохорватское слово *skot* соотвѣтствуетъ литов. *skatikas*, означающему *грошъ*, и готск. *skatts*, отъ котораго произошло нынѣшнее нѣмецкое *Schatz*. Но теперь перейдемъ къ земледѣльческой жизни, какъ къ части болѣе существенной; сербохорватскій языкъ хранитъ въ своихъ словахъ древнее свидѣтельство о томъ, что Хорваты и Сербы, пришедши въ новое отечество, принесли съ собой полное знакомство со всѣми главными родами хлѣба, а равно и со способами обработки его. Если сравнимъ слова pšenica, ječam, ovas, raž (rž), proso, то они окажутся вездѣ однѣ и тѣ же: др. болг. пьшеница, русск. пшеница, польск. pszenica, луж. серб. pšenica, чешск. и слов. pšenice; др. болг. ꙗчьмы (осн. ꙗчьмен), русск. ячмень, польск. jęczmień, луж. серб. ječmjen, чешск. ječmen, слов. jačmen; др. болг. овьсъ, русск. овесъ, польск. owies, луж. серб. wows, чешск. и слов. oves; др. болг. ръжь, русск. рожь, польск. reż, луж. серб. rož, чешск. и слов. rež; др. болгар. просо, русск. просо, польск. proso, луж. серб. proso, чешск. и слов. proso. У отдѣльныхъ племенъ общее значеніе слово žito переходитъ еще и въ болѣе тѣсное понятіе о томъ родѣ хлѣба, котораго всего больше имѣется въ данномъ племени, такъ въ Банатѣ до сихъ поръ подъ *житомъ* разумѣется обыкновенно пшеница, въ Хорватіи—просо, въ Россіи, Чехіи и Польшѣ—рожь и т. д. Хлѣбное *зерно* или мололось руками *жерновомъ* (др. болг. жрънъвъ, хорв. серб. žrvanj, польск. žarna, чешск. žernov) или на *мельницѣ* (mlin), изъ чего выходитъ *мука* (мѫка, muka, mąka), изъ которой посредствомъ *дрожжей* (kvas) дѣлалось *тѣсто* (tiesto), а изъ него пекся *хлѣбъ* (hljeb) и *колачи* (kolači): одинаковость словъ служитъ вѣрнымъ доказательствомъ одинаковости производства всего этого у всѣхъ Славянъ. Кромѣ того издавна ихъ любимымъ кушаньемъ была *каша* (kaša), и навѣрное они не презирали

ни *бобовъ* (bob), ни *гороха* (grah), ни *чечевицы* (leća), ни *рѣпы* (repa), ни *лука* (luk), ни *чеснока* (česno) и т. д. Вѣроятно у нихъ были одинаковы всѣ главныя полевыя работы: они *пахали* (orati u brazde) *бороздами*, *сѣяли* (sijati), *жали* (žeti) или *косили* (kositi), вязали *снопы* (vezali u snopove), *молотили цѣпами* (mlatiti cjepovima) на *гумнѣ* (na gumnu), солому складывали въ *стога* (stogove). Вообще говоря, не только было одинаково важнѣйшее орудіе обработки земли—*плугъ*, (plug), но повсюду одинаковы были и его составныя части, какъ-то: gredelj (grządziel, hřídel, грядиль), lemeš, (lemiesz, лемехъ), crtalo (отрѣзъ), plaz (полозъ сохи или плуга), otka (бороздникъ); изъ остальныхъ хозяйственныхъ орудій достойны упоминовенія: *коса* (kosa), *серпъ* (srp), *мотыка* (motika) *лопата* (lopata). Плоды привозились домой на *колахъ*; кромѣ этого общаго слова (kolesa) имѣемъ еще *taljige* (польск. telega чешск. teleha, др. болг. телѣга, русск. телѣга, тележка) и tačke (русск. тачка, польск. taczki, чеш. tačka). Замѣчательно и то, что вездѣ однимъ и тѣмъ же глаголомъ выражается *запряганье* (*zaprezanje* или *podprezanje*) коней (осьлъ подъ телѣгою подъпраженъ др. болг., русск. запрягать, польск. zaprzągać, чешск. zapřáhnouti), какъ и jaram (ярмо, jarzmo, jarmo) для воловъ. Наконецъ извѣстно и то, каково было полевое хозяйство; одни посѣвы съ давнихъ временъ были *яровые*, (jarina, jarzyna, jarica, ярица,) другіе *озимые* (озимь, ozimina), а третья часть поля оставлялась подъ паръ—*na ugaru* (uhor, ugor).

И такъ земледѣліе у древнихъ Хорватовъ и Сербовъ было основою народнаго существованія; оттуда такое множество пословицъ, выражающихъ и донынѣ особое уваженіе къ такому образу жизни. Напримѣръ говорится: плугъ да мотыка свѣтъ кормятъ (ralo i motika sviet hrani). Но постоянныя потребности этой жизни заставляютъ людей заниматься и ремеслами, дающими къ тому средства. Стало быть справедливо, что уже древніе Хорваты и Сербы знали много ремеслъ, удовлетворявшихъ обычнымъ потребностямъ; слѣдуетъ въ этомъ случаѣ обратить вниманіе и на то, что всѣ вещи, которыя, въ строгомъ смыслѣ, относятся къ отдѣльнымъ ремесламъ, дѣлались дома самими членами задруги, какъ еще и донынѣ большая часть домашнихъ потребностей справляется членами семьи. И въ этомъ отношеніи языкъ представляетъ множество доказательствъ: Сербо-хорваты умѣли *тесать* (tesati),

оттуда: tesla, теслица, cieślica), *долбить долотомъ* (dubsti dlietom, dłoto), дѣлать *корыта* (korita) и *обручи* (obruče), *бочки* (bačve) и *кадки* (badnje), дѣлать *кошницы* (koševe), *короба* (kotarice), *сита* и *рѣшета* (sita, rešeta), вырѣзывать *ложки* (žlice, ožice, lžice, łyžka, łžica). Далѣе между ними были люди, которые дѣлали, изъ желѣза различныя вещи, напр. *подковы* (podkove всеславян. слово), потомъ были еще *мѣдники* (kotlári) и *гончары* (loncari, общеупотреб. слово grnac, garniec, hrnec, откуда произошло hrnčiř, garncarz); самымъ же древнимъ искусствомъ было *пряжа* и *тканье* (prelo и tkanje) и тутъ тоже совпадаютъ отдѣльныя выраженія какъ-то: *веретено*, (vreteno, vrzeciono, vřeteno) и *пряслица* (preslica, przęślica, preslice), *станъ*, *кросна* (stan, krosna, krosna-sien), *челнокъ* (čunak, czołnek, člunek), *бердо* (bardo). Тканье даетъ *полотно* (platno, płotno), изъ котораго шьются *кошули* (košulje, koszula, košile) и *гачи* (gaće, gatki) и т. д. Кромѣ полотна дома дѣлалось и *сукно* (sukno), откуда *сукня* (suknja, suknjica и suknjenjača), обыкновенная одежда мужчинъ и женщинъ. Слово же *кожухъ* (kožuh), одинаково извѣстное всѣмъ славянамъ, служитъ доказательствомъ, что они носили и мѣховую одежду. Константинъ Порфирородный упоминаетъ о crevlje (τζερβουλα), какъ объ особомъ родѣ простой обуви; въ южной Далмаціи, и именно въ Дубровникѣ извѣстно и донынѣ слово crevljar; это же слово существуетъ у всѣхъ славянъ.

И такъ вотъ живые свидѣтели того, что Сербо-хорваты ходили одѣтые и обутые, хотя и жили просто, научившись удовлетворять собственною работою всѣмъ своимъ потребностямъ. Съ такимъ образомъ жизни соединена осѣдлая жизнь, которая обыкновенно обозначается словами *станъ* (stan), *домъ* (dom) и *дворъ* (dvor). Уже издавна иностранные историки замѣчали, что славяне обыкновенно живутъ разсѣянно, строя домъ и дворъ среди *баштины* т. е. среди полей; вокругъ двора насаживалось множество деревьевъ, въ особенности плодовыхъ, кое-гдѣ и липъ (lipa), и т. д.; не нужно даже говорить о томъ, что этотъ образъ жизни и донынѣ почти вполнѣ сохранился у Хорватовъ и Сербовъ. Постройка дома того времени вѣроятно мало отличалась отъ нынѣшней: цѣлые вѣка не могли ничего ни прибавить, ни убавить въ образѣ постройки. Слово *куća* (кѫшта) въ старомъ языкѣ означаетъ еще шатеръ, на западѣ же болѣе употребительно нѣмецкое hiža (кажется, что и izba, др. болг. истъба, заим-

ствовано отъ нѣмцевъ); но отсюда не слѣдуетъ выводить заключенія, что славяне не съумѣли бы безъ нѣмцевъ построить дома; всѣ части дома носятъ чисто славянскія названія, какъ-то: *порогъ* (prag, prog), *стѣна* (stiena, sciana), *окно* (okno), *ворота* (vrata, wrota), *двери* (dvari), слѣма (sljeme) и т. д. Самою первоначальною домашнею утварью были, *полки* (polica) и *столъ* (stol). Особенную важность имѣла еще какъ кажется, *печь* (peć) съ просторнымъ *запечкомъ* (zapećek, zapiecek). Но при всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ нельзя отрицать, что древніе Сербо-хорваты мало заботились о домашней жизни, къ которой они склонялись только по неволѣ; еще и нынѣ сельскіе дома немного значительнѣе остальныхъ хозяйственныхъ построекъ, и народное убѣжденіе высказалось въ пословицѣ: kuće koliko te može pokriti, a baštine koliko ti oko vidi. Замѣчательно и то, что не дѣлается большаго различія между жилищемъ человѣка и жилищемъ скота: и *pojata* и *hliev* означаютъ и то и другое, (ср. у Константина *χλεβενα*, др. болг. хлѣвина, нынѣшнее Livno) даже и *kotac* въ пословицѣ: „pleti kotac kao ti i otac“ обыкновенно означаетъ stan, kuća. Поэтому неудивительно, что славянинъ любилъ больше лѣто, чѣмъ зиму, загонявшую его подъ кровлю; поэтому, вмѣсто выраженія *годъ*, онъ избираетъ *лѣто*, а не зиму.

Единогласно признано, что славяне были кромѣ того кротки, любили жить мирно и вели дружбу со своими сосѣдями, пока эти послѣдніе не трогали ихъ: война у нихъ имѣла цѣлью скорѣе оборону своего имущества, нежели стремленіе завладѣть чужимъ. Таковыми были и древніе Хорваты и Сербы: по завоеваніи ими новаго отечества, уже не было слышно, чтобъ они нападали на другихъ; тѣ, которыхъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ такъ страшились авары, сдѣлались вдругъ мирными и кроткими. Поэтому народъ и не зналъ особеннаго военнаго устройства, а при первой надобности, онъ поголовно поднимался на юнацкія ноги, подчиняясь во время войны тѣмъ же самымъ *поглаварамъ*, которыхъ они почитали въ мирное время. Еще и донынѣ слово *vojska* имѣетъ двоякое значеніе: оно обозначаетъ дружину или домашнюю челядь и войско. Даже и жена называла своего мужа: *vojno*. Обыкновеннымъ оружіемъ были *копье* (koplje, kopia, kopí) и *сулица* (sulica, sudlice), потомъ *стрѣла* (striela, strzała, střela), откуда глаголъ *стрѣлять* (strieljati,

Strzelać, střileti) въ общемъ значеніи этого слова; *мечъ*(mač) и *щитъ* (štit), отъ котораго получили названіе многія мѣстности, какъ-то: štitarina, šćitarjevo и т. д., что произошло отъ štitar, мастера, дѣлающаго щиты.

Еще очень многое можно бы было сказать о матеріальной сторонѣ жизни древнихъ Хорватовъ и Сербовъ на первыхъ порахъ ихъ исторіи, но такъ какъ это не составляетъ главной задачи этой книги, то мы скажемъ теперь кое-что о ихъ моральномъ и интеллектуальномъ развитіи. Сербо-хорваты пришли на югъ язычниками, но вскорѣ приняли христіанство, сохранивъ однако надолго нѣкоторые языческіе обычаи, слѣды которыхъ и теперь еще находятся отчасти въ народныхъ сказаніяхъ, а отчасти и въ самой жизни.

Есть историческія свидѣтельства, что славяне вѣровали въ единаго, всевышняго Бога; самое слово Богъ значитъ собственно opulentus и venerabilis; какъ и до нынѣ вмѣсто *дьявола* употребляется слово nečastivi, такъ и слово častivi (venerabilis) сдѣлалось общеупотребительнымъ эпитетомъ того понятія, которое по латински выражается словомъ deus. Важно то, что славянскому слову *bog* по значенію вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-персидское *baga*. Какъ этотъ всевышній богъ назывался именно у древнихъ Хорватовъ и Сербовъ, теперь неизвѣстно. Путемъ сравнительной миѳологіи доказано, что древне-индѣйскому *varuna*, греческому *οὐρανός*, соотвѣтствуетъ славянское *сварогъ*, о которомъ говорится въ древнихъ русскихъ памятникахъ, что онъ первый владѣлъ свѣтомъ, а за нимъ слѣдовалъ сынъ его *солнце*; но до сихъ поръ у Сербо-хорватовъ не встрѣчалось ни малѣйшаго слѣда этого названія. Изъ народныхъ сказаній и пѣсенъ видно только, что древніе Хорваты и Сербы почитали какое-то божество, которое управляло *молніями* и *громами*, о которыхъ часто упоминается какъ о *живыхъ*. (Ср. Вук. Ср. нар. пjесме. I. 230, 231). Нѣтъ сомнѣнія, что и солнцу, и мѣсяцу, и вѣтрамъ и т. д. оказывались божескія почести, но какія именно неизвѣстно; въ народныхъ пѣсняхъ упоминается о женитьбѣ солнца и мѣсяца, о солнцевой сестрѣ и матери, говорится кое-что о живомъ огнѣ и т. д. У русскихъ такимъ громовникомъ былъ богъ Перунъ, и нѣкоторые думаютъ, что единственный слѣдъ этого слова сохранился у Сербо-хорватовъ въ словѣ *perunika*, обозначающемъ цвѣтокъ (iris), который иначе еще называется bogiša; если первое изъ этихъ

словъ произошло отъ *Перунъ*, а второе отъ *богъ*, то это очень важно и уже никакъ не есть дѣло простаго случая. Во всей природѣ господствуетъ какой-то дуализмъ добра и зла; а такъ какъ олицетвореніе естественныхъ силъ, служащее источникомъ каждой миѳологіи, допускаетъ на ряду съ однимъ всевышнимъ богомъ и множество другихъ, и высшихъ и нисшихъ, то и у древнихъ Хорватовъ и Сербовъ были одни боги добрые, а другіе злые; въ народныхъ пѣсняхъ упоминается еще о богѣ *старомъ крвникѣ* (o starom krvniku), а въ пословицахъ говорится: „teško u.ıu skupo и т. д. *do zla boga*. Такой злой богъ вкратцѣ былъ названъ *бѣсомъ* (bies) и могъ различно вредить человѣку. онъ могъ напр. вселиться въ него, почему и говорится: „Bies u o u njega" или „pobiesnio kao da je nagazio na sugreb"; есть повѣрье, что если кто ступитъ на кучу земли (sugreb) и не плюнетъ на нее, то на немъ высыпетъ оспа или *boginje*, что̀, кажется, также находится въ связи съ злымъ богомъ, какъ и болѣзнь bič božji и т. д. Изъ отдѣльныхъ боговъ только сохранились еще подробно неизслѣдованныя имена: *Лада* (Lada), *Лелъ* (Leljo), *Даворъ* (Davor); въ старинныхъ пѣсняхъ упоминается какой-то стихъ: „Hoja, Lero, Dolerije; это были вѣроятно имена божественныхъ существъ. Намъ болѣе извѣстны *Вилы* (vile) и кое-гдѣ еще упоминается о *дивахъ* (o divovih—великанахъ); въ нар. пѣсняхъ (Вук. II .8.) упоминается *дивска планина* или гора съ пещерою въ которой было *седемдесет дивах*. Къ этимъ послѣднимъ очень подходятъ драконы, о которыхъ такъ живо напоминаетъ народное преданіе и которыхъ оно ставитъ въ весьма тѣсную связь съ людьми, въ особенности съ женщинами. Есть и еще другія божественныя творенія нисшаго разряда. какъ-то: *суженицы* (sudjenice) и *роженицы* (rodjenice) или *усудъ* (usud-судьба) и *срећа* (sreća-счастье): счастливая судьба являлась человѣку въ видѣ красивой дѣвушки, прядущей золотую нитку, а несчастная—подъ видомъ старой дѣвы. Человѣкъ находился въ полной власти боговъ, которые являлись ему подъ различными видами, иногда къ его счастью, а иногда и къ несчастью; ихъ могущество такъ велико, что они могутъ измѣнить даже наружность человѣка или при жизни, или послѣ смерти: оттуда происходятъ *волкодлаки* (vukodlaci), *вѣдогони* (vjedogonje), *мойры* (more) и *вѣштицы* (vještice-вѣдьмы). Есть повѣрье, что человѣческая душа, покинувъ тѣло, вылетѣвъ изъ него, скитается по свѣту и тер-

пить различныя мученія, пока совершенно очистится; народъ и донынѣ еще говоритъ: „klati se kao kriva duša". И тѣло могло нѣсколько разъ возвращаться изъ гроба, о чемъ и поется въ народной пѣснѣ, гдѣ сестра спрашиваетъ брата: „što si tako brate potavnjeo, baš kan da si pod zemljicom bio? „что ты такъ почернѣлъ братецъ? или ты былъ подъ землей?" и то былъ дѣйствительно братъ, вставшій изъ гроба и пришедшій къ сестрѣ. Вѣроятно поэтому и приносили пищу на могилы, о чемъ и напоминаетъ обычай *дружичала* (družičalo).

Сербо-хорваты, будучи еще язычниками, были очень набожны; они оказывали большое уваженіе своимъ богамъ. Въ связи съ набожными обрядами находились и народные праздники и игры; по такому множеству различныхъ народныхъ обычаевъ, удержавшихся и до нынѣ и касающихся большею частью весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ полевыхъ работъ, легко угадать и ихъ характеръ: ни одно торжество не проходило, конечно, безъ пѣсенъ и игръ, безъ цвѣтовъ и вѣнковъ. Извѣстный югославянскій народный музыкальный инструментъ *гусли* (gusle) существуетъ не нѣсколько вѣковъ, но принадлежитъ самой глубокой древности, потому что gusle—слово обще-славянское. Есть причина думать, что еще у древнихъ Сербо-хорватовъ процвѣталъ миѳологическій эпосъ; нѣкоторые слѣды его сохранились въ народныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ Всѣ пѣсни на различные случаи, которые нынѣ поются только по обычаю, какъ-то: *свадебныя, кралицкія, додольскія, колядныя, посидѣночныя и игровыя*, нѣкогда были, безъ сомнѣнія, полны религіознаго значенія, къ которому нынѣ примѣшались кое-гдѣ и христіанскія идеи: оттуда *громовникъ* Илья, *огненная* Марія и т. д. Что касается мѣстъ, которыя избирались для поклоненія богамъ, то для этого преимущественно, должно быть, выбирали рощи и холмы, возвышенныя мѣста и источники; ср. напр. *Вилино гумно* (vilino gumno) на вершинѣ горы около Будвы, *Верзино коло* (vrzino kolo) на вершинѣ Велебита и т. д. О древнемъ словѣ, обозначающемъ жертвенникъ, сохранилось воспоминаніе въ географическихъ названіяхъ, какъ-то: Требинья и Требинье, Требовецъ, Требежъ Требарьево и т. д. Богослуженіе производилъ, вѣроятно, старѣйшина дома (djed, knez); теперь уже неизвѣстно, какіе праздники были самыми главными, но извѣстно или, по крайней мѣрѣ, предполагается, что религіозно-народные праздники находились въ близкой связи съ жизнью природы. Яснымъ доказа-

тельствомъ тому служать также очень нѣжныя имена, которыми древніе Сербо-хорваты надѣляли луну и которыя свидѣтельствують о ихъ тонкомъ пониманіи всѣхъ явленій природной жизни, что и не могло быть иначе у земледѣльческаго народа, каковымъ были древніе славяне.

Моральное положеніе Сербо-хорватовъ основывалось на прочныхъ основаніяхъ семейной жизни, которая сильно развилась у всѣхъ славянъ еще до ихъ раздѣленія на особыя народности. Уже доказано, что славянскіе языки, и въ особенности сербо-хорватское нарѣчіе, превзошли множество другихъ языковъ и въ особенности сосѣдній нѣмецкій,—въ тонкомъ различіи отдѣльныхъ степеней родства. Гдѣ для каждаго члена семьи его постоянное мѣсто обозначалось отдѣльнымъ названіемъ, тамъ—уже навѣрное можно сказать—семья была хорошо устроена и въ моральномъ отношеніи. Святость семьи удержалась въ народномъ сознаніи и донынѣ, что доказывается сотнями примѣровъ. Нельзя и думать, чтобъ древніе Хорваты и Сербы приняли такъ охотно христіанство, еслибъ ихъ прежняя жизнь, и именно ея моральная сторона, не предрасполагала ихъ къ новой вѣрѣ. Если сопоставить множество народныхъ обычаевъ, имѣющихъ важное значеніе при моральной оцѣнкѣ, то нетрудно будетъ отличить обще-христіанское отъ частно-народнаго: тогда легко будетъ опредѣлить, какія добродѣтели и недостатки были древне-славянскими и какія внесло съ собою христіанство. Сюда относятся вопросы: объ отношеніяхъ жены къ мужу, дѣтей къ родителямъ, братьевъ между собою, объ уваженіи младшихъ къ старшимъ, о дружбѣ и побратимствѣ; сюда же относится понятіе Сербо-хорватовъ о законѣ, правдѣ и судѣ, о присягѣ или клятвѣ и мести, и, наконецъ, сюда же принадлежитъ и ихъ извѣстное гостепріимство. Со временемъ о всѣхъ этихъ свойствахъ древнихъ Хорватовъ и Сербовъ можно будетъ сказать болѣе чѣмъ сообщаютъ объ этомъ Прокопій, Маврикій, Левъ Мудрый и Константинъ Багрянородный, хотя пріятно слушать и ихъ свидѣтельства, подтверждающія нѣкоторые важные факты. Такъ у Прокопія читаемъ, что славяне не злобны и не лукавы, но откровенны, ведутъ простую жизнь и привыкли переносить большія стѣсненія и невзгоды; Маврикій прибавляетъ къ этому, что они *страннопріимны*, что никто у нихъ не смѣетъ оскорбить святость гостепріимства и что ихъ женщины стыдливы и вѣрны мужьямъ. Тѣ же

историческія свидѣтельства подтверждаютъ и сказанное выше объ ихъ любви къ житью порознь, о междуусобныхъ несогласіяхъ и непокорствѣ („никто не хочетъ покориться другому“, говоритъ Маврикій).

Лучшимъ мѣриломъ интеллектуальнаго состоянія народа служитъ письмо, это открытіе человѣческаго духа, которымъ ему удалось установить вѣчное движеніе „крылатыхъ“ мысли и слова и овладѣть предѣлами пространства и времени. Много духовной силы требуется уже и на то, чтобъ мысли, высказываемыя на словахъ, облечь въ извѣстные символическіе знаки (фигуративное письмо), но еще болѣе ея требуется на то, чтобъ столь членораздѣльную человѣческую рѣчь разложить на отдѣльные звуки и каждому изъ нихъ дать свой знакъ. Это на столько трудная задача, что всѣ индоевропейскіе народы предполагаютъ, что первоначально было только одно письмо и что народы въ различныя времена перенимали его другъ у друга и приспособляли его къ организму своего языка. Европейскіе народы взяли въ основаніе для своего письма старую греческую азбуку, которая уже въ глубокой древности была извѣстна не только сѣвернымъ обитателямъ Балканскаго полуострова и италійскимъ народамъ, но была даже, посредствомъ торговыхъ и другихъ сношеній, занесена на европейскій сѣверъ, къ славянамъ и германцамъ. Оттуда и произошли, какъ предполагаютъ, германскія *руны* и славянскія *черты* и *рѣзы*. Туземное свидѣтельство черноризца Храбра говоритъ о южныхъ славянахъ, что они чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ погани сѫще“. Хотя это свидѣтельство касается прежде всего только болгарскихъ славянъ, но нѣтъ никакой причины къ его измѣненію, если мы его примѣнимъ и къ древнимъ Хорватамъ и Сербамъ. Поэтому Сербо-хорваты, будучи еще язычниками, имѣли уже извѣстный родъ письма, которое впрочемъ было не дѣйствительнымъ достояніемъ всего народа, а таинственнымъ преимуществомъ меньшинства избранныхъ людей, которыхъ народъ именно за это и считалъ *вѣщими* (vieštac), *врачами* (vrač) и *гадателями* (gatar), а они безъ сомнѣнія поступали такъ, какъ будто были во всемъ этомъ свѣдущи. Оба эти слова, *чрьта* (отъ кор. črt, ср. кор. krt въ значеніи: caedere, scindere, incidere) и *рѣза*, (отъ кор. rez: saecare) достаточно ясны и стоятъ въ тѣсной связи со способомъ, которымъ производились эти таинственные знаки: ихъ *вырѣзывали* боль-

шею частью на деревѣ (доскахъ), а иногда, вѣроятно, и на камнѣ, мѣди и т. д. Труднѣе узнать, каковы были эти знаки и на сколько они походили на тѣ, которые мы теперь зовемъ письменами; черноризецъ Храбръ говоритъ только, что славяне „прѣжде не имѣхѫ кънигъ" (письменъ); это значитъ, что они свои *черты* и *рѣзы* употребляли не такъ, какъ употребляются обыкновенныя письмена, но онъ не говоритъ ничего о томъ, что они ихъ не хотѣли или не могли такъ употреблять; интересно бы узнать, къ какому разряду германскихъ рунъ подходили славянскія черты—къ старымъ ли рунамъ, которыя германцы употребляли только при бросаньи жребія и *гаданіяхъ*, или къ позднѣйшимъ норманскимъ и англосаксонскимъ, которыя можно уже считать за настоящія письмена. По всѣмъ соображеніямъ *черты* были похожи на первыя изъ вышеупомянутыхъ рунъ, потому что тотъ же черноризецъ Храбръ говоритъ, что славяне нѣкоторое время послѣ принятія христіанства, т. е. до появленія Кирилла философа, писали на славянскомъ языкѣ греческими и латинскими буквами, и нѣтъ причины думать, что они не воспользовались бы своими чертами и рѣзами, еслибъ эти послѣднія были приспособлены къ письму. Что касается собственно древнихъ Хорватовъ, то есть еще замѣчательное, но очень неясное свидѣтельство Константина Порфиророднаго, въ которомъ разсказывается, какъ они условливались съ римскимъ престоломъ и, подавъ ему *письменное обязательство*, поклялись св. Петромъ никогда не вторгаться въ чужія земли съ оружіемъ въ рукахъ. Къ несчастію Константинъ Порфирородный не предполагалъ, что чрезъ тысячу лѣтъ славяне заинтересуются этими его словами, иначе онъ выразился бы яснѣе о томъ, каковы были эти письменныя обѣщанія, на какомъ языкѣ и какимъ письмомъ они были написаны; теперь же изъ его свидѣтельства нельзя рѣшительно ничего заключить.

Теперь нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что во время разселенія народовъ, въ V—VII вѣкахъ, славянскія нарѣчія въ главномъ относились другъ къ другу также какъ и нынѣ, и что, стало быть, Сербо-хорваты, переселившіеся на югъ, отличались отъ остальныхъ славянъ, какъ особенное племя. Различіе состоитъ не въ имени: извѣстно, что на сѣверѣ и позднѣе были Хорваты и Сербы, которые не имѣли съ южными ничего общаго кромѣ имени,—но различіе состоитъ въ нарѣчіи, о которомъ замѣтимъ, что въ концѣ доисториче-

ской эпохи оно было, въ главныхъ чертахъ, также развито, какъ и нынѣ. Главныя черты заключаются не въ отдѣльныхъ формахъ и словахъ, которыя появляются и исчезаютъ, а въ нѣкоторыхъ постоянныхъ законахъ, которые имѣютъ такую власть надъ языкомъ, что имъ покоряется каждое слово и каждая его форма во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ быть примѣненъ такой законъ. Чѣмъ болѣе собрано подобныхъ главныхъ признаковъ нарѣчія, тѣмъ яснѣе характеръ языка и тѣмъ легче отыскать подобающее ему мѣсто между родственными. При всемъ прогрессѣ науки до сихъ поръ еще не достигнуто единогласныхъ результатовъ въ томъ, какъ бы слѣдовало раздѣлить славянскія нарѣчія по ихъ относительному сродству; потому что еще недостаточно изслѣдованы ни настоящая, ни прошлая жизнь отдѣльныхъ нарѣчій. На славянскомъ югѣ кромѣ Хорватовъ и Сербовъ живутъ еще два племени: Словенское на западѣ и Болгарское на востокѣ. Нѣкоторые полагаютъ, что славяне VII-го вѣка, до прихода Хорватовъ и Сербовъ, составляли одинъ большой народъ, простиравшійся на западъ до Триглава (Хорутане), на сѣверъ до Дуная (паннонскіе Славяне), на югъ и востокъ до Балкана и Чернаго моря (Болгары); что эта народная связь была разорвана сначала приходомъ Хорватовъ и Сербовъ, а потомъ вторженіемъ Мадьяръ въ паннонскія равнины. По этому мнѣнію нынѣшніе Словенцы были бы одною, именно западною группою прежняго славянскаго народа, а Болгары—другою, восточною. Другіе же напротивъ думаютъ, что славяне Хорутанскіе и Болгарскіе никогда не были въ такомъ близкомъ сродствѣ и, ссылаясь на единственный драгоцѣнный остатокъ древней (Хорутанской) словянщины и сравнивая его съ дѣйствительной древне-болгарскою славянщиною, доказываютъ, что уже съ X-го вѣка и раньше словенское нарѣчіе было во многомъ ближе и среднѣе съ хорватско-сербскимъ языкомъ, чѣмъ съ болгарско-славянскимъ. За послѣднее мнѣніе существуетъ, кажется, болѣе доказательствъ чѣмъ за первое, поэтому и мы здѣсь его придержимся и скажемъ, что Сербы и Хорваты вмѣстѣ съ Словенцами имѣютъ полное право считаться южными славянами, самыми сродными между собой уже съ древнихъ временъ. Ихъ языкъ VII-го вѣка вполнѣ схожъ съ древне-болгарскимъ нарѣчіемъ, отличаясь во всемъ извѣстнымъ богатствомъ и лексикальнымъ и грамматическимъ; только въ фонетикѣ онъ имѣлъ свои особенности. Напр. отъ

ризмовъ уже и тогда оставалось мало слѣдовъ; даже словенское нарѣчіе (которое впрочемъ именно въ этомъ отношеніи наиболѣе отличается отъ хорватскаго и сербскаго), выговаривало древне-болгарскіе носовые ѫ и ѧ послѣдовательно какъ только ô и ê, гораздо рѣже какъ *он* и *ен*; полугласная была только одна, да и та выговаривалась невнятно, а мѣстами даже и нынѣ переходитъ въ *а* и *е*; древне-болгарское двугласное ѣ уже тогда выговаривалось какъ *і* и какъ *е*,— у Словенцовъ и Сербовъ преобладалъ выговоръ на *е*, у Хорватовъ—на *і*, какъ у Южноруссовъ; иногда еще слышалось невнятное *й* или *у*, но оно смѣшивалось уже и съ простымъ *і*; вмѣстѣ съ гласнымъ *r* существовало также гласное *l*, но въ концѣ слова *l* еще не переходило въ *ио*; вмѣсто др. болг. шт, происшедшаго изъ *tj*, и древніе и нынѣшніе Сербохорваты говорили ć (ћ); у Словенцевъ, какъ и у Русскихъ оно замѣнялось звукомъ č; также и др. болг. жд, когда оно происходитъ изъ *dj*,—Хорваты и Сербы замѣняли нынѣшнимъ *dj* (ђ-*gj*), или еще болѣе тонкимъ звукомъ—чистымъ *j*, что и нынѣ слышится у извѣстной части Хорватовъ и у Словенцевъ; согласное *h* выговаривалось рѣзко, а не такъ, какъ нынѣ, когда его почти не слышно, и т. д.

Если сопоставимъ всѣ эти признаки югославянскаго языка отъ древнѣйшихъ временъ и поищемъ ихъ родственниковъ въ славянскомъ мірѣ, то вообще окажется, что по своимъ свойствамъ этотъ языкъ долженъ быть въ нѣкоторой степени отнесенъ въ средину узла Карпатскихъ горъ, гдѣ сходятся и расходятся славянскія нарѣчія: польское, малорусское и великорусское; ктому же извѣстно, что именно гдѣ-нибудь здѣсь и было прежнее отечество южныхъ славянъ, а именно Сербовъ и Хорватовъ.

II. Крещеніе и первыя столкновенія съ Греческо-римскимъ міромъ.

Земли, въ которыя переселились Хорваты и Сербы, находились въ то время подъ властью византійскихъ императоровъ и подъ церковнымъ управленіемъ Рима. Обѣ эти власти, свѣтская и духовная, позаботились съ самаго начала принудить пришельцевъ къ признанію двоякаго подчиненія: государственной власти византійскаго императора и церковной власти Папы. Хорваты и Сербы согласились на оба эти тре-

бованія: они признали надъ собой вышеупомянутую свѣтскую власть и охотно приняли Христіанство, принесенное къ нимъ съ запада, римскими проповѣдниками. Благодаря безсилію византійскаго двора, признаніе первой власти не имѣло почти никакихъ послѣдствій для народной жизни Сербо-хорватовъ: слабые императоры не могли ни противустоять имъ, ни защищать ихъ въ случаѣ нужды, какъ это вскорѣ и оказалось, когда начались кровавыя столкновенія между хорватскимъ народомъ и нѣмецкимъ (франкскимъ) владычествомъ. Но тѣмъ удивительнѣе, что второе, очень важное, событіе въ жизни народа, совершилось такъ мирно и тихо, что мы почти ничего не знаемъ о немъ. Впрочемъ кажется, что новое ученіе въ ту пору еще не пустило глубокихъ корней.

Кромѣ этихъ двухъ событій, о которыхъ упоминается въ исторіи, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о жизни Хорватовъ и Сербовъ въ первое и послѣдующее столѣтіе послѣ ихъ переселенія: какъ будто послѣ большихъ усилій ими овладѣлъ тяжелый сонъ отдохновенія. Въ самомъ концѣ VIII-го вѣка совершились замѣчательныя перемѣны. Сильное государство франковъ, уничтожившее лонгобардское королевство въ Италіи (774) и, съ помощью славянъ, аварское владычество въ Паннонія (796), приблизилось съ двухъ сторонъ къ хорватской землѣ, съ запада и съ сѣвера. Тягостнымъ послѣдствіемъ этого сосѣдства было то, что почти обѣ Хорваціи, и паннонская и далматинская, подпали подъ нѣмецкое владычество (около 800 г.) Такимъ образомъ безжалостная судьба раздѣлила на первый разъ единокровныхъ братій: Хорваты подпали подъ власть нѣмцевъ, а Сербы остались подъ слабымъ греческимъ владычествомъ. Періодъ нѣмецкаго владычества надъ хорватскимъ народомъ, продолжавшійся всего около 30 лѣтъ, 800—830, и ознаменованный геройствомъ Людевита посавскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и домашними несогласіями между великимъ жупаномъ далматинскимъ и посавскимъ,—былъ во многихъ отношеніяхъ замѣчателенъ въ народной жизни древнихъ Хорватовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время, по настоянію римскаго и франкскаго духовенства, было снова введено христіанство между хорватскимъ народомъ. Даже императоръ Константинъ говоритъ, будто Хорваты, послѣ семилѣтней борьбы освободившись отъ нѣмецкаго ига, сами посылали въ Римъ пословъ къ папѣ, чтобъ онъ далъ имъ духовныхъ пастырей,

которые бы ихъ снова крестили и поучали въ вѣрѣ. Правда-ли это или нѣтъ, всетаки можно навѣрное сказать, что въ началѣ IX-го вѣка большинство хорватской Далмаціи снова присоединилось къ христіанству. Сюда же относится преданіе о набожномъ Мартинѣ, который пришелъ къ Хорватамъ откуда-то изъ франкской земли, и больной и хромой, велѣлъ носить себя между народомъ, уговаривая его держать свято данный когда-то папѣ обѣтъ жить въ мирѣ съ своими сосѣдями. Разсказывается, что народъ почиталъ его великимъ чудотворцемъ. То же самое можно сказать и о паннонской Хорватіи, которая — въ особенности пока она находилась подъ франкскимъ владычествомъ — не только граничила, но и находилась въ тѣсной связи съ паннонскими славянами, о крещеніи которыхъ именно въ то время сильно заботилось нѣмецкое духовенство; и такъ нѣтъ причины думать, что оно не бывало и по ту сторону Дравы, тѣмъ болѣе, что есть на это историческія свидѣтельства.

Каждый знаетъ, что расширеніе западнаго христіанства въ средніе вѣка означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ расширеніе латинскаго языка и латинской науки. И такъ Христіанство, принятое отъ Рима или отъ Франковъ, опредѣляло уже извѣстное направленіе духовной жизни Хорватовъ. Историческія свидѣтельства доказываютъ, что уже во время франкскаго владычества, а также и послѣ, постоянно обращалось вниманіе на распространеніе знанія латинскаго языка между Хорватами; въ большихъ городахъ, епископскихъ резиденціяхъ и при монастыряхъ были устроены латинскія школы; а на сплитскомъ церковномъ соборѣ, бывшемъ въ 924 г. въ присутствіи короля Томислава и многихъ хорватскихъ и сербскихъ магнатовъ, было высказано постановленіе долматинской церкви (глава XIV) о томъ, что вышеупомянутые магнаты должны отдавать въ науку (конечно въ латинскую) своихъ наслѣдниковъ, а равно и своихъ рабовъ (servos). Разумѣется, главною цѣлью было воспитаніе духовенства; для раба этимъ обусловливалась свобода, что и доказывается примѣромъ, приведеннымъ въ сплитской грамотѣ 1080 г., гдѣ Петръ „Zerni qui et Gumay“ разсказываетъ о томъ, какъ онъ купилъ у родителей еще маленькаго ребенка, по имени Злобу, и отдалъ его учиться наукамъ; потомъ онъ даровалъ ему свободу и, пока онъ еще не сдѣлался священникомъ, опредѣлилъ его на службу при церкви, — названіе которой упоминается въ гра-

мотѣ,—съ условіемъ, чтобъ онъ остался тамъ и священникомъ.

Въ этомъ отношеніи церкви были очень полезны далматинскіе города, въ которыхъ тогда еще повсюду господствовалъ римскій элементъ, гордо выставлявшій себя единственнымъ защитникомъ христіанско-латинской образованности. Поэтому въ памятникахъ далматинско-хорватскаго прошлаго постоянно дѣлается различіе между всѣмъ римскимъ или латинскимъ и всѣмъ хорватскимъ или славянскимъ. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ. Въ письмѣ папы Льва VI къ епископамъ далматинскимъ 928 г. городу Сплиту (civitas spalatensis) противополагается хорватская земля (terra Croatorum), и говорится, что папа повелѣваетъ, чтобы сплитскій архіепископъ удержалъ власть и надъ хорватскою землею, потому что иначе его округъ не будетъ простираться далѣе городскихъ стѣнъ (infra muros civitatis). Въ грамотѣ XI вѣка (1080) г. разсказывается, что на торжество освященія какой-то новой церкви собралось множество *сплитчанъ* и *хорватскихъ людей* (Spalatinorum Chroatorumque virorum); а въ другомъ мѣстѣ вышеупомянутой (1080 г.) грамоты упоминается о жалобахъ, принесенныхъ изъ за какихъ-то земель на монастырь св. Петра «de gumai» нѣкоторыми *славянами* и нѣкоторыми *латинами* (quidam sclavi et quidam latini). Въ связи съ этимъ находится и то, что въ древнихъ грамотахъ много разъ упоминается по два названія одного и того же мѣста, изъ которыхъ одно хорватское, а другое латинское; или же какое-нибудь славянское слово объясняется латинскимъ, напр. въ грамотѣ Крешиміра (1071 г.) объясняется латинское названіе *murula* славянскимъ *stenizza* (stênica, a castro latine murula vocitato, sclauonice stenizza); такъ *calametum* объяснено словомъ *tarstenich* (тростникъ) 1145., *petra*—словомъ *brus* 1145., *iedro*—«in velis modum» 1145., *colnich*—«via curri» (kolnik) 1194., *sauod* (zavod)—«circuitus» 1194.; въ грамотѣ Крешиміра 1069 г. упоминается островъ, у котораго вѣроятно не было другаго имени, кромѣ славянскаго *ueru* (vrv?), поэтому о немъ и сказано, что это названіе «просто славянское» (adiacet insula, que in uulgari sclauonico *ueru* nuncupatur) и т. д.

Этотъ народный дуализмъ въ Далмаціи, хотя и ощутительный съ самаго начала, не довелъ однако эти двѣ народности до непріязненныхъ столкновеній. Поэтому пока славянская народность не добыла себѣ духовной опоры, принесенной ей впослѣдствіи апостолами Кирилломъ и Меѳодіемъ,—

все христіанское заодно считалось римскимъ, а отъ варварскаго славянства отворачивались съ горделивымъ презрѣніемъ; тогда и далматинскіе Хорваты мирно покорялись духовной суприматіи римской культуры. Когда же они познакомились съ славянскимъ богослуженіемъ и съ славянскимъ письмомъ, то и въ нихъ пробудилось религіозно-народное сознаніе и они освободились; съ тѣхъ поръ началась борьба, длившаяся цѣлые вѣка и не кончившаяся донынѣ, хотя и принявшая иную форму. Съ этой точки зрѣнія, которая и есть единственно правдивая и вѣрная, мы должны смотрѣть на вопросъ о Славянской литургіи въ Далмаціи не какъ на простой споръ религіознаго характера, но какъ на вопросъ народности и народнаго образованія. Чтобъ легче уразумѣть начало борьбы, о которой мы будемъ говорить ниже, намъ нужно видѣть, каково было направленіе, которымъ шелъ хорватскій народъ ранѣе того времени, какъ онъ былъ потрясенъ этимъ замѣчательнымъ событіемъ въ славянскомъ мірѣ.

Между слабыми слѣдами духовной жизни того времени сохранилась, какъ древнѣйшій литературный памятникъ хорватскаго прошлаго, грамота великаго жупана Терпиміра. По содержанію своему она проникнута хорватскимъ духомъ, хотя и облечена въ чуждую форму и написана латинскимъ языкомъ; написалъ ее человѣкъ вовсе несвѣдущій въ латинскомъ языкѣ, о чемъ слѣдуетъ упомянуть здѣсь, такъ какъ мы желаемъ уловить смыслъ культуры того времени. Но и безъ этого въ ея слогѣ достаточно слѣдовъ славянскаго способа изложенія; въ особенности достойна упоминовенія драматическая живость изложенія, что вполнѣ сходствуетъ съ индивидуализаціею, уже издавна замѣченною въ славянскихъ грамотахъ и законникахъ. По своему содержанію этотъ памятникъ служитъ яснымъ доказательствомъ сильной духовной власти, которую имѣло сплитское архіепископство надъ хорватскимъ народомъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ безусловной къ ней преданности хорватскихъ жупановъ. Дѣло въ томъ, что великій жупанъ или князь (dux) заодно со всѣми своими жупанами выстроилъ монастырь съ церковью и помѣстилъ въ немъ братію (бенедиктинцевъ). По окончаніи этого набожный князь захотѣлъ еще надѣлить церковь необходимою серебряною утварью, но *у него не доставало серебра*. Въ такомъ затрудненіи онъ обратился къ сплитскому архіепископу Петру, и этотъ «милый кумъ» далъ ему взаймы одиннадцать фунтовъ серебра

на слѣдующихъ условіяхъ: чтобъ князь указомъ укрѣпилъ за сплитскою церковью все, что архіепископъ или купилъ для нея на свои деньги, или получилъ въ даръ для нея, все движимое и недвижимое имущество, находящееся въ Лазанахъ (или Лажанахъ; laz, lazi значитъ: terra primum culta, ager novalis) и Тугарахъ (еще и теперь есть такое село въ сплитскомъ округѣ) съ рабами и рабынями (servi et ancillae), по имени Степушъ (stepus), заголь (sagoleo), Хорватинъ (?, Chortino) далѣе, чтобъ онъ укрѣпилъ за той же сплитской церковью,; которая есть метрополія всего пространства до Дунайскихъ береговъ и почти всего королевства Хорватскаго, — всѣ имущества, принадлежащія церкви св. Георгія въ Путалѣ, вмѣстѣ съ кметами и кметицами, чѣмъ эту церковь надѣлилъ при освященіи великій жупанъ (dux) Миславъ. Посовѣтовавшись съ своими жупанами, Терпиміръ не только выполнилъ оба условія архіепископа Петра, но кромѣ того въ придачу отъ себя подарилъ той же сплитской церкви *кусокъ королевской земли* (de regali territorio), и далъ приказъ, чтобъ изъ его имѣнія, по имени Клисъ (Clusan), давалась этой церкви десятина отъ всего урожая, какъ это дѣлалъ его предмѣстникъ Миславъ.

Подъ этой грамотой, кромѣ Терпиміра, подписались еще четырнадцать свидѣтелей: первые пятеро называются *жупанами* и свидѣтелями, одинъ называется *camerarius*'омъ, и свидѣтелемъ, остальные просто свидѣтелями, а двое послѣднихъ свидѣтелей называются *capellani*. Грамоту по приказу князя писалъ «presbyter capellanus» Мартинъ. Имена подписавшихся свидѣтелей — хотя нѣкоторыя изъ нихъ и не ясны — на первый же взглядъ оказываются народными славянскими, какъ-то: *Comicinus* (Komičin?), *Pretilius* (Prêtilo или Prêdilo), *Nemustlus* (Nemysl), *Zarsata* (Zrzota?), *Ozanulus* (Ozrênul?), *Negutia* (Nêgutin), *Zullo* (Sul), *Potecanus* (Potehan). *Zutimuslus* (Sotimysl или Zdimysl?), *Damay* (Domaj или Domoje). Только одинъ жупанъ подписался *Lodovicus*, а трое свидѣтелей духовнаго сана носятъ церковныя имена: Dominicus, Ciprianus и Martinus. Можетъ быть эти четверо и не были Хорваты, хотя по одному только имени нельзя этого утверждать положительно. Слѣдуетъ взять во вниманіе и то, что и въ латинскихъ грамотахъ до самаго XIV вѣка собственныя сербо-хорватскія имена большею частью славянскія, даже и у нѣкоторыхъ священниковъ, въ особенности, можетъ быть, у тѣхъ которые отправляли славянское богослуженіе. Вотъ нѣсколь-

ко тому примѣровъ: въ грамотѣ 1044 г. священникъ (presbyter) *милогой*, —1059 г. священники drago и dragu, и dragoslav, 1072 г. «капелланъ» *budilo*, «клерикъ» *desa*, —1073 г. священникъ *milotêh*,—1076 г. аббатъ *dobronja*, —1080 г. священникъ prodan, dragšan, dobre, vlkonja и vlčina, — 1083 г. «капелланъ» *dragoljub* и т. д. Если въ грамотѣ Терпиміра еще мало признаковъ хорватской народности, то никто не будетъ удивляться этому, если приметъ во вниманіе все вышесказанное о народной жизни въ докирилловскую эпоху, въ которую эта грамота и написана, т. е. въ 852 г., по разсчету Дюмлера и Рачскаго (прежде относили ее къ 837 г.). Позднѣйшія королевскія грамоты, не смотря на то, что онѣ тоже латинскія, какъ и эта,—носятъ на себѣ болѣе народный отпечатокъ и болѣе обильныя доказательства значенія хорватскаго элемента въ Далмаціи, хотя и онѣ, всѣ безъ исключенія, посвящены *церкви* и подтверждаютъ все сказанное нами выше о сильномъ вліяніи римской церкви на хорватское государство. Здѣсь, напр., въ подписяхъ одинъ только *camerarius*, а въ грамотѣ Мутиміра 892 г. ихъ уже трое; въ грамотахъ же 1066, 1069, 1072, 1083 гг. встрѣчается даже вмѣсто латинскаго слова хорватское, именно: *postelnic* (cubicularius). Въ грамотѣ Терпиміра еще не упоминается о другихъ титулахъ, кромѣ трехъ «капеллановъ», одинъ изъ которыхъ и писалъ эту грамоту; въ позднѣйшихъ же грамотахъ, появившихся во время уже большаго развитія, сохранились слѣдующія народныя названія: bravar, dvornik, djed, ključar, podžupan, pristav, šćitonoša, satnik, tepčija, uhrusar, volar, vratar.

Юридическое значеніе этихъ словъ объяснимо только въ связи съ вопросомъ о томъ, каковъ былъ внутренній видъ хорватскаго государства по освобожденіи его отъ нѣмцевъ; но здѣсь не мѣсто разсуждать объ этомъ (См. Rački: Odlomci, str. 91—162). Намъ достаточно знать, что въ этомъ отношеніи хорватскій народъ усвоивалъ себѣ тогдашнія римско-франкскія формы болѣе чѣмъ направленіе нравственное. Эпоха нѣмецкаго владычества имѣла для государственной жизни Хорваціи ту важность, что близко познакомила ее съ франкскою формою правленія, которая и внесла съ собой множество чуждыхъ, неизвѣстныхъ дотолѣ отношеній. Само собою разумѣется, что вслѣдствіе этого народныя, по происхожденію чисто славянскія, учрежденія пришли въ антагонизмъ съ учрежденіями чуждыми, византійско-франкскими; результатомъ чего было

то, что народныя названія обыкновенно сохранялись, хотя на нѣкоторое время, хотя и не вполнѣ выражали юридическое, прежнее значеніе. Такъ, напримѣръ, упомянемъ, что и послѣ франкской эпохи титулъ жупана имѣлъ тоже значеніе, какъ и прежде; но нельзя не допустить, что впослѣдствіи понятіе о званіи и юридическомъ отношеніи жупана къ князьямъ, а впослѣдствіи къ королямъ, существенно измѣнилось. Жупаны вступали въ болѣе тѣсныя отношенія къ своимъ главамъ (князьямъ, королямъ); они были скорѣе подданные и «слуги» короля, чѣмъ его собратья, и болѣе походили на германскихъ comites и grafiones, чѣмъ на прежнихъ славянскихъ жупановъ—народныхъ старѣйшинъ. Это доказывается богато развитою системою придворныхъ титуловъ, построенною по нѣмецкому образцу (какъ у Сербовъ по греческому), въ которой упоминаются почти одни жупаны. Есть жупаны придворные или *dvorniki* (jupanus palatinus 892, впослѣдствіи comes curialis 1069), жупаны *коморные* или postjelniki (jupanus camerarius 892), жупаны peharniki (jupanus pincernarius 892), жупаны volari (jupanus cavallarius 892), жупаны oružniki и štitonoši (jupanus armiger, jupanus macchecharius 892). Трудно повѣрить, чтобъ эти жупаны были также могущественны и независимы, какъ прежніе, которые слушались и не слушались своихъ великихъ жупановъ. Можетъ быть, имѣетъ значеніе и то, что грамота Крешиміра, говоря о магнатахъ королевства, упоминаетъ о жупанахъ и comites (cum nostris iupanis, comitibus atque banis); кажется что тутъ дѣлается различіе между жупаномъ и comes и что титулъ comes'а ниже титула жупана; можно предположить, что жупаны существовали уже издавна, а comites были еще вновѣ при дворѣ. Слѣдуетъ упомянуть и о томъ, что въ позднѣйшихъ грамотахъ (напр. въ грамотахъ короля Свиниміра) народное слово жупанъ почти вовсе не упоминается, а всюду говорится comites, можетъ быть потому, что все болѣе и болѣе исчезалъ славянскій характеръ этого титула.

Измѣненіе отношеній жупановъ къ князьямъ затрогиваетъ, конечно, и вопросъ о *племствѣ*, которое тогда же начало извращаться по чуждому образцу, на неславянскомъ основаніи. Славянское *племство* развилось изъ *племени* (pleme—родъ), что показываетъ и самое названіе; а племя есть ничто другое какъ расширившееся семейство (братство), что встрѣчается еще и теперь у черногорцевъ. Если, съ теченіемъ времени, нѣкоторыя фамиліи превосходили другихъ богатствомъ

и имуществомъ, то изъ нихъ вѣроятно и выбирались жупаны—они-то и суть самые древніе *племичи* (дворяне). Такія болѣе состоятельныя семейства встрѣчаются уже въ самыя древнія времена; ихъ число и другія ихъ обстоятельства намъ близко неизвѣстны. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше племство распадается и разграничивается смотря по силѣ и значенію, и уже во времена хорватской самостоятельности (въ X—XI в.) имѣлось нѣсколько различныхъ, высшихъ и нисшихъ племичей, которые въ латинскихъ грамотахъ называются различными именами. Самое обыкновенное дѣленіе цѣлаго народа, конечно, на *племичей* и *неплемичей* (nobiles, ignobiles); въ грамотѣ 1080 г. упоминаются имѣнія *племенитыхъ* Хорватовъ (de nobilibus chroatensis) и *неплеменитыхъ* (et ignobilibus); что къ племенитымъ людямъ принадлежали не одни жупаны, видно изъ того, что король Свиниміръ въ 1078 г. приглашаетъ своихъ жупановъ и другихъ племичей (meorum comitum aliorumque nobilium); это обозначаетъ, что кромѣ жупановъ были и другіе племичи. Болѣе могущественные племичи называются въ грамотахъ слѣдующими общими именами: первенцы (prvenci) народа (primates populi, 892), великаши (магнаты, proceres 926, 928), князья (knezove) королевства (principes regni 1069), въ одной грамотѣ Свиниміра упоминается даже о баронахъ; нисшіе племичи, такъ называемые *властеличичи* (vlasteličići), именуются просто «nobiles», или, какъ въ одной грамотѣ «potentioli». Вопросъ о томъ, каковы были права и обязанности всѣхъ племичей вообще, еще подлежитъ болѣе подробному изслѣдованію: данныхъ и теперь уже находится довольно въ современныхъ грамотахъ, и ихъ окажется еще больше, если внимательно будутъ пересмотрѣны архивы далматинскихъ городовъ.

Древнихъ славянъ хвалятъ за то, что они не знали рабства въ смыслѣ средневѣковыхъ народовъ, т. е. что одна часть людей была лишена всякой свободы и считалась вещью, которою собственникъ ея можетъ распоряжаться по своей волѣ. Плѣнниковъ, взятыхъ во время войны, они—говорятъ—тоже не любили удерживать у себя, а охотно отпускали ихъ на свободу или домой. Мы должны замѣтить, что этотъ прекрасный славянскій обычай былъ и исчезъ у Хорватовъ послѣ франкской эпохи. Уже вышеупомянутая грамота Терпиміра, этотъ первый туземный памятникъ, упоминаетъ о рабахъ и рабыняхъ (servi и ancillae), но должно сказать, что это не

были рабы въ строгомъ смыслѣ римско-германскаго права, но это были только кметы; при томъ такое рабство не лежитъ въ основѣ домашней славянской жизни, а было введено и принято хорватскими правителями и учителями извѣстной поры. Хотя нельзя думать, чтобъ уже въ эту эпоху (въ IX—XI в.) феодализмъ усилился до того, что не было бы вовсе свободныхъ поселянъ; но было бы также ослѣпленіемъ отрицать существованіе юридическаго рабства. Грамоты, эти самые вѣрные свидѣтели, положительно доказываютъ намъ, что въ то время у Хорватовъ были: вопервыхъ *свободные поселяне*, т. е *задружныя семьи* съ полною поземельною собственностью, за которую платилась извѣстная дань; конечно, собственникъ могъ продать такую собственность; потомъ были *кметы* (kmet), люди несвободные только потому, что земля, на которой они жили и которую обработывали, считалась собственностью или короля, племичей, или церкви; наконецъ были *рабы* (rab), которыхъ можно было покупать, продавать, дарить и замѣнять какъ всякую другую вещь.

Хорватско-Сербскій народъ, какъ вообще всѣ славяне, всегда походилъ въ своей жизни больше на тонкую зеленую вѣтку, чѣмъ на толстый стволъ дерева, и его можно было всячески завивать и сгибать, но нельзя было сломить; онъ всегда уступалъ чуждому вліянію, но никогда вполнѣ не отдавался ему; надъ нимъ проносились страшныя бури и мятели, но онъ не сломился и не погибъ.

III. Кириллъ и Меѳодій; борьба за славянство.

Въ то время, какъ хорватскій народъ уже чувствовалъ тяготѣніе могущественнаго франкскаго государства, которое своими церковными и государствеными учрежденіями втягивало хорватскій народъ въ кругъ западно-европейскихъ народовъ и ихъ латинской культуры, — юговосточный, Сербскій край былъ защищенъ отъ иноземныхъ вліяній и жилъ при своихъ старыхъ нравахъ и обычаяхъ; поэтому о немъ въ то время почти ничего не было извѣстно. Отъ VIII до XI-го в. на западѣ гораздо больше проявляется народныхъ силъ и жизни, чѣмъ на востокѣ; въ древней исторіи Сербско-хорватскаго народа Хорватское племя отличается большимъ и болѣе раннимъ развитіемъ. Но въ VII и VIII вѣкахъ (послѣ 678 г.) на востокъ отъ Сербовъ, образовалось новое государство Бол-

гарско-славянское, такъ какъ азіятское, турецко-татарское племя Болгаръ, вторгнувшееся черезъ Дунай изъ южной Россіи, изъ такъ называемой великой Болгаріи между Волгою и Дономъ, овладѣло мирнымъ славянскимъ народомъ, жившимъ здѣсь, до самыхъ Балканъ [illegible]о заставило признать себя повелителемъ. Смѣлость и любовь къ свободѣ воинственныхъ ордъ соединились съ миролюбивою, но постоянною силою крѣпкаго и трудолюбиваго земледѣльческаго народа. Дикая сила основала это государство; поэтому и исторія его до половины IX в. полна дикаго варварства. Въ началѣ IX в. самымъ могущественнымъ властелиномъ Болгаріи былъ современникъ Карла Великаго, Крумъ, который наводилъ страхъ даже на византійскихъ императоровъ; его государство простиралось на сѣверѣ до Дуная и за него, включая сюда всю Валахію и юго-восточную Угрію (Сремъ нѣкоторое время тоже принадлежалъ къ Болгаріи), на югѣ до Балканъ, спускаясь за ними въ южныя славянскія земли греческаго государства почти до самаго Царьграда. На западной границѣ, вдоль Моравы, Болгары соприкасались съ Сербами, но до половины IX в. нигдѣ не упоминается ни о какихъ несогласіяхъ; даже Константинъ Порфирородный говоритъ, что до той поры Сербы и Болгары жили въ дружбѣ и согласіи, какъ добрые сосѣди. Уже во время владычества Болгарскаго князя Пресяма и Сербскаго Властиміра начинаются раздоры, неоднократно возобновлявшіеся впослѣдствіи.

Полезнѣе было бы побольше узнать о внутреннемъ колебаніи и смѣшеніи двухъ столь различныхъ народностей, каковы были Славянская и Болгарская, чѣмъ о кровавыхъ войнахъ, которыя Болгары вели съ Царьградомъ, а иногда и съ Сербами. Сначала Славяне жили совершенно отдѣльно отъ Болгаръ; поэтому византійскіе лѣтописцы седьмаго и осьмаго вѣка упоминаютъ о двухъ народностяхъ: Болгарахъ и Славянахъ (напр. Ѳеофанъ, Анастасій и т. д.) и дѣлаютъ различіе между языками—славянскимъ и болгарскимъ. Не легко опредѣлить, долго-ли продолжалось это раздвоеніе, потому что ничего вѣрнаго неизвѣстно о томъ, состоитъ-ли, и на сколько состоитъ странная порча грамматическаго строя въ нынѣшнемъ болгарскомъ языкѣ въ связи съ болгарскимъ элементомъ, которому одни приписываютъ въ этомъ большое вліяніе, а другіе его совершенно отвергаютъ (Миклошичъ). У Славянъ забалканскихъ (такъ называемыхъ Македонскихъ Бол-

гаръ) господствовалъ въ IX в. вѣроятно чистый, не испорченный славянскій языкъ, со всѣмъ богатствомъ грамматическихъ формъ, которому мы еще и теперь удивляемся во всѣхъ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ; оттуда-то братья Константинъ и Меѳодій и вынесли въ свѣтъ языкъ своего города и своего округа, языкъ Славянъ Солунскихъ и всѣхъ тѣхъ, которые жили въ Македоніи, въ такъ называемой Словеніи; это тотъ самый языкъ, на который впослѣдствіи въ Царьградѣ переводилось св. Писаніе. Нельзя сказать ничего положительнаго о томъ, господствовало-ли то же самое чистое и богатое нарѣчіе и у остальныхъ Балканскихъ Славянъ, жившихъ на югъ отъ Балканъ, подъ властью Болгаръ. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что уже въ концѣ IX в., когда ученики Меѳодія, бѣжавши изъ Панноніи, направились въ Болгарію, то главные труды ихъ были посвящены Славянамъ Македонскимъ, въ особенности жившимъ около Охридскаго озера; по всѣмъ соображеніямъ должно полагать, что положеніе македонскихъ Славянъ раздуло въ душѣ Константина первую искру святаго одушевленія возвышенною задачею, которую онъ потомъ неукоснительно выполнялъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Меѳодіемъ, не смотря ни на какіе труды и препятствія. Гораздо основательнѣе вѣрить этому, чѣмъ тому, что Константинъ только по предложенію и просьбѣ моравскаго князя Ростислава принялся изобрѣтать славянскія письмена и переводить св. Писаніе; потому что невозможно составлять письмена, не имѣя предъ глазами языка, для котораго онѣ предназначаются, и кто же повѣритъ, чтобы мудрый Константинъ, проживавшій въ Царьградѣ, составлялъ письмена для другаго Славянскаго языка, а не для того, который ему былъ хорошо знакомъ съ малыхъ лѣтъ и которымъ говорили солунскій округъ и вся славянская Македонія.

Исторія всей славной, богоугодной и многотрудной жизни славянскихъ апостоловъ (ср. замѣчательное произведеніе Фр. Рачскаго: Viek i djelovanje sv. Cyrila i Methoda. Zagreb. 1859) не составляетъ задачи предлежащаго труда; но кто же съ набожною благодарностью не вспоминаетъ объ этихъ первыхъ будителяхъ славянской народности и въ то же время первыхъ просвѣтителяхъ славянскихъ народовъ, просвѣтителяхъ, которые умѣли такъ разумно соединить христіанское просвѣщеніе съ потребностями славянской народности, что не толь-

ко одно другимъ не убивается, но напротивъ поддерживается и охраняется. Кириллъ и Меѳодій занимаютъ въ исторіи славянскаго просвѣщенія первое и самое почетное мѣсто, и Сербо-хорваты должны быть въ особенности благодарны имъ за то, что плоды ихъ дѣятельности уже съ самаго начала распространялись у Сербо-хорватовъ и вызвали у нихъ первый зародышъ народнаго просвѣщенія. Вліяніе ихъ дѣятельности на древнихъ Хорватовъ и Сербовъ и результаты ея составляютъ пока ближайшій предметъ нашего изслѣдованія.

Туземныя, драгоцѣнныя свидѣтельства разсказываютъ намъ о началѣ дѣятельности славянскихъ апостоловъ слѣдующее: «прѣжде оубо словѣне неимѣхѫ книгъ, нѫ чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ, погани сѫще. крьстивше же са, римьсками и грьчьскыми писмены нѫждаахѫ са писати словѣньскѫ рѣчь безъ оустроениа.... по томь же чловѣколюбьць богъ, строаи всѣ, и неоставлѣа чловѣча рода безъ разоума, нѫ вьса къ разоумоу привода и спасению, помиловавъ родъ словѣньскъ, посла имъ свататого кѡнстантина философа, нарицаемаго кирила, мѫжа праведна и истинна. и сътвори имъ писмена три десате и осмь, ѡва оубо по чиноу грьчьскыхъ писменъ, ѡва же по словѣньстѣи рѣчи.... и аще въпросиши: въ кое врѣма? то вѣдать и рекѫть: ꙗко въ врѣмена михаила цьсарѣ грьчьска и бориса кназа блъгарьска, и растица кназа моравьска, и коцелѣ кназа блатьньска. въ лѣто же ѿтъ създаниа вьсего мира «SТЗГ» т. е. 855 или 863. Другое извѣстіе прибавляетъ къ этому: «и абіе сложи писмена, и начеть бесѣдоу писати евангельскоу: испрьва бѣ слово, и слово бѣ у бога, и богъ бѣ слово и прочее. Конечно, такая задача вещь не легкая, она была подъ силу только такому мудрому и ученому человѣку, какимъ былъ философъ Константинъ, и требовала тщательнаго знакомства съ многими языками, а въ особенности съ тѣмъ, для котораго изобрѣтались буквы; если вышеупомянутый годъ и имѣетъ какое-нибудь значеніе, то единственно въ томъ смыслѣ, что въ этомъ году, т. е. около 863, великій трудъ Константина былъ въ главномъ уже оконченъ и приносилъ плоды. И такъ мы скажемъ, что въ 863 г. началось уже самое апостольствованіе, для чего уже прежде этого времени были приготовлены не только письмена, но и переводъ св. Писанія, по крайней мѣрѣ нѣсколько отрывковъ изъ евангелія и апостола. На сколько преуспѣвало проповѣданіе вѣры Христовой въ Болгаріи до отхода солунскихъ братьевъ въ Моравію, положительно неизвѣстно; но что ихъ

рѣчи и тогда уже не прошли безслѣдно для народа и князя, это можно заключить изъ того, что почти все Болгарское государство приняло христіанство и князь Борисъ вступалъ въ переговоры то съ Царьградомъ, то съ Римомъ. Неодолимая сила славянскаго богослуженія, которое установилъ Константинъ и съ которымъ онъ прежде всего познакомилъ Болгаръ, видна лучше всего въ томъ, что, черезъ 24 года по отходѣ солунскихъ братій въ Моравію, бѣжавшіе отъ Нѣмцевъ ученики ихъ были приняты съ величайшею любовью и княземъ и народомъ Болгарскимъ.

Къ несчастію апостольствованіе Кирилла и Меѳодія совпало съ великимъ раздоромъ между восточною и западною церквами; поэтому ихъ святой трудъ казался подозрительнымъ ихъ врагамъ, которые, будучи противниками славянской народности, перенесли злобу и ненависть съ языка на вѣроисповѣданіе и обвиняли славянскихъ учителей въ томъ, что они его извращаютъ. Для молодаго народа, едва только познакомившагося съ христіанскою вѣрою, проповѣдовавшею миръ и любовь къ ближнему, былъ большой соблазнъ, когда онъ вмѣсто мира и любви встрѣтилъ междуусобныя преслѣдованія и ненависть и увидѣлъ величайшую святыню низложенною борьбою человѣческихъ страстей. Это обстоятельство доставляло немало великихъ мученій и самимъ апостоламъ при ихъ жизни, а по ихъ смерти еще болѣе преграждало путь ихъ дѣлу, которое преслѣдовали и на которое страшно нападали сначала нѣмцы въ Моравіи и Панноніи, а потомъ латиняне въ Далмаціи, желая удушить его низкими подозрѣніями и клеветами. Изъ одного подозрѣнія же и папа призвалъ къ себѣ въ Римъ нашихъ братьевъ вскорѣ послѣ ихъ прихода въ Моравію; какъ будто этимъ преслѣдованіемъ двухъ невинныхъ жертвъ изъ края въ край Провидѣніе хотѣло разсѣять сѣмя ихъ трудовъ повсюду, гдѣ жилъ славянскій народъ и гдѣ слышалась славянская рѣчь. Дѣйствительно, уже это первое путешествіе въ Римъ братьевъ Кирилла и Меѳодія съ ихъ учениками, въ 866—867 г., было знаменательно для Хорватскаго народа, жившаго въ сѣверной (посавской) Хорватіи и все еще находившагося подъ верховною властью франковъ (въ то время княземъ посавской Хорватіи былъ Браславъ); наши апостолы—по всѣмъ соображеніямъ,—идя къ Адріатическому морю, избрали восточный путь, ведшій чрезъ Хорватію, и уже тогда сами познакомили по крайней мѣрѣ эту часть

Хорватскаго народа съ славянскимъ богослуженіемъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ отчасти и имена мѣстностей, напоминающія намъ издревле оказываемое почитаніе св.—мученику Клименту, мощи котораго наши апостолы уже тогда несли съ собою въ Римъ, какъ-то: *Kelemen* съ древнею церковью во имя св. Климента, *Keleminovec*, *Klimen* и т. д. Извѣстно, что изъ этого путешествія вернулся въ Паннонію только одинъ Меѳодій, потому что Кириллъ скончался въ Римѣ (†869): но извѣстно и то, что вскорѣ паннонскій князь Коцель во второй разъ послалъ Меѳодія въ Римъ по церковнымъ дѣламъ въ 870 г. При этомъ можно думать, что не только сѣверная, но уже и вся далматинская Хорвація вскорѣ познакомилась съ трудами слав. апостоловъ; весьма возможно, что Меѳодій, возвращаясь изъ втораго своего путешествія, самъ завернулъ въ Далмацію къ Хорватамъ (supervenit quidam Sclanus ab Histriae et Dalmaciee partibus—de Conversione Carantanorum). Такъ-ли это было или нѣтъ, во всякомъ случаѣ животворящій славянскій духъ, которымъ дышала вся дѣятельность нашихъ апостоловъ, оживилъ также и христіанско-народное сознаніе Далматинскихъ Хорватовъ и Сербовъ на столько, что и у нихъ начинается новая эра народной жизни.

Именно въ то время случилось нѣсколько важныхъ событій, которыя древними свидѣтельствами (древняя хорватская лѣтопись и переводъ безъименнаго Діоклейца) ставятся въ связь съ славянскими апостолами. Хорваты и Сербы отреклись отъ запада и примкнули къ востоку, во времена греческаго императора Василія. Этотъ послѣдній, чтобъ освободить ихъ отъ чуждыхъ (латинскихъ) вліяній, приказалъ имъ, будто бы, самимъ выбрать своихъ начальниковъ по старому обыкновенію; онъ приказалъ также, чтобъ далматинскіе города платили годовую дань Хорватамъ, желая примирить ихъ между собой; этимъ онъ явно призналъ, что хозяевами въ Далмаціи были Славяне, а не Латинцы, какъ полагали до тѣхъ поръ; тогда наконецъ окрестились по собственному желанію и свирѣпые Неретване и всѣ остальные Сербы, между которыми еще не вполнѣ утверждено было христіанство: его твердое основаніе тамъ было положено священниками—безъ сомнѣнія славянами съ славянскимъ богослуженіемъ—которыхъ, по ихъ желанію, прислалъ имъ Василій съ востока. Хотя такое положеніе дѣлъ въ Хорватіи дли-

гось не долго (только во время владычества князя Здѣслава, до 879 г.), но то что было пріобрѣтено во времена Василія, или лучше сказать—что было стяжаніемъ духа Кирилла—не погибло даже и тогда, когда убійца Здѣслава, Бранимiръ возвратился снова подъ власть папы: національный вопросъ—такъ смотрѣлъ народъ на славянство — нашелъ, вѣроятно, много приверженцевъ между народомъ и священниками, что видно изъ посланій папы къ Браниміру и римскому епископу Θеодосію или изъ его же воззванія къ далматинскимъ епископамъ и городамъ, въ которомъ онъ обѣщаетъ имъ защиту и предлагаетъ возвратиться въ лоно римской церкви, если они боятся *Грековъ* и *Славянъ*. И такъ можно навѣрное сказать, что съ тѣхъ поръ Славянская литургія уже не переставала существовать у Хорватовъ и Сербовъ, хотя у склонившихся къ западной церкви ее постигла иная судьба, чѣмъ у тѣхъ, которые присоединились къ восточной.

Туземныя и иностранныя историческія свидѣтельства часто упоминаютъ о той радости, съ какой славянскіе народы впервые слушали прославленіе имени Божія на народномъ понятномъ имъ языкѣ; сами нѣмцы жалуются, что съ тѣхъ поръ, какъ въ Паннонію пришелъ Меѳодій, всѣ ихъ церкви опустѣли, а Славянскіе храмы переполнились народомъ. И у Сербо-хорватовъ сохранилось живое воспоминаніе о томъ счастливомъ времени, когда они впервые познакомились съ славянскимъ богослуженіемъ; народное преданіе XII—XIV вв. такъ говоритъ объ этомъ: «biše u gradu ki se zoviše Tesalonika, jedan človik mnogo naučen i filosof imenom *Kostanc*, i taj muž biše sa svim dobar i sveta života... i naredi popove i knjigu hrvacku i istumači iz grčkoga hrvacku knjigu i hrvacki istumači evangjelja i sve pištule crikvene i tako staroga kako novoga zakona, i učini knjige s papinim dopušćenjem i naredi mišu i utvrdi zemlju u veru Jsukrstovu... i napuni i utvrdi kralja u viri... i krsti se sa svimi ki još u kraljestvu njegovu bihu nekršćeni.... J u to vrime bi učinjeno veselje veliko meju kršćani, i svi oni ki bihu u tvrjavah i u vrsih gorskih i ki tajahu se i krijahu se i nepovidahu se kršćane, očitovaše se, odvrgši strah; i svi ki bihu progon eni vratiše se.... i kralj zapovidi svim koji latinski govorahu, da se vrate svi u mista svoja (¹) i da podvižu i

(¹) Это мѣсто напоминаетъ намъ слова императора Константина, который упоминаетъ о томъ, какъ много терпѣли Латины отъ славянъ, по

naprave gradove, koji po poganeh bihu rasuti i požgani....»([2]).

Между тѣмъ скончался и «великій» Меѳодій на 22-мъ году своего многотруднаго апостольствованія и на 15-мъ году своего архіепископства (885), въ продолженіе котораго онъ съ своимъ желѣзнымъ постоянствомъ и неустрашимою рѣшительностью одержалъ много блестящихъ побѣдъ надъ дерзостью не только своихъ личныхъ враговъ, но и враговъ своего народа; самая же блестящая побѣда его состояла въ томъ, что онъ своимъ безупречнымъ управленіемъ заставилъ самого папу Іоанна VIII произнести священныя слова: Litteras denique sclauonicas, a Constantino guondam philosopho repertas, quibus Deo laudes debite resonent, iure laudamus, et in eadem lingua Christi Domini nostri preconia et opera ut enarrentur, iubemus. (Erben:Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. p. 18). Со смертью Меѳодія ходъ дѣлъ измѣнился. Какъ мужественно ни защищалъ онъ правое и святое дѣло, но насиліе противниковъ не признало истины и, по смерти ревностнаго поборника, обрушилось съ удвоенною силою на осиротѣлую паству, которая была ввѣрена управленію вѣрнаго Меѳодіева ученика, Горазда. Не прошло еще и года, какъ жестокость нѣмцевъ, которую къ сожалѣнію поддерживалъ самъ Святополкъ, дошла до того, что славянскіе ученики принуждены были бѣжать изъ Моравіи: Гораздъ, Климентъ, Лаврентій, Наумъ, Ангеларій и многіе другіе достойные сотрудники Меѳодія пожелали идти въ Болгарію, гдѣ надѣялись найти пріютъ. Не слѣдуетъ забывать, что Климентъ былъ родомъ изъ Бол-

---

не освободилъ ихъ императоръ Василій, повелѣвшій имъ платить дань не императорскому претору, а Хорватамъ. Сар. [illegible]X.

([2]) Т. е. Въ городѣ, называемомъ Ѳессалоника, жилъ многоучевый человѣкъ и философъ *Константинъ*, и былъ этотъ мужъ очень добръ и святой жизни... и учредилъ священниковъ и письмо хорватское, и взялъ съ греческаго хорватское письмо и перевелъ на Хорватскій языкъ евангеліе и всѣ церковныя эпистолы какъ древняго, такъ и новаго завѣта, и написалъ книги съ соизволенія папы, и учредилъ обѣдню, и утвердилъ землю въ вѣрѣ Христовой.... и утвердилъ короля въ вѣрѣ ... и окрестился со всѣми кто еще не былъ крещенъ въ его королевствѣ.... И въ то время началось веселіе великое между христіанами, и всѣ таившіеся въ крѣпостяхъ и горахъ, скрывавшіеся и не выдававшіе себя за христіанъ, обнаружили себя, отбросивъ страхъ; и всѣ изгнанные воротились.... и король повелѣлъ, чтобъ всѣ говорящіе полатински возвратились на свои мѣста и возобновили и исправили города, разрушенные и сожженные язычниками.

гаріи; теперь онъ, стало быть, возвращался на родину, которую онъ нѣкогда покинулъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ Кирилломъ и Меѳодіемъ, чтобъ помочь имъ въ исполненіи ихъ великой задачи. Тамъ все еще княжилъ въ это время тотъ же самый князь Борисъ, который 23 года тому назадъ съ такимъ радушіемъ принялъ при своемъ дворѣ славянскихъ апостоловъ, когда они шли въ Моравію, и былъ даже—какъ утверждаютъ нѣкоторыя свидѣтельства—дѣйствительно крещенъ Меѳодіемъ. Но сколько горя пришлось ему пережить съ тѣхъ поръ! Внѣшнія отношенія его государства были не особенно счастливы, но еще болѣе тяжкія обстоятельства тяготѣли надъ внутреннею жизнью государства. Желая ввести въ него христіанство, онъ сначала прибѣгнулъ къ царьградскому патріархату; но замѣтивъ вскорѣ интриги царьградскаго двора, и убоявшись, вѣроятно, за свою государственную самостоятельность, онъ обратилъ взоры къ Риму и даже къ нѣмецкому императору: эти нерѣшительныя колебанія между двумя крайностями вовлекли его въ водоворотъ сильной борьбы, которая велась именно въ то время между западнымъ и восточнымъ Римомъ, и государство Болгарское постигла тогда такая же судьба, какъ Хорвацію во времена Здѣслава и Бранимира и Моравію съ Паннонией послѣ смерти Ростислава и Коцеля. Удивительное сходство въ несчастіяхъ! Этимъ легко объясняется, почему Борисъ съ такой радостью принялъ въ свое государство знаменитыхъ бѣглецовъ, надѣясь посредствомъ ихъ добиться того, что ему не дали ни Царь-градъ, ни Римъ—именно народнаго духовенства. И дѣйствительно, намъ извѣстно изъ житія Климента, что князь и его бояре наперерывъ старались оказать уваженіе и любовь ученикамъ Меѳодія. Гораздъ и, кажется, по смерти его Климентъ—были болгарскими епископами. Такимъ образомъ уже Борисъ въ концѣ своего царствованія положилъ основаніе той славной эпохѣ староболгарской литературы, которая, подъ управленіемъ его сына, *книголюбца*, царя Симеона, пережила свой золотой и никогда уже невозвращавшійся вѣкъ.

Въ то самое время, какъ въ Панноніи и Моравіи горизонтъ покрывался тучами, на юго-востокѣ, въ Болгаріи, занималась заря славянской народности. Но и на юго-западѣ, у далматинскихъ Хорватовъ, дѣятельность славянскихъ апостоловъ принесла богатые плоды. Вполнѣ правдоподобно

то, что папа Іоаннъ VIII, оказавшій справедливость славянскому языку въ Панноніи, не ставилъ ему большихъ препятствій и въ Далмаціи: этимъ случаемъ съумѣли разумно воспользоваться вновь назначенные епископы нинскіе (Nona), такъ что, начиная съ Θеодосія, Іоаннова современника, они все болѣе и болѣе начинаютъ считаться главами всей Хорватской церкви въ Далмаціи и изъ этого образовалась нѣкотораго рода священная традиція, что «хорватскій» епископъ нинскій смѣло заступался за всяческія права Хорватскаго народа, а въ особенности за столь священное для него славянское богослуженіе. И дѣйствительно, съ конца IX-го стол. въ церковной исторіи далматинской Хорваціи постоянно видны слѣды борьбы Сплита съ Ниномъ, т. е. народности латинской съ народностью хорватской въ Далмаціи. Еще самому Θеодосію, не смотря на то что онъ раньше Сплитскаго архіепископа помирился съ Римскою куріею, папа Стефанъ VI прислалъ посланіе, исполненное серьезныхъ увѣщаній, чтобъ онъ не переступалъ за границу издревле установленной власти и не стремился бы слишкомъ высоко. Смыслъ этихъ словъ такой: папа укоряетъ его въ томъ, что онъ вмѣшивается въ церковныя дѣла хорватскаго народа и внѣ своей епископіи, защищаетъ и оправдываетъ славянство. И преемникъ Θеодосія въ нинской епархіи былъ въ разладѣ съ сплитскимъ архіепископомъ; по поводу этого разлада, въ 892 г. была написана еще другая латинская грамота изъ домашней канцеляріи Хорватскихъ князей, именно грамота князя (или великаго жупана) Мутиміра, которая держитъ сторону архіепископа сплитскаго. Можетъ быть, кому-нибудь покажется удивительнымъ, что князь Мутиміръ, покинувъ своего епископа, принялъ сторону сплитскаго архіепископа; но къ сожалѣнію мы должны сказать, что во многихъ случаяхъ хорватскіе князья вступали въ союзъ съ противниками славянской народности, вѣроятно по политическимъ причинамъ; они думали, что, живя въ согласіи съ сплитскимъ архіепископомъ, они пріобрѣтали расположеніе и Римскаго престола, который въ то время пользовался сильною властью. Таковы были Томиславъ, Петръ, Крешиміръ (IV) Великій и Свиниміръ!

Между Болгарскимъ и Хорватскимъ государствомъ X-го вѣка было то огромное различіе, что въ одномъ вся церковь имѣла одно согласное стремленіе, во главѣ котораго стоялъ

самъ князь, а въ другомъ одна и при томъ могущественная часть церкви постоянно противилась славянству, а князь не имѣлъ на столько смѣлости, чтобъ и словомъ и дѣломъ защищать народность; между тѣмъ какъ эта защита славянской народности, по паденіи прекраснаго паннонско-славянскаго государства, разрушеннаго дикими мадьярами, была священною обязанностью тогдашнихъ, вполнѣ самостоятельныхъ князей и королей Хорватскихъ, такъ какъ вся сила славянства заключалась только въ Хорваціи и Болгаріи. Константинъ Порфирородный упоминаетъ еще и о томъ, что множество паннонскихъ славянъ, разсѣянныхъ мадьярами, направились въ сосѣднія страны, именно въ Болгарію и Хорватію. Но что же вмѣсто этого мы находимъ въ Хорваціи въ началѣ X-го вѣка? Мы видимъ, какъ папа Іоаннъ X, отрекшійся отъ направленія, принятаго Іоанномъ VIII, и сильно подстрекаемый туземнымъ латинскимъ духовенствомъ, обвиняетъ Меѳодія и его ученіе, называетъ далматинскихъ славянъ сынами св. римской церкви, которые должны придерживаться роднаго (т. е. латинскаго) ученія и преподавать дѣтямъ съ пеленокъ это ученіе; онъ удивляется, что сыны римской церкви, подобные имъ, могутъ восхищаться тѣмъ, что хвала Богу воздается на *варварскомъ* языкѣ и т. д.

Съ такимъ убѣжденіемъ относительно славянства и славянскаго богослуженія папа явился въ 924 г. на церковный соборъ, на которомъ присутствовалъ Хорватскій король Томиславъ, великій жупанъ захлумскій Михаилъ и многіе другіе Хорватскіе и Сербскіе бояре; и снова въ IX главѣ соборныхъ постановленій было сказано: чтобъ ни одинъ епископъ Сплитскаго округа не смѣлъ повышать по службѣ людей, говорящихъ по славянски, которымъ дозволялось только быть клириками и монахами; чтобъ не дозволять въ своей церкви славянскую обѣдню, развѣ только за неимѣніемъ священника; въ такомъ случаѣ онъ долженъ испросить позволеніе папы. Чтобъ еще яснѣе показать, противъ кого направленъ этотъ строгій параграфъ, въ слѣдующихъ двухъ постановленіяхъ дѣлаются предостереженія всему далматинскому епископату, чтобъ нинскій епископъ никогда не смѣлъ противиться сплитской архіепископіи; а Хорватскому королю и магнатамъ угрожается *духовными наказаніями* (сокращеніемъ церковныхъ обрядовъ и т. д.), еслибъ они пожелали когда-нибудь расширить власть «своего» епископа, за ея гра-

ницы, на всю Далмацію. Эта боязнь служила лучшимъ доказательствомъ того, какъ хорватскій народъ уважалъ своего нинскаго епископа, въ особенности пока епископіею управлялъ такой отважный защитникъ народной святыни, какимъ былъ тогдашній нинскій епископъ Григорій! Онъ одинъ только воспротивился несправедливому постановленію относительно славянскаго языка, поддерживаемый, можетъ быть, нѣсколькими магнатами. но едва-ли королемъ, въ противномъ случаѣ объ этомъ было бы упомянуто. Но и одинокій голосъ Григорія имѣлъ на столько успѣха, что папа нѣкоторое время отказывалъ вышеупомянутому постановленію въ утвержденіи. Но что можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ противъ столькихъ противниковъ! Вмѣсто того, чтобы рѣшать вопросъ о славянской литургіи, противникамъ народности было удобнѣе обойти его полнымъ молчаніемъ; между тѣмъ они различными интригами подкапывались подъ нинскаго епископа, пока не рѣшили на сплитскомъ соборѣ 927—928 г.,—на которомъ опять присутствовалъ и молчалъ хорватскій король Томиславъ—что такъ какъ въ старину въ Нинѣ не было епископа, такъ поэтому и теперь не можетъ быть; а Григорій пусть возьметъ себѣ епископію Скрадинскую (Scardona), или Сисечскую, или даже Дуванскую; не постыдились кромѣ того насмѣшливо прибавить, что если ему пріятно имѣть большую епископію и если ему мало одной, такъ пусть возметъ всѣ три! Это несправедливое постановленіе было подтверждено папою еще въ 928 г., и нинской епископіи не стало. Но въ народѣ Хорватскомъ не исчезли любовь и уваженіе къ славянской литургіи: не смотря на запрещеніе, она совершалась еще въ X и въ XI вѣкѣ, пока въ половинѣ XI вѣка противъ нея не поднялись новыя преслѣдованія. Это было во времена хорватскаго короля Петра Крешиміра Великаго, стало быть въ то время, когда въ Болгаріи уже давно прошли времена Симеона и процвѣтанія литературы, когда уже еретики богомилы господствовали тамъ, гдѣ нѣкогда Климентъ поучалъ народъ въ правой вѣрѣ; Хорвація же, находившаяся на вершинѣ своей славы и могущества, могла бы оказать сильную защиту славянской литературѣ, еслибъ Крешиміръ былъ такимъ же просвѣщеннымъ и расположеннымъ къ народности государемъ, какимъ былъ за сто лѣтъ до этого болгарскій царь Симеонъ. Подобное, на первый взглядъ странное поведеніе

хорватскихъ королей, въ особенности Крешиміра, объяснимо, кромѣ вышеизложенныхъ отношеній къ папѣ, еще и тѣмъ что для нихъ важно было добыть себѣ далматинскіе города, которые имѣли обыкновеніе отлагаться отъ нихъ и присоединяться къ Венеціи; поэтому хорватскіе короли, чтобъ удовлетворить ихъ, дѣлали имъ множество уступокъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ народномъ отношеніи, и вступали даже въ родственныя связи съ извѣстными венеціанскими фамиліями: такъ, мать Крешиміра была родомъ венеціанка, по имени Гицета, дочь дожа Орсеола II. Эти отношенія къ западу вполнѣ сходствуютъ съ позднѣйшими отношеніями Сербскихъ государей къ Греціи.

Во время управленія Крешиміра собирался еще церковный соборъ въ Сплитѣ, на которомъ присутствовалъ легатъ папы Николая II, Майнардъ, и на которомъ далматинскіе епископы положили: чтобъ никто не осмѣливался исполнять богослуженіе на славянскомъ языкѣ, а только на латинскомъ и греческомъ, и чтобъ «никто изъ людей славянскаго языка» не получалъ степеней священства. Это несправедливое запрещеніе, состоявшееся въ 1059 и 1064 гг., для насъ не ново, только новы причины, которыми его объясняли. Говорилось, что *готскія* письмена изобрѣлъ нѣкій еретикъ Меѳодій, который на славянскомъ языкѣ написалъ много ложнаго противъ правилъ католической церкви, за что по повелѣнію Божіему и былъ наказанъ внезапною смертью! Придумать такія причины могла только злоба или глупость; если злоба—то этимъ уже достаточно объясняется и весь поступокъ; если же глупость—то по крайней мѣрѣ тѣ же самые люди не должны были смѣяться надъ простотою славянскихъ священниковъ, что̀ вскорѣ случилось со старцемъ Цедедою [1]. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще и на то, что

---

[1] Разсказъ о священникѣ Вукѣ и старцѣ Цедедѣ такъ живо изображаетъ тогдашнее незавидное положеніе «хорватскихъ священниковъ въ Далмаціи, что стоитъ его привести здѣсь. Только не должно забывать, что это разсказываетъ ярый противникъ славянской народности, сплитскій архидіаконъ Ѳома. Многія вещи, по его мнѣнію смѣшныя и достойныя презрѣнія, на нашъ взглядъ кажутся добродѣтелями; что ему кажется обманомъ и лукавствомъ, то по нашему мнѣнію простосердечная, но пламенная преданность всему своему. Въ то время—пишетъ Ѳома—пришелъ въ Хорватію одинъ священникъ, пришлецъ, по имени Улфъ (Вукъ), съ выраженіемъ на-

вышеупомянутое запрещеніе не простиралось ни на греческій языкъ, ни на греческіе обряды, а только на славянскій языкъ; это опять служитъ новымъ доказательствомъ, что

божности на лицѣ и съ ядомъ лукавства въ сердцѣ. Онъ ходилъ между народомъ, нашептывая ему что-то и дѣлая видъ, будто онъ посланъ папою, и съ притворнымъ *сожалѣніемъ къ несчастію народа* обѣщалъ ему дать полезный совѣтъ: знайте—говоритъ онъ—что мой повелитель, папа, сильно сожалѣлъ, услыхавъ, что у васъ закрыты церкви и что вашимъ священникамъ запрещено исполнять богослуженіе; такъ отправьте къ моему повелителю посольство и, будьте увѣрены, получите все, что пожелаете. *Сошлись старѣйшины* и рѣшили послать священника Улфа съ *дарами* въ Римъ. Онъ поспѣшилъ въ Римъ, представилъ папѣ *дары Хорватовъ* и ихъ просьбы и униженно попросилъ его, чтобъ *онъ возвратилъ прежнее положеніе церквамъ и священникамъ словенскаго королевства.* Папа отвѣчалъ ему, что онъ ничего не можетъ сдѣлать противъ постановленій посланника апостольской каѳедры, но далъ ему письма, чтобъ онъ отнесъ ихъ архіепископу, королю и всѣмъ магнатамъ той страны, и сказалъ, чтобъ пришли оттуда двое епископовъ, такъ какъ Улфа, какъ человѣка неизвѣстнаго, онъ не можетъ выслушать. Злой попъ не понесъ папскихъ писемъ тѣмъ, кому они были адресованы, а поторопился возвратиться къ *готамъ* (славянамъ), которые его посылали. Тѣ его спросили, которыя изъ ихъ требованій выполнены апостольскою каѳедрою, и онъ отвѣчалъ имъ: «Слава Богу, я добылъ все, чего вы требовали отъ моего повелителя папы; церкви ваши будутъ открыты, священникамъ вашимъ возвращается служба; кромѣ того я испросилъ, чтобъ вамъ было дозволено избрать изъ своего народа епископа и вмѣстѣ со мною послать для посвященія къ папѣ съ дарами.» Услыхавъ это, *готы сильно обрадовались и тотчасъ избрали въ епископы нѣкоего старца, простаго человѣка по имени Цеде́ду*, и вскорѣ послали его въ Римъ *вмѣстѣ съ однимъ аббатомъ Потепою* и съ попомъ Улфомъ. Когда они пришли къ папѣ, тотъ спросилъ ихъ, кто они такіе? и безбожный попъ отвѣчалъ: «Мы изъ далматинскихъ странъ; вы, надѣюсь, изволите помнить, св. отецъ, что я недавно приходилъ къ вашей милости, а эти рѣшились теперь пасть къ ногамъ вашей святости, *чтобъ вы оказали ихъ народу такую же милость, какъ и всѣмъ.* Этотъ же замѣчательный готъ (славянинъ) пришелъ за тѣмъ, чтобъ, получивши отъ васъ полнѣйшее наставленіе, свободнѣе могъ проповѣдывать истину. Папа спросилъ: «въ какомъ онъ санѣ?» На это ему отвѣчали, что онъ уже давно священникомъ у своихъ (славянъ). Папа опять спросилъ: «почему же онъ не брѣетъ бороду по обычаю католической церкви?» Безбожный попъ отвѣчалъ: «онъ затѣмъ и явился къ вамъ, владыка, чтобъ отнынѣ исполнять вашу волю. Папа тотчасъ самъ отрѣзалъ ему часть волосъ и приказалъ своимъ людямъ обрить его по церковному обычаю. Потомъ онъ ска-

тутъ дѣло шло не о правовѣріи, а только о преслѣдованіи славянской народности. Это постановленіе церковнаго собо-

---

залъ священнику: «*я тебѣ не приказывалъ приводить сюда такихъ людей, а велѣлъ тебѣ позвать сюда епископовъ за дѣломъ*. А священникъ на это: «*хотѣлъ*, владыко, *но никакъ не могъ*.» Папа, по обсужденіи, отвѣчалъ имъ такъ: «знайте, дѣти мои, что я много разъ уже слышалъ, чего желали бы добиться готы, но ради Аріанъ, изобрѣтателей такой письменности, я не рѣшусь дать имъ дозволеніе исполнять богослуженіе на ихъ языкѣ. Теперь ступайте и старайтесь, чтобъ народъ повиновался всему, что на церковномъ соборѣ постановили посланники папскаго престола, и тогда уже пусть идутъ сюда новые посланники». Услыхавъ это, они тотчасъ ушли домой; дорогой Цедеда спросилъ попа Улфа: «скажи, пожалуйста, что же намъ толку, что мы ходили къ папѣ?» Улфъ отвѣчалъ ему: «всего, чего ты такъ пламенно желалъ, ты достигъ моими стараніями».—Что же? спросилъ Цедеда, а Улфъ отвѣчалъ: «папа тебя сдѣлалъ епископомъ?—Какъ такъ? спросилъ Цедеда; Улфъ отвѣчалъ ему: «Такова власть папы, что у кого онъ собственноручно отрѣжетъ нѣсколько клочковъ волосъ отъ бороды, тотъ тотчасъ дѣлается епископомъ. Услыхавъ это, *глупый старикъ* сильно обрадовался и тотчасъ досталъ себѣ пастырскій посохъ и перстень. Когда они наконецъ *достигли Хорватскихъ границъ, то ихъ соотечественники, узнавъ о ихъ приходѣ, радостно бросились на встрѣчу къ своему епископу и встрѣтили его съ большимъ торжествомъ*... На первый разъ *онъ смѣстилъ Крчскаго епископа съ его каѳедры* и присвоилъ ее себѣ какъ бы по апостольскому дозволенію. Тогда, о стыдъ, этотъ *странный* епископъ началъ поганить богослуженіе *освященіемъ церквей, назначеніемъ священниковъ и исполненіемъ другихъ епископскихъ обязанностей*. Какъ только слухи объ этихъ безбожныхъ событіяхъ достигли до папы, то онъ немедленно послалъ туда какого-то посланника Ивана Кардинала, *чтобъ онъ истребилъ въ славянскихъ земляхъ сѣмя проклятаго раскольничества*. Прибывъ туда, Кардиналъ созвалъ множество народа и священниковъ и *страшно наругался надъ лжеепископомъ въ присутствіи его готовъ* за такое легкомысленное бездѣльничество и объявилъ, что папа не давалъ ему никакого священнаго сана. Потомъ мечомъ вѣчнаго проклятія онъ исключилъ его вмѣстѣ съ Потепою и всѣми послѣдователями изъ собора вѣрующихъ; Улфа же, какъ зачинщика такого безбожничества, онъ велѣлъ отвести въ Сплитъ, гдѣ въ церковномъ собраніи онъ лишилъ его священнаго сана и избитаго, обритаго. и обезчещеннаго бросилъ его на вѣки въ тюрьму! *Такъ какъ бѣшеный Цедеда никакъ не хотѣлъ отказаться отъ своей дерзости и такъ какъ по его милости въ цѣломъ королевствѣ распространился великій соблазнъ, то папа приказалъ проклинать его не только въ Римской, но и въ Сплитской церкви и во всей странѣ*....

Вотъ только одинъ примѣръ того, какъ немилосердно поступали латинскіе священники съ своими презираемыми славянскими братьями.

ра вскорѣ было утверждено, и славянскимъ священникамъ довелось скорбѣть о томъ, что всѣ ихъ церкви были закрыты и слово Божіе не раздавалось болѣе въ ихъ храмахъ. Такимъ образомъ успѣхамъ славянской литургіи въ Далмаціи безжалостно была положена преграда; этимъ несправедливымъ приговоромъ она была лишена свѣта, существуя съ тѣхъ поръ подобно человѣку, котораго хотя и не лишили жизни, но бросили въ темницу, куда не проникалъ ни малѣйшій лучь свѣта. Хотя она и тогда не погибла совершенно, потому что уже слишкомъ глубоко вкоренилась въ сердцахъ Сербо-хорватовъ, но развѣ можно назвать жизнью то, что она цѣлые вѣка была лишена вниманія и призора, что отъ нея отклонилось все, что слыло богатымъ, знатнымъ и ученымъ!

Эта борьба за славянство совершается на берегахъ Адріатическаго моря, ведетъ ее народъ Хорватскій не только за себя, но и за восточныхъ и южныхъ братьевъ своихъ Сербовъ. Мы уже сказали, что во времена императора Василія были крещены Неретване и остальные Сербы, къ которымъ еще не дошла новая вѣра; мы уже упоминали и о томъ, что онъ прислалъ имъ священниковъ съ востока, принесшихъ имъ славянское богослуженіе; но это еще не значитъ, чтобъ Сербы тогда еще отстали отъ запада и присоединились къ востоку. Такъ какъ вообще въ этой прискорбной борьбѣ между Востокомъ и Западомъ славянскій народъ почти ничего не можетъ приписывать своей волѣ—онъ служилъ только добычею того изъ противниковъ, который одерживалъ верхъ—то тѣмъ менѣе позволительно смѣшивать позднѣйшія отношенія Сербскаго народа съ этою древнею эпохою. Изъ всѣхъ краевъ, обитаемыхъ Сербами, всѣхъ больше соприкасалось въ то время (IX—XI в.) съ внѣшнимъ міромъ Далматинское поморье, именно Захлумье и Дукля (Dioklea) или Зета; сюда и направлялись всѣ силы какъ политической, такъ и народной жизни; другіе же края, какъ напр. Сербія и Боснія, были заслонены съ запада Хорватскимъ королевствомъ, а съ востока Болгарскимъ государствомъ, и, какъ кажется, значительно отстали въ развитіи отъ упомянутыхъ юго-западныхъ странъ. Здѣсь же было такое церковное устройство, что Сербы находились подъ властью епископіи Дуклянской, которая причислялась къ западу, именно къ Сплитской епископіи; поэтому на Сплитскомъ соборѣ 925 г., которымъ была запрещена славянская литургія, присутствовалъ также князь За-

хлумья и Дукли, Михаилъ съ многими *Сербскими* магнатами. Впослѣдствіи Барско-Дуклянская епископія сдѣлалась главою всей верхней Далмаціи и была совершенно независима отъ Сплитской архіепископіи; такимъ образомъ народъ Сербскій въ этомъ краѣ былъ избавленъ отъ суровости Сплитскихъ архіепископовъ; но за то Дуклянская архіепископія не отставала явно отъ запада, хотя иногда и подпадала подъ болгарскую или греческую власть. Папа Александръ въ письмѣ 1068 г. упоминаетъ о монастыряхъ латинскихъ и *греческихъ или славянскихъ*, напоминая архіепископу, чтобъ онъ о нихъ заботился. Отсюда видна и связь съ западомъ и сохраненіе славянской литургіи.

IV. Литературная дѣятельность въ Болгаріи.

Хотя Солунскіе братья родились не среди Сербо-хорватовъ, хотя ихъ дѣятельность никогда не предназначалась Хорватамъ и Сербамъ, но мы уже видѣли, какъ быстро эти послѣдніе усвоили себѣ грамоту и письменность, выработанныя славянскою образованностью. И такъ чужое, благодаря ревнію Сербо-хорватовъ, сдѣлалось ихъ собственностью; церковно-народное просвѣщеніе Хорватовъ и Сербовъ истекаетъ изъ древне-болгарской письменности, потому что имѣетъ съ нею одну и ту же основу.

1. Языкъ.

Мы уже выше сказали, что Константинъ при составленіи азбуки и при переводѣ св. Писанія, вѣроятно, избралъ себѣ за образецъ языкъ своей родины, т. е. нарѣчіе Македонскихъ Славянъ, которое всѣ туземныя и иностранныя свидѣтельства называютъ языкомъ *словѣнскимъ* (ѩзыкъ словѣньскъ, *γλῶσσα σθλαβενική*); также назывался и народъ, жившій тамъ въ IX вѣкѣ. Когда же азіатскіе Болгары вторглись чрезъ Дунай, то они прежде всего завладѣли землями по сю сторону Балканскихъ горъ (на Сѣверѣ); а впослѣдствіи ихъ господство распространилось и за Балканы, на Македонію и Ѳракію. Но когда Македонско-славянскій языкъ, въ качествѣ церковной святыни, сталъ господствовать во всемъ Болгарскомъ государствѣ (во времена Бориса и Симеона), то его стали уже называть государственнымъ и прозвали его языкомъ *болгарскимъ* (ѩзыкъ блъгарьскъ, *γλῶσσα βουλγαρική*). Это названіе очень древнее, по крайней мѣрѣ

IX или X вѣка; греческій составитель житія Климента (въ X вѣкѣ) не дѣлаетъ уже различія между обоими языками, т. е. славянскимъ и болгарскимъ. Что онъ находилъ правильнымъ, то и для насъ должно быть таковымъ же, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстно, что непосредственные потомки македонскихъ Славянъ IX-го вѣка, а равно и братья ихъ по сю и по ту сторону Балканъ, и донынѣ сохранили только одно изъ этихъ двухъ именъ, т. е. имя Болгаръ; вслѣдствіе этого и Сербско-хорватскій языкъ затрудняется въ переводѣ слова *словѣньскъ*, разумѣя подъ нимъ только Балканскихъ Славянъ и не смѣшивая его съ болѣе широкимъ и ему не соотвѣтствующимъ значеніемъ. Поэтому мы предпочитаемъ называть языкъ Кирилла, относительно къ нынѣшнему Болгарскому, древне-болгарскимъ, а не древне-славянскимъ, чтобъ не дѣлать и намека на нынѣшнее, ново-словенское нарѣчіе, которому не принадлежитъ право называться непосредственнымъ потомкомъ Кирилловской славянщины.

Языкъ этотъ, какъ мы уже видѣли, вскорѣ перешелъ изъ Македоніи въ Моравію посредствомъ писанныхъ на немъ книгъ, которыя Константинъ принесъ съ собой съ юга на сѣверъ, къ князю Растиславу. Хотя и не слѣдуетъ забывать, что тогдашняя Моравія имѣла совсѣмъ другія границы, чѣмъ нынѣшняя, потому что она занимала всю сѣверную часть Угріи, по берегамъ Дуная, гранича на югѣ съ паннонскою Словеніей, а за Дунаемъ съ юго-востока съ могущественнымъ Болгарскимъ государствомъ,—но тамошній народъ всетаки не говорилъ на томъ нарѣчіи, на которомъ были написаны книги. Если бы церковно-славянскому языку суждено было долѣе и счастливѣе жить въ Моравіи, то въ тамошнихъ письменныхъ памятникахъ мы встрѣчали бы много слѣдовъ такой уступки народному языку Моравіи, какую мы встрѣчаемъ въ пражскихъ глагольскихъ отрывкахъ (Glagolit. Fragmente), представляющихъ моравизмы: хва·іаЦимъ вм. хвалаШТимъ, утвръЗеніе вм. утвръЖДеніе, моДЛитву вм. молитвѫ и т. д. Но подобные примѣры очень рѣдки, даже можно сказать, почти ограничиваются единственнымъ только памятникомъ. Продолжая свой переводъ въ Моравіи, до отхода въ Римъ, славянскіе апостолы, безъ сомнѣнія, придерживались того же самаго языка, на которомъ этотъ трудъ былъ начатъ еще на славянскомъ югѣ, и между своими учениками они имѣли, какъ извѣстно, нѣсколькихъ помощниковъ родомъ

изъ Болгаріи, напр. Климента. Нѣсколько лѣтъ спустя Меѳодій принужденъ былъ со всѣми своими сотрудниками уклониться въ Паннонію, къ князю Коцелю; но и здѣсь время не тратилось даромъ, вмѣстѣ съ другими обязанностями продолжалась и литературная дѣятельность. Здѣсь же господствовало, какъ нынѣ вполнѣ справедливо думаютъ, если не то же самое, то по крайней мѣрѣ весьма близкое къ Кирилловской славянщинѣ нарѣчіе. Такъ какъ послѣ пораженія Аваръ, здѣсь поселились большею частью Славяне, жившіе уже прежде въ нынѣшней Трансильваніи, въ Валахіи и на нижнемъ Дунаѣ, то это и была часть Славянъ Болгарскихъ, съ которыми граничила въ то время съ восточной стороны Паннонія Коцеля. И дѣйствительно, рѣдкіе остатки ихъ языка, скрывающіеся частью въ мадьярскихъ словахъ, а частью и въ географическихъ названіяхъ, служатъ намъ доказательствомъ, что паннонскимъ Славянамъ были извѣстны оба самые выразительные знака древне-Болгарскаго языка, т. е. носовыя гласныя ѫ и ѧ, шт и жд вм. ć—č и dj—gj. И такъ если допустимъ, что Меѳодію въ переводѣ и помогали нѣкоторые ученики родомъ изъ этихъ странъ, напр. Гораздъ, то всетаки нисколько не удивительно, что всѣ книги написаны на одномъ и томъ же нарѣчіи, если въ дѣйствительности, помимо книгъ, нарѣчіе однихъ мало отличалось отъ нарѣчія другихъ. Допустимъ даже, что въ Моравіи и Панноніи въ древне-Болгарскій языкъ могли вкрасться нѣмецкія слова, но всетаки ихъ много меньше чѣмъ Греческихъ.

Когда обстоятельства вытѣснили славянскую письменность изъ Моравіи и Панноніи снова въ Болгарію, то древне-Болгарскій языкъ опять очутился на своей родинѣ. Извѣстно, что именно въ это время появилось много, частью оригинальныхъ, а частью и переведенныхъ съ греческаго памятниковъ; во всѣхъ этихъ книгахъ господствуетъ то же самое древне-Болгарское нарѣчіе, на которомъ писали сами Кириллъ и Меѳодій. Время, въ продолженіе котораго—около 50 лѣтъ—церковная письменность, основанная славянскими апостолами, распространялась по Моравіи и Панноніи и возвратилась оттуда опять въ Болгарію,—это время должно считаться ея первымъ и древнѣйшимъ періодомъ: въ Моравіи и Панноніи этотъ періодъ кончается около 900 года, а въ Болгаріи—со смертью царя Симеона (927). Но Славянскія

книги, какъ мы видѣли, проникли также къ Хорватамъ и Сербамъ еще при жизни Меѳодія; позднѣйшіе списки вполнѣ доказываютъ намъ, что по содержанію и языку это были тѣ же самыя литературные труды, которыми просвѣщенный умъ мудраго Константина подарилъ Славянъ. И такъ не можетъ быть сомнѣнія, что уже въ девятомъ, а отчасти и въ десятомъ вѣкѣ, въ Хорватскихъ церковныхъ книгахъ господствовалъ тотъ же самый языкъ, какъ и въ вышеупомянутыхъ странахъ, и что къ первому и древнѣйшему періоду церковной письменности принадлежитъ также нѣсколько Хорватскихъ памятниковъ, которыхъ хотя нынѣ и не существуетъ, но о которыхъ извѣстно, что они нѣкогда существовали. Потому иногда въ Болгарскихъ, Моравскихъ и Хорватскихъ литературныхъ памятникахъ встрѣчались чистые древніе болгаризмы. Это единство языка въ церковныхъ книгахъ продолжалось почти до конца десятаго вѣка. Съ этого же времени начинается постепенное измѣненіе и дѣленіе ихъ по разрядамъ (рецензіямъ), благодаря тому, что позднѣйшіе хранители и любители церковныхъ книгъ не могли и не умѣли удержать всѣхъ особенностей древне-Болгарскаго языка въ полной ихъ правильности.

Изъ Панноніи славянскую литургію изгнали мадьяры, а изъ Моравіи—нѣмцы: поэтому въ этихъ двухъ странахъ книжный языкъ и не достигъ никакого развитія; выше упомянутые Пражскіе отрывки ясно доказываютъ, чѣмъ бы онъ могъ быть при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ Болгаріи, какъ мы уже сказали, древне-Болгарскій языкъ очутился на своей настоящей родинѣ; здѣсь онъ подвергся только такимъ перемѣнамъ, которыя неизбѣжны въ каждомъ народномъ языкѣ, какъ-то: смѣшиванье между собою двухъ полугласныхъ, смѣшиваніе ринезмовъ, присоединеніе частицъ *тъ* и *съ* къ имени существительному, откуда впослѣдствіи произошелъ Болгарскій *членъ* и т. д. Правда, что церковный языкъ, какъ предметъ священный, долѣе не подвергался такимъ ударамъ, которые уже издавна постигли народное Болгарское нарѣчіе въ звукахъ и формахъ.

Иная судьба постигла церковный языкъ у Хорватовъ и Сербовъ: до конца XII вѣка о собственно Сербской письменности неизвѣстно ничего. Здѣсь съ самаго начала ему воспротивились нѣкоторыя свойства народнаго нарѣчія, постаравшіяся уничтожить въ немъ всѣ особенности, которыхъ

никакъ не можетъ переварить народный Сербо-Хорватскій языкъ. Не касаясь всего характера церковно-Славянскаго языка, Сербо-Хорватскіе писатели никакъ не могли выговорить носовыхъ гласныхъ ж и ѧ, потому что народный языкъ въ подобныхъ случаяхъ предпочитаетъ простыя гласныя у и е; кромѣ того они не умѣли отличать и отъ ы, а равно и ъ отъ ь. Но нетолько эти звуки церковнаго др. Болгарскаго языка пропали у Сербо-хорватовъ; есть и другія, чуждыя явленія, какъ напр. шт и жд, ć и đj и т. д; но сначала они оставались неприкосновенными. Мы не можемъ точно опредѣлить время, когда именно церковный языкъ началъ такимъ образомъ измѣняться въ Хорватскихъ книгахъ; но во всякомъ случаѣ это произошло очень рано, вѣроятно около половины X вѣка, потому что въ Хорваціи есть много древнихъ глагольскихъ отрывковъ (XI—XII вв.), въ которыхъ эти перемѣны уже вполнѣ совершились, и не можетъ быть, чтобъ это сдѣлалось вдругъ. Еслибъ мы навѣрное знали, что фрейзингенскіе древне-Хорватскіе отрывки, списаны съ глагольской рукописи, что вѣроятно и было, тогда бы самый этотъ латинскій списокъ ясно показалъ намъ, какая судьба постигла древне-Болгарскій языкъ у Хорватовъ и Сербовъ около X вѣка.

Эти различія въ церковномъ языкѣ Болгаріи, Моравіи, Панноніи и Хорваціи были незначительны; а если примемъ во вниманіе, что этотъ же самый языкъ вскорѣ (въ X вѣкѣ) перенесенъ былъ изъ Болгаріи въ Россію, тогда передъ нашими глазами встаетъ чудное явленіе, какъ дѣянія двоихъ, вдохновленныхъ Богомъ, проповѣдниковъ озарили всю восточную половину Европы свѣтомъ христіанскаго ученія и какъ одинъ и тотъ же церковно-Славянскій языкъ отзывался въ милліонахъ набожныхъ сердецъ. То же самое время, когда латинскій языкъ господствовалъ въ западной Европѣ, какъ посредникъ вѣры, науки и образованія, когда Арабскій языкъ распространялъ свое господство въ Азіи, Африкѣ и Испаніи,—то же самое время возбуждало ожиданія, что и на европейскомъ востокѣ, на ряду съ греческимъ языкомъ и культурою, возникнетъ, на основаніи древне-Болгарскаго языка, совершенно новая христіанско-славянская образованность.

Виновникомъ этого былъ мудрый Константинъ, приспособившій древне-болгарскій языкъ къ книжному употребле-

нію, составившій для него особыя славянскія.

2. Письмена.

Множество историческихъ свидѣтельствъ единогласно подтверждаютъ, что это было первымъ дѣломъ Солунскаго философа, которое онъ долженъ былъ исполнить ранѣе перевода св. Писанія. Эта трудная работа требовала всесторонняго образованія, въ особенности же знанія языковъ и филологическихъ наукъ; всѣмъ этимъ обладалъ Константинъ философъ, о которомъ намъ разсказываютъ, что онъ, благодаря своей необыкновенной мудрости и знаніямъ, сдѣлался сначала библіотекаремъ при св. Софіи, а потомъ учителемъ философіи; потомъ онъ былъ посланъ къ Сарацинамъ для ученыхъ преній по богословско-философскимъ вопросамъ, и наконецъ къ Хозарамъ, чтобъ наставить ихъ въ христіанствѣ. Объ этомъ послѣднемъ путешествіи повѣствуется много замѣчательнаго, такъ напр. что въ это время Константинъ изучилъ еврейскій языкъ и еврейскія письмена, и что онъ перевелъ восемь частей грамматики (это вѣроятно значитъ, что онъ составилъ для Грековъ еврейскую грамматику), кромѣ того, онъ научился читать самарянскія письмена и наконецъ, найдя гдѣ-то евангеліе и псалтирь, писанный роушкими письменами, онъ познакомился и съ ними при помощи одного человѣка, который научилъ его читать и говорить на этомъ языкѣ. Повѣствованіе это очень темно, такъ что оно болѣе походитъ на легенду, чѣмъ на историческую истину. Подъ Хозарами въ исторіи обыкновенно разумѣется народъ татарскаго племени; но совершенно неизвѣстно—что помогло Кириллу, во время проповѣдыванія христіанской вѣры, изучить ради Хозаръ еврейскій или русскій языкъ. Поэтому нѣкоторые (Гильфердингъ) предполагаютъ, что здѣсь, можетъ быть, говорится только о *государственной* власти Хозарской, но что *народная* среда была *Славянскою*. Тогда бы конечно и слово «русскій» имѣло иное значеніе, чѣмъ ему придаетъ Шафарикъ. Изъ всѣхъ этихъ темныхъ извѣстій можно однако заключить, что нашъ философъ, кромѣ греческаго и латинскаго языковъ, на которыхъ онъ изучалъ науки, и кромѣ Славянскаго, на которомъ онъ говорилъ съ дѣтства въ Солуни, познакомился еще научнымъ путемъ съ языкомъ и письменами еврейскими, самарянскими (финикійскими) и какими-то русскими (можетъ быть готскими?). Это служило ему достаточнымъ ручательствомъ за успѣхъ и послѣдняго труда

его, занявшаго остатокъ его жизни, посвященной Богу и вѣрѣ.

Два обстоятельства мѣшаютъ намъ вполнѣ оцѣнить эту послѣднюю геніальную задачу нашего святителя: во первыхъ мы не знаемъ навѣрное, имѣли-ли Славяне уже прежде что-нибудь похожее на письмена — припомнимъ о вышеупомянутыхъ чертахъ и рѣзахъ—и на сколько Константинъ ими воспользовался; во вторыхъ, этотъ—уже самъ по себѣ довольно темный—вопросъ становится для насъ еще темнѣе благодаря тому, что мы даже не знаемъ навѣрное, какія письмена изобрѣлъ мудрый Константинъ, потому что нынѣ два славянскихъ алфавита оспариваютъ эту честь другъ у друга: *кириллица* и *глаголица*. Съ тѣхъ поръ, какъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка возникла славянская наука, этотъ интересный вопросъ заставлялъ задумываться всѣхъ славянскихъ ученыхъ; каждому хотѣлось съ своей стороны помочь чѣмъ нибудь изученію того обстоятельства, которое послужило основаніемъ для великаго дѣла славянскаго просвѣщенія. По нынѣшнему положенію науки, вопросъ о первенствѣ письменъ слѣдуетъ отдѣлить отъ вопроса, какія именно письмена изобрѣлъ Кириллъ, такъ какъ эти вопросы не зависятъ одинъ отъ другаго, и изъ доказательства, что глаголица старше кириллицы, еще не слѣдуетъ, чтобъ Кириллъ составилъ именно глаголицу, а кто-нибудь другой, напр. Климентъ, кириллицу.

Что же касается древности и первенства, то уже въ прошломъ вѣкѣ, помимо соображеній Грубишича и другихъ ученыхъ далматинцевъ, остроумный Гелазій Добнеръ доказывалъ (1785), что глаголица старше Кириллицы и что именно глагольскія письмена принадлежатъ Кириллу; но его голосъ былъ слишкомъ слабъ предъ мнѣніемъ великаго Добровскаго, который приписывалъ Хорватскую глаголицу — Болгарская тогда еще не была извѣстна—тринадцатому вѣку, подозрѣвая въ этомъ хитрость католическаго духовенства; чтобъ, по его мнѣнію, защитить католицизмъ отъ нападенія православія и настоящаго славянскаго письма, именно кириллицы. Тѣмъ легче было Добровскому склонить ученый міръ въ пользу этого мнѣнія, что тогда еще никто не подозрѣвалъ о существованіи глаголическихъ памятниковъ старше XIII вѣка. Но это мнѣніе продержалось не долго. Вскорѣ въ руки Копитара попалъ первый глагольскій памятникъ настоящаго древне-Болгарскаго языка, писанный круглою глаголицею: это былъ такъ называемый «Glagolita Clozianus».

При помощи такого дѣйствительнаго и сильнаго оружія ему легко было преодолѣть ученіе Добровскаго. Съ тѣхъ поръ (1836 г.) настала новая эпоха для глаголицы, обильная удачными открытіями и учеными изслѣдованіями; ея значеніе возрастало съ каждымъ днемъ; ученый міръ не остался при той увѣренности, что она возникла около XIII вѣка, но онъ не склонялся и на сторону того убѣжденія, что она старше кириллицы, пока Шафарикъ, сопоставивъ свои и чужія доказательства, не возобновилъ въ 1859 году мнѣнія Добнера, что именно Кириллъ составилъ глаголицу, а его ученикъ Климентъ изобрѣлъ кириллицу.

Мы должны замѣтить, что къ Шафарику присоединились многіе славянскіе ученые, между которыми были и знаменитый Миклошичъ и Рачскій Послѣдній пространно изложилъ свое и Шафариково мнѣніе въ ученомъ трудѣ «Slovjensko pismo» въ 1861 г. (U Zagrebu). Главныя основанія, на которыя ссылаются изслѣдователи этого вопроса, слѣдующія: a) глаголица, какъ письмо оригинальное, очень неудобна, а болѣе удобное греческое письмо т. е. кириллица составляетъ уже шагъ къ усовершенствованію; b) въ глаголицѣ есть буквы, которыя напоминаютъ древній обычай писать съ права на лѣво, чего въ кириллицѣ нѣтъ; c) кирилловская азбука состоитъ изъ двухъ частей: одна, и бóльшая часть, есть не что иное, какъ чистая греческая азбука, составленная по формѣ буквъ, существовавшихъ въ IX—XI вѣкѣ; другая же часть, очень подходящая къ глаголицѣ, вѣроятно отъ нея и заимствована, что бы служило доказательствомъ, что глаголица была взята за образецъ при составленіи кириллицы и что она, стало быть, древнѣе. Хотя бы эти выводы, какъ чисто графическіе, и были справедливы, но сами по себѣ они ничего не доказываютъ при вопросѣ о томъ, кто составилъ глаголицу. Вслѣдствіе этого, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи, принимаются во вниманіе глагольскіе памятники и ихъ отношенія къ кирилловскимъ и этимъ достигаются слѣдующіе справедливые результаты: a) существуютъ цѣлыя глагольскія рукописи или значительные отрывки, которые безъ сомнѣнія также древни, какъ и древнѣйшіе, донынѣ извѣстные кирилловскіе памятники, т. е. принадлежатъ X и XI вѣку; b) содержаніе этихъ рукописей то же самое, что и въ кирилловскихъ памятникахъ, т. е. тотъ же текстъ и тотъ же языкъ; кромѣ того съ глагольскими памятниками можно срав-

нивать только самые древніе кирилловскіе памятники, потому что языкъ и текстъ позднѣйшихъ кирилловскихъ рукописей подновленъ, а въ глагольскихъ нѣтъ; c) есть нѣкоторыя глагольскія особенности, въ словахъ и формахъ, по которымъ справедливо можно заключить, что нѣкоторые кирилловскіе памятники XI вѣка—ничто иное какъ списки съ глагольскихъ оригиналовъ; кромѣ того въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ рукописяхъ остались еще слѣды отдѣльныхъ глагольскихъ словъ, а есть и такія рукописи, гдѣ первоначальное и древнѣйшее глагольское письмо соскоблено, и замѣнено кириллицею; d) наконецъ глагольскіе памятники также распространены въ славянскомъ мірѣ, какъ и кирилловскіе; неизвѣстно какъ и когда, при какихъ обстоятельствахъ они проникли въ нѣкоторыя страны. Это относится нестолько къ глагольскимъ отрывкамъ, найденнымъ въ сѣверо-западныхъ странахъ, какъ напр. въ Чехіи или Моравіи, — сколько къ Хорваціи, гдѣ, какъ уже положительно извѣстно, глаголица процвѣтала даже внѣ церкви уже въ XI и XII вѣкахъ, и, стало быть, никакъ нельзя предполагать, чтобъ на церковныхъ соборахъ, начиная съ X вѣка, народъ Хорватскій защищалъ какую-нибудь другую святыню или былъ преслѣдуемъ за какія-нибудь другія письмена, а не именно за глаголицу, которую онъ издревле называетъ *хорватскимъ* письмомъ. Всѣ эти результаты на столько же вѣрны, на сколько достойны вниманія, потому что они ясно показываютъ, что уже въ X, XI и XII вѣкахъ глагольскія письмена были хорошо извѣстны всему славянскому міру, и не дѣлались бы кирилловскія копіи, какъ мы уже сказали, если бы уже въ X вѣкѣ глагольская письменность, предназначенная для церковныхъ потребностей, не была богата, даже, можетъ быть, богаче кирилловской.

Пока всѣ нынѣшніе изслѣдователи славянскихъ древностей согласны съ этимъ мнѣніемъ, но не всѣ одинаково увѣрены въ дальнѣйшихъ выводахъ Шафарика, какъ-то: что глагольскія письмена принадлежатъ именно Кириллу, а что письмена, нынѣ называемыя кириллицею, составлены Климентомъ и т. д.—не увѣрены потому, что точно также можно предположить, что мудрый Константинъ, хотя и зналъ глаголицу (въ смыслѣ вышеупомянутыхъ чертъ и рѣзовъ), но какъ человѣкъ образованный и воспитанный въ греческомъ духѣ, предпочелъ взять большинство буквъ изъ гре-

ческой азбуки, присоединивъ къ нимъ только небольшое количество изъ глаголицы. Чтобъ предотвратить такой выводъ, заключающій въ себѣ много правды, Шафарикъ положительно утверждаетъ, *что до Кирилла Славяне не имѣли никакихъ письменъ и что кирилловскія письмена были совершенно новыя.* Оба эти мнѣнія гораздо легче высказать, чѣмъ подтвердить или доказать, потому что онѣ вовсе не очевидны; противъ втораго изъ нихъ говоритъ ясная апологія черноризца Храбра, изъ которой тоже выводили заключеніе, что Кириллъ изобрѣлъ глаголицу, но эта апологія скорѣе намекаетъ на кириллицу, чѣмъ на глаголицу. Въ древнѣйшей, хотя и сильно испорченной, рукописи этой апологіи славянскихъ письменъ встрѣчаются двѣ замѣчательныя фразы: 1) что Богъ далъ философу Кириллу разумъ и что онъ составилъ письмена, *одни по греческимъ письменамъ, а другія по разуму и дару Божьему*; затѣмъ 2) что Греки говорятъ, что *изъ ихъ письменъ составлены славянскія письмена*; эти двѣ фразы, какъ и все направленіе апологіи Храбра, намекаютъ болѣе на кириллицу нежели на глаголицу. Изъ этого видно, какъ не точны именно тѣ доказательства, которыя должны бы были положительно рѣшить вопросъ о томъ, которыя письмена принадлежатъ Кириллу; поэтому и борьба мнѣній по поводу этого вопроса останется до тѣхъ поръ неразрѣшенною, пока съ которой-нибудь стороны не будутъ представлены новыя, до сихъ поръ неизвѣстныя основанія.

Въ глагольскихъ письменахъ было нѣкогда еще одно, нынѣ уже почти выясненное, затрудненіе, а именно: одни изъ нихъ *круглыя*, а другія *угловатыя*; одними писаны памятники древне-болгарской рецензіи, а другими памятники Хорватской рецензіи, т. е. тѣ, которые писаны на языкѣ, выбросившемъ, какъ мы уже говорили выше, обѣ носовыя гласныя и удержавшемъ только одну полугласную. Изъ этого естественно слѣдуетъ, что въ угловатой (гранатной) или Хорватской глаголицѣ меньшее число буквъ, чѣмъ въ круглой или Болгарской и нѣтъ именно тѣхъ звуковъ, въ которыхъ не нуждается древне церковная славянщина Хорватскаго отдѣла. Нынѣ уже не существуетъ никакого сомнѣнія, что оба письма произошли изъ одного источника, т. е. что угловатыя Хорватскія письмена произошли отъ круглыхъ Болгарскихъ. Лучшимъ доказательствомъ тому слу-

жить сама Хорватская глаголица, потому что въ болѣе древнихъ рукописяхъ, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ буквахъ, она сохранила округленную форму; мы даже нападаемъ на слѣдъ одного весьма древняго глаголическаго отрывка Хорватскаго происхожденія, въ которомъ нѣкоторыя буквы еще совершенно круглы, а нѣкоторыя уже переходятъ въ обычную впослѣдствіи угловатую форму. Взвѣсивъ все это какъ слѣдуетъ, мы не будемъ имѣть основаній считать невозможнымъ чтобъ какой-нибудь глагольскій, писанный круглою глаголицею, памятникъ, былъ написанъ въ Хорваціи, хотя бы въ немъ и удержались и носовыя гласныя и обѣ полугласныя,—тѣмъ болѣе, когда мы знаемъ, что и въ Россіи еще въ XI вѣкѣ переписывались русскими людьми многіе древне-болгарскіе памятники съ полнѣйшимъ обозначеніемъ характеристическихъ древне-болгарскихъ признаковъ. Я упоминаю объ этомъ по поводу одной литературной древности, именно глаголическаго Клоцевскаго памятника, который нѣкогда хранился на островѣ Кркѣ, (Veglia) въ библіотекѣ Франкопановъ.

3. Труды Славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія.

При изложеніи *литературной* дѣятельности Славянскихъ апостоловъ, мы прежде всего встрѣчаемся съ вопросомъ: что сдѣлали они сами и что сдѣлано ихъ учениками? потому что только такимъ образомъ можно приблизительно опредѣлить—каково было состояніе церковной литературы до той поры когда случай занесъ ее къ Сербо-Хорватамъ, и что для той же литературы сдѣлано этими послѣдними. Знать объ этомъ важно для насъ потому, что литературною дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ обыкновенно измѣряется умственное развитіе цѣлаго народа; и не одно и то же переписать или коегдѣ переиначить уже готовый трудъ, или первоначально обработать его—въ оригиналѣ или въ переводѣ. По всѣмъ донынѣ открытымъ древнимъ церковнымъ памятникамъ мы можемъ заключить, что въ то первое время, о которомъ мы здѣсь говоримъ, самая сильная дѣятельность проявлялась при жизни самихъ апостоловъ въ Болгаріи, Панноніи и Моравіи, и наконецъ по ихъ смерти въ Болгаріи, до 927 г., во все продолженіе золотаго Симеонова вѣка. Изъ Хорваціи до насъ

дошли только извѣстія о жестокой борьбѣ за Славянскую литургію, но не дошло свѣдевій о возникновеніи самостоятельной литературной дѣятельности. По всему, что мы сказали о положеніи Славянской литургіи въ Далмаціи, кажется весьма вѣроятнымъ, что здѣсь довольствовались простымъ переписываніемъ трудовъ, добытыхъ или отъ самихъ апостоловъ и ихъ первыхъ учениковъ изъ Моравіи, или вскорѣ потомъ изъ Болгаріи.

Древнія свидѣтельства приписываютъ мудрому Константину переводъ евангелія еще до его прибытія въ Моравію, хотя навѣрное и неизвѣстно, на сколько этотъ трудъ былъ завершенъ тогда, въ Царьградѣ. Но извѣстно, что отправляясь въ Римъ, онъ взялъ съ собой слѣдующія книги, уже переведенныя на славянскій языкъ: *евангеліе*, приспособленное къ церковному чтенію, и начинающееся словами евангелиста Іоанна: искони бѣ слово; *апостолъ* т. е. дѣянія и посланія апостольскія, также въ порядкѣ церковныхъ чтеній; *псалтирь* и *службу*, заключавшую въ себѣ молитвы и пѣснопѣнія, которыя читаются за заутренею, за часами, обѣднею, вечернею, павечерницею, и во время крещенія. Во сколькихъ и какихъ книгахъ заключалась эта служба, теперь уже неизвѣстно; извѣстно только, что она была приспособлена къ обрядамъ и уставу византійской церкви, которые въ то время были гораздо короче и проще, чѣмъ впослѣдствіи. Книги, въ которыхъ заключаются различные отдѣлы богослуженія, называются нынѣ такъ: *служебникъ* (соотвѣтствующій латинскому: missale), *часословъ* (лат. breviarium), *требникъ* (лат. ritnale), *молитвенникъ* (euchologion), *октоихъ*, *мѣсяцесловъ* (menolog), *стихирарь* и т. д. Посредствомъ критическаго разбора множества рукописей, въ которыхъ еще до сихъ поръ находятся вышеупомянутые тексты, вѣроятно было бы возможно отыскать ту первоначальную форму, въ какой самъ Кириллъ передалъ Славянское богослуженіе. Кромѣ того Кириллу приписываются разныя статьи въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, какъ-то: исповѣданіе «о правой вѣрѣ», нѣкоторыя молитвы и одно введеніе въ евангеліе. Первое по всѣмъ соображеніямъ принадлежитъ ему дѣйствительно но послѣднее, кажется, ошибочно ему приписывается. Все, что Кириллъ писалъ по гречески, уже исчезло безъ слѣда.

Чтобъ видѣть, какая судьба съ теченіемъ времени постигла у Славянъ литературныя произведенія апостола Ки-

рилла, мы приведемъ здѣсь нѣкоторые древнѣйшіе и важнѣйшіе памятники, о которыхъ извѣстно, что въ нихъ хоть отчасти сохранились плоды его дѣятельности. Всѣ эти памятники первоначально были писаны на древне-болгарскомъ нарѣчіи, которое впослѣдствіи было нѣсколько измѣнено.

Важнѣйшіе и древнѣйшіе тексты Славянскаго *евангелія* не встрѣчаются ранѣе XI вѣка; недѣльныя евангелія древнѣе тетро-евангелій. Кирилловское Остромирово евангеліе (изданное Востоковымъ въ 1843 г. въ Петербургѣ и Ганкою въ 1853 г. въ Прагѣ) обозначено 1057 годомъ. Этотъ списокъ сдѣланъ въ Россіи съ древнѣйшаго др. болгарскаго текста. Въ Россіи есть еще слѣдующіе кирилловскіе тексты евангелія: Мстиславово 1117 года, Юрьевское 1119 г., Добрилово или Симеоново 1164 г.; а безъ обозначенія года найдутся отрывки и болѣе древніе, напр. отрывокъ типографской библіотеки отъ XI вѣка. И глагольскихъ евангелистаріевъ, относящихся къ той же эпохѣ, имѣется нѣсколько, а именно: Ассеманіевскій или Ватиканскій (изданный Рачкимъ въ Загребѣ 1865 г.) и Охридскій (отрывокъ). Изъ кирилловскихъ тетро-евангелій, съ обозначеніемъ года, древнѣе всѣхъ четвероевангеліе *Крылошское* 1144 года; но много замѣчательнѣе и древнѣе нѣкоторыя глагольскія четвероевангелія, какъ-то: Григоровичево, Зографское и Михановичево (отрывки). И такъ древнѣйшія кирилловскія евангелія находились пока въ Россіи, а глагольскія въ Болгаріи. Древнѣйшія рукописи Болгарскаго евангелія писаны глаголицею; Кирилловскія же сохранились только отъ конца XII вѣка, когда появляются уже и тексты Сербской рецензіи. Однако въ новѣйшее время петербургская библіотека добыла отрывокъ кирилловскаго др болгарскаго евангелія XI вѣка (см Извѣст. археолог. общества, томъ V. стр. 29). Чисто Болгарское евангеліе—Терновское или Максимово 1273 г.—находится теперь въ Загребѣ; есть и еще ихъ нѣсколько того же вѣка, но безъ обозначенія года, частью въ Загребѣ, а частью въ другихъ мѣстахъ. Древнѣе всѣхъ кирилловскій евангелистарій Сербской рецензіи—Симеоновъ или Волковъ (Вукановъ) 1199—1200 года, но въ немъ замѣтно вліяніе древне-болгарскаго нарѣчія какъ и въ отрывкахъ Сверлижскаго евангелистарія, принадлежащихъ XIII вѣку и по тексту подходящихъ къ Никольскому евангелію (издан. Даничичемъ): предполагаютъ, что оба эти памятника произошли изъ гла-

гольскаго оригинала. Сербскихъ евангелистаріевъ, писанныхъ на пергаменѣ, между XIII—XV вѣками, разсѣяно очень много по монастырямъ и библіотекамъ, но глагольскихъ Хорватской рецензіи вовсе не существуетъ.

Апостоловъ не такъ много и нѣтъ такихъ древнихъ какъ евангелія. Древнѣйшій апостолъ—Охридскій, XII вѣка, оказывающійся спискомъ съ глагольскаго оригинала; списокъ сдѣланъ вѣроятно въ Охридѣ; еще приписываются XII—XIII вѣкамъ два болгарскіе апостола: Струмичскій и Слепченскій. Въ Россіи есть апостолъ 1220 г. съ толкованіемъ, а къ XIV вѣку относится знаменитый сербскій Шишатовачскій апостолъ (изд. Миклошичемъ). Наконецъ особенно важенъ отрывокъ глагольскаго апостола Хорватской рецензіи, нѣкогда приклеенный на переплетѣ Сербскаго номоканона 1262 г. и относящійся навѣрное къ XII вѣку. Онъ хранится теперь въ Загребѣ.

Псалтирей довольно, есть и очень древніе. Въ Россіи хранятся отрывки псалтиря XI вѣка: пс. Евгеніевскій; того же вѣка—Чудовскій и отъ XII вѣка—Петербуржскій. Въ первомъ изъ нихъ сохранилось еще нѣсколько глагольскихъ буквъ, какъ и въ Болгарскомъ, принадлежащемъ тоже XII вѣку. Одинъ кирилловскій псалтирь Болгарской рецензіи XIII вѣка имѣется въ Загребѣ (изъ собранія Михановича) и одинъ въ Россіи—Норовскій и т. д. Наконецъ нерѣдко встрѣчаются глагольскіе псалтири Хорватской рецензіи, которые обыкновенно соединены съ часословомъ, какъ-то принадлежащіе XIV вѣку: Пасманскій, Парижскій, Лобковичевскій и т. д. Псалтирей Сербской рецензіи, замѣчательныхъ по времени, донынѣ еще не нашлось.

Воспоминаніе объ очень древнихъ *богослужебныхъ* книгахъ сохранилось въ Пражскихъ и Синайскихъ глагольскихъ отрывкахъ (издан. Шафарикомъ и Срезневскимъ); кромѣ того въ Россіи имѣются такъ называемыя *минеи* XI вѣка, которыя вѣроятно списаны съ древнѣйшихъ Болгарскихъ оригиналовъ, что еще видно въ рукописи, писанной «Путатою.» Въ Россіи также находится *тріодь* постная XI-го вѣка. Такихъ рукописей XII-го вѣка очень много (ср. Срезневскій, Древн. памятн. русск. письма и языка, Изв. Акад. X т. 3). Древнѣйшимъ *стихираремъ* считается Синодальный 1157 г. и Новгородскій-Софійскій 1163 г.; безъ обозначенія года ихъ существуетъ нѣсколько. Есть нѣсколько столь же древнихъ

рукописей *кондакаря*. На югѣ мало сохранилось юго-славянскихъ рукописей, въ особенности рукописей болгарской рецензіи; отъ XIII вѣка имѣется болгарскій *октоихъ* изъ собранія Михановича, находящійся нынѣ въ Загребѣ; къ тому же времени относится Барбериніевскій палимпсесть, содержащій отрывки болгарскаго октоиха и сербской минеи. Въ Россіи (въ Норовскомъ собраніи) есть Сербскій октоихъ XIII—XIV вѣка и т. д Всѣмъ, что намъ извѣстно о характерѣ этихъ памятниковъ, мы обязаны, послѣ Востокова, Срезневскому, который посредствомъ сравненія глагольскихъ отрывковъ съ древними кирилловскими, уясняетъ первоначальный и общій видъ памятниковъ.

По кончинѣ Кирилла книжную дѣятельность продолжалъ Меѳодій и ученики его. Его біографъ (Климентъ или Горasдъ) говоритъ, что онъ докончилъ переводъ *Св. Писанія ветхаго завѣта, кромѣ Маккавеевъ*. Говоря объ этомъ, Іоаннъ Экзархъ приписываетъ ему съ братомъ переводъ шестидесяти уставныхъ книгъ, что по нынѣшнему исчисленію значитъ, что онъ не перевелъ только нѣсколькихъ частей ветхаго завѣта, такъ называемыхъ девтероканоническихъ книгъ, къ которымъ принадлежатъ: Маккавеи, Іисусъ Сирахъ, Эсѳирь, Юдиѳь, Товія. Сравненіе и оцѣнка различныхъ рукописей книгъ ветхаго завѣта подтверждаетъ слова Іоанна Экзарха, такъ какъ характеръ языка и перевода въ отдѣльныхъ частяхъ библіи не одинаковъ и носитъ слѣды трудовъ нѣсколькихъ дѣятелей и различныхъ періодовъ времени. Впрочемъ этотъ вопросъ не настолько изслѣдованъ, чтобы можно было сказать что-нибудь положительное. До сихъ поръ извѣстенъ только характеръ перевода отдѣльныхъ книгъ ветхаго завѣта въ русскихъ библіяхъ и русскихъ рукописяхъ; потомъ еще недостаточно изслѣдовано, насколько текстъ, вошедшій въ полное собраніе св. Писанія въ Россіи, и то только въ концѣ XV в., — согласуется съ переводомъ тѣхъ же книгъ южно-славянской рецензіи, разбросанныхъ во многихъ Болгарскихъ, Сербскихъ и Хорватскихъ (глагольскихъ) рукописяхъ (потому что цѣльной библіи не имѣется). Чтобы окончательно рѣшить этотъ вопросъ, необходимо поглубже, чѣмъ это донынѣ дѣлалось, изучить древніе памятники южно-славянской церковной письменности.

И такъ, оставивъ въ сторонѣ нерѣшенный вопросъ о томъ, когда былъ пополненъ переводъ ветхаго завѣта, мы

должны упомянуть, что Мееодію приписываютъ также переводъ на Славянскій языкъ: *номоканона* (въ слав. переводѣ: законоу правило, болѣе же обычное названіе: кормчая книга), сборника церковнаго права, на сколько оно до его времени развилось въ Византійской церкви—нынѣшніе номоканоны много пространнѣе Мееодіева номоканона;—затѣмъ *патерика* (wтечьскыѧ книгы), собранія краткихъ житій св. Отцевъ церкви; наконецъ ему же приписывается переводъ съ греческаго осьми бесѣдъ брата своего Константина, въ которыхъ этотъ послѣдній защищалъ христіанскую вѣру отъ учителей магометанства и еврейства у Хозаръ. Нѣкоторые предполагаютъ, что это та же самая книга, которая коегдѣ упоминается подъ названіемъ «Кириллъ Словѣнскій»; при этомъ невольно приходятъ на память слова Хорватскаго лѣтописца: «vazmi knjige. ke pri Hrvatih ostaše i pri njih se nahode a zovu se *Metodios*».

Рукописи ветхаго завѣта—чтобы сказать что-нибудь и объ ихъ позднѣйшей участи въ славянскомъ мірѣ—не встрѣчаются ни въ такомъ же количествѣ, ни въ такихъ же древнихъ спискахъ, какъ рукописи, содержащія въ себѣ новозавѣтныя книги. Извѣстно только, что текстъ позднѣйшихъ рукописей сохранилъ много признаковъ древности, что подтверждаютъ и историческія свидѣтельства. Такъ уже въ 1047 году въ Россіи попъ Упиръ переписывалъ пророческія книги; въ XII вѣкѣ (въ 1136 г.) были переписаны Моисеевы книги и т. д И такъ мы всетаки имѣемъ, хотя и въ позднѣйшихъ спискахъ, текстъ древнѣйшаго перевода, относящагося ко временамъ Мееодія. Выборъ изъ разныхъ книгъ ветхаго завѣта, приспособленный къ церковному чтенію, извѣстенъ подъ названіемъ *паремейника*. Извѣстный паремейникъ Хиландарскій, XII в., Болгарской рецензіи; Петербуржскій же паремейникъ обозначенъ 1271 годомъ, и т. д. Текстовъ ветхаго завѣта Сербской рецензіи нынѣ очень мало: всѣ они принадлежатъ позднѣйшему времени и еще не вполнѣ изслѣдованы. Посредствомъ глагольскихъ памятниковъ Хорватской рецензіи (ср. изданіе Берчича) можно бы было напасть на слѣдъ замѣчательныхъ отрывковъ этого текста, еслибъ только былъ открытъ доступъ къ хранилищамъ древнѣйшихъ рукописей.

Номоканоны встрѣчаются въ рукописяхъ не ранѣе XIII вѣка, какъ-то: Болгарскій Караджича (въ Берлинѣ), Сербскій

Михановича 1262 года (нынѣ въ Загребѣ) и нѣсколько Русскихъ: Румянцовскій 1280 г., Рязанскій 1284 г. и т. д. Но это, конечно, только позднѣе распространенные тексты церковныхъ уставовъ. Навѣрное извѣстно, что около 883 года былъ составленъ Фотіемъ пространный греческій номоканонъ вмѣсто прежняго, болѣе краткаго, номоканона Іоанна Схоластика; а по этому (т. е. Фотіеву) болѣе обширному были также составлены номоканоны Славянскіе.

Патериковъ много; въ особенности въ болѣе краткой формѣ, подъ названіемъ пролога, существуетъ нѣсколько довольно древнихъ рукописей. Такъ есть Сербскіе прологи: Норовскій и Румянцовскій, переписанные въ XII вѣкѣ съ Болгарскихъ оригиналовъ; въ Россіи есть патерикъ Синайскій, который принадлежитъ, можетъ быть, даже XI вѣку и носитъ на себѣ слѣды древне-Болгарскаго языка; у Миклошича есть Болгарскій патерикъ XIII вѣка и т. д. Первоначальный патерикъ былъ вѣроятно очень краткомъ; но до насъ дошло нѣсколько весьма древнихъ житій, напр. въ Супрасльскомъ кодексѣ есть описаніе житій и мученій святыхъ за мартъ мѣсяцъ; отдѣльно же за весьма древнее извѣстно житіе св. Кондрата, XI вѣка, которое можно сравнить съ таковымъ же житіемъ въ Супрасльской рукописи; замѣтно что оба эти древніе памятника—списки съ еще болѣе древнихъ оригиналовъ. Такимъ образомъ мы доходимъ даже до начала X вѣка! На столько же древне житіе мученицы Ѳеклы.

Таково было положеніе церковной письменности во времена славянскаго богослуженія, когда, по смерти учителей, изгнанные изъ Моравіи и Панноніи ученики ихъ начали переселяться къ Болгарамъ и Сербо-Хорватамъ. У Хорватовъ, какъ мы уже упоминали, ничего не говорится о продолженіи переводовъ и, сказать правду, для совершенія богослуженія было достаточно и того, что было уже готовымъ принесено туда. Древнѣйшимъ письменнымъ памятникомъ, писаннымъ въ Хорваціи, былъ бы тотъ псалтирь, который велѣлъ на свой счетъ написать (вѣроятно только списать) Салонско-Сплитскій архіепископъ Ѳеодоръ (между 880—890), еслибъ къ сожалѣнію не затерялся слѣдъ этой драгоцѣнной древности. Она еще была извѣстна въ XIII вѣкѣ, когда съ нея былъ сдѣланъ новый списокъ Рабскимъ клерикомъ Николаемъ (въ 1222 г.); но и отъ псалтиря Николая не оста-

лось никакихъ слѣдовъ. Такимъ образомъ объ этихъ памятникахъ нельзя ничего болѣе сказать. Но если мы вспомнимъ, какъ жестоко латинскіе священники нападали на Славянскую литургію, какъ они повсюду препятствовали ей, то мы поймемъ, почему «хорватскіе попы» желали уклониться отъ этой вражды по крайней мѣрѣ тѣмъ, что ввели въ Славянское богослуженіе обрядъ западной церкви. Навѣрное неизвѣстно, когда произошла эта перемѣна; но кажется. никакъ не позже XI вѣка. Отчасти это можно опредѣлить по церковнымъ книгамъ, которыя съ того времени были иначе составлены, такъ какъ прежніе тексты соотвѣтствовали только потребностямъ восточнаго обряда. Всѣ открытые донынѣ отрывки глагольскихъ древнихъ памятниковъ хорватской рецензіи представляютъ уже приспособленіе книгъ къ западному обряду: таковы отрывки служебника и часослова; о нѣкоторыхъ, благодаря ихъ краткости, даже нельзя рѣшить, какова была цѣльная книга. Только отъ единственной рукописи, писанной на пергаменѣ *полукруглою* глаголицею, было найдено два листа, по которымъ видно, что цѣлая книга заключала въ себѣ такъ называемый праксапостоларь, (т. е. дѣянія и посланія апостоловъ), приспособленный къ церковному чтенію по восточному обряду, на всѣ воскресные дни и праздники. Находка только одного такого отрывка есть случай, ничего не разрѣшающій; но изъ этого мы уже можемъ заключить, что нѣкогда существовало и много глагольскихъ памятниковъ Хорватской рецензіи, которые были принаровлены вполнѣ къ восточному обряду, а стало быть согласовались и съ кирилловскими памятниками Болгарской и Сербской рецензіи. До сихъ поръ это было извѣстно только о глагольскихъ памятникахъ Болгарской рецензіи, о памятникахъ же Хорватской рецензіи это можно было предполагать, но никакъ нельзя было рѣшить навѣрное; но вышеупомянутый отрывокъ уничтожилъ и это сомнѣніе. Благодаря измѣненію обряда, впослѣдствіи пришлось вносить въ Хорватскія книги такіе тексты, которые до тѣхъ поръ не были даже переведены; поэтому было бы полезно сравнить содержаніе церковныхъ книгъ римскаго обряда съ книгами греческаго обряда, чтобъ увидать, на сколько онѣ сходны и сколько въ нихъ новыхъ прибавленій. Для примѣра приведемъ здѣсь одинъ изъ древнѣйшихъ отрывковъ Хорватской глаголицы, именно тотъ пергаменный листъ, въ которомъ содержится

житіе и мученіе св. Ѳеклы. Текстъ этого отрывка (его можно найти у Шафарика, въ христоматіи Ягича и Берчича) вполнѣ схожъ съ текстомъ Кирилловскимъ, находящимся въ различныхъ минеяхъ: стало быть оба разряда книгъ, и глагольскій и кирилловскій, воспользовались однимъ и тѣмъ же переводомъ, не переводя два раза одно и тоже. Подобные примѣры, каковыхъ много, всего лучше доказываютъ, какая тѣсная связь существовала нѣкогда между кирилловскими и глагольскими памятниками: ихъ жизнь въ продолженіи извѣстнаго времени шла однимъ путемъ, потому что у нихъ былъ одинъ источникъ; только впослѣдствіи они разошлись и каждая письменность приняла свое направленіе.

Всѣ древнѣйшіе хорватскіе глагольскіе памятники сохранились только въ отрывкахъ, большею частью въ отдѣльныхъ листкахъ, находимыхъ обыкновенно на переплетахъ позднѣйшихъ рукописей. Но и эти отрывки принадлежатъ къ рукописямъ тѣхъ церковныхъ книгъ, которыя употребляются у католиковъ. Стало быть, до этого времени у Хорватовъ была еще другая, болѣе древняя эпоха Славянской литургіи, когда въ церкви еще господствовалъ восточный обрядъ; но до сихъ поръ не нашлось ничего принадлежащаго тому времени, кромѣ единственнаго, несомнѣннаго остатка—вышеупомянутаго отрывка прежняго глагольскаго праксапостоларя, которымъ былъ оклеенъ переплетъ кирилловскаго номоканона 1262 г. Этотъ памятникъ въ высшей степени замѣчателенъ относительно письма, которое еще не вполнѣ угловато (гранатно) и съ тѣмъ вмѣстѣ не вполнѣ обыкновенное Болгарское, но составляетъ что-то среднее, какъ будто переходъ отъ одного письма къ другому.

Такъ какъ текстъ глагольскихъ памятниковъ почти ни въ чемъ не измѣнялся до XV вѣка, то опредѣлить древность отрывковъ по тексту гораздо труднѣе, чѣмъ по характеру глаголицы. Поэтому-то и слѣдовало бы составить изъ древнихъ разсѣянныхъ отрывковъ самое полное собраніе палеографическихъ образцовъ, чтобъ установить какіе нибудь прочные законы для характеристики Хорватской глаголицы. Самое полное собраніе такихъ отрывковъ сдѣлано Берчичемъ въ Задрѣ и Кукульевичемъ въ Загребѣ; кое-что хранится въ Люблянской библіотекѣ и кое-что въ Загребской народной библіотекѣ. См. Šafařik: «Památky hlaholsk. písemnictví». Jagić: «Primĕri», II dio, и въ особенности—Berčič:

Chrestomathia linguae veteroslovenicae charactere glagolitico e codicibus, codicum fragmentis et libris impressis. Jaderae. 1859.

4. Книжная дѣятельность въ Болгаріи.

До насъ дошло менѣе извѣстій о книжной дѣятельности въ Хорваціи, чѣмъ о дѣятельности учениковъ Меѳодія въ Болгаріи, въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка. Туда перебрались главнѣйшіе ученики и писатели. Около Охриды и донынѣ сохранилось воспоминаніе о семи Болгарскихъ просвѣтителяхъ, къ которымъ, кромѣ двоихъ апостоловъ, причисляются: Климентъ, Наумъ, Ангеларій, Савва и Гораздъ. Одна служба, писанная по гречески, прославляетъ ихъ за то, что они просвѣтили крещеніемъ всю Болгарскую землю и что Господь на нихъ, какъ на семи столбахъ, укрѣпилъ церковь между дикими Болгарами и Далматинцами. Это послѣднее выраженіе заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ оно доказываетъ, что въ то время церковно-народная жизнь Хорватовъ въ Далмаціи находилась въ связи съ духовнымъ движеніемъ въ Болгаріи: одни укрѣпляли и поддерживали другихъ въ христіанскомъ просвѣщеніи. Такъ какъ труды семи Болгарскихъ просвѣтителей и ихъ учениковъ перешли впослѣдствіи и въ Сербскую письменность, въ видѣ простыхъ списковъ съ измѣненіемъ только нарѣчія, поэтому слѣдуетъ поговорить здѣсь и объ ихъ книжной дѣятельности.

Главнѣйшимъ и ревностнѣйшимъ преемникомъ Меѳодія былъ Климентъ, родомъ болгаринъ, вѣрный послѣдователь и помощникъ славянскихъ апостоловъ во время ихъ жизни и самый ревностный и, безъ сомнѣнія, самый даровитый книжный дѣятель по ихъ смерти. Одинъ изъ его современниковъ, также болгаринъ, описавшій по гречески его житіе, сообщаетъ объ его неутомимой дѣятельности слѣдующее: назначенный Борисомъ въ учители въ Кутмичевицѣ, онъ неустанно старался только о томъ, чтобъ оправдать ожиданія князя; онъ проповѣдывалъ ученіе Христово всѣмъ вообще, въ бесѣдахъ о спасительныхъ заповѣдяхъ Христовыхъ и о божественномъ ученіи. Въ каждой мѣстности у него были свои избранные ученики, которыхъ было около 3500; съ ними онъ большею частью бесѣдовалъ и раскрывалъ имъ бо-

лѣе глубокія мѣста св. Писанія. Ученики никогда не видали его празднымъ: онъ или училъ дѣтей, указывая однимъ начертанія письменъ, другимъ объясняя смыслъ написаннаго, иныхъ руководя и упражняя въ письмѣ; или же день и ночь молился Богу, или занимался чтеніемъ и писаніемъ книгъ. По смерти Бориса, Симеонъ сдѣлалъ его Величскимъ епископомъ. Тутъ на долю его выпала новая тяжелая задача. Найдя народъ того края не свѣдущимъ въ словѣ Божіи и писаніи, онъ неустанно поучалъ его и исправлялъ всѣ его заблужденія, взявъ себѣ за образецъ жизнь великаго учителя Меѳодія. Зная грубость народа и совершенное невѣжество въ познаніи св. писанія, и замѣчая что многіе священники болгарскіе, выучившись только читать, не понимають греческихъ сочиненій и потому непросвѣщенны, такъ какъ на болгарскомъ языкѣ не было поучительныхъ словъ, приноровленныхъ къ праздниствамъ,—зная все сіе, онъ и противъ этого старался принять свои мѣры и съ помощью ихъ разрушалъ преграды невѣжества: онъ составилъ на всѣ праздники поучительныя слова простыя и ясныя, которыя, не заключая въ себѣ ничего углубленнаго и утонченнаго, понятны были и для самаго простаго болгарина. Изъ нихъ можно было научиться таинствамъ празднествъ, совершаемыхъ о Христѣ и во Христѣ, а также и въ память Пресв. Богородицы, которая многократно совершается каждогодно. Ревностью Климента въ этихъ словахъ разсѣяно много похвалъ и повѣствованій о ея чудесахъ. Въ поученіяхъ Климента находятся и похвалы І. Крестителю, и житія и дѣянія пророковъ, апостоловъ и святыхъ мучениковъ; наконецъ желающій—въ поученіяхъ Климента встрѣчалъ наставленія св. Отецъ, и ихъ праведныя житія; все это есть на болгарскомъ языкѣ, обработанное мудрымъ Климентомъ. Всѣ эти произведенія—замѣчаетъ жизнеописатель—сохраняются, говорятъ, у трудолюбивыхъ людей; однимъ словомъ, все относящееся къ церкви, прославляющее Бога и святыхъ и возбуждающее душу христіанина къ набожности — все это Климентъ далъ Болгарамъ. Всѣ эти труды его остались въ Охридѣ, въ монастырѣ, который онъ построилъ еще при жизни Бориса.

Такимъ образомъ біографъ (изд. по гречески Миклошичемъ въ 1847 г. и Меньшиковымъ въ 1855) дѣйствительно напалъ на слѣдъ многихъ поучительныхъ бесѣдъ и по-

хвалъ, о которыхъ въ рукописяхъ говорится, что они написаны епископомъ Климентомъ, и конечно нашимъ Климентомъ, епископомъ Величскимъ, хотя рукописи иногда смѣшиваютъ его съ болѣе древнимъ его соименникомъ, епископомъ Римскимъ. Правда, рукописи, въ которыхъ дошли до насъ творенія Климента и которыя сохранились отчасти въ Русскихъ, а отчасти въ Сербскихъ сборникахъ, принадлежатъ, относительно, болѣе позднему времени, тѣмъ неменѣе было бы полезно издать ихъ вполнѣ, какъ это давно уже предполагалъ Ундольскій († 1864 г.); такое изданіе способствовало бы къ лучшей оцѣнкѣ неусыпной дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка на пользу просвѣщенія своего народа. Тогда бы можно было отдѣлить его оригинальныя произведенія отъ его переводовъ съ Греческаго. О Климентѣ, какъ и объ обоихъ славянскихъ апостолахъ и о многихъ замѣчательныхъ писателяхъ золотаго Симеонова вѣка, можно, кажется, сказать, что въ ихъ письменной дѣятельности господствовала разумная самостоятельность: они понимали, что темныя философско-богословскія разсужденія, которыми такъ изобиловала Византійская письменность, мало способствуютъ народному просвѣщенію. Поэтому они предпочли лучше составлять или переводить на Болгарскій языкъ поучительныя церковныя бесѣды (проповѣди), объяснявшія отдѣльныя части христіанскаго ученія или знакомившія народъ со св. жизнью Божіихъ угодниковъ. О Климентѣ біографъ прямо говоритъ, что онъ писалъ простыя и понятныя бесѣды.

Извѣстно, что одно греческое сказаніе приписываетъ Клименту изобрѣтеніе алфавита, который, какъ тамъ говорится, былъ выразительнѣе составленнаго Кирилломъ. Поэтому въ новѣйшее время нѣкоторые думаютъ, что Климентъ составилъ глаголицу, а другіе, какъ напр. Шафарикъ, приписывающіе глаголицу Кириллу, считаютъ Климента составителемъ кириллицы. Объ этомъ нельзя ничего сказать положительнаго, хотя въ этомъ извѣстіи и должна быть извѣстная доля правды, что подтверждаетъ и черноризецъ Храбръ, который, защищая славянскую азбуку, говоритъ: аще ли кто рѣчеть: ꙗко (Кириллъ) нѣсть оустроилъ добрѣ (словѣньская письмена), поне же сѧ постраꙗжть и еще. И такъ, очень можетъ быть, что это сказаніе, говорящее о Климентѣ, находится въ связи съ извѣстіемъ Храбра.

Нынѣ уже ничего не упоминается о книжныхъ трудахъ остальныхъ сотрудниковъ Климента, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они ничего не писали; вѣроятно только воспоминаніе объ ихъ дѣятельности не дошло до насъ. Только Шафарикъ предполагалъ нѣкогда, что Гораздъ, родомъ Моравапъ, написалъ житіе св. Меѳодія или такъ называемую Паннонскую легенду; иные же думаютъ, что оба житія, и Кирилла и Меѳодія, вмѣстѣ съ похвальнымъ имъ словомъ, составлены Климентомъ, епископомъ Величскимъ. Біографія Константина навѣрное принадлежитъ Клименту, потому что житіе и похвальное слово писались обыкновенно вмѣстѣ, и о похвалѣ св. кvрилꙋ оучителю словѣнскꙋ ıазыкꙋ положительно говорится, что она написана Климентомъ.

Къ молодому поколѣнію, которое, подъ руководствомъ просвѣтителей Болгарскаго народа, пошло далѣе по указанному ему пути, принадлежали древнеболгарскіе писатели: епископъ Константинъ, пресвитеръ Григорій, экзархъ Іоаннъ, черноризецъ Храбръ, Ѳеодоръ и наконецъ самъ князь Симеонъ, около котораго вращалась вся ихъ дѣятельность. Ихъ стараніями и трудами др. болгарская письменность достигла такого блестящаго развитія, что могла, по богатству литературныхъ произведеній церковно-религіознаго содержанія, смѣло стать на ряду съ самыми богатыми въ то время литературами, греческою и латинскою, превосходя въ этомъ отношеніи всѣ другія европейскія литературы. Собственно говоря, въ Европѣ того времени церковная письменность существовала только на трехъ языкахъ: греческомъ, латинскомъ и славянскомъ. Славянская письменность, какъ младшая, вполнѣ опиралась на двѣ остальныя, болѣе древнія, въ особенности на греческую, къ которой она стояла ближе и по духовнымъ и по государственнымъ отношеніямъ; какъ въ переводахъ, такъ и въ оригинальныхъ трудахъ она вполнѣ слѣдовала направленію греческой литературы и похожа на нее на столько, на сколько самый вѣрный списокъ можетъ походить на свой подлинникъ. Большимъ несчастіемъ для славянскаго народа было то, что обстоятельства заставили его, здороваго и цвѣтущаго юношу, почерпать жизненную силу у дряхлаго и больнаго старика, соки котораго были уже вполнѣ испорчены; что предъ нимъ, только что вступавшимъ въ жизнь, постоянно носился уже отживающій образъ; что онъ долженъ былъ развивать и воспитывать свой духъ на литературѣ, въ

которой уже вовсе не было духа, и вмѣсто живой оригинальности господствовала мертвая компилятивность. Это былъ греческій византинизмъ, который изъ греческой литературы точно также переселился и въ наши славянскія литературы: Сербскую, Болгарскую и Русскую. Въ древнесербской литературѣ слѣды его встрѣчаются на каждомъ шагу и невольно сжимается сердце при видѣ безплодной траты стольких умственныхъ силъ славянскаго народа на пустыя фразы, въ которыхъ не знаешь чему больше дивиться: безполезному-ли труду компилятора, переводчика или переписчика, или страшной внутренней пустотѣ. Это направленіе уже обнаруживается у вышеупомянутыхъ писателей, въ особенности въ стремленіяхъ самого князя Симеона, хотя они еще были воодушевлены примѣромъ великихъ славянскихъ учителей: Кирилла, Меѳодія и Климента, и съ полнымъ сознаніемъ еще трудились на пользу Славянскаго народа. Въ ихъ время, стало быть, книжная дѣятельность еще не упала такъ низко какъ потомъ, когда на нее стали смотрѣть, какъ на простое религіозное занятіе, какъ на особый видъ покаянія за грѣхи или какъ на задушбину, открывающую путь въ рай; она еще развивается явно, среди народа и посвящена его пользамъ.

Константинъ, пресвитеръ Болгарскій и епископъ, жилъ во времена князя Симеона, о чемъ упоминается въ литературныхъ произведеніяхъ Константина; стало быть онъ былъ младшій современникъ вышеупомянутыхъ седмичисленниковъ. Переписчикъ одного изъ его произведеній, черноризецъ Доксовъ Тудоръ прямо называетъ его ученикомъ Меѳодія: оученикъ сый меѳодовъ, архіепископа моравы. Онъ составилъ по бесѣдамъ Іоанна Златоуста и другихъ отцовъ церкви толкованія евангелій на воскресные дни, въ которыхъ встрѣчается много оригинальныхъ прибавленій, въ особенности во введеніи къ этимъ бесѣдамъ,—прибавленій, изъ которыхъ видѣнъ его разумный взглядъ на народное просвѣщеніе и его заботы о томъ, чтобъ народу какъ слѣдуетъ проповѣдывалось Слово Божіе. Во введеніи къ этому труду онъ самъ говоритъ о себѣ, что онъ шествовалъ по слѣдоу оучителю имени его и дѣлоу послѣдоуя (онъ разумѣетъ тутъ, конечно, Кирилла), и что онъ по этому и протолковалъ проповѣди съ греческаго на славянскій языкъ, къ чему онъ былъ побужденъ вѣрныими етеры чьловѣкы Онъ этимъ трудомъ желалъ только помочь славянскому (=

болгарскому) народу, который считался еще очень молодымъ среди остальныхъ христіанскихъ народовъ; онъ говоритъ о Славянскомъ народѣ такъ: летить бо нынѣ и словѣньско племѧ, къ крьщению обратишасѧ вьси, людиѥ твои нарещисѧ хотѧще, милости твоѥѧ боже просѧть ѕѣло. Переводъ Константина замѣчателенъ по своей ясности и удобопонятности. Кромѣ того Константинъ перевелъ съ греческаго книги Аѳанасія Александрійскаго († 373) противъ Аріанъ. Въ этомъ произведеніи упоминается, что оно переведено по настоянію князя Симеона; по всей справедливости мы должны приписать выборъ предмета Симеону, который вѣроятно, пожелалъ имѣть поученія св. Аѳанасія въ славянскомъ переводѣ, потому что тогда въ Болгаріи уже страшно усиливалась ересь. Хотя тонкія догматическія различія богато развитаго греческаго языка и не легко было передать на новомъ, еще не обработанномъ славянскомъ языкѣ, но Константинъ счастливо преодолѣлъ всѣ трудности и въ позднѣйшихъ спискахъ его переводъ ясенъ и понятенъ.

Можетъ быть этому же Константину принадлежатъ еще нѣкоторыя изъ тѣхъ сочиненій, которыя—какъ мы уже упоминали—приписываются Константину Философу. Здѣсь слѣдуетъ указать въ особенности на одно предисловіе къ евангелію, Сербской рецензіи, увѣщевающее всѣхъ славянъ (*словѣни вьси, словѣньскый народъ вьсь*) охотнѣе слушать св. Евангеліе.

Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, занимаетъ по своимъ замѣчательнымъ литературнымъ трудамъ первое мѣсто въ древне-Болгарской литературѣ Симеонова вѣка. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ и къ Борису и къ Симеону. За Бориса принимаютъ того «почтеннаго человѣка, черноризца Дукса», который каждый разъ, какъ Іоаннъ посѣщалъ его,—уговаривалъ его «перевести на Славянскій языкъ учительскія проповѣди», говоря «что есть попови ино дѣло развѣ оучениа». Эти слова, написанныя самимъ экзархомъ Іоанномъ, ясно свидѣтельствуютъ о большомъ уваженіи и почетѣ, которымъ онъ пользовался у Бориса; иначе этотъ послѣдній не сталъ бы его, навѣрное, такъ уговаривать, еслибъ не былъ увѣренъ въ его способностяхъ и учености. Іоаннъ склонился на его увѣщанія и перевелъ прѣподобьнаго чьрноризьца и прозвутера иоанна дамаскиньска слово о правѣй вѣрѣ, т. е. ученіе христіанской вѣры или догматику, которую еще ранѣе этого (ме-

жду 700—790) Іоаннъ, прозванный Хризорроасъ, изъ Дамаска, пытался привести въ какую-нибудь систему по правиламъ діалектики Аристотеля. Въ оригиналѣ этотъ трудъ раздѣленъ на четыре книги, во 100 главахъ, изъ которыхъ переведено 48; Іоаннъ нашелъ полезнымъ выпустить тѣ отдѣлы, въ которыхъ трактуется о спорахъ Несторіанъ съ Евтихіанами, потому что этого не нужно было знать Болгарскому народу. Вмѣсто этого онъ прибавилъ нѣсколько подходящихъ статей изъ другихъ греческихъ писателей. Въ началѣ этого сочиненія помѣщенъ прологъ, написанный самимъ Іоанномъ. Еще и нынѣ есть достаточно рукописей сербской рецензіи, въ которыхъ сберегся этотъ памятникъ въ видѣ копіи съ древнеболгарскаго оригинала.

Другое обширное его произведеніе посвящено князю Симеону, о которомъ въ прологѣ писатель говоритъ: се и ты, господи мой, княже славьный симеоне христолюбьче, непрестаеши вызискаа повелений его (Бога) и тварій, хота са ими красити и славити. Іоаннъ Экзархъ, для прославленія величія Бога, сотворившаго міръ, составилъ сборникъ подъ именемъ шестоднева, воспользовавшись для этого не только такъ называемымъ гекзамерономъ Василія Великаго (329—379), но и выдержками изъ Іоанна Златоуста, Северіяна и др. христіанскихъ писателей, и изъ естественной исторіи Аристотеля, да кромѣ того многое прибавилъ самъ. Этотъ переводъ особенно замѣчателенъ удивительнымъ богатствомъ языка и служитъ доказательствомъ, что Іоаннъ Экзархъ вполнѣ владѣлъ обоими языками, и греческимъ и болгарскимъ, почему и съумѣлъ хорошо и ясно изложить сочиненіе такого разнообразнаго содержанія. Въ этомъ сочиненіи разбросаны кое-гдѣ размышленія о болгарскомъ народѣ и о славянскомъ языкѣ.

Кромѣ того Іоанну Экзарху приписывается переводъ діалектики того же Іоанна Дамаскина (которую этотъ послѣдній обработалъ по Аристотелю), потомъ переводъ какой-то грамматики (о осьмихъ чястѣхъ слова), о которой навѣрное неизвѣстно, дѣйствительно-ли она принадлежитъ Іоанну Дамаскину. Относительно обоихъ этихъ произведеній въ новѣйшее время возникли сомнѣнія, заслуживающія вниманія, потому что онѣ основаны на внутреннихъ причинахъ, а именно на различіяхъ языка, замѣченныхъ въ этихъ переводахъ сравнительно съ оригинальными его сочиненіями. Іоанну же Экзарху должны принадлежать еще нѣсколько поучительныхъ

бесѣдъ (проповѣдей), въ особенности проповѣдь на Спасовъ день, находящаяся въ Русскихъ и Сербскихъ сборникахъ (см. Jagić: Primeri. II).

Іоаннъ Экзархъ самъ сознается, что шестодневъ онъ составилъ не одинъ, а въ сообществѣ съ нѣкоторыми другими, и что каждый присовокуплялъ все прочтенное имъ. Изъ этого можно заключить, что подъ покровительствомъ книголюбца Симеона находилась цѣлая школа писателей, которые заботились о томъ, чтобы дѣльныя и полезныя греческія книги переводились на славянскій (= древнеболгарскій) языкъ. Мы и нынѣ еще знаемъ о пресвитерѣ Григоріѣ, который при кнѧзи блъгарьстѣмь симеонѣ, сынѣ борисѣ и по его приказанію перевелъ лѣтопись Іоанна Антіохійскаго, прозваннаго Малалою, переводъ которой сохранился въ позднѣйшихъ спискахъ. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ сохранилось воспоминаніе о нѣкоторыхъ божествахъ славянской миѳологіи. Этотъ переводъ сдѣланъ съ греческаго и чтобы облегчить читателямъ чтеніе, пресвитеръ Григорій вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о Гефестѣ и Геліосѣ прибавляетъ къ слову *Гефестъ* глоссу: «котораго называютъ и Сварогомъ», а къ слову Геліосъ: «котораго называютъ Дажьбогомъ» (вѣроятно вмѣсто Даждьбога); а гдѣ рѣчь идетъ объ Александрѣ Великомъ, нашъ переводчикъ называетъ его: «сынъ божій Перуна велика», желая словомъ Перунъ поближе перевести греческое ζεύς. Если возможно доказать, что эти глоссы дѣйствительно помѣстилъ въ свое произведеніе еще первый переводчикъ, Григорій, и что онѣ не вкрались въ позднѣйшіе русскіе списки, то Сварогъ, Даждьбогъ и Перунъ были безъ сомнѣнія боги древнихъ языческихъ Болгаръ. Неизвѣстно, писалъ-ли еще что-нибудь пресвитеръ Григорій. Нѣкоторые предполагаютъ (Оболенскій), что онъ также перевелъ на Славянскій языкъ Георгія Гамартола и что Несторъ приведенныя въ его лѣтописи мѣста изъ Георгія Гамартола, почерпалъ не изъ Греческаго оригинала, а уже изъ Славянскаго перевода. Послѣднее предположеніе, вѣроятно, справедливо, но о первомъ, т. е. о томъ, что тогда уже былъ въ Болгаріи переведенъ Георгій Гамартолъ—неизвѣстно ничего положительнаго (см. Срезневскій, Зап. Ак. Наукъ. VI. 2, 272).

Неизвѣстно, одинъ-ли человѣкъ или нѣсколько приняли на себя, по порученію Симеона, трудъ перевести на Славянскій языкъ большой сборникъ философско-моральныхъ,

догматическихъ и схоластическихъ статей, изъ которыхъ большую часть рукописи занимаетъ сочиненіе Анастасія Синаитскаго (VII-го вѣка), которое въ греческомъ оригиналѣ содержитъ въ себѣ 154 вопроса и отвѣта; но въ Славянскомъ сборникѣ оно переведено не все, и не въ томъ порядкѣ, въ какомъ оно находится въ оригиналѣ. Кромѣ этихъ Анастасіевыхъ «отвѣтовъ» тамъ есть множество отрывковъ изъ разныхъ отцовъ церкви: изъ Василія, Кирилла Александрійскаго, Исидора, Юстина философа, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоуста, Михаила синкела Іерусалимскаго, Григорія Богослова, Ѳеодора Раиѳскаго, Георгія Хировоска, Епифанія, Ѳеодорита, Иринея Лугдунскаго, Августина, Евсевія, Гезихія, Іоанна Дамаскина, Ипполита и патріарха Цареградскаго Никифора († 828).—Уже простое исчисленіе этихъ именъ доказываетъ, что этотъ Симеоновъ сборникъ заключалъ въ себѣ цѣлую энциклопедію тогдашней византійско-христіанской образованности. И дѣйствительно, въ немъ есть не только богословскія или вообще духовныя статьи, но и свѣтскія, какъ-то: философскія (напр. логическая и онтологическая статья Ѳеодора, напоминающая діалектику Іоанна Дамаскина), риторическія (напр. сочиненіе Георгія Хировоска о образѣхъ=de figuris) и историческія (напр. Никифоровъ лѣтописьць въ кратъцѣ отъ авъгоуста даже и до константина и зωна цѣсарь грьчьскыихъ). Уже доказано, что такіе сборники существовали и на греческомъ языкѣ и что впослѣдствіи одинъ изъ нихъ былъ переведенъ на славянскій языкъ; а по времени нѣкоторыхъ писателей, статьи которыхъ помѣщены въ оригинальномъ, греческомъ сборникѣ, легко опредѣлить, что греческій оригиналъ никакъ не могъ быть составленъ ранѣе конца IX вѣка. Объ одномъ такомъ греческомъ кодексѣ, но съ небольшими различіями, упоминаетъ Монфоконъ и относитъ его къ 912 году; въ нашемъ Славянскомъ сборникѣ лѣтописьць въ кратъцѣ доведенъ до Константина и Зои, стало быть это будетъ періодъ отъ 913—920 г. Поэтому уже можно опредѣлить время, когда былъ составленъ нашъ Славянскій сборникъ; по всей вѣроятности, князь Симеонъ, этотъ государь получившій греческое образованіе, познакомился съ Греческимъ сборникомъ, занимаясь еще въ молодости науками въ Царѣградѣ, и пожелалъ имѣть его въ славянскомъ переводѣ. Этотъ послѣдній въ одно и тоже время носитъ на себѣ и печать направленія Симеона и свойствъ его образо-

ванности, не имѣвшей на себѣ никакого слѣда народнаго Болгарскаго характера и поэтому оставшейся чуждою большей части народа; она даже не коснулась его сердца и не пробудила его фантазіи. Богатый и золотой вѣкъ Симеона прошелъ безъ поэзіи, народъ находился въ полнѣйшей апатіи, но былъ уже склоненъ выслушивать вещи, которыя бы сильнѣе шевелили его память, чѣмъ сухое содержаніе этого сборника, у котораго и заглавіе вполнѣ схоластично: събор отъ многъ отьць, тлъкованиia о неразоумьныихъ словесьхъ въ еуангелии и въ апостолѣ и въ инѣхъ кънигахъ въкратъцѣ съложено на памать и на готовъ отвѣтъ.

Рукопись, въ которой найденъ этотъ переводъ, писана въ 1073 г., во время великаго Русскаго князя Святослава Ярославича; но еще Востоковъ заключилъ по довольно вѣрно сохранившимся особенностямъ Болгарскаго нарѣчія, что первоначальный переводъ былъ сдѣланъ не въ Россіи, а въ Болгаріи. И дѣйствительно, впослѣдствіи была открыта Шевыревымъ другая, позднѣйшая рукопись того же содержанія, въ предисловіи которой упоминается вмѣсто Святослава князь Симеонъ. Это служитъ доказательствомъ того, что Русскій переписчикъ, оставивъ все такъ, какъ нашелъ въ старобол-гарскомъ кодексѣ, замѣнилъ только имя Болгарскаго князя именемъ своего государя. Въ этомъ предисловіи содержаніе рукописи называется покръвеныia разоумы въ глѫбинѣ многостръпътьныхъ сихъ книгъ, а князь Симеонъ сравнивается съ Птоломеемъ (новый птоломей), потому что онъ какъ любодѣльна бъчела съ вьсакого цвѣта ѱанию събравъ акы въ iединъ сътъ въ вельмысльное сръдьце своiе, проливаiеть акы сътъ сладъкъ изъ устъ своихъ предъ боляры на вразумѣниiе тѣхъ мысльмъ.

И самъ царь Симеонъ принималъ участіе въ составленіи сборника; онъ присоединилъ къ нему бесѣды Іоанна Златоуста, которыя по большей части были уже, вѣроятно, переведены другими, подъ заглавіемъ: *златоструя* (подразумѣвается *словеса)*. Въ одной изъ рукописей говорится объ этомъ слѣдующее: Благовѣрный царь Симеонъ, изслѣдовавшій всѣ книги св. Писанія, древнія и новыя, и характеръ, и обычаи и мудрость всѣхъ учителей, пришелъ въ удивленіе отъ словесной мудрости блаженнаго Іоанна Златоуста, а такъ какъ привыкъ читать всѣ его книги, то и выбралъ изъ этихъ книгъ бесѣды и составилъ изъ нихъ одну книгу, которую и назвалъ Златоструя. Нѣсколько рукописей этого труда со-

хранилось въ Россіи, одна даже XII вѣка, носящая на себѣ уже слѣды Русской переписки. (См. Срезневскій, Зап. Ак. Н. IX, 2).

Наконецъ, говоря о вѣкѣ Симеона, мы должны еще упомянуть о знаменитой апологіи черноризца Храбра о писменехъ славянскихъ, написанной въ защиту великаго труда мудраго Константина отъ упрековъ противниковъ, въ особенности Грековъ. Неправдоподобно, чтобы именно во времена Симеона славянскій алфавитъ или книги нуждались въ похвалахъ и защитѣ; но есть и нѣсколько такъ называемыхъ внутреннихъ доказательствъ, которыя насъ заставляютъ отнести эту апологію, а стало быть и существованіе ея неизвѣстнаго автора, къ ближайшему періоду времени Симеона. Даже въ одной рукописи самого сочиненія встрѣчается такая фраза: сѫть бо еще живи, иже сѫть видѣли ихъ (т. е. Кирилла и Меѳодія). Если примемъ во вниманіе то, что Кириллъ и Меѳодій болѣе не возвращались въ Болгарію и что ихъ видѣли только тѣ ихъ ученики, которые были съ ними вмѣстѣ въ Моравіи, какъ напр. Климентъ, Наумъ, Константинъ и т. д., то и принуждены будемъ отнести апологію Храбра по крайней мѣрѣ къ 950 г. Кто былъ черноризецъ Храбръ— неизвѣстно, но уже изъ его сказанія видно, что онъ, для своего времени, былъ весьма ученый человѣкъ, потому что онъ употребилъ на защиту Славянской азбуки всѣ доказательства, которыя только могъ найти въ философіи и филологіи своего времени.

Судя по другому замѣчанію Храбра, въ которомъ говорится: сѫть же и ини отвѣти, аже индѣ речемъ, а нынѣ нѣсть время, можно заключить, что онъ написалъ, или по крайней мѣрѣ намѣревался написать, не одну эту апологію; но другія сочиненія Храбра теперь неизвѣстны.

Вотъ главнѣйшіе писатели эпохи Симеона, о которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія; когда же счастіе оставило Болгарскій народъ, то плоды ихъ письменной дѣятельности были вскорѣ унаслѣдованы другими славянскими племенами, въ особенности Сербами, какъ ближайшими сосѣдями Болгаръ, и Русскими. Благодаря именно имъ, эти древніе памятники сохранились до нашего времени, большею частью въ поздвѣй-

шихъ, Сербскихъ и Русскихъ спискахъ, въ которыхъ древне-Болгарское нарѣчіе уже исказилось. Посему эти памятники имѣютъ двоякое значеніе и достоинство: въ исторіи литературы и въ исторіи языка; относительно первой они составляютъ неотъемлемую собственность Болгарскаго народа, а относительно второй Болгарія должна была раздѣлить свою собственность съ Сербіей или Русью. Такъ вышеупомятый шестодневъ Іоанна Экзарха по имени автора принадлежитъ конечно древнеболгарской литературѣ; но древнѣйшая рукопись, въ которой онъ дошелъ до насъ, принадлежитъ къ литературнымъ древностямъ Сербской рецензіи, потому что— она написана «грамматикомъ Θеодоромъ», родомъ изъ Сербіи, по порученію извѣстнаго въ Сербской литературѣ Доментіана, въ Хиландарской лаврѣ, въ 1263 г. Или еще приведемъ для примѣра сдѣланный тѣмъ же Іоанномъ Экзархомъ переводъ догматики Іоанна Дамаскина; хотя по имени писателя онъ и есть памятникъ древнеболгарской литературы, но онъ сохранился только въ спискахъ древнерусской рецензіи XII вѣка; только въ новѣйшее время найденъ Македонскій отрывокъ Экзархова пролога, принадлежащій даже XI вѣку, древнеболгарской рецензіи, даже съ нѣсколькими очевидными признаками глагольскаго письма! И такъ можно бы было привести множество примѣровъ того, что одинъ и тотъ же памятникъ древнеболгарской письменности сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ различныхъ рецензій и различнаго времени, но мы приписываемъ его тому, кто первый внесъ его въ славянскую литературу, будь то въ переводѣ съ Греческаго или въ оригиналѣ.

5. Нѣкоторые безъименные памятники древнеболгарской литературы.

Едва-ли мы имѣемъ право сказать, что всѣмъ вышесказаннымъ мы исчерпали уже все богатство древнеболгарской литературы временъ Симеона. Есть еще множество безъименныхъ литературныхъ памятниковъ, дошедшихъ до насъ въ такой древней формѣ, что мы могли бы свободно отнести ихъ къ тому же обильному плодами періоду, хотя и не знаемъ, кто и когда перевелъ ихъ на древнеславянскій языкъ. Мы не имѣемъ никакого основанія думать, что со смертью царя Симеона (927) должна была прекратиться вся преж-

няя дѣятельность, хотя дѣйствительно съ тѣхъ поръ наступаютъ тяжелыя времена для Болгарскаго государства. Гдѣ нельзя опредѣлить точно года появленія какого-либо памятника, тамъ можно приписать дѣятельности и вліянію Симеона все, появившееся вскорѣ послѣ его смерти, такъ какъ все это составляетъ еще продолженіе дѣятельности въ его направленіи и носитъ на себѣ еще отпечатокъ духа его времени.

Мы уже упоминали выше, что Кириллъ самъ перевелъ псалмы на Славянскій языкъ, и вотъ до насъ дошло въ рукописяхъ очень древнее толкованіе псалмовъ, которое вѣроятно переведено съ Греческаго по крайней мѣрѣ въ X вѣкѣ, потому что въ XI вѣкѣ съ него уже былъ сдѣланъ Русскій списокъ, въ такъ называемомъ Евгеніевскомъ отрывкѣ толковаго псалтиря, въ которомъ есть нѣсколько глагольскихъ буквъ; тотъ же самый текстъ и въ Болоньскомъ псалтирѣ XII вѣка, Болгарской рецензіи и тоже глагольскаго происхожденія. И такъ толкованіе псалмовъ было, по всѣмъ вѣроятіямъ, переведено съ Греческаго или однимъ изъ первыхъ учениковъ Солунскихъ братьевъ или какимъ—нибудь писателемъ временъ Симеона. И между рукописями Сербской рецензіи есть также толковый псалтирь, но не извѣстно—такой-ли.

Можно также навѣрное доказать, что по крайней мѣрѣ въ X вѣкѣ было переведено на Славянскій языкъ толкованіе пророковъ; о самомъ библейскомъ текстѣ мы уже сказали, что онъ былъ переведенъ Меѳодіемъ съ учениками. Въ позднѣйшихъ русскихъ рукописяхъ сохранились еще замѣчательныя слова: слава тебѣ господи, царю небесный, ꙗко сподоби мѧ написати книгы си искѹриловице кнѧѕю володимирѹ новѣгородѣ кнѧжащю, сынови ꙗрославлю большемѹ. почахъ же ѣ писати въ лѣто 6555 (1047), мѣсѧца маѧ 14, а кончахъ того же лѣта мѣсѧца декабра въ 19, азъ попъ ѹпирь лихый. Изъ этого видно, что уже въ XI вѣкѣ попъ Упирь имѣлъ у себя въ Россіи готовый переводъ толкованія пророковъ; а то, что это толкованіе переведено въ Болгаріи и потомъ уже занесено въ Россію,—доказывается всего лучше языкомъ самого перевода, который и въ позднѣйшихъ спискахъ русской рецензіи не утратилъ особенностей древнеболгарскаго нарѣчія и не можетъ скрыть свое югославянское происхожденіе. Поэтому и толкованіе пророческихъ книгъ ветхаго завѣта было переведено съ Греческаго на Славянскій или

кѣмъ-нибудь изъ первыхъ апостольскихъ учениковъ, или кѣмъ-нибудь изъ писателей временъ Симеона.

Вслѣдствіе этого мы сначала упомянули о произведеніяхъ, о которыхъ положительно извѣстно, что они переведены во времена Симеона. Но кромѣ вышеприведенныхъ греческихъ писателей—отцевъ церкви, въ нашихъ древнихъ рукописныхъ сборникахъ находится еще многое, что, по нашему мнѣнію, можно тоже приписать вѣку Симеона.

Мы уже нѣсколько разъ встрѣчались съ Іоанномъ Златоустомъ въ древнеболгарскомъ переводѣ и доказали, что царь Симеонъ самъ избралъ его. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что въ одномъ изъ древнѣйшихъ Кирилловскихъ памятниковъ, въ Супрасльскомъ кодексѣ (изд. Миклошичемъ), находятся двадцать бесѣдъ его; нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ сохранились также въ знаменитомъ глагольскомъ памятникѣ графа Клоца (Glagolita Clozianus); наконецъ съ обоими этими памятниками во многомъ сходится Кирилловскій сборникъ Сербской рецензіи (изъ собранія Михановича, теперь въ Загребѣ), который въ XIII вѣкѣ превратился въ сербскій, хотя онъ списанъ не прямо съ памятника Клоца или Супрасльскаго кодекса, а съ какой-то третьей, подходящей къ этимъ, рукописи, отъ которой нынѣ не осталось никакихъ слѣдовъ. Это доказываетъ, что Іоаннъ Златоустъ уже съ самаго начала занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ древнеболгарской литературѣ. Его практическій, простой и удобопонятный способъ толкованія св. Писанія послужилъ для древнеболгарскихъ учителей хорошимъ образцомъ при поученіяхъ и проповѣдываніи Слова Божія.

Кириллъ, епископъ Іерусалимскій († 386), пользовался тоже большимъ уваженіемъ въ древнеболгарской литературѣ и его поученія очень рано переведены на древнеболгарскій языкъ. Григоровичь нашелъ на Аѳонѣ нѣсколько листковъ поученія Кирилла Іерусалимскаго древнеболгарской рецензіи, древность которыхъ относится даже къ XI вѣку; въ Россіи есть полный сборникъ Кирилловыхъ «ученій и прѣній къ жидомъ» XII—XIII вѣка, въ которомъ встрѣчается множество очевидныхъ слѣдовъ древнеболгарскаго нарѣчія. Этотъ переводъ восхваляется какъ «правильный, чистый и ясный». Въ Сербской же рецензіи до сихъ поръ еще ничего не найдено.

Также рано былъ переведенъ съ Греческаго на древне-болгарскій языкъ выборъ изъ бесѣдъ Григорія Назіанзина († 391). Въ Петербургской публичной библіотекѣ хранится рукопись IX вѣка, очевидно списанная съ другаго, еще древнѣйшаго кодекса. Въ спискѣ по большей части удержанъ характеръ древнеболгарскаго нарѣчія и есть даже нѣкоторые слѣды глагольскаго письма. Въ позднѣйшихъ сборникахъ сохранился еще болѣе полный переводъ изъ Григорія Назіанзина, который оказывается такимъ же древнимъ по характеру языка; но толкованія Никиты Гераклійскаго на его бесѣды переведены много позже, потому что этотъ Никита жилъ, но крайней мѣрѣ, въ XI вѣкѣ.

Недавно, на одномъ листкѣ пергамена найденъ (Македонскій) писанный глаголицею отрывокъ изъ Ефрема Сирина, въ древнеболгарскомъ переводѣ. Срезневскій сравнилъ этотъ древнеболгарскій глагольскій переводъ съ древними Кирилловскими рукописями (XIII вѣка) и нашелъ, что текстъ ихъ одинаковъ, но что глагольская рукопись сохранилась въ болѣе древней формѣ. Такъ какъ этотъ глагольскій отрывокъ ни по языку, ни по письму нисколько не отличается отъ остальныхъ древнеболгарскихъ глагольскихъ рукописей XI вѣка, то мы имѣемъ право отнести и Ефрема Сирина къ числу тѣхъ отцовъ церкви, труды которыхъ были переведены на древнеболгарскій языкъ еще во времена Симеона. (Ср. Срезневскій въ Изв. археол. общ. IV. 381—390 и Зап. Ак. Наукъ VII. 2. 134). Въ рукописяхъ Сербской рецензіи переводъ изъ Ефрема попадается чаще, но только болѣе поздній —XIV вѣка. Ефремъ Сиринъ жилъ въ IV вѣкѣ.

Такой же древности принадлежитъ переводъ пандекта св. Писанія монаха Антіоха (въ VII вѣкѣ, *πανδέκτης τῆς ἁγίας γραφῆς*); это сборникъ морально-философскихъ разсужденій, сохранившійся въ русской рукописи XI вѣка, въ копіи, очевидно сдѣланной съ древнеболгарскаго оригинала, потому что всѣ особенности южнаго нарѣчія вѣрно сохранены въ ней. Этотъ переводъ есть и въ рукописяхъ Сербской рецензіи позднѣйшаго времени (напр. въ Вѣнѣ, въ Карловцахъ).

Наконецъ можно доказать рукописными свидѣтельствами, что и Іоаннъ Климакосъ (по славянски—Лѣствичникъ † 606) былъ тоже около этого времени переведенъ на древнеболгарскій языкъ. Переводъ его «лѣствицы» или «скрижалей духовныхъ» сохранился въ рукописи XII и XIII вѣка, въ

которой замѣтны очевидные слѣды древнеболгарскаго нарѣчія и которую еще Востоковъ сравнилъ съ извѣстнымъ сборникомъ Симеона.

Такимъ образомъ кромѣ тѣхъ памятниковъ, о которыхъ существуютъ историческія свидѣтельства—хотя отъ нихъ самихъ не осталось никакого слѣда—и тѣхъ, въ рукописи которыхъ обозначено имя переписчика и переводчика,—мы посредствомъ самихъ письменныхъ памятниковъ, считаемыхъ за вѣрныхъ свидѣтелей, познакомились еще съ значительнымъ количествомъ произведеній древнеболгарской письменности, украшавшихъ вѣкъ Симеона и духъ его царствованія. И такъ правъ былъ древнеболгарскій писатель, который, взявшись за составленіе обширнаго сборника, по порученію Симеона, сравнивалъ его съ Птоломеемъ скоро дѣлы многочьстьныихъ божествьныхъ кънигъ всѣхъ, имиже и своа клѣти испълнь, вѣчьноую си память сътвори. Такая дѣятельность Симеона возбуждаетъ въ насъ особенное чувство уваженія и благодарности не за то только, что онъ, какъ добрый отецъ, заботился о своемъ народѣ, но и за то, что плодами этой его дѣятельности суждено было впослѣдствіи воспользоваться не только потомкамъ его—Болгарамъ, но и Сербамъ и Русскимъ. Все, что онъ сдѣлалъ для своего народа, принесло пользу и намъ, тѣмъ болѣе что это послужило основаніемъ, на которомъ Сербы и Русскіе продолжали строить зданіе литературы и тогда, какъ въ Болгаріи уже миновалась Симеоновская эпоха.

Чтобъ дополнить и завершить картину этого времени, мы должны упомянуть о томъ, что заботы Симеона и его сотрудниковъ не ограничивались одною литературною дѣятельностью; ихъ любовь къ литературѣ не препятствовала выполненію другихъ обязанностей относительно народа. Извѣстный уже Климентъ, писавшій книги для Болгарскаго народа, старался также улучшить его матеріяльную жизнь, исправить хозяйство и улучшить земледѣліе. Разсказываютъ, что онъ пересадилъ изъ Греціи въ Болгарію множество различныхъ садовыхъ привитыхъ деревьевъ, которые до этого росли въ Болгаріи только въ дикомъ состояніи; что онъ старался украсить города великолѣпными постройками, въ особенности храмами, чѣмъ поддерживалось и значеніе религіи. И Борисъ и Симеонъ были въ этомъ его помощниками. Борисъ еще до этого построилъ въ Болгаріи семь со-

борныхъ храмовъ, а потомъ подарилъ Клименту три дворца въ Дѣволѣ и по одному мѣсту для отдохновенія въ Охридѣ и въ Главеницѣ. Климентъ построилъ въ Охридѣ церковь съ монастыремъ, которая была лучше соборной церкви. Этому монастырю онъ принесъ въ даръ множество книгъ и другаго имущества. О Симеонѣ говорится, что онъ выстроилъ «новую золотую церковь» при устьѣ рѣки Тычи, что тоже служитъ доказательствомъ блеска его царствованія; потомъ по преданію извѣстно, что онъ прежній свой титулъ князя замѣнилъ титуломъ царя Болгарскаго, испросивъ внѣшнія знаки, корону и благословеніе у Римскаго папы, съ которымъ онъ возобновилъ прежнія отношенія, только чтобы уклониться и избавиться отъ византійскаго, государственнаго и церковнаго вліянія Мы уже видѣли, что Хорватскіе короли устроивали свой дворъ по франкскому образцу; такъ и Симеонъ, изъ подражанія византійскому двору, старался ввести при своемъ дворѣ греческій языкъ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ церемоніяхъ. Къ несчастію это слѣпое подражаніе не принесло хорошихъ плодовъ ни тамъ, ни тутъ; гдѣ не было болѣе прочныхъ условій народной самостоятельности, чѣмъ блестящіе внѣшніе знаки, тамъ все зданіе могло разрушиться отъ одного удара. Дѣйствительно, кажется, что это чуждое устройство Болгарскаго государства наложило и на самый народъ ярмо, которое онъ неохотно несъ и нетерпѣливо ждалъ только случая, чтобъ сбросить его. Весь внѣшній успѣхъ былъ слѣдствіемъ личной энергіи Симеона, а развитіе народа не такъ было направлено, чтобъ онъ былъ въ состояніи самъ собою идти впередъ по этому пути.

V. Богомилы, ложныя книги и народныя сказанія.

Не прошло и полвѣка со смерти царя Симеона, какъ нѣкогда могущественное государство Болгарское подпало подъ власть Византійскихъ императоровъ: потомки Симеона должны были удовольствоваться участками, которыми ихъ изъ милости надѣлили Греческіе императоры (971). Хотя вскорѣ потомъ это государство снова пріобрѣло—только на короткое время—самостоятельность, но времена Симеона уже не вернулись болѣе: съ нимъ исчезли и его ревностные помощники въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, дѣятели древнеболгарской

письменности. Мѣсто семи народныхъ просвѣтителей и ихъ учениковъ занялъ еретическій попъ Богомилъ съ своими последователями, число которыхъ съ каждымъ днемъ возрастало; его ученіе распространилось и за Болгарскія границы, между Сербами и Хорватами и проникло даже въ западную Европу. Когда счастье измѣнило Болгарскому народу, то сѣверо-западные братья его, Сербы и Хорваты, получили отъ него въ наслѣдство не только великолѣпно разцвѣтшую литературу Симеоновскаго періода, но и богомильскую ересь, повліявшую на жизнь Сербско-Хорватскаго народа.

Отъ конца IX вѣка до насъ дошло драгоцѣнное свидѣтельство краснорѣчиваго пресвитера Козьмы, послѣдняго Болгарскаго писателя стараго времени—драгоцѣнное свидѣтельство подъ названіемъ *бесѣда на новопоявившую ся ересь богомилью*, въ которой писатель жалуется, что въ Болгаріи наступили тяжелыя времена; великія неудачи въ войнахъ и всяческія другія невзгоды обрушились на нее за грѣхи людскіе и народъ отвратился отъ Бога. Козьма напоминаетъ епископамъ и остальному духовенству, чтобъ они брали примѣръ со св. Отцевъ и епископовъ, носившихъ этотъ санъ до нихъ, въ особенности съ Григорія, Василія и Іоанна (экзарха), и чтобъ никто не говорилъ: «въ наше время нельзя быть такимъ; они были святы, велики и добродѣтельны, потому, что ихъ времена были лучше; теперь же настали тяжелыя времена». Изъ этого видно, что во времена Козьмы воспоминаніе о болѣе счастливомъ времени Симеона было еще живо, что люди еще хорошо помнили своихъ прежнихъ великихъ учителей, въ особенности знаменитаго Іоанна, Экзарха Болгарскаго; но никто не хотѣлъ слѣдовать по ихъ пути въ поученіи народа, въ чтеніи книгъ. Замѣчательно то, что Козьма даже не уговариваетъ своихъ современниковъ писать книги; онъ бы былъ доволенъ и тѣмъ, еслибъ они только читали то, что оставило имъ предшествовавшее поколѣніе, а теперь, говоритъ онъ, книги закрываются на изъѩденіе плѣсни и чрвемь на пищу и многіе люди паче на игру текуть, неже въ црьковь и коштуны и влади любать паче книгъ. Что же это за христіане—спрашиваетъ набожный писатель—которые съ гусльми и плесканіемъ и пѣсньми бѣсовскими вино піютъ и сраштамь и сномь и всакому ученію сотонину вѣруютъ!!

Слова Козьмы вдвойнѣ важны: во первыхъ потому, что они знакомятъ насъ съ интересными подробностями тогдаш-

няго религіозно-моральнаго состоянія болгарскаго народа, въ которомъ и заключалась главнѣйшая причина такого сильнаго успѣха богомильской ереси, возникшей нѣкоторымъ образомъ подъ видомъ реакціи противъ общественной испорченности; а во вторыхъ онѣ намъ доказываютъ существованіе какихъ-то народныхъ пѣсенъ, притчъ и гаданій, далекихъ отъ священнаго писанія. Новѣйшія изслѣдованія дѣйствительно доказали, что уже въ то древнее время (въ X—XII вв.) на ряду съ строго-церковною и ортодоксальною литературою развивалась какая-то другая, еретическая литература, въ Болгаріи, порожденная и поддерживаемая бóльшею частью богомилами. Она состояла не изъ однихъ настоящихъ еретическихъ богомильскихъ книгъ, въ которыхъ бы излагались основанія этого ученія—такихъ книгъ всего менѣе, да почти и нѣтъ ихъ, потому что съ теченіемъ времени онѣ были уничтожены—, но ради выгодъ богомильскаго ученія было также переведено на древнеболгарскій языкъ множество ложныхъ книгъ (апокрифовъ), содержаніе которыхъ было взято большею частью изъ библіи; но тутъ отдѣльные эпизоды и ситуаціи, о которыхъ упоминается въ св. Писаніи, разсказаны очень фантастически. Благодаря различнымъ сказаніямъ, напр. о сотвореніи міра и перваго человѣка, о спасеніи души, о будущей жизни, подобныя вещи сильно интересовали простой и темный народъ; онѣ болѣе подходили къ поэтическому стремленію молодаго Болгарскаго народа и къ его еще живымъ языческимъ обычаямъ, чѣмъ неясныя и непонятныя догматическія разсужденія, проникшія въ ортодоксальную болгарскую литературу посредствомъ церковно-византійскаго образованія. Богомильство, считавшееся за народную оппозицію противъ византійскаго направленія христіанской жизни, морали и культуры, поддерживало апокрифическую литературу въ народномъ смыслѣ; народная же поэзія нашла въ этихъ книгахъ много сродныхъ себѣ элементовъ и такъ перемѣшалась съ ними, что иногда бываетъ трудно отличить настоящее народное сказаніе отъ почерпнутыхъ изъ этихъ источниковъ.

Такъ какъ древнесербская литература, на сколько это нынѣ извѣстно, получила отъ Болгаръ бóльшую часть ложныхъ книгъ и религіозно-народныхъ сказаній уже вполнѣ законченными, также, какъ и древнеболгарскій переводъ св. Писанія и другихъ церковныхъ книгъ,—то мы обязаны, раз-

суждая о судьбахъ древнеболгарской литературы, указать и на тѣ явленія древнесербской литературы, которыя почерпнуты изъ болгарскаго источника и которыя своимъ существованіемъ и въ той и въ другой литературѣ ясно доказываютъ тѣсную связь и сходство обоихъ народовъ въ направленіи духовной жизни.

1. **Богомилы.** Относительно важнаго значенія, которое богомильская ересь имѣетъ въ исторіи южнославянской культуры, доселѣшнія наши свѣдѣнія объ этой ереси весьма недостаточны: намъ здѣсь не столько важна догматика богомиловъ, сколько ихъ моральныя и соціальныя отношенія, хотя, сказать правду, они и находятся въ тѣсной связи съ основаніями самого ученія. Въ особенности было бы желательно уяснить себѣ, почему богомильство такъ укоренилось у южныхъ славянъ и какія его свойства на столько подходили къ славянскому характеру, что оно много вѣковъ держалось крѣпко не только въ простомъ народѣ, но и между бояръ, князей и королей Болгарскихъ, Сербскихъ и Боснійскихъ. На сколько можно заключить изъ словъ нашего туземнаго свидѣтеля, ихъ нравственная жизнь была очень строга и серьезна. Еретики – говоритъ Козьма—съ виду кротки какъ агнцы, смиренны и молчаливы, блѣдны отъ поста, никогда не говорятъ на вѣтеръ и не смѣются вслухъ. Они были также умѣренны въ обыденныхъ своихъ потребностяхъ, потому что ихъ ученіе проповѣдовало, что дьяволъ или мамона—отступникъ Божій и виновникъ всяческаго зла на этомъ свѣтѣ, повелѣлъ людямъ жениться, ѣсть мясо и пить вино, и они постоянно избѣгали этихъ вещей, какъ нечистыхъ. Они восхваляли Бога бдѣніемъ и молитвою, а не проводили жизнь въ лѣности какъ другіе люди; они совершали свои молитвы дома, запираясь на четверо сутокъ; во время моленія они читали «Отче Нашъ», но не клали на себя крестнаго знаменія, которое они считали противнымъ Богу, такъ какъ оно служило эмблемою того креста, на которомъ былъ распятъ Сынъ Божій, и не по своей волѣ, а силою. Обыкновенную церковную службу они вполнѣ отвергали и порицали христіанскихъ священниковъ и всю іерархію; духовенство они называли фарисействомъ, упрекая его въ томъ, что оно проводитъ время въ лѣности, распутствѣ и пьянствѣ. Сами они не имѣли никакихъ священниковъ; каждый прилежно читалъ про себя евангеліе и дѣянія апостольскія, держа въ рукахъ эти

книги и ударяя ими себя въ грудь. Въ пророческія же книги ветхаго завѣта они вовсе не хотѣли вѣрить, потому что онѣ написаны не по откровенію Божію, а по человѣческому разуму, и поэтому они говорили: «Мы не слушаемъ ни Давида, ни пророковъ, а только евангеліе, и живемъ не по Моисееву закону, а по апостольскому». Они наконецъ доказывали, что они свѣдущи въ вопросахъ надземныхъ и что они предвидятъ будущее, прикидываясь умѣющими проникать въ книжныя тайны и глубины и истолковывать ихъ; а такъ какъ они пренебрегали всѣми церковными уставами, то и составили себѣ «новое ученіе и разсказывали какія-то басни», какъ выражается о нихъ Козьма.

Нельзя отрицать, что подобный образъ внѣшней жизни носитъ на себѣ извѣстную долю заманчивости и даже святости, которая обыкновенно производитъ впечатлѣніе на народныя массы. Поэтому и самъ православно мыслящій Козьма не колеблясь сознается, что такимъ поведеніемъ богомилы привлекали къ себѣ множество христіанъ, приходившихъ къ нимъ съ разспросами о спасеніи души и о многихъ другихъ предметахъ; а когда еретики терпѣли притѣсненія, то въ народѣ возникало убѣжденіе, что они страдаютъ за истину и что будутъ вознаграждены Богомъ за страданія на семъ свѣтѣ. Впрочемъ было и еще нѣчто кромѣ заманчивой внѣшности. Уже изъ вышеупомянутаго отреченія отъ всяческой іерархіи возникаетъ какой-то патріархальный демократизмъ, сильно напоминающій древнее устройство Славянской семьи и общины. Все остальное, что далѣе разсказываетъ Козьма, прямо касается принциповъ соціальнаго характера. Разсказывается именно, что богомилы учили, что не слѣдуетъ слишкомъ много заботиться о дѣлахъ земныхъ, и что поэтому они сложа руки переходили изъ дома въ домъ; что не слѣдуетъ покоряться властямъ; что они порицали богатыхъ, ненавидѣли царскую власть, издѣвались надъ старѣйшинами, ругали бояръ, богомерзкимъ дѣломъ считали царскую службу и запрещали рабамъ служить своимъ господамъ.

При такихъ моральныхъ и соціальныхъ принципахъ важно было бы узнать, въ какихъ отношеніяхъ находились богомилы къ государственной власти и къ культурнымъ стремленіямъ. На послѣдній вопросъ мы находимъ нѣкоторый отвѣтъ у Козьмы, замѣчающаго, что они прилежно читали евангеліе и апостолъ, но что каждый толковалъ ихъ по своему;

такъ какъ они не признавали іерархіи, то и у нихъ, какъ въ послѣдствіи у протестантовъ, долженъ былъ господствовать принципъ общаго чтенія и свободнаго толкованія св. Писанія. Поэтому, можетъ быть, Козьма и говоритъ, что они прикидывались учеными людьми, знающими книжныя глубины; но можно допустить, что не смотря на важныя заблужденія и предразсудки въ религіи, богомилы въ культурномъ отношеніи опередили православно мыслящихъ христіанъ. Лучшимъ доказательствомъ этого могла бы служить Боснія, которую знаменитый банъ Кулинъ возвелъ въ концѣ XII вѣка на замѣчательную степень культуры; да и болѣе позднія времена считались такими же благополучными и счастливыми; тотъ же банъ Кулинъ оставилъ намъ первую грамату, написанную прекраснымъ народнымъ Сербскимъ языкомъ, который, вмѣстѣ съ правописаніемъ, даетъ намъ доказательство, что тамъ уже давно упражнялись въ писаніи книгъ на народномъ языкѣ. Банъ Кулинъ считался особеннымъ защитникомъ и послѣдователемъ богомильства.

2. **Іеремія попъ Болгарскій и такъ называемыя ложныя книги.** Козьма говоритъ, что Богомилы держатся своего ученія и разсказываютъ какія-то басни. Для того, чтобъ отвлечь христіанъ отъ чтенія грѣховныхъ произведеній, православная церковь составляла длинные реэстры запрещенныхъ или ложныхъ книгъ. Такіе реэстры встрѣчаются и въ славянскихъ номоканонахъ, сначала только въ переводѣ съ греческаго оригинала; въ позднѣйшихъ же рукописяхъ кормчихъ, въ особенности Русскихъ—южныя еще не изслѣдованы—списокъ ложныхъ книгъ продолженъ и заключаетъ въ себѣ апокрифы славянскіе. Итакъ достойно вниманія, что между ложными книгами въ славянскихъ номоканонахъ упоминаются и такія произведенія, о которыхъ нѣтъ и рѣчи въ греческой литературѣ, славянскій же текстъ которыхъ найденъ въ различныхъ рукописяхъ Болгарскаго, Сербскаго и Русскаго происхожденія. Поэтому можно предполагать, что оригиналы нѣкоторыхъ апокрифовъ написаны славянами и на славянскомъ языкѣ. Это предположеніе оправдывается при дальнѣйшемъ чтеніи славянскихъ номоканоновъ; мы видимъ, что нѣкоторые апокрифы были написаны Іереміею, попомъ Болгарскимъ. Древнѣйшій (Погодинскій) номоканонъ, въ которомъ упоминаются апокрифическія произведенія попа Іереміи, относится къ XIV вѣку; но судя по его письму и язы-

ку, нельзя сомнѣваться, что онъ появился на югѣ, какъ списокъ съ болѣе древней Болгарской или Сербской рукописи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что съ богатою апокрифическою литературою мы знакомимся большею частью изъ русскихъ памятниковъ позднѣйшаго времени и что тексты этихъ апокрифовъ сохранились почти исключительно въ Русской редакціи. Это случай, доказывающій только, что недостатокъ въ древнихъ южнославянскихъ, болгарскихъ и сербскихъ свидѣтельствахъ произошелъ или отъ того, что они погибли во время политическихъ потрясеній, или отъ того, что они еще не найдены.

Навѣрное неизвѣстно, кто былъ этотъ Іеремія, попъ Болгарскій; но если принять въ соображеніе, что уже Цареградскій патріархъ Сисиній, жившій между 969—999 гг., предостерегаетъ отъ его сочиненій, то и онъ вѣроятно жилъ въ X вѣкѣ и былъ современникомъ Сисинія и Козьмы. Такимъ образомъ очень вѣроятно, что подъ попомъ Іереміею разумѣется знаменитый попъ Богомилъ, о которомъ говорится, что онъ въ X вѣкѣ основалъ богомильскую секту; слова же «богомилъ» и «богомилы» были только общимъ именемъ, которымъ называли всю секту, получившую названіе не по имени своего покровителя, а по образу своей жизни. Что Іеремія дѣйствительно былъ богомилъ, то это подтверждается еще свидѣтельствомъ Аѳанасія, монаха Іерусалимскаго.

Чтó именно написалъ попъ Іеремія,—навѣрное неизвѣстно, потому что въ индексахъ запрещенныхъ книгъ ему приписываются то тѣ, то другія произведенія. Такъ напр. въ вышеупомянутомъ погодинскомъ номоканонѣ, сохранившемъ до насъ древнѣйшее о немъ свидѣтельство, встрѣчается подъ его именемъ слѣдующее сказаніе: недугъ естьственыи, егоже трасkавицами именують, акоже баєть іеремія попъ болгарьскый; потомъ: о древѣ крьстнѣмъ, извѣщеніе светыя троица и о господѣ нашемь исусѣ христѣ како въ попы ставленъ. Но если сличить нѣсколько номоканоновъ и другихъ рукописей, упоминающихъ о ложныхъ книгахъ, то и слѣдующія «басни» можно было бы приписать попу Іереміи: о томъ какъ *Христосъ плугомъ оралъ*, вопросы и отвѣты *отъ колика частей сотворенъ бысть Адамъ*, какъ *Провъ царь другомъ Христа назвалъ*. Кромѣ того къ молитвамъ противъ вышеупомянутыхъ *трясавицъ* прибавлены еще заговоры противъ *нежитей*: лживыя молитвы о трасавицахъ и нежитѣхъ. Наконецъ можно предположить, что

и многія другія ложныя книги, перечисленныя въ славянскихъ номоканонахъ, написаны богомилами, хотя и не самимъ попомъ Іереміею. Въ Россіи такія книги были нѣкогда прозваны общимъ именемъ *Болгарскія басни*, которыя весьма охотно читались народомъ, что видно изъ приписки къ западнорусскому переводу Іоанна Дамаскина, XVI вѣка, въ которой переводчикъ жалуется на то что: «*Благодаря лѣности и нерадѣнію нашихъ властелей, у насъ не переведена и десятая часть книгъ нашихъ учителей; потому что такъ называемые учители нашего вѣка забавляются болгарскими баснями, или лучше сказать, бабьими пустяками, читаютъ ихъ и хвалятъ*». Самая антитеза доказываетъ, что подъ «*болгарскими баснями*» здѣсь разумѣются *ложныя книги* или *апокрифы*, которые, какъ свидѣтельствуетъ названіе, принесены въ Россію изъ Болгаріи. Это послѣднее подтверждается еще и рукописями, въ которыхъ нѣкоторыя изъ этихъ *басенъ* сохранились въ такомъ видѣ, что еще замѣтны слѣды древнеболгарскаго нарѣчія. Поэтому, кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что значеніе этой Русской приписки относится также и къ древнесербской литературѣ, потому что и она, вѣроятно, нѣкогда изобиловала ложными книгами; вѣдь еще законникъ Душана угрожаетъ наказаніемъ за «*бабунскія рѣчи*», а это, конечно, одно и тоже, что «*болгарскія басни*». У Григоровича есть рукопись Сербской рецензіи, писанная полууставомъ на пергаменѣ, въ которой собрано множество церковныхъ бесѣдъ, направленныхъ противъ народнаго суевѣрія, подъ общимъ заглавіемъ: празници бабыни или о бабьихѫ баснехь, и въ одномъ мѣстѣ этой книги набожный писатель говоритъ: «*Помного земли ходих', только несам' видѣл' помного бродници и самовили и магесницы, кольку у болгарска земля*».

Всмотрѣвшись поближе въ произведенія попа Іереміи, мы увидимъ, что онѣ принадлежатъ къ двумъ разрядамъ: одинъ изъ нихъ состоитъ изъ легендарныхъ разсказовъ, вращающихся около библейскихъ вопросовъ и ситуацій, напр. *объ Адамѣ, о крестномъ древѣ, о томъ какъ Христосъ пахалъ плугомъ* и т. д. Всѣ они, вѣроятно, переведены съ греческаго, но съ различными варіаціями и добавленіями, въ которыхъ скрываются тенденціи богомильскаго ученія; такъ напр. разсказъ о томъ, *какъ Христосъ былъ ставленъ въ попы*, существуетъ и въ греческомъ текстѣ. Ко второму разряду принадлежатъ народныя сказанія, какъ-то: о *трясавицахъ*, о

нежитяхъ и т. д.; только попъ Іеремія и ихъ перемѣшалъ съ библейскими притчами. Разумѣется, второй разрядъ для насъ важнѣе, потому что въ немъ сохранились нѣкоторые, хотя и не важные, слѣды народнаго вѣрованія, которое въ древности давало въ то же время содержаніе и для народной поэзіи. Это служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ ловко богомильство умѣло воспользоваться народными элементами, чтобъ сильнѣе привлечь народъ къ своему ученію. Но и первый разрядъ этихъ сказаній на столько полюбился народу, что сдѣлался его второю собственностью, его народнымъ сокровищемъ. Для полной оцѣнки вопроса съ этой стороны необходимы два условія: нужно найдти, на сколько возможно, древнѣйшую литературную форму этихъ *«болгарскихъ басенъ»*, потому что о нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстно, что они нѣсколько измѣнились подъ вліяніемъ народнаго разсказа въ Россіи; во вторыхъ, нужно отыскать въ самомъ народномъ разсказѣ, новѣйшемъ или старинномъ, на сколько эти произведенія проникли въ Болгарскій и Сербскій народъ. Такъ какъ ни то, ни другое у насъ еще и не начато, не только что не закончено, то и отъ настоящаго труда нельзя требовать ничего опредѣленнаго касательно этого вопроса; но въ доказательство его важности и для обозначенія характера сербско-хорватской литературы, мы приведемъ здѣсь нѣсколько поучительныхъ примѣровъ и доказательствъ того, что мы говорили вообще.

Трясавицы у Болгарскаго народа, вѣроятно, представляли особый родъ злыхъ вѣдьмъ, изъ которыхъ каждая олицетворяла собою какое-нибудь бѣдствіе, постигающее человѣка; поэтому Іеремія, припутавъ къ нимъ библейскія ситуаціи, превратилъ ихъ въ дочерей Ирода, которыхъ по погодинскому номоканону, было семь; но въ позднѣйшихъ Русскихъ рукописяхъ ихъ уже двѣнадцать. Буслаевъ нашелъ въ синодальной библютекѣ, въ *«лечебникѣ»* XVII вѣка, большой разсказъ о трясавицахъ и въ концѣ его молитву для изгнанія ихъ изъ человѣка, въ которомъ онѣ поселились. Шафарикъ тоже упоминаетъ (Gesch. der südsl. Lit. III. I. стр. 223, № 162) о какомъ-то Сербскомъ *«лечебникѣ»* XIV в., но неизвѣстно, есть-ли въ немъ слѣды того же самаго разсказа. Въ Россіи еще и донынѣ существуетъ народное преданіе о дочеряхъ Ирода, подъ именемъ *лихорадокъ*, и навѣрное что-нибудь похожее существуетъ и у южныхъ славянъ; самое слово *«трясавица»* извѣстно и въ древнемъ и въ новомъ

языкѣ (Даничић, Вук.). Но есть-ли о трясавицахъ какія-нибудь народныя преданія? Одинъ изъ учениковъ Ягича, родомъ изъ Петріевца, сообщалъ ему, что тамъ старухи дѣйствительно разсказываютъ что-то о «тресавицѣ», и ему даже помнится, что онъ слышалъ слово *гнѣтавица* (gnjetavica). Для облегченія сличенія съ древними памятниками мы приводимъ здѣсь притчи Іереміи по Русской рукописи: «При морѣ Чермномъ стоитъ столпъ каменный; на столпѣ сидитъ святой великій апостолъ Сисиній, и видитъ: возмутилось море до облаковъ, и выходятъ изъ него двѣнадцать (по номоканону семь) женъ простоволосыхъ—окаянное дьявольское видѣніе. И говорили тѣ жены: «мы Трясавицы, дщери Ирода Царя.» И спросилъ ихъ св. Сисиній: «окаянные дьяволы! Зачѣмъ вы пришли сюда?» Онѣ же отвѣчали: «мы пришли мучить родъ человѣческій: кто насъ перепьетъ, къ тому мы и привьемся и помаимся—помучимъ его,—и кто заутреню просыпаетъ, Богу не молится, праздники не чтетъ, и вставая пьетъ и ѣстъ рано: тотъ нашъ угодникъ». И помолился Богу св. Сисиній: «Господи! Господи! избавь родъ человѣческій отъ окаянныхъ сихъ дьяволовъ». И послалъ къ нему Христосъ двухъ ангеловъ Сихайла и Аноса и четырехъ Евангелистовъ. И начали Трясавицъ бить четырьмя дубцами желѣзными, давая имъ по три тысячи ранъ на день. И взмолились имъ Трясавицы, «св. великій Апостолъ Сисиній, и Сихайло и Аносъ, и четыре Евангелиста, Лука, Марко, Матѳѣй, Іоаннъ! не мучьте насъ! гдѣ ваши имена святыя заслышимъ, и въ которомъ роду имена ваши прославятся, того мы роду бѣгаемъ за три дня, за три поприща». И вопросилъ ихъ св. Апостолъ Сисиній: «что ваши дьявольскія имена?»—Одна говорила: «мнѣ имя *Трясея*». Другая говорила: «мнѣ имя *Огнея*: какъ печь смоляными дровами распаляется, такъ Огнея жжетъ тѣла человѣческія». Третья говорила: «мнѣ имя *Ледея*»: а Ледея, какъ ледъ студеный, знобитъ родъ человѣческій; и не можетъ отъ него человѣкъ и въ печи согрѣться. Четвертая говорила: «мнѣ имя *Гнетея*»: Гнетея же ложится у человѣка на ребра и взвиваетъ утробу; а если кто хочетъ ѣсть—пусть ѣстъ: только изъ души у того человѣка вонъ идетъ. Пятая говорила: «мнѣ имя *Грынуша*»: та ложится у человѣка въ грудяхъ, плечи гноитъ и выходитъ харканьемъ. Шестая говорила: «мнѣ имя *Глухея*»: та ложится у человѣка въ головѣ, уши закладываетъ и голову ломитъ: и тотъ человѣкъ глухъ

бываетъ. Седьмая говорила: «мнѣ имя *Ломея*»: Ломея же ломитъ, какъ сильная буря сухое дерево, у человѣка кости и спину. Осьмая говорила: «мнѣ имя *Пухнея*:» Пухнея же пущаетъ отекъ на родъ человѣческій. Девятая же говорила: «мнѣ имя *Желтья*»: Желтѣя же какъ желтый цвѣтъ въ полѣ. Десятая говорила: «мнѣ имя *Каркуша*: та всѣхъ проклятѣе»; смыкаетъ ручныя жилы и ножныя вмѣстѣ. Одинадцатая говорила: «мнѣ есть имя *Глядѣя*»: и та всѣхъ проклятѣе: въ ночи человѣку сна не дäетъ и бѣсы приступаютъ къ тому человѣку, и въ умѣ онъ мѣшается. Двѣнадцатая говорила: «мнѣ имя *Невѣя*»: Невѣя же сестра имъ старѣйшая, плясавица, которая усѣкнула главу Іоанна Предтечи: и та всѣхъ проклятѣе: поймаетъ человѣка, и не можетъ тотъ человѣкъ живъ быть».—Далѣе слѣдуетъ священническое заклинаніе, посредствомъ котораго всѣ вышеупомянутыя болѣзни изгоняются изъ человѣка.

Нежити, противъ которыхъ тотъ же попъ Іеремія составилъ ложныя заклинанія, были тоже какія-то олицетворенія, такого же вреднаго характера, какъ и трясавицы. Воспоминаніе о нихъ еще сохранилось у Русскаго народа, у котораго нежити считаются особымъ родомъ злыхъ духовъ и о нихъ разсказываютъ, что они и не живутъ и не умираютъ; это видно и по самому слову, составленному изъ *не* и *жить* (кор. *жив*). Слѣдовало бы изслѣдовать, нѣтъ-ли и у Сербо-хорватовъ какого-нибудь преданія о нежитяхъ; о нихъ, по крайней мѣрѣ, нѣкогда упоминалось въ древнесербской литературѣ, но только въ спискахъ съ Болгарскихъ оригиналовъ. Григоровичь имѣетъ рукопись Сербскаго происхожденія, въ которой сохранилось пять заклинаній противъ нежитей. И здѣсь, какъ мы сейчасъ увидимъ, народное преданіе перемѣшано съ библейскими мотивами: злой духъ нежить встрѣчается съ доброю силою (христіанскою), которая его конечно осиливаетъ и уничтожаетъ. Мы приведемъ здѣсь второй и третій заговоры по старосербскому оригиналу:

Второй заговоръ гласитъ: сходещю нежиту от сухаго мора и сходещју іисусу отъ небесе, и рече єму їисусь: «камо идеши нежите?» рече єму нежить: сѣмо иду, господіне, вь чловѣчью главу, мозга срьчати, челюсти прѣломити, зубы ихь ронити, шіе ихь кривити и уши ихь оглушити, очи ихь ослѣпити, носа гугнати, крьве ихь проліати, вѣка ихь исушити, устьнь ихь кривити, и удовь ихь раслаблати, жиль ихь умрьтвити, тѣла изьм-

ждати, лѣпоту ихь измѣнити, вѣсомь мучити е. и рече ему Іисусь: «обрати се, нежите; иди вь пустую гору и вь пустыну, обрѣти ту елену главу и вьсели се вь ню: ть бо все трьпить и все страждеть... иди вь каменіе, ть бо все трьпить, зиму и зной и всѣко плодьство; ть бо о(т)твари жестокь есть, вь себѣ дрьжати те сильнь есть. нежить, да ту имѣй жилище, доньдѣже небо и земла мимоидеть и кончаеть се: отниди отъ рабa божіа.

Третій заговоръ составляетъ какъ бы продолженіе втораго: сваты михаиль гавриль гредеше, вьзьмь желѣзьнь лукь и желѣзьны стрѣлы, стрѣлати хоте елѣна и елѣну, и не обрѣте ту елѣна и елѣну, нь обрѣте нежита, иже седѣше, камы рацѣпивь, и вьпроси его: что ти еси, иже сѣдиши, камы рацѣпивь? отвѣщавъ ему: азь есьмь нежить, иже чловѣче главе рацѣплю и мозьгъ исрьчу, крьвь ему пролѣю». рече му михаиль гавриль. «проклетыи проклетьче нежите! не мозьга срьчи ни главы рацѣпи; нь иди вь пустую гору и вьлѣзи вь елѣну главу: та ти есть трьпѣлива трьпѣти то. аще ли те по семь дни обрѣщу, любо те посѣку, любо те прострѣлю,» и вьзьмоли се нежить; «не посѣци, не прострѣли мне, да бѣжу вь гору и вь звлелѣну (sic) главу».

Такимъ образомъ составилось вѣроятно много другихъ преданій, въ которыхъ элементы народнаго вѣрованія перемѣшаны съ христіанскими мотивами. На ряду съ этими преданіями Болгарскій народъ, а чрезъ него и Сербско-хорватскій, усвоили себѣ также чисто библейскія притчи, и составленныя и переведенныя вѣроятно Богомилами изъ Греческой апокрифической литературы и сдѣлавшіяся впослѣдствіи народными легендами. Само собою разумѣется, что въ такихъ притчахъ, проникшихъ въ народъ изъ книгъ, народная фантазія многое передѣлала и добавила по своему. Произведенія попа Іереміи, принадлежащія къ этому разряду, сохранились отчасти въ рукописяхъ Русской рецензіи, а отчасти и въ югославянскихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ рукописяхъ. Григоровичь напр., имѣетъ рукопись Болгарской рецензіи, писанную на пергаменѣ полууставомъ XV вѣка и заключающую въ себѣ много апокрифическихъ произведеній, и между прочимъ: слово ѡ крестѣ честнѣ и ѡ двою крьсту развойничю. Это послѣднее по крайней мѣрѣ по заглавію напоминаетъ приевоенное Іереміи сказаніе *«о крестномъ древѣ»*, хотя это не одно и тоже. Начало легенды гласитъ: «Адамъ былъ предъ дверями райскими у эдема, когда дни его приблизились къ смерти, и

онъ сильно опечалился. И всѣ подивились этому, потому что еще не знали о его болѣзни. Тогда Сиѳъ сказалъ своей матери: «Мать моя! ты его хорошо знаешь; скажи намъ, что съ нимъ случилось?»—Сынъ мой—отвѣчаетъ Евва—онъ все еще тоскуетъ о райскомъ блаженствѣ, вспоминаетъ о немъ и груститъ». Тогда Сиѳъ пошелъ къ раю. Архангелъ принесъ ему древо, отъ котораго вкусилъ Адамъ и сказалъ: «Это древо изгоняетъ нечистыхъ духовъ: это просвѣщеніе темнымъ и кто вѣруетъ, тотъ не пошатнется». Сиѳъ взялъ древо и отнесъ его отцу. Когда Адамъ увидалъ его, то вздохнулъ и сказалъ: «Это то древо, ради котораго я былъ изгнанъ изъ рая». Онъ взялъ его и свилъ изъ него вѣнокъ, и съ этимъ вѣнкомъ его положили въ землю». За тѣмъ слѣдуетъ разсказъ, какъ изъ этого вѣнка выросло дерево, какая судьба его постигла, и наконецъ легенда заканчивается притчею, намекающею на богомильскій принципъ дуализма въ мірѣ: Вопросъ: какъ произошло дерево, которое взялъ ангелъ и далъ Сиѳу? Отвѣтъ: Когда Сатанаилъ—это богомильское олицетвореніе всяческаго зла—кралъ у Господа, то Господь сказалъ ему: все, что ты крадешь у меня, послужитъ тебѣ къ изгнанію. И прогналъ его Господь; и выросло дерево *на трое*: одна часть Адамова, одна Еввина, а средняя—самого Господа, и Господню часть архангелъ далъ Сиѳу; Сиѳъ принесъ ее Адаму и Адамъ свилъ себѣ вѣнокъ, изъ котораго выросло это дерево.

Въ Хорватской письменности недавно (1868 г.) открыты въ глагольской рукописи XV-го вѣка принадлежащей Кукульевичу, сказанія *объ Авраамѣ, о крестномъ древѣ, о главѣ Адамовой, о томъ какъ Исусъ плугомъ оралъ, о томъ какъ Исуса въ попы ставили, о томъ какъ Провъ Исуса братомъ назвалъ*. Текстъ сказанія *о крестномъ древѣ* отличенъ отъ текста, изданнаго Тихонравовымъ (I. 305—313). У послѣдняго было два текста—русскій XIII и сербскій XV вѣка. Въ глагольскомъ текстѣ, изданномъ Ягичемъ (Prilozi k historiji književnosti) находятся мѣста, опущенныя въ текстахъ Тихонравова, и на оборотъ. Въ Кирилловскихъ текстахъ сказаніе *о крестномъ древѣ* соединено съ сказаніемъ *объ Адамѣ*, въ глагольскомъ эти сказанія отдѣльны; послѣдній текстъ носитъ на себѣ слѣды древняго оригинала и даетъ основаніе думать, что представляетъ переводъ съ греческаго (ibid; 28—34).

Есть-ли что-нибудь подобное въ Сербско-хорватскихъ народныхъ сказаніяхъ,—нынѣ еще неизвѣстно; да къ тому же рукописи

древнесербской церковной литературы еще не на столько изслѣдованы, чтобъ можно было сказать, на сколько распространено въ нихъ это апокрифическое повѣствованіе. (¹). Но въ номоканонахъ упоминаются и еще многія запрещенныя книги,

---

(¹) Къ циклу апокрифическихъ легендъ объ Адамѣ принадлежитъ также присвоенное попу Іереміи произведеніе: *«Отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ»?* Въ рукописи Болгарской рецензіи, имѣющейся у Григоровича, вѣроятно въ той же самой, о которой мы уже говорили,—объ этомъ предметѣ говорится слѣдующее: Вопросъ: Какъ Богъ сотворилъ Адама? Отвѣтъ: Изъ осьми частей: первая часть тѣла его отъ земли; вторая часть отъ моря; третья часть отъ камени; четвертая часть отъ вѣтра; пятая часть отъ облака; шестая часть отъ солнца и росы; седьмая часть отъ помысла и быстроты ангельскихъ; осьмая часть отъ св. Духа». Въ древней литературѣ для подобныхъ апокрифическихъ произведеній предпочиталась діалогическая форма, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, что вполнѣ сходно съ народными загадками. Такія вопросы и отвѣты легко было запоминать, да и легко переписывать, а каждый переписывалъ конечно то, что ему всего болѣе нравилось. Въ рукописяхъ подобныя произведенія очень часто приписываются кому-нибудь изъ церковныхъ писателей, напр. Іоанну Златоусту. Въ той же Болгарской рукописи есть богатое собраніе вопросовъ и отвѣтовъ подъ слѣдующимъ апокрифическимъ заглавіемъ: *«Бесѣда трехъ святителей, т. е. Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и Василія Кесарійскаго»*. Эту бесѣду Славянскіе номоканоны также причисляютъ къ ложнымъ и запрещеннымъ книгамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и древнесербскіе писатели охотно переписывали такія произведенія и что ихъ найдется не мало, когда мы наконецъ начнемъ внимательно просматривать и читать южнославянскія рукописи. Въ книгѣ Шафарика (Gesch. der südsl. Liter. III.) описаны три рукописи (№ 95 на стр. 196, № 105 на стр. 202 и № 147 на стр. 215), которыя, кажется, содержатъ въ себѣ нѣсколько такихъ апокрифическихъ сочиненій. Ягичь тоже описалъ (Knjiž. III стр. 121—131) одну Сербскую рукопись изъ библіотеки Кукульевича, которая тоже несомнѣнно принадлежитъ сюда, онъ же нашелъ въ вышеупомянутой глагольской рукописи Кукульевича хорватское сказаніе, сродное по содержанію съ сказаніемъ *отъ сколькихъ частей Адамъ былъ сотворенъ* и *съ бесѣдою трехъ святителей*. Нѣкоторые изъ вопросовъ, въ формѣ которыхъ составлено сказаніе (въ хорватской обработкѣ: *чтеніе отъ Адама*), являются въ видѣ народныхъ загадокъ у сербохорватовъ Замѣткѣ апокрифа о сотвореніи медвѣдя соотвѣтствуетъ народное преданіе о происхожденіи волка. (Jagić: Prilozi. 40—44). Эту весьма замѣчательную сторону Сербско-хорватской литературы должно изслѣдовать посредствомъ сопоставленія содержанія древнихъ рукописей съ содержаніемъ народныхъ сказаній, пословицъ и загадокъ Тогда легко будетъ опредѣлить, сколько въ однихъ примѣси народнаго, а въ другихъ примѣси книжнаго.

о которыхъ прямо не говорится, что онѣ написаны или переведены попомъ Іереміею; однако онѣ сохранились и въ славянскомъ текстѣ, который, судя по различнымъ признакамъ, возникъ никакъ не позднѣе X—XII вѣка и былъ, кажется, написанъ въ Болгаріи, можетъ быть тоже богомильскими послѣдователями. Доказательствомъ древности этихъ текстовъ служитъ намъ то, что они имѣются въ такихъ рукописяхъ Русскаго происхожденія, XII—XIII вѣковъ, которыя предполагаютъ еще болѣе древній южнославянскій оригиналъ; что же касается до ихъ популярности, то достаточно упоминовенія о томъ, что и нынѣ еще сербско-хорватскія народныя пѣсни и сказки богаты народно-библейскимъ содержаніемъ. Правда, немногое можно сказать объ этихъ народныхъ легендахъ, пока онѣ еще не собраны, чего онѣ уже давно напрасно ожидаютъ; теперь же о сербско-хорватскомъ народномъ повѣствованіи положительно извѣстно только то, что самый широкій кругъ легендъ сосредоточился около Пресв. Дѣвы Маріи. У сербовъ, на сколько нынѣ извѣстно, есть прекрасныя народныя пѣсни, въ которыхъ разсказываются эпизоды изъ жизни Богородицы (см. «пѣсни» собранныя Вукомъ, кн. I и II и его же «Герцеговинскія пѣсни»); а чтобъ точнѣе разсмотрѣть, каковы и какъ древни источники этихъ повѣствованій и пѣсенъ, мы приведемъ здѣсь одинъ примѣръ.

Въ Погодинскомъ номоканонѣ между апокрифами упоминается и «*по мукамъ хожденіе Богородицы*». Древнѣйшій Славянскій текстъ этой библейской притчи открытъ недавно въ Россіи, въ сборникѣ разныхъ церковныхъ поученій, XII вѣка (напеч. въ Изв. Ак. Наукъ, т. X. 551). Нѣтъ сомнѣнія, что оригиналъ этого текста—южнаго и болгарскаго происхожденія; стало быть оригиналъ, съ котораго сдѣланъ былъ этотъ списокъ, принадлежалъ навѣрное XI вѣку, а можетъ быть даже и X, а это-то и было время ложныхъ книгъ. Григоровичъ имѣетъ позднѣйшую рукопись, XVI в., именно Болгарскаго происхожденія, въ которой тоже есть «хожденіе Богородицы по мукамъ», согласующееся въ главнѣйшихъ чертахъ съ болѣе древнимъ текстомъ XII вѣка—новое доказательство того, что эта притча дѣйствительно южнославянскаго происхожденія. Это «хожденіе» не есть оригинальное произведеніе славянской фантазіи, а переводъ съ Греческаго: Греческій и Славянскій тексты, какіе мы нынѣ имѣемъ, не вполнѣ сходны; но еслибъ мы имѣли болѣе древнія рукописи, то

въ нихъ было бы навѣрное больше сходства. Въ древнѣйшемъ, досєлѣ намъ извѣстномъ, славянскомъ текстѣ, т. е. въ вышеупомянутомъ Русско-славянскомъ текстѣ XII вѣка есть нѣсколько оригинальныхъ прибавленій, которыхъ въ Греческомъ текстѣ конечно не было; въ особенности замѣчательно то, что и въ Греческомъ и Славянскомъ текстахъ одинаково разсказывается о томъ, какъ Богородица ходила по адскимъ мукамъ и Михаилъ Архангелъ показалъ ей прежде всего невѣровавшихъ въ Бога Отца и Сына и св. Духа; но въ славянскомъ текстѣ къ этому еще прибавлено: нъ забыша бога и вѣроваша юже ны бѣ тварь богъ на работоу створилъ то то оши все богы прозваша: солнце и мѣсаць землю и водоу. звѣри и гады. то сѣтьнѣ и чловѣчьска имена та оутрина троıана хърса велеса пероуна . на богы обратиша. Это ясно показываетъ, какъ при описаніи адскихъ мукъ, предназначенныхъ для невѣрующихъ, живо было у Болгарскаго переводчика или у Русскаго переписчика воспоминаніе о народныхъ именахъ языческихъ боговъ; изъ этого можно также заключить, что славянскій переводъ апокрифа о хожденіи Богородицы по аду очень старъ и принадлежитъ даже самому древнему времени, когда еще оставалось много слѣдовъ язычества.

Смыслъ легенды тотъ, что Богородица требуетъ отъ Архангела Михаила, чтобъ онъ отворилъ ей адъ и показалъ всѣ адскія муки, какъ кто мучится и за что. Таково основаніе притчи, исполненной суровой поэзіи, очень подходящей къ народной фантазіи, почему притча вскорѣ и превратилась въ настоящее народное сказаніе. Но уже въ рукописяхъ, въ которыхъ часто встрѣчается эта легенда, разряды грѣховъ и грѣшниковъ измѣняются согласно съ народнымъ образомъ мыслей; въ самомъ же народномъ сказаніи разница еще болѣе увеличивается. Кто хочетъ въ этомъ убѣдиться, пусть сравнитъ сербскія народныя пѣсни: «Огњена Марија у пaклу» (Вукъ: II. № 4) съ «Гријешна удовица у паклу» (Вукъ: Герцег. пѣсни, № 315) и съ «Сестре светога Петра» (тамъ же, № 312) и т. д. Всѣ эти пѣсни произошли изъ одного апокрифическаго источника, именно изъ сказанія о схожденіи Богородицы въ адъ, но народъ перенесъ ситуацію съ Богородицы на разныя другія лица.

Хожденіе Богородицы по мукамъ сохранилось у Сербохорватовъ въ двоякой формѣ—въ Сербской и Хорватской, т. е. въ кирилловской и глагольской. Сербскій текстъ по рkп.

XV-го вѣка изданъ Тихонравовымъ (II. 30—39); глагольскій текстъ съ признаками старины судя по языку и стилю, изданъ по ркп. Кукульевича 1468 г. Ягичемъ подъ заглавіемъ: *Чтение свете Марие о мукахъ* (Prilozi. 46—54), Хорватскій текстъ ближе нежели Сербскій къ Греческому оригиналу.

Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ и еще многіе другіе апокрифы, упоминаемые въ погодинскомъ номоканонѣ, будутъ найдены въ болѣе древнихъ, чѣмъ нынѣ извѣстно, славянскихъ текстахъ и тогда легче будетъ убѣдиться, что эти произведенія дѣйствительно плоды весьма богатой еретической древнеболгарской литературы, начавшейся вѣкомъ Симеона и включившей въ себя богомиловъ, и что онѣ писались частью Болгарами, а частью и Сербами до самаго конца XIV вѣка. Изъ остальныхъ, упомянутыхъ въ погодинскомъ номоканонѣ отрывковъ, упомянемъ еще: о соломони цѣсари и о китоврасѣ баснии и коштуны. Подъ этимъ заглавіемъ подразумѣвается циклъ притчъ о Соломонѣ, важный и для Сербо-хорватовъ, потому что изъ книгъ онъ проникъ въ народъ, и донынѣ еще изъ ветхаго завѣта для Сербско-хорватскаго народа самое знакомое имя—это имя мудраго Соломона. Нѣтъ ни одной рукописи Сербскаго происхожденія, которая бы заключала въ себѣ хоть какую-нибудь часть Соломоновыхъ притчъ; но если даже Сербскіе народные разсказы удивительно сходны съ притчею о Соломонѣ, встрѣчающейся въ Русскихъ сборникахъ XV—XVIII вѣковъ, если уже доказано, что первый мотивъ Русскихъ притчъ возникъ на югѣ—то навѣрное можно сказать, что и у Сербо-хорватовъ сохранились о Соломонѣ не только устныя повѣствованія, но были, а можетъ быть и нынѣ еще существуютъ такія о немъ притчи и въ рукописныхъ сборникахъ, которые или еще не изслѣдованы, или еще донынѣ не открыты. Русскія притчи о Соломонѣ открыты въ хронографахъ (напр. Рум. музея, № 453, 1493 г.), что и насъ должно навести на мысль, нѣтъ-ли чего-нибудь такого и въ Сербскихъ хронографахъ? Описаніе трехъ Сербскихъ рукописей, о которыхъ упоминаетъ Шафарикъ въ своей книгѣ (Gesch. d. südsl. Lit. III. 236, № 192—194), на столько кратко, что по немъ нельзя ничего заключить; а существуютъ и болѣе древніе Сербскіе хронографы и въ новѣйшее время доказано, что Сербскіе хронографы, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго времени служили источникомъ для Русскихъ (ср. Изв. Ак. Н. т. VIII, стр. 387).

Такъ какъ намъ недостаетъ другихъ доказательствъ, которыя бы подтверждали свидѣтельство XIV вѣка (погодинскаго номоканона) о томъ, что и въ древне-сербской литературѣ были притчи о Соломонѣ,—то мы должны удовольствоваться народными сказками. Въ сборникѣ Караджича есть сказка подъ № 42 *«једна гобела у као, а друга из кала»*, въ которой разсказывается, какъ «некакав други цар» обманомъ похитилъ жену Соломона и когда этотъ послѣдній, узнавъ куда дѣвалась его жена, пошелъ за нею съ достаточнымъ количествомъ вооруженныхъ людей, то она заперла его въ одну комнату и хотѣла предать тому царю, чтобы онъ убилъ его. Но Соломонъ перехитрилъ этого царя, научивъ, чтобъ царь вывелъ его въ поле и убилъ бы его на открытомъ мѣстѣ, а раньше чѣмъ убьетъ, пусть прикажетъ «да се три пута затруби у трубу да чује сватко и ко хоће да може доћи да види, па ће поћи и гора да гледа, ђе цар цара губи». Царь дался въ обманъ, и на звукъ трубы явились воины Соломона, изъ которыхъ каждый несъ передъ собою большую зеленую вѣтку, почему они и имѣли видъ лѣса; а когда труба протрубила въ третій разъ, «у том Соломунови војници стигну на оно мјесто те Соломуна отму, а цара и све његове момке и дворане похватају и побију». Можно въ точности доказать, что этотъ сербскій народный разсказъ ни что иное, какъ варіація и часть извѣстной въ западныхъ литературахъ средневѣковой повѣсти о Соломонѣ и Морольфѣ; и что еще важнѣе, мы можемъ ее поближе сличить съ Русскою притчею, сохранившеюся въ рукописяхъ XVII вѣка (сборникъ Рум. музея, № 363). Нынѣшняя Сербская притча представляетъ конечно еще темную картину, въ которой ясны только нѣкоторыя черты; но содержаніе Русской рукописи бросаетъ на нее сильный свѣтъ и возвращаетъ ей всю ея важность. Называющійся у Сербовъ «некакав други цар» въ русскихъ рукописяхъ называется индійскимъ царемъ Поромъ; въ этихъ послѣднихъ подробно разсказывается о томъ, какъ Поръ достигъ до жены Соломона при помощи посланнаго, проникшаго во дворецъ Соломона. Въ Сербской сказкѣ говорится «подоста наоружанијех људи», а въ Русской притчѣ—«многочисленное войско съ уланами, воеводами и князьями»; далѣе въ той и въ другой одинаково разсказано, что Соломонъ оставилъ свое войско вдалекѣ и приказалъ ему подождать, пока труба не протрубитъ три раза. О премудрости же Соломона, впередъ уже сказавшаго, что

лѣсъ придетъ посмотрѣть на его смерть, и о его загадочномъ изрѣченіи: «једна гобела у као друга из кала»,—въ Русской притчѣ ничего не упоминается; но вмѣсто этого подробнѣе разсказана смерть Пора. При такомъ различіи слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Сербское народное сказаніе сохранилось въ томъ видѣ, въ какомъ Караджичь его слышалъ въ Тржичѣ, а Русская притча записана въ сборникѣ XVII вѣка; впрочемъ и Сербское сказаніе носитъ на себѣ ясные признаки того, что оно проникло въ народъ изъ книгъ. Конечно, упоминаемое въ номоканонѣ сказаніе «о Соломонѣ и Китоврасѣ» должно быть совсѣмъ другое, потому что въ Русскомъ хронографѣ 1494 г. дѣйствительно есть *«повѣсть о Китоврасѣ»*, которая нисколько непохожа на вышеозначенную притчу; но что настоящею родиною этой «басни» о китоврасѣ (греч. *κενταυρος*) былъ Славянскій югъ и что она проникла въ славянскую литературу гдѣ-нибудь между Болгарами или Сербами, посредствомъ перевода съ греческаго оригинала, то это несомнѣнно, потому что намъ извѣстно, что еще южный славянинъ св. Кипріанъ, митрополитъ Русскій (1376—1406) записалъ въ своемъ молитвенникѣ между ложными книгами и басню «о Китоврасѣ» наряду «съ крестнымъ древомъ», съ «хожденіемъ Богородицы», съ молитвами на «трясавицъ» и т. д.

И другая Сербская сказка о Соломонѣ подъ заглавіемъ *«Ђевојка, удовица и пуштеница»* (въ сборн. Караджич. № 41) тоже вѣроятно книжнаго происхожденія и принадлежитъ къ разряду тѣхъ притчъ о Соломонѣ, въ которыхъ описывается мудрость его отвѣтовъ на трудные вопросы, что въ Русскихъ рукописяхъ извѣстно подъ названіемъ *«судовъ Соломоновыхъ»*. Въ Россіи слѣды ихъ сохранились даже отъ XV вѣка (напр. въ хронографѣ 1494 г.) и навѣрное еще до этого времени они были распространены въ южно-славянской (Болгарской и Сербской) литературѣ.

3. Греко-восточныя притчи какъ источникъ народныхъ сказаній. Кромѣ народныхъ притчъ, къ которымъ литература примѣшала библейскіе эпизоды, и кромѣ библейскихъ легендъ, которыя народная фантазія въ свою очередь украсила своими блестками, есть еще третій родъ сказаній, которыя не могутъ быть отнесены ни къ народнымъ, ни къ библейскимъ, а составляютъ общее наслѣдіе давняго

Греко-восточнаго міра, и, какъ воспоминаніе о его прежней славѣ и потомъ паденіи при идеяхъ христіанства, проникли, большею частью чрезъ византійскую литературу, въ средневѣковую, восточную и западную Европу. Такихъ сказаній съ историческою основою два: *«О Троянской войнѣ»* и *«объ Александрѣ Великомъ»*; сюда же принадлежатъ творенія свободной фантазіи: арабская притча *о Синагрипѣ* и византійская *о жизни и дѣяніяхъ Девгенія*; духовный романъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства *о Варлаамѣ и Іосафатѣ*, а равно и сказанія изъ индѣйской Панчатантры: *Стефанитъ и Ихнилатъ*. Всѣ эти сказанія встрѣчаются во всѣхъ европейскихъ литературахъ среднихъ вѣковъ, а равно и въ славянской литературѣ; и мы о нихъ упоминаемъ при описаніи древне-сербской литературы, хотя и не знаемъ, когда именно они были переведены въ первый разъ. Впрочемъ не смотря на то, что позднѣйшія рукописи ихъ—Русской рецензіи и что они всего чаще попадаются въ Россіи, они конечно являются тамъ только въ спискахъ съ болѣе древнихъ южно-славянскихъ, частью Болгарскихъ, частью Сербскихъ памятниковъ. Большинство изъ нихъ встрѣчается также въ рукописяхъ XIV—XVI в., Сербской рецензіи; но и эти Сербскіе тексты ничто иное какъ списки съ еще древнѣйшихъ и первоначальныхъ, частью Сербскихъ, а частью Болгарскихъ переводовъ. Такимъ образомъ теперь еще нельзя вполнѣ опредѣлить, когда эти сказанія переведены съ Греческаго на древнеболгарскій языкъ: до начала-ли XII вѣка, пока на славянскомъ югѣ еще господствовала настоящая древнеболгарская литературная дѣятельность, плоды послѣдователей Симеона и богомильства, или уже въ теченіи XIII и XIV вѣковъ, когда цвѣтъ этой литературы перешелъ къ Сербскому народу. Судя по сродству самыхъ сказаній съ обоими прежде упомянутыми родами сказаній нельзя сомнѣваться въ томъ, что они возникли очень рано, можетъ быть даже въ X вѣкѣ, хотя объ этомъ родѣ сказаній нельзя утверждать, какъ о двухъ первыхъ, что въ народномъ повѣствованіи много очевидныхъ слѣдовъ его. Все извѣстное донынѣ мы приведемъ при каждомъ сказаніи отдѣльно.

Жизнь Александра Великаго была такимъ чудеснымъ явленіемъ древняго міра, которое не могло быть забыто народомъ и переходило отъ одного къ другому; вездѣ о немъ разсказывалось, смотря потому какъ народная фантазія пред-

ставляла себѣ величіе, храбрость и мудрость Александра. Народное повѣствованіе проникло и въ Греческую и въ Латинскую литературу, а чрезъ нихъ и во всѣ литературы восточныхъ и западныхъ народовъ средневѣковой Европы. Греческій текстъ, съ котораго сдѣланъ славянскій переводъ, сохранился во многихъ варіаціяхъ, которыя всѣ возникли изъ одного древнѣйшаго текста, но о немъ ничего неизвѣстно. Положительно также неизвѣстно, кто первый написалъ Греческій текстъ: начиная съ самыхъ временъ Александра, а именно съ Псевдокалисоена, его приписываютъ то тому то другому писателю до XI в. по Р. Х., когда наконецъ отъискался какой-то Симеонъ Сеѳъ, извѣстный переводчикъ индійскихъ басень; но конечно не онъ написалъ этотъ текстъ, потому что этотъ послѣдній упоминается гораздо ранѣе.

Между Славянскими народами весьма распространены жизнеописанія Александра Великаго, которыя можно раздѣлить на два разряда: однѣ проникли въ славянскую литературу съ нѣмецкаго или латинскаго запада—это Александроида Чешская и Польская—; другія перешли въ Славянскую литературу непосредственно изъ Греческаго текста византійской редакціи—это южнославянскій переводъ, Болгарскій или Сербскій; во всякомъ случаѣ первый переводъ сдѣланъ гдѣ-нибудь на югѣ, и именно на церковно-славянскій языкъ. Этотъ послѣдній разрядъ для насъ очень важенъ. Рукописи, въ которыхъ такая александроида дошла до насъ,—позднія, именно XVI—XVIII вѣковъ и заключаютъ въ себѣ большею частью тексты Сербской или Русской рецензіи. О Русскомъ текстѣ извѣстно, что онъ не что иное какъ списокъ съ Сербскаго оригинала: это видно напр. изъ того, что въ Русскихъ рукописяхъ, при толкованіи греческаго названія «драмъ», удержана прибавка: «по Сербскому языку»; а одинъ Русскій переписчикъ, не понявши въ чемъ дѣло, написалъ даже: «Сибирскій языкъ». Въ Сербскихъ рукописяхъ упоминается тоже о Сербскомъ языкѣ: напр. въ рукописи (XVI в.) Михановича говорится такъ: «градъ же ту съзида и нарече име іему драмь, иже по срьскомъ ієзику наричеть се потечиште», а въ рудницкой рукописи это же самое сказано слѣдующими словами: «и ту град сазида и нарече му име драм, же по Сарбскомъ ієзику потечишће».

Такимъ образомъ остается только вопросъ, непосредственно ли съ Греческаго языка былъ сдѣланъ переводъ на

Сербскій языкъ, или первый Славянскій переводъ былъ, можетъ быть, сдѣланъ въ Болгаріи, на древнеболгарскій языкъ? Мы уже упоминали о томъ, что пресвитеръ Григорій, по порученію царя Симеона, перевелъ хронику Іоанна Малалы на Славянскій языкъ. Въ позднѣйшихъ спискахъ этой хроники, копіяхъ съ древнѣйшей Русской рукописи 1261 г. встрѣчается весьма замѣчательная вставка подъ заглавіемъ: «книги Александръ», и это не что иное, какъ переводъ псевдо-Каллисѳеновскаго текста Греческой александроиды. Еслибъ можно было сказать положительно, что эта вставка не случайно попала, впослѣдствіи въ Россіи, въ текстъ Григоріева перевода, то мы бы имѣли первый древнеболгарскій переводъ греческой александроиды, даже X вѣка. Есть надежда, что на этотъ вопросъ будетъ легче отвѣтить, когда эта вставка изъ хроники Малалы будетъ списана и издана въ свѣтъ. Тогда вѣроятно можно будетъ опредѣлить, на столько-ли этотъ сохранившійся вмѣстѣ съ хроникою текстъ—хотя бы это даже и былъ переводъ пресвитера Григорія, X вѣка—сроденъ Сербскимъ текстамъ, чтобъ можно было смѣло сказать, что Сербская александроида только списана съ этого, болѣе древняго, Болгарскаго перевода ([1]), или существуютъ двѣ оригинальныя Славянскія александроиды, Болгарская и Сербская.

([1]) Въ Болгаріи «царь Александръ» вѣроятно извѣстенъ и въ народныхъ сказаніяхъ. Въ сборникѣ нар. пѣсенъ бр. Миладиновыхъ (стр. 526) упоминается народное преданіе о томъ, какъ Александръ желалъ добыть «безсмертной» воды; но ни одинъ изъ ходившихъ за нею не вернулся назадъ, потому что раньше чѣмъ дойти до нея, нужно было три дня идти въ ночной темнотѣ, въ которой каждый погибалъ и не могъ выйти на бѣлый свѣтъ. Такимъ образомъ царь Александръ отправился за нею самъ и взялъ съ собой кобылу и жеребенка. Сначала онъ оставилъ въ темнотѣ привязанную кобылу, а потомъ вдали отъ нея, но такъ чтобы можно было слышать, привязалъ жеребенка. Такимъ образомъ онъ благополучно дошелъ до безсмертной воды, находившейся между двухъ горъ, которыя отворялись и затворялись. Онъ поспѣшно почерпнулъ воды и по ржанію кобылы и жеребенка узналъ дорогу и благополучно возвратился на бѣлый свѣтъ. Сказаніе заканчивается тѣмъ, какъ сестра (Роксандра!) по легкомыслію разбила сосудъ и разлила воду и, чтобы избѣжать страшнаго гнѣва Александра, бросилась въ море и превратилась въ дельфина, который, заслышавъ имя Александра, скрывается въ морскія глубины. Это вѣроятно на-

Оставивъ въ сторонѣ этотъ, до сихъ поръ еще не рѣшенный вопросъ, возвратимся къ Сербской александроидѣ. Если она не простой списокъ съ древнеболгарскаго перевода, то можно положительно сказать, что она переведена много раньше тѣхъ Сербскихъ рукописей, въ которыхъ нынче встрѣчается, ибо текстъ перешелъ даже въ Россію въ видѣ законченнаго труда; а періодъ, въ продолженіи котораго Сербская культура переходила въ Россію, и посредствомъ книгъ и чрезъ людей, продолжался приблизительно только до конца XIV вѣка. За тѣмъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что Сербская александроида и по языку дѣлится на два отдѣла: на Алекрандроиду церковно-сербскую и на народно-сербскую. Текстъ Михановича (теперь въ Загребѣ) и дерптской библіотеки (а можетъ быть и тексты Карловацкой библіотеки и монастыря Ремета въ Сремѣ) представляютъ намъ церковно-сербскую александроиду, а рудницкій текстъ въ Чехіи и текстъ Гая въ Загребѣ заключаютъ въ себѣ народно-сербскую александроиду. Сказаніе, составленное на народномъ нарѣчіи, было передѣлано на него гдѣ-нибудь въ Босніи или верхней Далмаціи съ церковно-сербскаго текста, и никакъ не позже, если не ранѣе XIV—XV вѣка; въ рудницкой рукописи господствуетъ чакавское нарѣчіе, которое въ рукописи Гая замѣнено штокавскимъ: поэтому рудницкій текстъ навѣрное старше текста Гая.

Сравнивая народную александроиду съ церковно-сербскою, находимъ, что рудницкій текстъ и текстъ Михановича по содержанію почти вполнѣ сходны, исключая введенія, которое въ народной рецензіи обширнѣе и начинается почти такъ, какъ нѣкоторые Русскіе тексты. Нельзя однако же сказать, чтобъ народный текстъ возникъ именно изъ такой рукописи, какова рук. Михановича; обоимъ имъ основою послужилъ какой-нибудь третій, четвертый и т. д., нынѣ уже

родная варіація на то, что въ Александроидѣ разсказывается такъ: J do škure zemlje doide i tu sa izibranimi Macedonjami na kobile, ke ždribce imihu, usedoše, i ždribce na stanih ostaviše. J tako v škuru zemlju ulizoše i noć hodiše; i Antioch (reče) da na znanje (у Михановича: povelě ličiti vojscě), da vsaki od barne (Мих: od prsti) zemlje ove vazme kamili, drivo li, vsaki da iznes. J to vsi zapovid svaršiše, zlata mnogo iznesoše, i ki godi mu se porugaše, ti mnogo kajaše se.

неизвѣстный, древнесербскій текстъ. Этимъ опять подтверждается то, что нѣкогда въ древнесербской литературѣ было очень много рукописей Сербской александроиды, которыя были не вполнѣ сходны; такъ напр. текстъ Михановича и Дерптскій не отъ слова до слова сходны другъ съ другомъ, а въ каждомъ есть свои, иногда замѣчательные варіанты.

Ради языка слѣдовало бы издать по крайней мѣрѣ народно-сербскую александроиду, потому что она писана весьма замѣчательною и богатою прозою XIV—XV вѣка (чакавскимъ нарѣчіемъ, образцовъ которой очень мало сохранилось въ Сербской литературѣ; да и содержаніе ея, хотя и очень фантастичное и подходящее къ средневѣковой образованности, могло бы быть важно, если въ немъ окажется источникъ какого-нибудь нынѣшняго народнаго сказанія. Такъ напр. предполагаютъ, что въ народной Сербской сказкѣ «*Соломуна проклела мати*» (въ Сборн. Карадж. № 43) Соломону приписывается тоже самое, что прежде того разсказывалось въ александроидѣ объ Александрѣ, искавшемъ средства увидать «морскія глубины и небесныя высоты». Путешествіе на страусахъ на небо, о которомъ разсказывается въ Сербской сказкѣ, встрѣчается также въ притчѣ *о мудромъ Акирѣ*, какъ мы увидимъ ниже. (У Ягича въ «Primeri» II. напечатанъ отрывокъ изъ Михановичевой александроиды, а также и изъ рудницкой; см. также «Književnik. II. 459).

Въ Сербско-хорватской древней письменности хорошо было извѣстно сказаніе *о троянской войнѣ*. Все, что въ средніе вѣка разсказывалось объ этомъ событіи въ Европѣ, все это заимствовано не изъ классическихъ пѣсень Гомера или Виргилія, а изъ какого-то псевдо-Дареса и псевдо-Диктиса: это два подложныя сказанія, которыя очень много читались въ средніе вѣка и изъ которыхъ очень многое почерпалось. Лѣтописецъ греческій Іоаннъ Малала, труды котораго—какъ мы уже выше говорили—въ X вѣкѣ пресвитеръ Григорій переводилъ на Болгарскій языкъ,—очень часто ссылается въ своей хроникѣ на того же самого Диктоса какъ на источникъ; посредствомъ него и мы получили древнѣйшій переводъ троянскаго сказанія, какъ Малала разсказываетъ о немъ въ своемъ произведеніи. Отрывокъ его напечатанъ у Ягича въ «Primeri» I. Кромѣ этого перевода изъ Малалы, въ сербско-хорватскихъ древнихъ рукописяхъ встрѣчается еще и другой разсказъ о троянской войнѣ,—доказательство,

что этотъ предметъ нѣкогда сильно интересовалъ Славянскихъ писателей. Прежде упомянемъ о томъ, что вмѣстѣ съ Болгарскимъ переводомъ Манассiиной хроники, сохранившимся въ двухъ рукописяхъ XIV вѣка, въ одной изъ этихъ рукописей, въ ватиканской, имѣется очень обширный разсказъ о троянской войнѣ, подъ общимъ заглавiемъ: «повѣсти о извѣстованныихъ бытiихъ, еже о кралѣхъ прича и о рожденихъ и прѣбыванихъ». Есть предположенiе, что текстъ этого разсказа произвольно составленъ по какой-нибудь латинской редакцiи, потому что настоящiй оригиналъ, съ котораго могъ бы быть сдѣланъ этотъ переводъ, до сихъ поръ еще не найденъ. Интересно было бы узнать, какимъ образомъ этотъ разсказъ попалъ въ Ватиканскiй списокъ Манассiиной хроники? Дѣйствительно-ли онъ тутъ помѣщенъ въ первый разъ, какъ новое сочиненiе, или же это списокъ съ какого-нибудь болѣе древняго текста? Послѣднее кажется болѣе вѣроятнымъ. Востоковъ уже замѣтилъ, что языкъ этого разсказа совершенно различенъ отъ перевода самой Манассiиной хроники, помѣщенной въ той же рукописи; онъ полагалъ, что въ разсказѣ сохранилось много слѣдовъ живаго, средне-Болгарскаго нарѣчiя. Трудно судить объ этомъ, пока мы не имѣемъ предъ глазами цѣлаго текста; но можно доказать хоть то, что тотъ же самый разсказъ встрѣчается и въ Хорватско-Сербскихъ памятникахъ, вслѣдствiе чего возникаетъ интересный вопросъ: былъ-ли онъ перенесенъ съ Болгарскаго на Сербское нарѣчiе и старше-ли Болгарскiй текстъ, или наоборотъ? Въ изданiи Ягича «Primeri» II. помѣщенъ глагольскiй текстъ этого же самаго разсказа по рукописи XIV—XV в. писанной чаковскимъ нарѣчiемъ; совершенно сходный съ нимъ текстъ открытъ Ягичемъ въ выше сказанной глагольской рукописи Сакцинскаго и изданъ въ его Prilozi (стр. 57—71). Этотъ текстъ глагольскихъ рукописей столько схожъ съ ватиканскимъ текстомъ, что кажется, оба они почерпнуты изъ одного источника и что послѣднiй, можетъ быть, написанъ гдѣ-нибудь въ верхней Далмацiи (въ старой Duклѣ), гдѣ Сербскiй элементъ соприкасался съ Болгарскимъ. Въ ватиканскомъ текстѣ, хотя онъ и Болгарской рецензiи, есть множество такихъ словъ, которыя уже издавна извѣстны въ Далматскомъ приморьи, напр *русая*, *юнак*, *овози* (*ово* съ прибавкою *зи*) и т. д., и не такъ легко доказать, что они извѣстны также и въ средне-Болгарскомъ нарѣчiи. О кирилловскомъ текстѣ

Сербской рецензіи мы донынѣ еще не знаемъ, потому что еще недостаточно изслѣдованы рукописи Сербскихъ хронографовъ, въ которыхъ навѣрное найдутся такія же сказанія, какъ и въ Русскихъ хронографахъ. Въ Русскихъ рукописяхъ троянская война только списана съ южно-славянскихъ оригиналовъ, что очевидно доказывается слѣдующими формами: *Якупа* (— лат. Hecuba), *Пебушъ* или *Тебушъ* (— лат. Phoebus), *Нептенабушъ* или *Нектебушъ* (Neptunus) и т. д. И вышеупомянутыя замѣчательныя слова: *русаі*, *юнак*, *войска* и т. д. еще встрѣчаются и въ Русскомъ текстѣ. Такимъ образомъ всѣ доселѣ извѣстныя рецензіи троянскаго сказанія, Болгарская, Сербско-Хорватская (глагольская) и Русская, указываютъ на одинъ и тотъ же южнославянскій источникъ, или Болгарскій, или скорѣе Сербско-Хорватскій.

Что же касается самаго сказанія, то въ немъ менѣе фантастичности, чѣмъ въ жизнеописаніи Александра Великаго; въ немъ незамѣтно и народныхъ элементовъ, исключая развѣ того, что дочь Агамемнона названа «Цвѣтаною», женскимъ именемъ, которое еще и нынѣ знакомо Сербо-Хорватамъ. Трудно думать, чтобы это сказаніе когда-нибудь перешло изъ книгъ въ народное повѣствованіе, развѣ можетъ быть у Болгаръ, которые живутъ ближе къ древнему отечеству Греческихъ, гомеровскихъ героевъ.

Напротивъ есть нѣсколько вполнѣ народныхъ притчъ и пѣсенъ, которыя Болгары и Сербы унаслѣдовали изъ Греко-Римской эпохи, хотя и неизвѣстно, книжнымъ-ли путемъ онѣ проникли въ народъ. Я бы причислилъ сюда народное, Сербское и Болгарское, сказаніе *о царѣ Троянѣ*, если подъ этимъ именемъ дѣйствительно разумѣется Римскій императоръ Троянъ. Все, что Сербско-Хорватскій народъ повѣствуетъ объ этомъ, сообщено въ словарѣ Караджича подъ словомъ *Троянъ* и въ его народныхъ сказкахъ, подъ № 39, подъ заглавіемъ: *«у цара Трояна козје уши»*. По сравненіи Сербскихъ сказокъ съ тѣмъ, что поютъ Болгаре о королѣ Троянскомъ (въ сборн. Миладиновыхъ, № 31 и 38), можно заключить, что тутъ подразумѣвается какое-то миѳологическое существо, въ родѣ злаго духа, который изъ боязни дневнаго свѣта живетъ въ темнотѣ и украдкой разгуливаетъ по свѣту; стало быть это нѣчто въ родѣ такъ называемыхъ черныхъ эльфовъ Германскихъ народовъ или Сербскихъ вукодлаковъ. Такъ понимаетъ его и Буслаевъ, который притомъ видитъ такого Тро-

яна и въ «словѣ о Полку Игоревѣ. При всемъ этомъ можно думать,—тѣмъ болѣе, что это очень правдоподобно—что Сербско-Хорватскій народъ дѣйствительно перемѣшалъ доисторическое воспоминаніе о Римскомъ императорѣ Троянѣ съ народнымъ понятіемъ о какомъ-то духѣ, не имѣющемъ успокоенія въ настоящемъ; у Сербо-Хорватовъ, какъ извѣстно, существуетъ общее народное повѣрье, что въ нѣкоторыхъ развалинахъ обитаетъ какой-то духъ, который, какъ современникъ прежнихъ людей и временъ, не имѣетъ уже мѣста на этомъ свѣтѣ и не можетъ быть покоенъ, а по ночамъ большею частью скитается по окрестностямъ и наноситъ много вреда.

Тоже самое народъ Сербскій повѣствуетъ и о Римскомъ императорѣ Діоклетіанѣ, ибо въ Черногорьи и близь его, по словамъ Караджича (см. въ его словарѣ слово *Дуклјанъ*), разсказываютъ, что *царь Дуклянъ*, прикованный подъ мостомъ въ омутѣ и постоянно грызущій цѣпи свои, переѣдаетъ ихъ наканунѣ Рождества и снова приковывается къ прежнему мѣсту. Въ Сербской народной сказкѣ помѣщенной въ собраніи Караджича подъ № 40, кажется Дукляномъ долженъ быть тотъ крылатый ѣздокъ, который выѣзжаетъ изъ озера на крылатомъ конѣ; ибо есть и народная сербская пѣсня (Карадж. II. № 17), въ которой говорится, что царь Дуклянъ бросается въ глубокое море, чтобы достать яблоко св. Іоанна. Помимо мельчайшихъ варіацій и Дуклянъ сидитъ гдѣ то на днѣ моря, какъ заклятый духъ въ родѣ царя Трояна.

Наконецъ Сербско-Хорватскій и Болгарскій народъ разсказываетъ въ сказкахъ и пѣсняхъ о Римскомъ *царѣ Константинѣ*, въ особенности о томъ, какъ онъ нашелъ честные кресты (см. Карадж. нар. пѣсни II. № 18); но разсказъ объ этомъ событіи часто встрѣчается и въ древнихъ рукописяхъ, такъ что отъискать его источникъ очень легко. Достойнѣе замѣчанія то, что древніе Сербскіе лѣтописцы называютъ царя Константина родственникомъ, а именно прадѣдомъ Немани. Этимъ еще лучше объясняется популярность его имени.

Гораздо менѣе извѣстны для насъ остальныя Греко-восточныя притчи, которыя въ видѣ переводовъ проникли изъ византійской литературы сначала въ южно-славянскіе памятники, а потомъ уже оттуда въ Русскіе. Большинство изъ

нихъ сохранилось, вѣроятно, только въ книгахъ, какъ жалкій суррогатъ поэзіи тогдашнихъ литераторовъ, которые въ своемъ положеніи считали грѣшнымъ и непозволительнымъ заниматься поэзіею простаго народа; но чрезъ нихъ самихъ и чрезъ ихъ книги нѣкоторыя изъ этихъ притчъ, можетъ быть, и перешли въ уста народа. Поэтому подобныя произведенія имѣютъ въ древней Сербско-Хорватской письменности двоякое значеніе: какъ особый родъ *книжной поэзіи* и какъ *источники народныхъ сказаній*. Упоминовеніе о нихъ здѣсь, при переходѣ къ древне-сербской литературѣ, собственно объясняется тѣмъ, что мы уже сказали объ отношеніяхъ древнесербской литературы къ болгарской: у нихъ одинъ источникъ и одна основа, одинаковыя условія и одинаковая обстановка. Когда и гдѣ въ первый разъ были переведены эти сказанія— положительно не извѣстно; извѣстно только, что Русскій народъ, у котораго монастырская дѣятельность развилась позже но сильнѣе, принялъ это литературное наслѣдіе прямо съ славянскаго юга, еще до того времени, когда на югѣ возобладало азіатское варварство.

Несомнѣнно также, что и притча *о прекрасномъ Девгеніи*, носящая въ рукописи заглавіе: дѣѧніѧ прежнихъ времѣнъ и храбрыхъ чловѣкъ; о дръзости и о храбрости и о кодрости прекраснаго девгениѧ, была переведена съ Греческаго тоже на Славянскомъ югѣ. Это сказаніе имѣетъ характеръ народнаго, христіанско-византійскаго эпоса, прославляющаго борьбу правовѣрныхъ Грековъ съ невѣрными Сарацинами. Оно принадлежитъ къ циклу тѣхъ сказаній, которыя впослѣдствіи, посредствомъ крестовыхъ походовъ, проникли въ различныхъ формахъ во всю западную Европу. Славянскій текстъ, донынѣ найденный только въ позднѣйшихъ Русскихъ спискахъ, носитъ на себѣ достаточно ясныхъ признаковъ того, что онъ переведенъ съ Греческаго оригинала, хотя объ этомъ послѣднемъ нынѣ ничего неизвѣстно. По всѣмъ вѣроятіямъ, южные Славяне (Болгары и Сербы) имѣли Славянскій переводъ (1)

(1) Древнѣйшій славянскій текстъ этого сказанія находился въ той же рукописи, въ которой было найдено знаменитое «Слово о Полку Игоревѣ», XIV—XV вѣка. Но въ 1812 г. эта рукопись погибла въ Москвѣ ранѣе чѣмъ успѣли списать съ нея сказаніе о Девгеніѣ; и теперь оно существуетъ только въ новѣйшей рукописи XVII—XVIII вѣка.

этого сказанія еще въ XII—XIII вѣкѣ и чрезъ нихъ оно вскорѣ проникло въ Россію. Вотъ вкратцѣ его содержаніе: у одной набожной царицы (Греческой) было трое сыновей и одна дочь. О красотѣ этой послѣдней прослышалъ какой-то Аравскій царь Амиръ, который пришелъ и похитилъ ее обманомъ. Мать, узнавъ у кого находится ея дочь, послала своихъ сыновей на выручку ихъ сестры. Младшій сынъ поборолъ царя на поединкѣ и принудилъ его сказать, гдѣ царевна, которой впрочемъ было очень хорошо у царя, потому что царь изъ уваженія къ ней только издали наслаждался ея лицезрѣніемъ. Когда же сестра должна была съ братьями возвратиться домой, то царь, не могшій преодолѣть любви къ ней, послѣдовалъ за нею въ ея отечество, Греческое государство, принялъ тамъ крещеніе и обвѣнчался съ нею. Узнавъ о такомъ позорѣ, мать царя отправила троихъ храбрыхъ Сарациновъ за сыномъ и приказала имъ отнять силою и царевну; она дала имъ три чудесныхъ коня; одного изъ нихъ звали *вѣтеръ*, другаго—*громъ*, третьяго—*молнія*. Прежде нежели эти сарацины успѣли что-нибудь сдѣлать, Греки настигли и окрестили ихъ. Между тѣмъ у царя родился сынъ, по имени прекрасный Девгеній Онъ удивительно скоро росъ и былъ очень силенъ; когда онъ еще мальчикомъ ходилъ съ отцомъ на охоту, то всегда убивалъ самыхъ страшныхъ звѣрей; а на войнѣ побѣждалъ всякаго непріятеля. Такъ онъ побѣдилъ Филипата и его мужественную дочь Максиміяну, которые хотѣли его заманить обманомъ; онъ взялъ также въ плѣнъ Стратига съ четырьмя сыновьями и женился на его прекрасной дочери, у которой подъ окномъ онъ часто игралъ на серебряныхъ гусляхъ съ золотыми струнами, чтобъ этимъ возбудить въ ней любовь. Въ день свадьбы Девгенія съ дочерью Стратига, отецъ сдѣлалъ ему нѣсколько дратоцѣнныхъ подарковъ.

Въ изложеніи этого сказанія есть какая-то эпическая красота; слогъ его замѣчательно живой. Многіе изъ его мотивовъ очень хорошо извѣстны и въ Сербскихъ народныхъ сказкахъ, хотя и нельзя утверждать, что они взяты именно оттуда. Имѣть троихъ сыновей и одну дочь—дѣло обыкновенное въ сказкахъ; извѣстно также, что если кто-нибудь похититъ дочь и если братья пойдутъ ее искать, то при этомъ болѣе всѣхъ отличается младшій братъ. И въ Сербско-Хорватскихъ сказкахъ при необыкновенномъ бракѣ родятся дѣти необыкновен-

ной силы и красоты. Въ доказательство сравнимъ хоть сказку изъ сборн. Караджича, № 2: *«Чардак ни на небу ни на земльи»*.

Въ древне-сербской литературѣ, а равно и въ западно-европейскихъ литературахъ среднихъ вѣковъ, гораздо болѣе извѣстенъ духовный романъ византійско-христіанскаго періода, подъ заглавіемъ: *«Варлаамъ и Іосафатъ»*. Содержаніе этого произведенія заключается въ томъ, что мудрый пустынникъ Варлаамъ, желающій наставить въ христіанской вѣрѣ Индійскаго царевича Іосафата, явился къ нему подъ видомъ торговца, продающаго драгоцѣнные камни, чтобъ такимъ образомъ облегчить себѣ доступъ во дворецъ Іосафата, гдѣ отецъ держалъ его взаперти. Чтобъ уяснить Іосафату различныя истины, Варлаамъ для примѣровъ прибѣгалъ къ различнымъ притчамъ, изъ которыхъ выводилъ цѣлесообразныя нравоученія. Благодаря этимъ притчамъ и самое произведеніе сдѣлалось въ средніе вѣка очень популярнымъ и извѣстнымъ въ Европѣ. Отдѣльныя притчи были, вѣроятно, по большей части вымышлены; нѣкоторыя изъ нихъ полны восточной фантазіи; о нѣкоторыхъ же можно положительно сказать, что если онѣ и не представляютъ точной копіи индійскихъ притчъ, то по крайней мѣрѣ составляютъ вполнѣ сходную съ ними параллель; такъ напр. для притчи *о единорогѣ* имѣется параллель въ паньчатантрѣ (см. Benfey, Pantschatantra, I. стр. 82), а равно и для притчи *о четырехъ ковчегахъ* (см. Benfey, ibid. I. 407).

Греческій оригиналъ приписывается то Іоанну Дамаскину, то Іоанну Синаиту, то кому-нибудь третьему: это еще вопросъ нерѣшенный. И это произведеніе переведено съ Греческаго на древнеславянскій языкъ гдѣ-нибудь въ Болгаріи или Сербіи. Судя по замѣчательной вставкѣ при одной варлаамовой притчѣ *«изъ блъгарскихъ книгъ»*, помѣщенной въ одной изъ Русскихъ рукописей, можно заключить, что не Сербскій, а Болгарскій переводъ проникъ въ Россію, и то, по всѣмъ вѣроятіямъ, много раньше XIV вѣка, потому что нѣкоторыя изъ этихъ притчъ встрѣчаются уже въ памятникахъ XIV—XV вѣковъ. Нынѣ уже не существуетъ Славянскаго текста Болгарскаго происхожденія, а есть только текстъ Сербскаго происхожденія, и то, на сколько извѣстно, только въ двухъ рукописяхъ: одна изъ нихъ въ Вѣнѣ, а другая въ Загребѣ. Обѣ эти рукописи принадлежатъ болѣе позднему времени (XVI вѣку); но по крайней мѣрѣ въ одной изъ нихъ,

(въ Загребской, въ собраніи Михановича) еще видны слѣды древней болгарщины, потому что во многихъ случаяхъ ѣ перемѣшано съ ѧ, а кое-гдѣ есть и ѫ. Многіе филологическіе признаки доказываютъ, что первый Славянскій переводъ былъ очень древенъ.

Притча о *царѣ Синагрипѣ* или о его министрѣ *премудромъ Акирѣ* встрѣчается въ Арабскомъ сборникѣ: «Тысяча и одна ночь», и по содержанію вполнѣ сходна съ разсказами о жизни мудраго Эзопа. Еще и понынѣ навѣрное неизвѣстно, былъ-ли настоящій источникъ ея Греческій или Арабскій. Славянскій текстъ извѣстенъ былъ до сихъ поръ только по Русскимъ рукописямъ XIV—XVIII в., по большей частью въ спискахъ съ *болѣе древнихъ* южнославянскихъ оригиналовъ. Содержаніе притчи состоитъ въ томъ, что двое состязуются въ мудрости: одинъ задаетъ мудрые вопросы, а другой еще мудрѣе отвѣчаетъ на нихъ. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ мы уже упоминали, предпочитается форма загадокъ. Въ этомъ никто не могъ сравниться съ премудрымъ Акиромъ, который вмѣсто своего царя отвѣчалъ па всѣ загадки Египетскаго царя Фараона. Самую важную загадку задалъ ему Фараонъ, приказавъ построить палаты, которыя бы не были ни на небѣ, ни па землѣ (ср. тотъ же мотивъ въ Сербской народн. сказкѣ: «Чардак ни на небу ни на земли»). Премудрый Акиръ хитро насмѣялся надъ Фараономъ: онъ пріучилъ двухъ страусовъ подниматься въ высь съ двумя мальчиками, и послѣдніе, поднявшись довольно высоко, кричали внизъ: «принесите намъ камней; мы тотчасъ примемся за постройку, только ихъ и дожидаемся». Мы уже ранѣе упоминали, что такой способъ путешествія описывается въ Сербской народной сказкѣ: «Соломуна проклела мати».

Славянскій текстъ былъ сначала простымъ переводомъ съ Греческаго, но переписчики измѣнили его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то распространяя, то сокращая его. У Сербо-хорватовъ Ягичъ открылъ сказаніе о премудромъ Акирѣ въ двухъ спискахъ—глагольскомъ 1468 г. (ркп. Кукульевича) и въ кирилловскомъ въ Дубровницкой (у Кукульевича) рукописи 1520 г. и издалъ этотъ наукъ примудрога Якира въ своихъ Prilozi k historiji književnosti, стр. 73—84.

Хотя существуетъ только предположеніе, что притча о мудромъ Акирѣ перешла въ Византійскую литературу изъ Арабскаго текста, но положительно извѣстно то, что Арабы

были тутъ по крайней мѣрѣ посредниками и что сборникъ индійскихъ сказокъ о животныхъ, извѣстный подъ названіемъ *панъчатантра*, былъ переведенъ на Греческій языкъ съ арабскаго перевода, въ концѣ XI вѣка. Греческій переводъ сдѣланъ Симеономъ Сеѳомъ около 1080 г., между тѣмъ какъ арабскій сдѣланъ былъ въ VIII вѣкѣ съ среднеперсидскаго (хузварешъ или пехлеви) языка, на который эти басни были переведены съ санскритскаго въ VI вѣкѣ (между 531—579). Замѣчательна судьба этого произведенія! Оно было первоначально написано въ извѣстной индійской формѣ, гдѣ животныя, какъ въ Эзоповыхъ басняхъ, съ человѣческою мудростью разсказываютъ такъ, что въ одной главной баснѣ, какъ въ рамѣ, заключается множество другихъ басенъ и разсказовъ, которые всѣ вмѣстѣ служатъ основою нравоученія и изображаютъ собой какъ бы зеркало мудрости. Нынѣ существуетъ полная увѣренность, что это плоды культурной дѣятельности буддистовъ, и есть предположеніе, что большинство этихъ басенъ внесено въ индійскую литературу только изъ Греческой. Изъ индійской литературы этотъ сборникъ, хотя и въ измѣненномъ видѣ, перешелъ сначала въ Персидскую, а оттуда уже въ Арабскую литературу. Арабскій текстъ былъ снова во многомъ переиначенъ еще до того времени, какъ были сдѣланы два главные перевода: греческій и еврейскій. Мы называемъ ихъ двумя главными переводами потому, что посредствомъ Греческаго текста съ этимъ произведеніемъ познакомилась восточная Европа, т. е. мы Славяне, а посредствомъ Еврейскаго текста, при помощи латинскаго перевода, съ нею познакомилась западная Европа. Въ персидскомъ и арабскомъ переводахъ сборникъ этотъ носитъ названіе: *Калила-ве-Димна*, въ Греческомъ *Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης*; это же самое заглавіе удержано было и въ Славянскомъ переводѣ.

Славянскій переводъ былъ сдѣланъ гдѣ-нибудь на югѣ, въ Болгаріи или Сербіи, въ XII—XIII вѣкѣ. До сихъ поръ извѣстны двѣ южнославянскія рукописи: одна Болгарская, XIV—XV вѣка, которая по описанію Шафарика должна быть въ Карловцахъ; другая позднѣйшая, Сербская, находится въ Бѣлградѣ. На сколько оба текста сходны—нынѣ еще неизвѣстно; необходимо слѣдовало бы издать сколь возможно древнѣйшій текстъ. Переводъ вѣроятно проникъ на Сѣверъ, въ Россію, гдѣ сохранилось много рукописей, но всѣ онѣ позд-

нѣйшія, XVII—XVIII в. Если и южные тексты такіе же, какъ текстъ русскихъ рукописей, то переводъ былъ непол лонъ; потому что по описанію Русскаго текста (Пыпинъ, Очерки литер. истор. повѣстей и сказокъ, стр. 160) многихъ притчъ тамъ недостаетъ, но только неизвѣстно, пропущены ли онѣ уже въ Греческомъ текстѣ, съ котораго сдѣланъ переводъ, или только въ Славянскомъ переводѣ.

4. Параллели и источники Сербско-Хорватскихъ народныхъ притчъ. Научныя стремленія нашего времени имѣютъ ту важную заслугу, что даютъ возможность свести къ одному цѣлому всѣ стороны духовной жизни и при помощи этого оцѣнить важность народной дѣятельности: тутъ ни одно явленіе народной жизни не пренебрегается и не остается внѣ круга изслѣдованій. Такимъ образомъ въ новѣйшее время, у всѣхъ образованныхъ народовъ, народныя басни, притчи и сказки сдѣлались предметомъ ревностнаго и всесторонняго изученія, и теперь уже собрано много матеріала для сравнительной миѳологіи и этнологіи. Доказанъ уже параллелизмъ народныхъ сказаній отъ Давалагири и Гималая до Шотландскихъ высотъ и острововъ Гебридскихъ; и нерѣдко въ сербско-хорватскихъ народныхъ сказкахъ высказываются тѣ же самыя мысли, источникъ которыхъ сохранился у многихъ восточныхъ народовъ. Правда, мнѣнія ученыхъ касательно этого вопроса нынѣ еще различны: одни думаютъ, что это только доказательство давняго сродства; другіе же предполагаютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ позднѣйнее заимствованіе отчасти книжнымъ путемъ, доказательствомъ чего служитъ напр. Паньчатантра, а отчасти и путемъ устнаго преданія. Но когда соберется побольше матеріала и будетъ сдѣлано болѣе на пути сличенія, то и наука вѣроятно придетъ въ этомъ отношеніи къ единогласнымъ результатамъ.

Такъ какъ славянскій «*Стефанитъ и Ихнилатъ*» извѣстенъ намъ только по Русской редакціи, то мы и не можемъ сказать, перешла-ли какая-нибудь новѣйшая притча прямо изъ него въ народное сказаніе. Послѣднее вѣроятно, при увѣренности, что «Стефанитъ и Ихнилатъ» былъ извѣстенъ и въ древнесербской литературѣ, по крайней мѣрѣ книжнымъ людямъ того времени, которые всѣ были священники и монахи, и намъ легко уже допустить, что они охотно

разсказывали подобныя притчи народу каждый разъ, какъ только поучали его истинамъ вѣры. Если бы мы и не могли этого сказать именно о «Стефанитѣ и Ихнилатѣ», то существуетъ достаточно другихъ, параллельныхъ доказательствъ. По Сербско-Хорватскимъ *фратирскимъ* книгамъ среднихъ вѣковъ, въ особенности по Боснійскимъ, можно точно опредѣлить, что и какъ нѣкогда проповѣдывалось народу. Священники старались каждое поученіе усладить какою-нибудь притчею, которая или заимствовалась прямо изъ книгъ, или остроумно придумывалась; нѣкоторыя изъ этихъ притчъ отличались такою картинностью, что народъ легко и охотно запоминалъ ихъ и сообщалъ далѣе съ своими прибавленіями. Вотъ одинъ изъ богатыхъ источниковъ народныхъ сказаній.

Таково происхожденіе вѣроятно всѣхъ тѣхъ народныхъ сказокъ, которыя стараются подтвердить какую-нибудь истину христіанской вѣры; напр. въ сборникѣ Караджича подъ № 21 есть сказка: «*Калуђер и четири грјешника*», въ которой разсказывается о томъ, какое наказаніе ожидаетъ грѣшниковъ, умирающихъ безъ исповѣди. Доказательствомъ этого служитъ множество притчъ именно объ этомъ самомъ предметѣ, въ Боснійской книгѣ фратра Стефана Яйчанина, 1701 г., подъ заглавіемъ: изповиед карстианска. Если о такихъ предметахъ разсказывалось народу даже на исповѣди, что доказываетъ и вышеупомянутая книга,—то можно-ли утверждать, что такіе разсказы не западали глубоко въ память народа и не превращались тамъ, при помощи фантазіи, въ готовыя народныя сказки?! Поэтому необходимо обратить побольше вниманія на древніе, рукописные и печатные, сборники поученій, потому что между ними безъ сомнѣнія сохранились и такія притчи, которыя нынѣ сдѣлались вполнѣ народными. Еще древнѣе книга фратра Посиловича, подъ заглавіемъ: цвиет ѡт крипости; первое изданіе книги вышло въ 1647 г. и Посиловичь называетъ его компиляціею изъ различныхъ латинскихъ книгъ. И въ немъ довольно много притчъ, которыя замѣчательны тѣмъ, что тутъ упоминается объ ихъ источникахъ; иногда въ нихъ говорится, что онѣ взяты изъ библіи, или изъ св. Отцовъ, или наконецъ: изъ книгъ, «*у којихъ се говори от стварu римскiехъ*», т. е. изъ извѣстнаго средневѣковаго сборника *gesta Romanorum;* изъ книгъ «*које говоре от Александра Великога*», т. е. изъ латинской александроиды; изъ книгъ «*троянскихъ*», вѣроятно тоже по латинской

редакціи; наконецъ въ послѣднемъ разсказѣ припутано очень много басенъ («штије се у Ижопу»). Лучшимъ подтвержденіемъ всего вышесказаннаго служитъ, открытая Ягичемъ въ библіотекѣ Кукульевича, рукопись, писанная весьма красиво боснійскою кириллицею въ Дубровникѣ въ 1520 г., стало быть за 127 лѣтъ до появленія книги Посиловича, и заключающая въ себѣ часть книги сего послѣдняго. Очевидно это переводъ съ итальянскаго; оригиналъ назывался Fior di virtù, и составленъ былъ нѣсколькими писателями. Безъ сомнѣнія переводчикъ принадлежалъ къ старѣйшимъ Сербско-Хорватскимъ писателямъ, писавшимъ боснійско-далматинскою кириллицею и чистымъ народнымъ языкомъ, свободнымъ отъ вліянія церковнославянскаго. Писатель былъ какой нибудь боснійско-далматинскій *фратаръ* въ родѣ Посиловича, Дивковича и др. Такіе дѣятели, получавшіе по большой части образованіе въ Италіи, ознакомившись тамъ съ духовно-популярною литературою своего времени, составляли и для *своего* духовнаго стада подобныя произведенія, а еще чаще переводили готовыя съ итальянскаго или латинскаго языка.

Чтобы вполнѣ уразумѣть важность подобныхъ книгъ, въ которыхъ представляются источники народныхъ притчъ, слѣдуетъ еще принять во вниманіе и то, что онѣ въ свое время много читались, потому что были написаны именно для народа, чистою народною прозою XVI—XVII в., и печатались кириллицею, которая нѣкогда была извѣстна всей Босніи и (католической) Герцеговинѣ, большей части Далмаціи, а можетъ быть и на Востокѣ, въ территоріи Сербско-Хорватскаго народа (¹).

(¹) Для примѣра мы приведемъ здѣсь одну подобную притчу, которая очень легко превратилась въ народную сказку: повѣствуется, что дьяволъ вздумалъ жениться, чтобъ жена родила ему дочерей, которыхъ онъ хотѣлъ выдать замужъ, а потомъ ввести своихъ зятьевъ въ свой домъ, т. е. въ адъ. Женился онъ на *неправдѣ* и она родила ему семь дочерей. Первая была *гордость*, и была выдана замужъ за большихъ людей и за баръ. Вторая была *алчность*, вышедшая замужъ за простонародье и торговцевъ. Третья была *ложь* и вышла замужъ за сельчанъ. Четвертая была *зависть* и вышла за ремесленниковъ. Пятая была *лицемѣріе* и вышла за жидовъ. Шестая была *тщеславіе;* ее взяли къ себѣ женщины и не допустили ее выйдти замужъ. Седьмая была *плотской грѣхъ*; ее родители не хотѣли выдавать замужъ, а пустили блуждать по всему свѣту, чтобъ всякій могъ по своему ею пользоваться.

Другимъ источникомъ Сербско-Хорватскихъ народныхъ сказокъ, или по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя кажутся не совсѣмъ свободными созданіями туземной южнославянской фантазіи, послужили, по всѣмъ соображеніямъ, Турки. Мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи Турки были для Сербо-Хорватовъ тѣмъ же, чѣмъ были Монголы для Русскаго народа. Для того, кто раздѣляетъ мнѣніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ оріенталистовъ, въ особенности Бенфея, о томъ, что источникомъ большинства европейскихъ притчъ и сказокъ была Индія, и именно буддизмъ,—для того доказательствомъ удобнаго перехода ихъ можетъ служить существованіе, даже въ Монгольской и Турецкой литературахъ, знаменитыхъ сборниковъ народныхъ притчъ, заимствованныхъ, какъ уже доказано, частью непосредственно изъ Индійской литературы, а частью посредствомъ персидскихъ редакцій. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходство разсказа такъ велико, что невольно приходитъ на мысль, что это сходство не случайное, а имѣетъ историческую связь. Въ доказательство приведемъ здѣсь по крайней мѣрѣ нѣсколько особенно замѣчательныхъ параллелей.

У Сербо-Хорватовъ есть прекрасныя народныя сказки и еще прекраснѣйшія пѣсни *«о зміи младоженьи»* (см. Караджж. Српске нар. припов. № 9 и 10; въ Народн. Пјесме, кн. II. № 12 и 13). Главный смыслъ разсказа заключается въ томъ, что человѣкъ волшебною силою можетъ быть превращенъ въ змѣю, или можетъ даже родиться змѣею, или можетъ снять съ себя змѣиную кожу, и еслибы кто-нибудь сжегъ эту кожу, то онъ остался бы человѣкомъ или погибъ бы, или вслѣдствіе этого обрушилось бы какое-нибудь несчастіе на ту женщину, съ которою онъ до этого жилъ. Относительно снимання кожи этотъ разсказъ имѣетъ очень много параллелей всюду въ Европѣ и Азіи. Съ себя снимаютъ кожу не только змѣи, но и другія животныя, напр. лягушка, обезьяна, оселъ (въ индійскихъ притчахъ), теленокъ (въ монгольской притчѣ) и т. д. Удивительно, но даже въ малѣйшихъ подробностяхъ сходно съ Сербско-Хорватскими пѣснями и сказками разсказывается о змѣѣ и о скиданьи ею кожи въ индѣйской притчѣ, встрѣчающейся въ сборникѣ панчатантры, только въ другой, болѣе новой редакціи, чѣмъ та, изъ которой посредствомъ арабско-персидскаго текста возникъ Греческій и Славянскій переводъ «Стефанита и Ихнилата». Въ панча-

тантрѣ, подъ заглавіемъ *«заколдованный сынъ брахмановъ»*, разсказывается, какъ жена брахмана желала имѣть дѣтей и сильно грустила, пока наконецъ, во время молитвы и жертвоприношенія, брахману не объявилъ какой-то духъ, что жена его родитъ сына, красиваго, богатаго и счастливаго. И дѣйствительно жена родила змѣя. Она прилежно его няньчила и змѣй очень быстро выросъ. Тогда жена однажды пожаловалась, что мужъ мало о ней заботится, потому что не старается женить ея сына. Брахманъ въ печали пошелъ по свѣту искать жену своему сыну и пришелъ къ человѣку одного съ нимъ званія, который радушно угостилъ его, и услыхавъ о томъ, чего сначала брахманъ никакъ не хотѣлъ сообщить ему, согласился отдать свою дочь за его сына. Когда же дѣвушкѣ сказали, за кого она должна выйдти замужъ, она нисколько не испугалась, и сдѣлалась женою змѣя, котораго она любила и кормила. Однажды ночью змѣй явился женѣ въ настоящей человѣческой красотѣ, а отецъ жены, увидавъ это, сжегъ змѣиную кожу, и змѣй такимъ образомъ остался человѣкомъ и благополучно зажилъ въ домѣ жены.

Эта индійская притча имѣетъ въ буддизмѣ религіозный смыслъ, потому что тамъ почитаніе змѣя имѣло особое, важное значеніе, вслѣдствіе чего ученый нѣмецкій переводчикъ панчатантры (Benfey, I. 264) полагаетъ, что всѣ европейскія сказки, сходныя въ отдѣльныхъ ситуаціяхъ съ индійскою, произошли по всѣмъ вѣроятіямъ изъ Индіи, и вѣроятно чрезъ персидскую редакцію, въ которой имѣется та же самая притча. Между ближайшими европейскими притчами Сербская ставится на первое мѣсто, вслѣдствіе чего и трудно повѣрить, чтобъ между ними не было исторической связи.

Другимъ примѣромъ замѣчательнаго сродства можетъ служить Сербская притча: *«Немушти jезик»* (сборн. Караджь. № 3), главное содержаніе которой заключается въ томъ, что человѣкъ понимаетъ языкъ животныхъ. Подобныхъ притчъ очень много всюду въ Азіи и Европѣ, но опять таки только нѣкоторыя ситуаціи такъ схожи между собой, что заставляютъ предполагать въ нихъ одинъ и тотъ же источникъ. Ближайшія, характеристическія ситуаціи слѣдующія: человѣкъ, обладающій способностью понимать языкъ животныхъ, слышитъ какой нибудь разговоръ животныхъ въ присутствіи своей жены и начинаетъ смѣяться; жена же, замѣтивъ это, желаетъ

узнать надъ чѣмъ смѣется ея мужъ. Мужъ не хочетъ удовлетворить женина любопытства, но какъ онъ отдѣлывается отъ нея—въ этомъ существуетъ очень много варіантовъ, и самый обыкновенный состоитъ въ томъ, что человѣкъ опять слышитъ другой разговоръ животныхъ, въ которомъ его обвиняютъ въ уступчивости предъ женою, и онъ намѣревается или прогнать или прибить ее. Въ видѣ введенія обыкновенно разсказывается еще, какимъ образомъ человѣкъ пріобрѣлъ удивительную способность понимать языкъ животныхъ; онъ обыкновенно ею надѣленъ какимъ нибудь животнымъ *въ благодарность* за свое спасеніе. Но это введеніе, принадлежащее къ особому кругу притчъ о благодарности животныхъ, не оригинально, потому что есть притчи и безъ него.

Съ такими мотивами притча является уже въ индійской литературѣ въ различныхъ формахъ эпоса и сказки. Тамъ разсказывается, какъ одинъ человѣкъ (царь) слушалъ нѣжный разговоръ муравьевъ и засмѣялся; царица, вообразившая, что онъ надъ нею насмѣхается, обидѣлась этимъ и хотѣла лишить себя жизни. По одной редакціи, царь сообщилъ царицѣ причину смѣха, но она не хотѣла тотчасъ ему повѣрить, и притча оканчивается благополучно, потому что въ женщинѣ нѣтъ злости. Въ другой редакціи уже выставляется на видъ упрямство женщины, потому что она не заботится о томъ, что мужъ не смѣетъ сообщить ей причину смѣха, иначе онъ погибнетъ на мѣстѣ; эта притча оканчивается тѣмъ, что мужъ по внушенію Божьему прогоняетъ отъ себя жену. Въ третьей редакціи встрѣчается еще другое, уже извѣстное намъ, обстоятельство, а именно: когда во избѣжаніе бѣды мужъ хочетъ уже сжечь себя вмѣстѣ съ упрямою женою, то разговоръ овцы съ козломъ заставилъ его отмѣнить это намѣреніе; онъ прогоняетъ жену и беретъ себѣ другую. Въ индійской формѣ имѣется эта притча вся цѣликомъ, и недостаетъ ей только введенія. Это послѣднее прибавлено, кажется, къ нашей притчѣ въ персидской редакціи, а чрезъ нее уже перешло и въ турецкую редакцію, въ которой оно разсказывается слѣдующимъ образомъ: какой-то индійскій царь пошелъ на охоту и встрѣтилъ двухъ змѣй, которыя кусали другъ друга; онъ разсердился и отрубилъ одной изъ нихъ хвостъ. Мужъ этой змѣи, желая отмстить царю, заползъ въ царскую спальню, чтобъ укусить его въ постели. Но услыхавъ, что царь разсказывалъ царицѣ о его

женѣ—змѣѣ, и увидавъ, что жена его была дѣйствительно неправа, не укусилъ царя, а еще изъ благодарности научилъ его понимать языкъ животныхъ. Далѣе притча идетъ своимъ порядкомъ съ тою только разницею, что здѣсь царь слышитъ разговоръ двухъ горлицъ, и когда онъ уже рѣшается открыть царицѣ тайну и потомъ умереть, то слышитъ разговоръ козла съ овцою, и, отказавшись отъ прежняго намѣренія, не выдаетъ тайны. Та же самая притча встрѣчается потомъ и въ «тысячѣ и одной ночи», но съ нѣкоторыми варіаціями, между которымъ есть одна, уже извѣстная намъ, повѣствующая о томъ, какъ торговецъ наконецъ прибилъ свою жену. Собраніе притчъ подъ заглавіемъ «тысяча и одной ночи» не моложе X вѣка; а очень можетъ быть, что посредствомъ этого сборника и европейскій западъ познакомился съ нашею притчею, потому что она встрѣчается и въ знаменитомъ латинскомъ сборникѣ XIV—XV вѣка, хорошо извѣстномъ въ средневѣковой латинской литературѣ подъ заглавіемъ: «gesta Romanorum». Здѣсь введеніе еще ближе къ нашей формѣ притчи, чѣмъ въ персидско-турецкой редакціи, потому что тутъ разсказывается, какъ одинъ витязь спасъ змѣю отъ огня, въ которомъ бы она иначе сгорѣла, подобно тому, какъ въ нашей притчѣ ее спасъ пастухъ. Въ остальномъ наша притча и та, которая помѣщена въ gesta Romanorum, на столько согласны между собою, что источникомъ ихъ обѣихъ можно считать одну и ту же болѣе древнюю редакцію. О нашей притчѣ Бенфей въ особенности (Orient und Occident, II. 165) замѣтилъ, что она не только самая совершенная по формѣ, но и самая древняя между всѣми европейскими по редакціи, и что она приблизительно также разсказывается, какъ разсказывалась индійская притча вѣроятно въ персидской редакціи. Къ сожалѣнію мы не можемъ показать, насколько народныя притчи остальныхъ славянскихъ народовъ сходны съ этою сербскою притчею: эту задачу мы предоставляемъ другимъ, по крайней мѣрѣ до той поры, пока не попадутся подъ руку болѣе обильные литературные источники; теперь же только мимоходомъ выскажемъ сомнѣніе на счетъ болгарской притчи въ хрестоматіи Эрбена, подъ заглавіемъ «гадинскый языкъ». Мы полагаемъ, что она только переведена изъ сборника Караджича, подобно тому какъ въ той же хрестоматіи только переведены, какъ кажется, сказки Караджича *«Пепељуга»* и *«Златна јабука и девет пауница»*.

Главная мысль народной сказки *«Усуд»*, (№ 13 у Караджича), и содержаніе состоитъ въ томъ, что одинъ человѣкъ былъ счастливъ, потому что родился на свѣтъ въ счастливую минуту, а другой былъ несчастливъ, потому что ему было суждено вѣчно оставаться бѣднымъ, и какъ онъ пошелъ искать по свѣту счастія, и что онъ на пути видѣлъ и слышалъ. И эта сказка имѣетъ очень много подобныхъ себѣ, а особенно съ нею схожа притча даже въ индійской панчатантрѣ, подъ заглавіемъ: «Бѣдный Сомилака», которую нѣкоторые считаютъ источникомъ одной прекрасной притчи въ персидско-турецкомъ сборникѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что дѣйствительно подобными ей сказками можно доказать, что въ сербскую сказку вкрался мотивъ, котораго въ ней первоначально не было: это вопросы и желанія людей и предметовъ, мимо которыхъ проходилъ искавшій счастья человѣкъ и которые просили его, чтобъ онъ на возвратномъ пути принесъ и имъ какой-нибудь отвѣтъ на счетъ ихъ несчастія. Относительно этихъ вопросовъ достойна упоминовенія одна русская сказка (Аѳанасьевъ, I. стр. 61), очень схожая съ Сербскою. Мотивъ этотъ очень часто встрѣчается и въ другихъ притчахъ. См. Benfey, Pantsch. I. стр. 395.

Сказка *«Ђаво и његов шегрт»* (Караджичь, № 6) повѣствуетъ о томъ, какъ одинъ подмастерье изучилъ дьявольское ремесло и впослѣдствіи потягался съ дьяволомъ, превращаясь въ различныхъ животныхъ, пока наконецъ не перехитрилъ и не осилилъ самого мастера. Мысль этой сказки повторяется очень часто, такъ много разсказывается о дьяволѣ и его ремеслѣ. Но замѣчательно то, что въ одной монгольской притчѣ, происшедшей, какъ уже доказано, изъ индійскихъ источниковъ, нѣкоторые мотивы слово въ слово сходны съ нашей сказкою, напр. какъ ученикъ превратился въ коня, а хозяинъ (дьяволъ) хочетъ за какую-бы то ни было цѣну купить его и т. д. см. Benfey, I, 411.

Хорошо извѣстна сказка *«о злой женѣ»* (Карадж. № 37). Главная мысль ея уже слишкомъ обыденна и неудивительно, что о злой женѣ разсказывается очень много притчъ; но въ нѣкоторыхъ притчахъ есть такія ситуаціи, что ихъ невозможно приписать простому случаю, такъ какъ они въ различныхъ притчахъ замѣчательно сходны. Такъ напр. на ряду съ этою притчею тѣмъ же порядкомъ разсказывается, что мужъ, вмѣсто жены, вытащилъ изъ колодца или ямы дья-

вола и этотъ въ благодарность за то, что онъ освободилъ его отъ такой дурной женщины, наградилъ его способностью изгонять дьявола изъ тѣхъ людей, въ которыхъ онъ поселится. Но потомъ, чтобы показать, какъ дьяволъ боялся злой женщины, человѣкъ изгналъ его и оттуда, откуда, по обоюдному условію, онъ не долженъ былъ изгонять его, и человѣкъ употребилъ тутъ хитрость, напугавъ дьявола тѣмъ, что идетъ злая жена. Въ этихъ мотивахъ съ Сербскою сказкою сходна одна Русская: *«о злой женѣ»* (Аѳанасьева I, № 9) и одна позднѣйшая, Чешская (Wenzig, 167); но еще ближе къ этой сказкѣ подходитъ восточная притча о дровосѣкѣ и его женѣ, въ сборникѣ *«сорокъ визирей»*. Сходство дѣйствительно замѣчательное, и Бенфей (1. § 212) доказываетъ, что индійскій источникъ этой и другихъ восточныхъ притчъ находится въ сборникѣ «сукасаптати».

Кому не извѣстна прекрасная Боснійская сказка *«драм језика»* (Kolo, VI, стр. 12)? Точно также всѣмъ извѣстенъ этотъ классическій мотивъ въ трагедіи Шекспира «Венеціанскій купецъ». Главная мысль этой притчи, а именно закладъ въ видѣ куска человѣческаго мяса, вырѣзаннаго у живаго человѣка, основана на религіозномъ представленіи буддизма, въ которомъ самопожертвованіе имѣетъ большое значеніе; а по мѣрѣ того какъ эта притча подвигалась къ западу, религіозный смыслъ утрачивался и въ притчу проникли различные новые мотивы. О замѣчательно прекрасной монгольской подобной притчѣ упоминаетъ Бенфей (I. 394); къ Сербо-хорватамъ эта притча перешла вѣроятно отъ Туровъ. Ср. еще Orient u. Occident. II, 315.

Прочитавъ сербскую народную сказку *«Дивљан»* (Караdж. № 38), каждый непремѣнно вспомнитъ извѣстную греческую притчу о Полифемѣ. Главная мысль ея, именно разсказъ объ одномъ великанѣ, обыкновенно одноглазомъ, отъ котораго человѣкъ избавился, ослѣпивъ его и убѣжавъ изъ пещеры,— хорошо извѣстна у многихъ народовъ. В. Гриммъ, въ отдѣльномъ разсужденіи: «притча о Полифемѣ» (Берл. 1855 г.), доказываетъ, что эта притча извѣстна Грекамъ, Арабамъ, Сербамъ, Румунамъ, Эстонцамъ, Финнамъ, Нѣмцамъ и Мадьярамъ.

Можно было бы упомянуть еще о Сербской «пепељугѣ» и сравнить ее съ нѣмецкимъ «Aschenputtel» у Гримма (№ 21), гдѣ особенно замѣчателенъ мотивъ о башмакѣ, посред-

ствомъ котораго разыскивается эта дивная красавица, (см. Or. u. Occid. II. 295); можно было бы сличить Сербскіе варіанты о падчерицѣ и злой мачихѣ (см. Караджь. № 33, 34, 35, 36) съ русскими сказками у Аѳанасьева «баба-яга» (I, № 3, см. также у Гримма, I. № 21); можно было бы провести прекрасную параллель между Сербскою сказкою «*Правда и кривда*» (Караdж. № 16) и одною Русскою сказкою «О правдѣ и кривдѣ» (Аѳанас. I, № 10), или между Сербскою «*Злата jабука и девет паунища*» (Карадж. № 4), подобными же словинско-хорватскими сказками, изданными Вальявцемъ, и Русскими сказками о жаръ-птицѣ и т. д.; но подобнымъ сличеніямъ цѣлыхъ притчъ или отдѣльныхъ мотивовъ не было бы конца, потому что почти каждая Сербская сказка имѣетъ множество, хотя и невсегда очевидныхъ и опредѣленныхъ, параллелей.

Изъ этого сличенія невсегда, разумѣется, можно извлечь одинаково вѣрные результаты; но и теперь уже можно положительно сказать, что почти вездѣ одна притча объясняетъ другую на столько, что или прибавляется какой-нибудь новый мотивъ, придающій всему кругу притчъ болѣе опредѣленный смыслъ, или же напротивъ оказывается, что притча въ одной формѣ составлена изъ нѣсколькихъ частей, которыя въ другой формѣ остаются еще самостоятельными, отдѣльными, и принадлежатъ къ различнымъ цикламъ.

Мы уже видѣли изъ примѣра о «Змиjи младожењи», что въ народныхъ пѣсняхъ поется о ней то же самое, что разсказывается въ сказкѣ: незначительныя различія ничего не значатъ. Повѣствованіе есть новѣйшая форма, потому что позднѣйшій, историческій элементъ народныхъ пѣсенъ большею частью вытѣснилъ изъ поэтической формы прежнее религіозно-миѳологическое содержаніе, которое прилично повѣствованію, и обратилось въ прозу народныхъ сказокъ. Однако древнее содержаніе еще не вполнѣ исчезло изъ народныхъ пѣсенъ. Но всему, сохранившемуся еще въ видѣ пѣсни, придана въ нѣкоторыхъ случаяхъ какая-то новеллистическая форма тѣмъ, что оно изъ миѳологіи перенесено на историческія, по воспоминаніямъ, хорошо извѣстныя народу, лица народныхъ героевъ, святителей, царей и т. д.

Такъ въ народной пѣснѣ «*Налод. Момир*» (Караdж. кн. II, № 30) на историческую личность Сербскаго царя Стефана (Душана), перенесена притча восточнаго происхожденія о

вѣроломствѣ десяти визирей. Между восточными притчами очень много подобныхъ ей; напр. въ сказкѣ о десяти визиряхъ, находящейся въ «тысячѣ и одной ночи», разсказывается, сходно съ Сербскою пѣснью, о томъ, какъ одинъ царь потерялъ на войнѣ сына, котораго ему впослѣдствіи возвратили купцы, но онъ не зналъ, что это его дитя. Мальчикъ былъ воспитанъ подобно Сербскому Находу и вскорѣ сдѣлался красивымъ и умнымъ юношею; царь такъ полюбилъ его, что ничего не дѣлалъ безъ его совѣта и противъ его воли. Это возбудило въ визиряхъ зависть и ненависть и они задумали отвратить царя отъ юноши. Намѣреніе визирей было почти также приведено въ исполненіе, какъ и въ Сербской пѣсни, только здѣсь вмѣсто сестры Гроздана опозоренною оказалась жена царя. Окончаніе же въ сказкѣ «тысячи и одной ночи» нѣсколько иное: въ ней прежде чѣмъ царь убиваетъ юношу, оказывается, что это его сынъ, вслѣдствіе чего онъ остается въ живыхъ вмѣстѣ съ царицею, на радость отцу, а визири присуждаются въ висѣлицѣ, какъ и въ Сербской пѣсни.

Изъ множества подобныхъ пѣсенъ приведемъ еще одинъ примѣръ: «*Невјера љубе Грујичине*» (Карадж. кн. III. № 7). Судя по всему, что здѣсь поется, кажется, что и это только облеченная въ послѣдствіи въ историческую форму притча, о которой говорится и въ Русской пѣснѣ, перенесшей ситуацію на Ивана Годиновича (см. Сборникъ Рыбникова),— есть подобная же ей польская въ Chronicon Poloniae (см. Or. u. Occid. I. 125, III, 357), съ которою опять сходна средневѣковая латинская притча: historia infidelis mulieris (см. Mussafia въ Wien. akad. Abh., phil. hist. Classe, XLVIII стр. 259); наконецъ есть еще подобныя ей между восточными притчами, повѣствующими о женской невѣрности, въ особенности въ индійской панчатантрѣ: «какъ жена возвращаетъ любовь». Къ этому же кругу относится прекрасная народная пѣсня: «*Јован и дивски старјешина*», только въ ней нѣтъ никакихъ прозвищъ историческаго характера. См. Benfey, I. § 186.

Вышеприведенные примѣры доказываютъ, что народныя пѣсни и сказки постоянно мѣняются въ своей формѣ. Только главная мысль всегда сохраняется въ цѣлости, а отдѣльные мотивы и ситуаціи очень часто мѣняются. По поводу этого Караджичь именно замѣчаетъ объ одной пѣснѣ: «Эта пѣсня вѣроятно возникла въ нашемъ народѣ гораздо ранѣе прибытія

Турокъ въ нашъ край, но имена эти заимствованы въ послѣдствіи и я не хотѣлъ ихъ измѣнять». Это немногословное замѣчаніе Вука вполнѣ справедливо. И какъ ему не быть справедливымъ? Такъ какъ богатый источникъ Сербско-Хорватскихъ народныхъ сказаній и пѣсенъ не изсякъ и до сихъ поръ, то можно-ли предположить, чтобъ народъ Сербско-Хорватскій прожилъ какую бы то ни было эпоху безъ поэзіи? И чѣмъ далѣе мы проникаемъ въ прошлое, тѣмъ обильнѣе источники и тѣмъ естественнѣе условія народной поэзіи, потому что она является еще ранѣе умственнаго развитія отдѣльныхъ личностей и, какъ духовная собственность цѣлаго народа, находится въ болѣе тѣсной связи со всѣми стихіями народной жизни, чѣмъ когда-нибудь была или будетъ художественная поэзія.

Еслибъ даже и не было вышеупомянутыхъ параллелей, то уже одна чрезвычайная поэтическая способность, которою и донынѣ славится Сербско-хорватскій народъ, заставила бы насъ повѣрить, что онъ и прежде вполнѣ обладалъ ею. Но это не завершаетъ еще вопроса. Есть и еще одно замѣчательное произведеніе народной поэзіи Хорватовъ и Сербовъ, возникшее даже ранѣе конца XII вѣка. Мы говоримъ о такъ называемой *«діоклейской хроникѣ»*, на которую большинство старѣйшихъ Сербско-Хорватскихъ историковъ несправедливо смотрѣло какъ на настоящій историческій памятникъ; только въ новѣйшее время ея характеръ былъ опредѣленъ надлежащимъ образомъ. Съ исторической точки зрѣнія этотъ вопросъ разрѣшенъ въ статьѣ Рачскаго (Književnik I. тетр. 2 стр. 190)). По нашему мнѣнію въ исторіи Сербско-Хорватской литературы, и народной поэзіи въ особенности, *дуклянская* (діоклейская) *хроника* занимаетъ болѣе важное мѣсто какъ чисто литературный памятникъ, нежели какъ историческій документъ. Въ ней сохранилось для насъ старѣйшее свидѣтельство о древнихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ Сербо-хорватовъ. Хотя тотъ текстъ хроники, въ которомъ она дошла до насъ, и въ древней латинской формѣ и въ новѣйшей хорватской редакціи, есть уже не поэтическое произведеніе, а простая литературная компиляція, но послѣднимъ источникомъ этой компиляціи были безъ сомнѣнія большею частью народныя пѣсни и народныя сказки. Вѣроятно красоты ихъ остались непонятыми тѣмъ, слишкомъ серьознымъ, монахомъ или пресвитеромъ, которому первому пришло на мысль передѣлать Сербо-

хорватскія народныя пѣсни о храбрыхъ банахъ, князьяхъ и воеводахъ въ литературный памятникъ въ формѣ лѣтописи, для чего этотъ монахъ въ качествѣ лѣтописца по всѣмъ правиламъ тогдашняго образованія, позаимствовалъ изъ народныхъ сказаній только одни имена и нѣкоторые эпизоды и соединилъ всю вереницу народныхъ героевъ, по его словамъ королей, въ одну родственную связь по всѣмъ правиламъ генеалогіи, съ очевиднымъ стремленіемъ придать своему труду характеръ византійской хроники. Но каждый понимающій значеніе народной поэзіи, вслушивающійся въ тайны поэтическаго характера народа и наслаждающійся его красотами, безъ всякихъ затрудненій найдетъ и въ нынѣшней испорченной формѣ Дуклянсвой хроники очевидные слѣды народной поэзіи и народнаго сказанія. Если мы и отдѣлимъ чуждые элементы, которые, по нашему мнѣнію, попали въ эту хронику только вслѣдствіе запутанной литературной комбинаціи, какъ напр. имена готскихъ королей Тотила, Строила; если и допустимъ, что только литературный компиляторъ приплелъ тутъ могущественнаго Моравскаго князя Святополка—то и въ такомъ случаѣ нельзя предположить, что всѣ остальныя имена такъ называемыхъ южно-славянскихъ королей ничто иное какъ выдумка писателя, и что они только заимствованы у иностранныхъ лѣтописцевъ и не находятся ни въ какой связи съ народнымъ повѣствованіемъ.

Это видно уже изъ того, что нѣкоторыя изъ этихъ, еще не подтвержденныхъ исторіею, именъ находятся въ очевидной связи съ народными сказаніями. Такъ напр. и въ хорватскомъ и въ латинскомъ текстахъ о происхожденіи названія: Radosalj kami, (Radoslavi chamich=radoslavov kamik), живущаго въ народѣ, уже съ XII вѣка повѣствуется въ формѣ народной пѣсни или сказки: это—говорится тамъ—томъ самый камень, на который склонился король Радославъ, бѣжавшій отъ своего сына, злаго Сеислава. Есть еще подобное преданіе о происхожденіи названія «божья милость»; повѣствуется, что по восклицанію короля Доброслава: «Боже помилуй! Боже помилуй»!—сынъ его Гоиславъ узналъ голосъ отца и такимъ образомъ отецъ былъ спасенъ и въ благодарность далъ названіе «Божья милость» тому мѣсту, гдѣ это случилось. Еще одно мѣсто, на которомъ—какъ повѣствуется—нѣкто Тихомилъ поразилъ множество Угровъ, прозванное «civedino» (безъ сомнѣнія искаженно, можетъ быть подъ этимъ скрывается слово «cviljeti»), потому что

оттуда слышанъ былъ плачъ и свиное хрюканье Угровъ. Кто же будетъ сомнѣваться, что это разбросанные элементы народнаго повѣствованія и что только этимъ путемъ они попали въ Дуклянскую хронику? Въ томъ же сказаніи есть и еще много мотивовъ, которые и въ неясномъ изображеніи сухаго лѣтописца всетаки болѣе похожи на народную пѣсню, чѣмъ на историческую истину. Напр. о королѣ Стефанѣ Владиславѣ хроника повѣствуетъ, какъ этотъ страстный охотникъ однажды на охотѣ, увлекшись за звѣремъ, упалъ съ конемъ въ ровъ, гдѣ его нашли уже мертвымъ ([1]). Еще болѣе поэзіи заключается въ содержаніи пространнаго эпизода о королѣ Сеиславѣ, князѣ Будиславѣ и его любимцѣ юномъ Тихомилѣ. Народная пѣсня, если можно такъ выразиться, гласитъ такъ: «Тихомилъ былъ оченъ любимъ своимъ господиномъ за то, что былъ онъ силенъ и быстръ, и когда бы господинъ ни ѣхалъ на охоту, всегда бралъ Тихомила съ собой. Однажды на охотѣ Тихомилъ ударилъ одну собаку, называвшуюся Палуша, такъ сильно по головѣ, что убилъ ее на мѣстѣ. Вслѣдствіе этого Тихомилъ бѣжалъ изъ страха предъ господиномъ, потому что этотъ послѣдній любилъ убитую собаку больше всѣхъ остальныхъ за ея достоинства». ([2]) Бѣжавъ отъ своего господина, Тихомилъ явился къ королю Сеиславу. Это подало поводъ къ войнѣ между королемъ Сеиславомъ и княземъ Будиславомъ, въ которой Тихомилъ сражался какъ левъ («kako lav nošaše se i hrabro mimo inih noseći se, nemilostivo sičiše»), пока наконецъ не убилъ своего прежняго господина. Въ награду за это Сеиславъ даровалъ ему жупу на Дринѣ и отдалъ за него дочь рашскаго

([1]) Kraljujući biše mnogo hrabar i kripak u životu, da netiraše put otca svoga ni u gospodovanju ni u zapovideh božjih.... I tako kraljujući nepravdeno i suproć zapovidem božjim, i pojde jedan dan u lov, jere mnogo imaše običaj loviti, i tako loveći s odlukom božjom dviže se zvir, za kom otide, i nanese ga konj na jednu jamu i u nju se upade, izbi se, i izęše ga màrtva.

([2]) Tehomil biše vele ljubljen od svoga gospodina, jere biše mnogo jaki u životu i dobar na noge i bàrz vele. I kada godir ovi gospodin njegov u lov grediše, vazda ktiše, da Tehomil š njim bude. I jedan dan loveći Tehomil udri jednu vižlicu, ka se zoviše Paluša, ku nekteči tolikma udriti, zgodi se da ju udri po glavi u tako misto, da ju ubi u tom misti. Cića česa Tehomil pobiže prid strahom, koji imaše od gospodina, zašto rečeni mimo sve ine pse, cića dobrote, ovu vižlicu ljubljaše.

бана. Не настоящая-ли это героическая пѣснь, которой совершенно справедливо можно дать заглавіе: «Геройство храбраго Тихомила»! Разсказъ заканчивается местью вдовы убитаго Тихомиломъ князя (см. Arkiv, I. 30—31).

Извѣстно, что оба текста этой хроники, латинскій и хорватскій схожи между собой только въ первой, древнѣйшей половинѣ; во второй же, позднѣйшей половинѣ они расходятся и латинская редакція описываетъ событія горной Далмаціи, стало быть того края, гдѣ Сербско-хорватскій народъ занималъ нѣкогда Черногорье и ниже его все пространство по берегу моря до Драча, а на востокъ до старой Сербіи или Расы; Хорватская же редакція обратилась къ сѣверу, повѣствуя о томъ, какъ погибла государственная самостоятельность хорватской Далмаціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нынѣшняя редакція латинскаго текста древнѣе и ближе къ прежней формѣ славянской хроники, нежели нынѣшній хорватскій текстъ, потому что она въ повѣствованіи не покидаетъ того самаго поприща, на которомъ — какъ мы полагаемъ — возникла первая литературная форма славянской хроники, — а именно древнюю Зету или Діоклецію. До конца XII вѣка тамъ всего болѣе сосредоточивалась народная жизнь и культура, и весь матеріалъ для народныхъ пѣсенъ и сказаній [1]; сюда же мы должны отнести и слова діоклейца, который въ предисловіи къ латинскому тексту увѣряетъ «своихъ любезныхъ братій и почтенныхъ священниковъ дуклянской архіепископіи», что онъ не написалъ и не перевелъ съ «славянскаго на латинскій языкъ» ничего такого, что бы не было подтверждено *достовѣрными*

[1] Въ другой половинѣ хроники латинской редакціи всего пространнѣе повѣствуется о Владимірѣ, Сербскомъ князѣ XI вѣка, который владѣлъ нынѣшнимъ Черногорьемъ, Сѣверною Албаніею и приморскимъ краемъ до Драча, признавая надъ собою верховную власть Болгарскаго царя Самуила. Многое, что хроника повѣствуетъ о Владимірѣ, разукрашено весьма поэтично; вспомнимъ напр. прекрасный романтическій разсказъ о томъ, какъ во Владиміра въ темницѣ влюбилась дочь Самуила, Косара. Настоящимъ источникомъ этого разсказа было навѣрное народное сказаніе или народная пѣсня; но надобно замѣтить, что уже Дуклянская хроника ссылается на какую-то *писанную книгу*, въ которой будто бы описана жизнь Владиміра. Эта писанная книга, еслибъ она сбереглась, была бы однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ древне-сербской литературы; но до насъ дошелъ только позднѣйшій Греческій текстъ житія Владиміра.

разсказами ихъ отцовъ и древнихъ старцевъ («nullus legentium credat, alia me scripsisse, praeter ea, quae a patribus nostris et antiquis senioribus veridica narratione referre audivi»).

Такимъ образомъ и слова безъименнаго Діоклейца, и поэтическіе отрывки самой хроники служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, что въ этой древней, исчезнувшей славянской лѣтописи, переведенной на латинскій языкъ еще въ XII вѣкѣ, дѣйствительно сохранились очевидные слѣды древнѣйшихъ Сербско-хорватскихъ народныхъ пѣсенъ историко-эпическаго характера, что Хорватско-Сербскій народъ имѣлъ и въ старину народныя пѣсни и что онъ уже издавна воспѣвалъ славу своихъ героевъ въ пѣсняхъ, которыя навѣрное немногимъ отличались отъ старо-чешскихъ пѣсенъ Краледворской рукописи и отъ Русскаго «Слова о полку Игоревѣ».

Въ концѣ Хорватскаго текста хроники Діоклейца читаемъ: «gospodin Dmine Papalić najde ovoj pismo u Krajini u Marković, u jedne knjige stare pisane hrvackim pismom; izpisah rečeni Dmine rič po rič. A ja Jerolim Kaletić ovoj pripisah iz rečenih knjig na tisuća i pet sat i četrdeset i šest, na sedam dan otubra miseca u Omišu. Bogu hvala». Изъ этого видно, что Папаличь нашелъ эту «*старую книгу*» въ селѣ Марковичѣ, въ округѣ называемомъ Краина: т. е. въ той части прежней горной Далмаціи, которая находится между Скадрскимъ озеромъ и Баромъ (ср. Ljubić, Ogled. I, 312); найдена она вѣроятно въ концѣ XV вѣка, потому что этотъ же самый Д. Папаличь упоминается въ полицкомъ статутѣ, въ качествѣ полицкаго *кнеза* въ 1482 году. Судя по мѣсту, гдѣ была найдена эта старая рукопись, и по лицу, нашедшему ее, мы полагаемъ, что Папаличь разумѣлъ подъ хорватскимъ письмомъ не глаголицу, а кириллицу или буквицу, которую по привычкѣ древнихъ Поличанъ назвалъ хорватскимъ письмомъ. Такъ какъ Папаличь называетъ бывшій у него въ рукахъ и «слово въ слово» списанный имъ текстъ «одною старою книгою», то можно предположить, что его оригиналъ принадлежалъ XIV или даже XIII вѣку; но хотя онъ насъ и увѣряетъ, что онъ переписывалъ текстъ *слово въ слово*, мы всетаки не можемъ согласиться, чтобы языкъ нынѣшней Хорватской редакціи вѣрно сохранилъ всѣ особенности языка XIV, а тѣмъ болѣе XIII в. Въ такое древнее время писалось: *plk* и *naplni*, а не *puk* и *napuni*, какъ встрѣчаемъ въ нынѣшнемъ текстѣ, не *učinio*, а *učinil*, не *njoj* а *n ej* или

jej, не *sva* и *svaki*, а *vsa* и *vsaki* и т. д. Тогда еще существовали болѣе правильныя грамматическія формы, нежели нѣкоторыя изъ нихъ въ нынѣшнемъ текстѣ, который даже въ этомъ отношеніи весьма непослѣдователенъ; да и слова не всѣ соотвѣтствуютъ старинѣ памятника, такъ напр. *harač* — слово Турецкое, которое появляется въ Сербскихъ памятникахъ только въ XV вѣкѣ. Наконецъ и слогъ не свободенъ отъ италіянизмовъ, и даже обнаруживаетъ книжнаго человѣка, знакомаго съ итальянскимъ правописаніемъ. При всемъ томъ языкъ этой хроники всегда останется замѣчательнымъ и она несомнѣнно принадлежитъ къ важнѣйшимъ памятникамъ древней Сербско-Хорватской литературы. Списокъ XVI вѣка, сдѣланный Калетичемъ и хранящійся теперь въ Римѣ, напечатанъ въ первой книжкѣ «Arkiv»—а, съ большими ошибками; но еще менѣе цѣны имѣетъ транскрипція нынѣшнимъ правописаніемъ, помѣщенная на правой сторонѣ каждаго столбца.

VI. Культурное состояніе Хорватовъ и Сербовъ въ XII вѣкѣ.

Въ XI и даже еще въ XII вѣкѣ все сильнѣе проявлялось вліяніе тѣхъ факторовъ, которые разъединяли Сербско-Хорватскій народъ и отчуждали другъ отъ друга отдѣльныя его части,—а именно вліяніе раскола политическаго и религіознаго. Въ обыденной жизни народа становились все болѣе и болѣе замѣтными слѣды этого раскола. И незначительная культурная и книжная дѣятельность, проявлявшаяся въ старину въ различныхъ странахъ Сербско-Хорватскихъ, не имѣла никакой связи, потому что она была очень раздроблена и по формѣ и по содержанію. Западная часть Сербско-Хорватскаго народа усвоила себѣ по большей части латинь; а на востокѣ все, что народный языкъ и удержалъ за собою въ письмѣ, было подъ вліяніемъ иного нарѣчія. На западѣ народное нарѣчіе уже съ самыхъ раннихъ временъ проложило себѣ путь во всю нецерковную литературу; то были, конечно, мѣстные діалекты: на востокѣ же всюду употреблялось, и внѣ области церкви, церковное Славяно-Сербское нарѣчіе, болѣе или менѣе перемѣшанное съ элементами народнаго говора. Кромѣ того на Западѣ, отъ Савы до Неретвы, въ древнюю эпоху писавшіе по славянски употребляли глаголицу, а на Востокѣ и Югѣ употреблялась кириллица. Подъ конецъ и на-

правленіе литературы было на Западѣ иное нежели на Востокѣ: тамъ преобладало западно-европейское, латинское направленіе, а здѣсь византійское.

1. Паденіе государственной самостоятельности Далматинско-Хорватской и его послѣдствія для культуры и литературы. Съ какою быстротою самостоятельность Хорватскаго государства возникла и даже возвысилась до замѣчательной степени силы и блеска, съ такою же и даже съ большею быстротою она клонилась къ своему паденію. Повѣствуя объ этомъ событіи, древняя Сербско-Хорватская лѣтопись даже въ той Хорватской редакціи, которая дошла до насъ—упоминаетъ о значительномъ контрастѣ между періодомъ времени до Звониміра и при немъ и періодомъ, наступившимъ вскорѣ послѣ его смерти. Хотя и нельзя отдѣльнымъ фактамъ придавать значеніе исторической истины, но тѣмъ неменѣе главныя положенія Хорватскаго лѣтописца служатъ вѣроятно вполнѣ вѣрнымъ изображеніемъ старины, и мы не имѣемъ причины ему не вѣрить.

«Во времена добраго короля Звониміра—говоритъ лѣтописецъ—вся земля была весела, потому что была полна и красовалась всяческимъ добромъ, и города въ ней были полны серебромъ и золотомъ; и не боялся бѣднякъ, что его съѣстъ богачъ, и не боялся слабый, что его оберетъ сильный, и не боялся слуга несправедливости господина; ибо король защищалъ всѣхъ, и какъ самъ ничѣмъ не владѣлъ несправедливо, такъ и другимъ не позволялъ этого. И велико было богатство при справедливомъ королѣ Звониміpѣ какъ въ Загорьи, такъ и въ Приморьи. И полна была земля всяческаго блага» и проч.

Подтвержденіемъ этихъ словъ, служатъ намъ: тотъ придворный блескъ и пышность, которыми окружилъ себя король Звониміръ, возложивъ на себя въ 1076 г. королевскую корону; богатство приморскихъ городовъ, которые вели значительную торговлю на Адріатическомъ морѣ и на Востокѣ и были въ состояніи поспорить даже съ республикою св. Марка; наконецъ—великая щедрость короля, съ которою онъ обильно надѣлялъ церкви и монастыри старыми и новыми привиллегіями. Король Звониміръ былъ конечно слишкомъ преданъ папѣ и церкви, но этого ему нельзя ставить въ большую вину, если только вспомнимъ, что въ то время всѣ зародыши куль-

туры и образованности исходили именно изъ церкви и ея усиліями распространялись въ свѣтѣ. Съ большею справедливостью ему можно поставить въ вину то, что онъ не съумѣлъ внушить уваженія къ королевскому могуществу и покорить своихъ упрямыхъ и непослушныхъ бояръ; въ немъ, конечно, было болѣе доброты и благосклонности, чѣмъ отважности и энергіи. Уже и раньше было говорено о томъ, что славянская литургія, а стало быть и народная іерархія, не нашла въ Звонимірѣ никакой поддержки, никакой защиты (1).

---

(1) Говорятъ, что король Звонимірь особенно уважалъ могущественнаго Сплѣтскаго архіепископа Лаврентія и жилъ съ нимъ въ большой дружбѣ. Онъ, вѣроятно, бралъ себѣ въ примѣръ этого отличнаго человѣка, не желая отстать отъ него ни въ ревности христіанской, ни въ частной жизни. Лавренцъ былъ родомъ изъ Далмаціи, человѣкъ низкаго происхожденія, но великаго ума. Желая обогатить и украсить свои церкви, онъ послалъ — какъ повѣствуетъ архидіаконъ Ѳома — одного изъ своихъ рабовъ даже въ Антіохію, чтобы онъ научился тамъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерству; когда же онъ воротился изъ ученія, то архіепископъ заказалъ ему для церквей большіе и малые серебряные подсвѣчники, сосуды и всякую церковную утварь, которая вся и была исполнена съ антіохійскимъ искусствомъ. Это самое древнѣйшее — если мы не ошибаемся — свидѣтельство о художественной дѣятельности въ Далмаціи во времена Хорватскихъ государей; но сколько бы было живыхъ ея свидѣтелей, если бы уцѣлѣла донынѣ хоть частичка тѣхъ церквей и монастырей, которые были построены и богато надѣлены богобоязненными хорватскими правителями! Мы еще не имѣемъ подробной исторіи художествъ въ Далмаціи, но всетаки и теперь можемъ на основаніи историческихъ данныхъ заключить, что періодъ хорватскихъ королей не былъ на столько бѣденъ художественными памятниками, въ особенности архитектурными, на сколько это можно было бы предположить, судя по ранней порѣ и непродолжительному существованію хорватской самостоятельности. Подъ конецъ Римскаго господства, остававшагося въ Далмаціи [illegible] своего бытія, многіе народы проносились по Далмаціи съ цѣлью ограбить и опустошить ее: затѣмъ уже явились Хорваты, но не для того, чтобъ послѣдовать ихъ примѣру, а чтобъ къ старому дереву привить новую отрасль болѣе облагороженной жизни. Поэтому они скоро и сдружились съ остатками Римской культуры, усвоили ихъ себѣ и ревностно продолжали эту дѣятельность. Къ сожалѣнію даже навѣрное неизвѣстно, и еще менѣе возможно описаніе характера и стиля подобныхъ созданій. (Cp. Arkiv, knj. VI, str. 134: «Grobni spomenik Večenege» iz roda hrvatskih Kraljeva, opisao od Kukuljevića). На этой могилѣ есть латинская надпись, но что на ней были и Хорватскія надписи X—XIII вѣковъ — свидѣтель-

Тѣмъ не менѣе однако во времена Звонимира народъ Хорватскій просто блаженствовалъ въ сравненіи съ временемъ по смерти Звонимира, когда дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ. Тогда настали времена народной слабости и униженія: Хорватская держава была расторгнута могуществомъ Угорскихъ королей и сильныхъ Венеціанцевъ: оба противника одинаково старались добыть себѣ Хорватскую Далмацію и Хорватскіе острова, очень хорошо понимая, что этимъ обусловливается преобладаніе на всемъ Адріатическомъ морѣ, которое могущественная республика никакъ не хотѣла выпустить изъ своихъ рукъ. Такимъ образомъ народъ Сербско-Хорватскій въ Далмаціи и на островахъ сдѣлался добычею чужеземной жадности, и всего болѣе въ этой борьбѣ пострадали прекрасные и богатые приморскіе города Задръ, Сплѣтъ, Трогиръ и пр., которые были несчетное число разъ осаждаемы и разрушаемы, сожигаемы и опустошаемы. Такъ какъ Угры иногда затѣвали ссоры съ Византійскими императорами, то случилось даже и то, что Сербско-Хорватскіе края не на долго подпали власти Константинопольскихъ властителей, а именно во время царствованія воинственнаго Мануила Комнена (между 1165—1189 г.).

По этому политическому колебанію видно, почему народный лѣтописецъ считаетъ Божьимъ наказаніемъ паденіе Хорватской самостоятельности. Онъ разсказываетъ объ этомъ времени очень трагическимъ образомъ, какъ «добрый» король Звонимиръ на смертномъ одрѣ проклялъ «nevirne Hrvate i ostatak njih.... da bi veće nigdar ne imali gospodina od svoga jazika nego vazda tudju jaziku podložni bili...» (1). Такъ это и случилось, потому что они, по словамъ лѣтописца, были «podloženi od volje u nevolju i od slobodnih u robotu.... i kako prokleti žudiji *inim služe, neimajući od svoga jazika gospodina!*»... Это были тѣ тяжелыя времена, когда, по словамъ Сплѣтскаго архидіакона Ѳомы, между боярами и вель- [illegible]

[illegible]

словомъ тому служитъ замѣчательная древнѣйшая [illegible] острова Крка: [illegible] надпись на церкви св. Люціи у Башки, которую подробно описалъ Д. Черничъ (Književnik. II. 15—20).

(1) Т. е. невѣрныхъ Хорватовъ и потомство ихъ.... чтобъ они никогда болѣе не имѣли государя своего языка, но всегда были бы подвластны чужому народу....

между королевства царствовалъ сильный раздоръ, и когда то тотъ, то другой изъ нихъ присвоивалъ себѣ господство въ государствѣ; отсюда произошли безчисленныя насилія, грабительства и разбой, а междоусобнымъ преслѣдованіямъ, нападеніямъ и убійствамъ не было и конца. Въ государствѣ были — по словамъ Кукулевича (Arkiv, кн. VI, стр. 134) — три партіи: одна народная партія, состоявшая изъ послѣдователей восточнаго вѣроисповѣданія, отдалась подъ покровительство византійскаго императора Алексѣя, соединившись также съ владѣтелями Захумскими и Сербскими великими жупанами; послѣдователи запада, съ своимъ низшимъ духовенствомъ и епископами, предались Угорскимъ королямъ, которыхъ поддерживалъ папа; а купеческіе граждане сѣверныхъ приморскихъ городовъ слѣпо покорялись власти венеціанской республики.

Такъ какъ значительная часть Хорватской народности была оторвана исторіею отъ другихъ частей Хорватскаго народа и связана съ народомъ чуждымъ и несроднымъ ни по крови, ни по языку, то подобная связь очевидно не могла принести полезныхъ культурныхъ и литературныхъ плодовъ и принесла духовному развитію болѣе вреда, чѣмъ пользы. Латинскій языкъ, употреблявшійся въ остальной Западной Европѣ среднихъ вѣковъ только въ церкви и иногда въ государствѣ, сдѣлался здѣсь, благодаря неестественной связи, средствомъ обоюднаго пониманія, языкомъ общественнымъ, изъ-за котораго какъ будто изъ глубины темницы глухо слышалась народная Хорватская рѣчь. Вытѣсненный изъ всѣхъ общественныхъ образованныхъ кружковъ, Хорватскій элементъ жилъ съ тѣхъ поръ только въ простомъ народѣ и сохранилъ за собою довольно тѣсное книжное поприще только тамъ, гдѣ, не смотря на запрещенія римской куріи и сопротивленія латинскаго духовенства, удержалась глаголица и Славянская литургія. Къ счастью именно по этому вопросу случился великій переворотъ: римская курія, не будучи въ состояніи вытѣснить славянщину изъ церковнаго употребленія въ сѣверной Далмаціи, на островахъ и въ Хорватскомъ приморьи, перестала наконецъ и запрещать ее. Повѣствуется, что когда папа Александръ III, путешествуя въ 1077 году по Далматинскимъ островамъ, достигъ города Задра («quae sita est in capite Hungariae regni» — Baronius), то духовенство и народъ встрѣтили его съ несказаннымъ восторгомъ, такъ какъ папа

въ первый разъ посѣщалъ тогда ихъ городъ. Папа ѣхалъ въ церковь св. Анастасіи на бѣломъ конѣ въ сопровожденіи торжественной духовной свиты, а *народъ громогласно пѣлъ пѣсни и гимны на Славянскомъ языкѣ* («immensis laudibus et canticis altissime resonantibus in eorum sclavica lingua» — Baronius). Въ эту торжественную минуту, на глазахъ у самого папы, Задръ доказалъ, что онъ дѣйствительно Славянскій городъ и предпочитаетъ Славянское богослуженіе. То же самое можно сказать и о маленькихъ мѣстечкахъ, гдѣ латинскаго элемента было еще менѣе, чѣмъ въ Задрѣ. Вслѣдствіе этого очень разуменъ былъ отвѣтъ папы Иннокентія IV, данный имъ въ 1284 г. Сеньскому епископу Филиппу, гдѣ онъ говоритъ, что дозволяется употреблять при богослуженіи Славянскій языкъ тамъ, гдѣ онъ прежде уже употреблялся; потому что—говоритъ онъ—языкъ подчиненъ дѣлу, а не дѣло языку. То же самое приблизительно отвѣчалъ онъ Крскому епископу въ 1252 году относительно Омишльскихъ (Almissa) бенедиктинцевъ.

Съ того времени глаголица преуспѣвала у Далматинскихъ Хорватовъ, какъ въ церковной, такъ и въ свѣтской жизни. Церковныя книги заботливо писались и переписывались. Въ старые библейскіе тексты, которые были переведены ранѣе и были перенесены сюда въ древне-болгарскомъ переводѣ, поправки проникали только въ такомъ случаѣ, если бывало необходимо замѣнить нѣкоторыя древнія и темныя слова болѣе новыми, устарѣлыя грамматическія формы—новѣйшими. При этой, болѣе механической, чѣмъ дѣйствительно литературной, дѣятельности, нерѣдко требовалось по современнымъ латинскимъ книгамъ прибавлять новыя названія предметовъ и въ Славянскомъ текстѣ, такъ напр. въ нѣкоторыхъ житіяхъ святыхъ подобныя названія переводились съ латинскаго, и чѣмъ древнѣе переводъ, тѣмъ онъ правильнѣе. Подобная дѣятельность была подготовлена не какимъ-либо школьнымъ образованіемъ, а только тѣмъ, что одинъ «священникъ» научалъ другаго или бралъ къ себѣ въ услуженіе изъ за хлѣба ученика и научалъ его читать и писать; всего же болѣе этому способствовали монастыри—задушбины Хорватскихъ королей и королевъ, которые съ неустрашимымъ постоянствомъ переносили всяческія невзгоды и почти одни спасли Славянскую литургію въ Далмаціи.

Хорватскіе свяшеники, не получавшіе никакого образованія, во многомъ, конечно, отставали отъ своихъ католическихъ (латинскихъ) братій, которымъ, кромѣ латинскаго языка, были доступны еще нѣкоторые источники науки и образованія (1); но недостатокъ ихъ образованія вознаграждался свя-

(1) Не трудно доказать, что въ то время и латинскіе священники въ Далмаціи еще почти ничего не знали, кромѣ письма и чтенія. Во времена архіепископа Лоринца, современника Звонимірова, въ Сплитѣ жилъ нѣкто Адамъ Парижанинъ, направлявшійся въ Аѳины для изученія греческой науки. Архіепископъ принялъ его весьма радушно и упросилъ его описать болѣе точнымъ и легкимъ языкомъ муки св. Дойма и Анастасія, которыя до этого были описаны варварскою латынью. Адамъ Парижанинъ охотно согласился исполнить его желаніе и, взявъ историческую основу, возобновилъ легенды о вышесказанныхъ святыхъ, а что поется о св. Доймѣ подъ церковную музыку, то онъ переложилъ въ стихи. Изъ этого видно, что при всемъ множествѣ священниковъ, жившихъ въ Сплитѣ и въ Сплитской эпархіи, архіепископъ не нашелъ ни одного туземца, который съумѣлъ бы написать что-нибудь складное по латински, и былъ принужденъ склонить на это дѣло посторонняго путешественника. Ѳома, архидіаконъ Сплитскій, который и разсказываетъ объ этомъ, не пропускалъ ни одного удобнаго случая, чтобъ похвалить тѣхъ рѣдкихъ людей, которые еще до его времени отличались какимъ-либо образованіемъ. Тогда считалось великимъ и достопамятнымъ событіемъ, если у кого-нибудь находилась замѣчательная книга. Ѳома архидіаконъ не забылъ также упомянуть, какъ о рѣдкомъ исключеніи, о своемъ современникѣ, архіепископѣ Сплитскомъ Угринѣ, который въ продолженіи почти двѣнадцати лѣтъ изучалъ въ Парижѣ богословіе и пріобрѣлъ себѣ *за большія деньги цѣлую библію съ толкованіями и поясненіями* (emerat sibi cum multa quantitate pecuniae totum corpus bibliae cum commentariis et glossis). Въ нѣкоторыхъ Сербско-Хорватскихъ грамотахъ XI—XII в., которыми надѣлялись церкви и монастыри, между прочими драгоцѣнностями упоминаются и книги, но только однѣ литургическія. Ср. грамоту бана Степана XI в. у Люція II. 8; у Швандтнера III, стр. 130; или завѣщаніе Барскаго архіепископа Григорія, составленное имъ въ пользу монастыря св. Хрисогона въ Задрѣ: de libris *Decretum*, *Missale*, *ordinem episcopalem*, et *matutinalem librum*. Самое обильное описаніе книгъ заключается въ грамотѣ Сплитскаго архива 1080—1187 гг.; ср. Archiv. capit. di Spalato, стр. 67. Тамъ упоминаются: *misalum*, *duo tefonarii nocturnales*, et alii *vernales*, *vitae patrum*, tres *emiliae* et *matitunalis* et *passionalis*, et unum *collectarium*, et unus *penitentialis*, et unus *ordo ad visitandum infirmum*, et unus *textus regule de generibus vel vita monachorum*, et unum *hymnarium*, et unus liber *pro mortuorum*, et *salterium* et *lectionarium* anni circulo, et alium *salterium* et *ordo ad*

тымъ одушевленіемъ, преданностью и великимъ усердіемъ. Поэтому еще и нынѣ существуетъ большое количество глаголическихъ рукописей: еслибъ кто-нибудь былъ въ состояніи собрать воедино всѣ, разбросанныя по церквамъ, монастырямъ и библіотекамъ, рукописи, тотъ навѣрное бы подивился обилію книгъ, знанію и терпѣнію *«хорватскихъ поповъ»*. Нѣкоторые памятники не только написаны съ большимъ изяществомъ, но еще и украшены превосходными изображеніями (миніатюрными), дѣлающими честь искуству и умственнымъ дарованіямъ Сербско-Хорватскаго народа.

Періодъ подобныхъ рукописей продолжался съ XII вѣка даже до XVI, когда уже началось печатаніе книгъ, которое никакъ не могло удовлетворить всѣмъ потребностямъ; особенно-же обильны рукописями XIV-й и XV-й вѣка. Очень мало памятниковъ съ обозначеніемъ года, когда они написаны, и еще менѣе съ обозначеніемъ мѣста или имени писца. Приведемъ здѣсь только нѣсколько памятниковъ XIII—XIV вѣка: древнѣйшимъ изъ нихъ—еслибъ не исчезъ безслѣдно—былъ бы глаголическій псалтирь Николая Рабскаго (съ острова Раба=Arbe) 1222 г.; изъ принадлежащихъ XIV вѣку достоинъ упоминовенія часословъ діакона Кирина 1359 г., хранящійся теперь въ Прагѣ; Римскій часословъ 1379 г., Римскій миссалъ 1387 г., Вербницкій часословъ 1391 г.; Реймскій евангелистарій, глаголическая его половина 1395 г., часословъ Вида Омишлянина 1396 г., находящійся теперь въ Вѣнѣ, и въ особенности миссалъ Новака, князя Крбавскаго, написанный въ 1368 г. и находящійся въ придворной

---

penitentiam dandas (!), et *ordo ad monachum faciendum*, et liber *cum lectionibis dominicis et cum canticis monasticis*; et *ordinationis* de pasca usque in sancti Martini; et alium *ymnarium*, et *ordo de dominicis diebus sive cotidianis* secundum ordinem sancti Benedicti; et *psalterium cum litteris francigenis*. Мы упоминаемъ объ этой замѣткѣ не только для того, чтобъ показать, какія литургическія книги на латинскомъ языкѣ были въ то время,—но и для того чтобы показать, что тѣ же самыя книги по нашему мнѣнію былъ и у Хорватскихъ ревностныхъ глаголитовъ. А что это дѣйствительно справедливо, то доказательствомъ тому служатъ нѣкоторыя завѣщанія священниковъ и замѣтки при глаголическихъ рукописяхъ, гдѣ упоминаются глаголическія книги, нынѣ совершенно уже неизвѣстныя. Ср. напр. прежнее богатство («tizor»—thesaurus) Вербницкой церкви. См. у Berčića, стр. XI.

Вѣнской библіотекѣ. Болѣе или менѣе длинные отрывки изъ этихъ рукописей напечатаны въ «Památky hlaholského písemnictví» Шафарика, въ «Čitanka staroslovenskoga jezika» Берчича и въ «Priměri starohrvatskoga jezika» Ягича. Нѣчто органическое цѣлое, а именно глаголическая библія въ отрывкахъ по рукописямъ Хорватскаго происхожденія составлена Хорватскимъ ревностнымъ священникомъ Иваномъ Берчичемъ. Изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ въ концѣ и на поляхъ рукописей можно было бы уловить очень интересныя черты, которыя могутъ уяснить жизнь Хорватской глаголицы и судьбу глагольскихъ книгъ: этому труду посвятилъ себя священникъ Иванъ Черничь.

Кромѣ вышеупомянутыхъ строго церковныхъ книгъ, миссаловъ и бревіаровъ, есть еще нѣсколько глаголическихъ рукописей, о которыхъ нынѣ извѣстно, что онѣ принадлежатъ къ духовной богословско-моральной литературѣ.

Одинъ такой кодексъ морально-аскетическихъ статей и разсужденій XIV—XV в. имѣется въ библіотекѣ Кукулѣевича; по нему-то Ягичь и напечаталъ текстъ сказанія «о троянской войнѣ». Кромѣ того имѣется нѣсколько монастырскихъ *уставовъ*, какъ напр. «правила (regule) св. Бенедикта», написанныя для Роговскаго монастыря, въ рукописи XIV в. и т. д.

Во всѣхъ этихъ книгахъ все, не относившееся къ строго церковному тексту, писалось смѣшаннымъ, полуцерковнымъ полународнымъ нарѣчіемъ, безъ всякаго соблюденія правилъ, а такъ, какъ умѣлъ писавшій. Именно поэтому и могутъ эти памятники литературной старины послужить къ пополненію исторіи Сербско-Хорватскаго языка и его нарѣчій въ XII—XIV в.

Литературныхъ глаголическихъ памятниковъ *свѣтскаго* содержанія гораздо менѣе, и то большею частью грамоты и другія оффиціальныя бумаги отъ общинъ и отдѣльныхъ лицъ. Большинство такихъ памятниковъ принадлежитъ тому краю Хорватіи, гдѣ въ сферѣ церковной процвѣтала глаголица, а именно: Крку, Сени, Модрушу, Ликѣ и Крбавѣ, затѣмъ Истріи и сѣверной Далмаціи съ островами. Въ нихъ идетъ рѣчь отчасти о дарованіи или продажѣ пашенной земли, виноградниковъ, пастбищъ и мельницъ церквамъ, монастырямъ и частнымъ людямъ; отчасти же—о судебныхъ распоряженіяхъ и процессахъ между общинами и отдѣльными лицами:

эти послѣдніе памятники очень важны для исторіи Сербско-Хорватскаго частнаго права.

Нынѣ уже доказано, что *глаголическія грамоты* существовали уже въ XI и XII вѣкѣ, и до насъ дошли нѣкоторыя изъ этого ранняго періода, но только уже въ позднѣйшихъ спискахъ. Такъ о *Добринской* грамотѣ извѣстно, что она написана глаголицею и на Хорватскомъ языкѣ еще въ 1100 году, но потомъ была переведена сначала на латинскій языкъ, а потомъ снова съ латинскаго на хорватскій. (Ср. Kukuljević, Acta Croatica, I. стр. 315 и Književnik, II. стр. 21). Въ *Истрійскомъ разводѣ* сельчане, установляя новыя межи, ссылаются на *свои старыя писанія* и свидѣтельства, хранящіяся у нихъ еще отъ давнишняго обозначенія поземельныхъ границъ. И эти старые документы, конечно, *были писаны* глаголицею и на хорватскомъ языкѣ, потому что въ Истріи прежде существовало прекрасное обыкновеніе—которое къ сожалѣнію уже не существуетъ—писать каждое офиціальное свидѣтельство на трехъ языкахъ, въ трехъ оригиналахъ: латинскомъ, хорватскомъ и нѣмецкомъ. Доказательствомъ этого служатъ самыя выраженія «Истрійскаго развода», въ которомъ въ одномъ мѣстѣ говорится: «i tako ote (hoće) da se zapiše *po trih nodareh*, kako su i *do sada po deželi pisali*»; а чтобъ видѣли, какіе это «nodari», въ другомъ мѣстѣ упоминается: «pred nas trih nodari: jednoga latinskoga, a drugoga nimškoga, a tretoga hrvackoga». Къ такимъ троимъ *нотаріусамъ*, какъ повѣствуетъ намъ Истрійскій разводъ 1325 г. приносили поселяне свои старые документы, чтобы каждый изъ нихъ прочиталъ вслухъ свой текстъ; такъ приносились межевые документы 1195 г. и вышеупомянутые «нодары» читали «preda vsu tu gospodu, kako se u njih udrži»; въ другомъ мѣстѣ указана грамота 1170 г., въ которой еще прибавлено, что ее слушали «vsa gospoda i deželani» и что «čtući ta list jedne i druge strane», конечно каждый на своемъ языкѣ, указывали по ея содержанію настоящіе «razvodi i termeni». Такіе древніе межевые документы, писанные на хорватскомъ языкѣ, упоминаются отъ 1125, 1130, 1140, 1150 г. г., и даже отъ 1025, 1027, 1058 г. г., если только эти числа не ошибочны. (Ср. Književnik, III. стр. 135); но изъ такихъ древнихъ ни одинъ не дошелъ до насъ. Древнѣйшая, сохранившаяся въ оригиналѣ, глаголическая грамота, извѣстная нынѣ, писана въ 1309 году, въ Хорватскомъ приморьи; большинство подобныхъ грамотъ при-

надлежатъ знаменитой Хорватской княжеской фамиліи Франкопановъ.

Глаголическія грамоты, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ разбираются какія-нибудь юридическія отношенія,— не имѣютъ по своему содержанію такого общаго значенія, какъ писанныя кириллицею: боснійскія, сербскія и дубровницкія. Но первыя для исторіи сербско-хорватскаго языка также важны и съ нѣкоторой стороны даже важнѣе, чѣмъ писанныя кириллицею, потому что онѣ писаны чисто народнымъ языкомъ и складомъ, какъ говорилось въ XIII—XV в. въ Хорватскомъ и Далматскомъ приморьѣ и на островахъ, за тѣмъ въ Хорватской Истріи и Далмаціи до Неретвы.

Послѣ того какъ государственная жизнь Хорватскаго народа стала зависѣть отъ королей Угорскихъ, въ городахъ господствовали большею частью чуждые культурные элементы и истинное изображеніе народнаго образа мысли и жизни сохранилось для насъ только въ развитіи и дѣятельности меньшихъ, сельскихъ общинъ. Грамоты уже довольно уясняютъ прежнее состояніе хорватскихъ общинъ: разумный юридическій распорядокъ, прекрасное изложеніе дѣла, составленное въ народномъ духѣ и съ всею юридическою полнотою, богатый и точный языкъ—вотъ достоинства Хорватскихъ глаголическихъ грамотъ, изъ которыхъ мы и донынѣ почерпаемъ неопровержимыя свидѣтельства того, что и въ то давнее время народъ Сербо-Хорватскій былъ достаточно зрѣлъ для разумнаго самоуправленія и былъ вполнѣ гуманенъ при осужденіи общественныхъ и частныхъ вопросовъ; что его семейная жизнь изстари украшалась древними, всѣму свѣту извѣстными, славянскими добродѣтелями. Но еще болѣе вѣрную картину народной жизни въ древней хорватской общинѣ представляютъ намъ древніе *общинные законники, постановленія* и *статуты*, имѣвшіеся нѣкогда въ каждомъ городѣ и въ каждой общинѣ; только городскіе статуты составлены большею частью по образцу итальянскихъ, а на сѣверѣ—и нѣмецкихъ городскихъ уставовъ, между тѣмъ какъ въ общинныхъ статутахъ вѣрнѣе сохранился славянскій характеръ и духъ славянской правды. Такъ напр. извѣстно, что въ XIII в. Сплетскій правитель Гарганъ, котораго Сплитчане пригласили къ себѣ въ 1239 г. изъ Анконы, устроилъ городское управленіе Сплита по образцу итальянскихъ городовъ: онъ велѣлъ всѣ *прежніе добрые обычаи, изстари водившіеся* въ

городѣ, записать въ одну книгу, подъ названіемъ «capitularium», и прибавилъ къ нимъ *много новыхъ постановленій*, которыя ему казались необходимыми, а именно постановленія о соблюденіи законности, о наказаніи преступленій и объ одинаковомъ для каждаго оказываніи справедливости. Это показываетъ, что въ Сплитскомъ городскомъ статутѣ народные элементы были смѣшаны съ чуждыми, латинскими; а Өома архидіаконъ прибавляетъ еще, что Сплитскій «capitulariam» былъ скопированъ Трогиромъ и нѣкоторыми другими Далматинскими городами. Совсѣмъ наоборотъ было въ *Винодолѣ*. Здѣсь нельзя и думать о какомъ-либо итальянскомъ вліяніи на общинное правленіе, потому что въ Винодолѣ и около него жили чистые, настоящіе Хорваты; въ самомъ введеніи законника, составленнаго въ 1280 г. были въ подробности указаны всѣ его источники, а именно: *dobri stari i iskušeni zakoni*, которые *želeći... skraniti na puni... skupiše se vsi na kup, tako crikveni tako priprošći ljudi...* и *Novom gradu*, и тамъ, *izbraše od vsakoga grada vinodolskoga ne vse staraiši navkup, na* (sed) *ke vijahu* (sciebant) *da se bolje spominahu v zakonih svojih otac i od svojih did ka bihu slišali; i njim* (подраз. этимъ избраннымъ) *narediše i ukazaše tesnim zakonom, da bi vse dobre, stare i iskušene zakone u Vinodol činili položiti v pisma, od kih bi se mogli spomenuti ili slišati od svojih otac i ded zgora rečenih.* . . . . . .

Такимъ образомъ мы привели два примѣра того, что не всѣ законы и статуты Далматинско-хорватскихъ общинъ одинаково оригинальны и одинаково народны въ смыслѣ славянскомъ. А между тѣмъ для насъ, не изслѣдующихъ строго юридическую сторону, эти памятники имѣютъ значеніе въ исторіи культуры и литературы Сербско-Хорватскаго народа, потому что они даютъ возможность проникать въ различныя отношенія семейной, нравственной и соціальной жизни, глубже, чѣмъ сухая рѣчь какого-нибудь лѣтописца. Поэтому нельзя не пожалѣть, что такія замѣчательныя свидѣтельства древней далматинско-хорватской культуры такъ заброшены и что нѣкоторыя изъ нихъ даже не были никогда напечатаны, а тѣ, которыя и вышли въ свѣтъ въ XVI—XVII вѣкѣ, доступны въ этихъ старыхъ изданіяхъ только нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ. Но тѣмъ неменѣе безъ этихъ памятниковъ нельзя не только точно уяснить, но даже и изслѣдовать жизнь Сербско-хорватскаго народа въ Далмаціи между X и XIV в.,

его смѣшеніе и борьбу съ латинскимъ элементомъ; обоюдное вліяніе славянскаго духа и характера, и древнихъ остатковъ и новыхъ основъ римско-итальянской культуры. Это вынуждаетъ насъ признаться, что и въ настоящемъ трудѣ будетъ, къ сожалѣнію, довольно большой, ничѣмъ не пополнимый пробѣлъ тамъ, гдѣ бы слѣдовало по этимъ памятникамъ изобразить общую картину тогдашняго времени.

Законы и статуты Далматинско-хорватскихъ городовъ и общинъ новѣйшей редакціи писаны на латинскомъ, итальянскомъ и хорватскомъ языкѣ. Хотя законы и статуты, писанные на хорватскомъ языкѣ, какъ драгоцѣнная старина и народнаго духа и языка, много важнѣе для исторіи народной литературы, но было бы несправедливо думать, что два первые разряда (латинскій и итальянскій) статутовъ не касаются насъ и что ихъ можно пройдти молчаніемъ. Эта чуждая форма не обозначаетъ еще чуждой вещи, а иногда даже случалось, что нѣкоторые, въ иныхъ отношеніяхъ вполнѣ народные статуты, доходили до насъ только въ позднѣйшей, чуждой редакціи, навязанной ему венеціанскимъ господствомъ, какъ напр., по мнѣнію Любича, *статутъ Рогозницкій* 1235 г. или *Будвацскій*, а можетъ быть и *Которскій* и *Мльтскій* и т. д. Или можетъ быть, и съ самаго начала писались два текста одинъ возлѣ другаго, одинъ хорватскій, а другой латинско-итальянскій, что относительно *Поличскаго* статута доказывается его собственными словами: «Ovo neka se zna, kako pripisasmo ovi poštovani statut iz staroga u novi, virno i pravo, ni namaknuv ni primaknuv, nego da se bolje razumi: *rvacki i latinski*». Такъ какъ, не смотря на все это, Поличскій статутъ всетаки сохранился только въ Хорватской редакціи, то могло случиться и такъ — намъ уже извѣстно, какъ судьба всегда преслѣдовала хорватскую народность въ Далмаціи — что народный текстъ нѣкоторыхъ другихъ статутовъ исчезъ, а итальянскій или латинскій сохранился.

Но и латинскіе и итальянскіе тексты, не смотря на чуждый языкъ, носятъ на себѣ много славянскихъ слѣдовъ, доказывая силу хорватскаго элемента не только отдѣльными именами и названіями мѣстъ и лицъ, но и нѣкоторыми наименованіями общественныхъ учрежденій или должностей, славянское происхожденіе которыхъ подтверждается именно тѣмъ, что ихъ даже не съумѣли перевести на чуждый языкъ. Такъ напр. въ статутѣ острова Млѣта (Meleda) 1345 г. и въ статутѣ острова Ластова 1310 г. упоминается о правѣ — основанной на древне-славянскомъ

обычаѣ—народной скупщиною, которая и въ латинскомъ и въ итальянскомъ текстѣ называется не иначе какъ *lo sboro*: chon tutto *lo sboro* de Melida; Laguste pleno *sboro* congregato и т. д.; только въ позднѣйшее время власть народнаго *сбора* была ограничена Венеціанскимъ вліяніемъ и власть перешла къ *комесу* (conte) съ вѣчемъ. Въ Млѣтскомъ статутѣ упоминается о *дворникѣ*, который имѣлъ обязанность объявлять о каждой продажѣ: quella uendicion se debia chridare per *lo dornich* in publicho locho; это слово, неизвѣстно съ тѣмъ-ли значеніемъ, встрѣчается уже въ знаменитой Сплитской грамотѣ XI—XII вѣка и имѣется въ Винодольскомъ статутѣ. Въ *Корчульскомъ* статутѣ, древнѣйшая редакція котораго относится къ 1214 году, въ числѣ чиновниковъ (officialis), которые, не будучи ни старшими ни младшими судьями, но принадлежатъ все таки къ числу вѣчниковъ, упоминаются слѣдующія народныя должности: pudar, čelnik и posticus. Значеніе *пудара* (сторожъ при виноградникѣ) извѣстно и донынѣ; о немъ упоминается и въ Винодольскомъ статутѣ. Слово *čelnik* обозначаетъ пастуха, и именно главнаго пастуха между общинными *bravarj*'ами; *челъники*, какъ и *бравари* вообще пасли стада овецъ на общинныхъ пастбищахъ и имѣли свои *zimjake* (siniacum въ итальян. текстѣ передано словами: casa d'inverno); о *зимнякахъ* существовали особые законы. Вмѣсто «siniacum» употребляется также *stanischium*: *stanišće* (въ Драчскомъ статутѣ). Наконецъ *posticus*, который на островѣ Гварѣ назывался «custos camporum», обязанъ былъ надзирать за полями и оцѣнивать всякіе убытки; мы полагаемъ, что и это слово славянское, и такъ какъ въ 84 главѣ Корчульскаго статута пишется *polschicho*, то мы и предполагаемъ, что славянская форма была: *poljšćik* (какъ *grašćik* въ Винодольскомъ законѣ, отъ слова *grad*). Какъ видно, это древнія, народныя славянскія названія, которыя напоминаютъ намъ прежнія занятія Сербо-Хорватовъ, ихъ пастушій и земледѣльческій образъ жизни. И дѣйствительно все, касающееся семейнаго устройства, стада и поля, запечатлѣно народнымъ духомъ и выражено народными словами и въ латинской редакціи Далматинско-хорватскихъ законниковъ. Вотъ тому нѣсколько интересныхъ примѣровъ: въ Корчульскомъ статутѣ имѣется распоряженіе великаго вѣча 22 января 1407 г., которое гласитъ: quod *gaj* sit in *donja blata* per campum planum juxta *ogradam*; въ томъ же мѣстѣ: quod ponantur confinia infra villas per insulam

pronti veteris statutum requirit et gravias incidantur; см. еще Гварскій законъ: si... fuerit meija (medja); распоряженіе 1431 г.: et signa sint *gades* (т. е. gat, оттуда zagatiti); въ опредѣленіи 1420 г., обозначающемъ, гдѣ могутъ и гдѣ не могутъ быть построены замки, говорится: nec possit aliquis per dictum spatium facere *las* (это хорватское слово: láz), или: quod nullus possit nemus incidere, *las* faciendo; и слово *gniva* (gniva) встрѣчается въ Корчульскомъ статутѣ. Въ Которскомъ статутѣ, встрѣчается слово *ždrieb*: unde *ždrebum* descendit, caput *ždriebi*; это вѣроятно то же самое что *ždribnies* въ Полицскомъ статутѣ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ опредѣленій Млѣтскаго статута упоминается дерево *barovina*; tanto de *barovina*, quanto de altra legne, и слово *pritka*: quali tagliano legne ouer *pritche*. Корчульскій статутъ, говоря о разрядахъ кражи, употребляетъ слово *vliskia*: это по всей вѣроятности *ulišća*; онъ много говоритъ и о *lokvah* (de loquis). Въ Брачскомъ статутѣ, мѣсто гдѣ поятъ барскій скотъ, называется: lacus *gospodito*! и т. д.

Такъ какъ большинство этихъ законниковъ и статутовъ уже въ XIII вѣкѣ было *обычнымъ правомъ* народнымъ, записаннымъ на хартію, и такъ какъ источники этого права достигаютъ древнѣйшей, доисторической эпохи — то благодаря имъ нерѣдко сбереглось воспоминаніе о томъ или другомъ народномъ учрежденіи или обычаѣ, о которомъ въ другихъ юридическихъ памятникахъ, писанныхъ на народномъ языкѣ, уже не упоминается — потому-ли что данный обычай между тѣмъ уже исчезъ, или потому, что не было причины упоминать о немъ. Для примѣра упомянемъ, что только благодаря *Дубровницкимъ* законамъ и нынѣ извѣстно *слово izdavština*, означающее плату или вознагражденіе тому, кто поможетъ вѣрителю соблюсти свое право относительно должника, уже присужденнаго къ уплатѣ долга; обычай подобнаго вознагражденія существовалъ и въ Босніи и въ Сербіи (Sclavi nolunt mandare sententias executioni sine aliquo pretio quod dicitur *isdavactina*). Точно также благодаря только латинско-итальянскимъ статутамъ возможно опредѣленіе прежняго юридическаго значенія словъ *pasobje* и *svojta*: это извѣстныя проявленія общиннаго быта (въ Задрскомъ и Брачскомъ статутахъ). Значеніе слова *vražda*, хотя и извѣстное изъ Сербскихъ памятниковъ, изъ Винодольскаго закона и т. д. особенно точно опредѣлено въ Дубровницкомъ законникѣ: de paena *vrazde* (ср. Pučić, Спом. србски, II, 151).

Кромѣ этого, были свидѣтельства, служащія доказательствомъ того, что хорватская народность въ Далмаціи уже издревле пользовалась значительными правами во всѣхъ сферахъ общественной и частной жизни, и если бы не было злополучнаго вліянія венеціанскаго правительства, преграждавшаго путь славянскому языку, гдѣ только это было возможно, то она навѣрное достигла бы еще большей силы и большаго значенія. Но слѣдуетъ также замѣтить, что XV и XVI вѣка, не смотря на болѣе полное умственное развитіе и образованіе, во многомъ отстали отъ XIII и XIV-го. Уже изъ исторіи намъ извѣстно, что венеціанская республика и подобострастная ей, при нѣкоторыхъ, итальянская партія хорватскихъ городовъ—поддерживаемое еще большимъ значеніемъ латинскаго духовенства, нѣсколько разъ запрещали закономъ употребленіе хорватскаго языка въ общественныхъ дѣлахъ. Въ XV вѣкѣ подъ венеціанскимъ вліяніемъ было издано въ Трогирѣ распоряженіе, чтобъ съ этой поры писались всѣ договоры по-латински или по-итальянски; что—какъ тамъ сказано—вышло изъ обыкновенія (reform. lib. II, 10); и въ Дубровникѣ распоряженіе вѣча 1472 г. постановляетъ, чтобъ въ государственныхъ дѣлахъ употреблялся латинско-дубровницкій языкъ, а не славянскій. Съ тѣхъ поръ вошло также въ обыкновеніе уродованіе славянскихъ прозвищъ на итальянскій ладъ и отбрасываніе приставки ić, чего не было ни въ XIII, ни въ XIV вѣкахъ. Въ доказательство этого можно бы привести множество народныхъ славянскихъ именъ, которыя встрѣчаются въ славянскихъ или итальянскихъ документахъ; приводимъ для примѣра имена, находящіяся въ Ластовскомъ статутѣ 1367 г., и это были не простые сельчане (radnici или sebri) но вѣчники (conseglieri): Marino radovanich, Dobroslav usinich (usinić), Marin dobroeuich, Marin consul (вѣроятно итальянецъ), Cosma bratoslauich, Воеха или Uoika prodanich, Michoe gurgeuich, Piro deberin, Radin cranchouich (hranković или granković), Stiepcho recoieuich, Dragostan stoichouich, Primil bogdanich, Stancho bratoseuich, Uita pueslauich, Granislau seuchouich, Slitcho marinich, Lucha mircich, Bercho gislich, Bogdan marinich, Druscho prodanich. Въ 1438 г. на островѣ Млѣтѣ были слѣдующіе судьи (çudessi): Nile bogoieuich, Ratcho banich, Petar ratchouich, Vlahuscia radosaglich, Juan andrych.

Между статутами, написанными на народномъ языкѣ, первое мѣсто занимаетъ законъ Винодольской, потому что онъ ранѣе всѣхъ былъ написанъ, въ 1280 г., и потому главнымъ образомъ сохранилъ и впослѣдствіи свою первоначальную форму. И такъ все, содержащееся въ Винодольскомъ законѣ, переносимъ до XIII вѣка и, какъ мы уже сказали, построено изъ древнихъ народныхъ обычаевъ. Напротивъ того, Крчскій статутъ не только составленъ лишь въ 1388 году, но въ немъ находятся еще добавленія въ XV—XVI вѣкѣ. Кромѣ того, мы не вѣрное не знаемъ, было-ли все это уже прежде извѣстно, или видимъ народнаго обычая или установляемъ этимъ статутомъ только впервые. Въ законѣ только сказано, что князья, Крчскіе обладатели, услыхавъ великія жалобы своихъ «vernih služnikov stola krka, ke ino činihu budi ljudi», послали на островъ нѣсколькихъ своихъ людей, которые потребовали къ себѣ княжескаго намѣстника (podknežija) и нѣкоторыхъ «ostalih dobrih muži z krka i za vsega otoka, hoteći učiniti, ča bi pravo i dobro za vas otok». Изъ этого еще не видно на сколько, при составленіи указаннаго статута, принимались во вниманіе древніе обычаи и на сколько участвовало вліяніе княжескихъ людей въ самомъ статутѣ. Нигдѣ не упоминается о древнихъ законахъ или обычаяхъ. Совсѣмъ иное дѣло статутъ Поличскій. Хотя онъ и появился только въ 1400 году, а позднѣйшія дополненія достигаютъ даже XVII вѣка, но уже въ самомъ началѣ статута прямо говорится, что настоящій статутъ передѣланъ изъ стараго въ 1400 году; такимъ образомъ статутъ въ этомъ году былъ только передѣланъ изъ другаго, болѣе древняго. Нѣсколько и въ текстѣ нѣсколько разъ упоминаются древніе законы и обычаи: «stardavni zakoni i običaji» § 25, «po zakonu i običaju» § 64, «kako veli stari zakon i običaj» § 73; а въ иныхъ мѣстахъ законъ написанъ въ двухъ редакціяхъ, одна возлѣ другой, съ одной стороны старый законъ, а съ другой новый, который назывался «болѣе милостивымъ».

Эти статуты составляютъ богатый, но еще неизслѣдованный источникъ древне-хорватскаго права, которое въ теченіи вѣковъ развивалось наравнѣ съ свободною жизнью народныхъ, какъ бы независимыхъ отъ жупанскаго вліянія, общинъ, каковы Винодолъ, Полица и еще нѣкоторыя другія. Народъ Хорватскій представляетъ въ этой формѣ закона весь многовѣковой опытъ своей общинной жизни, который недавно, какъ ска-

древній обычай, переходящій отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку. Кое-гдѣ по складу законовъ еще видно, какъ они возникали изъ народа, составлялись по народному образу мыслей и излагались въ народной, если можно сказать, эпической формѣ. Такіе остатки древняго юридическаго смысла и мудрости сохранились въ формулахъ Полицкаго статута, которыя весьма напоминаютъ пословицы: древній законъ и обычай постановляетъ, что человѣкъ наслѣдство «ondi ojde, gdi je i zastao» § 73; древній законъ гласитъ, что «istup neima odstupa» § 112; «od nemoćnoga nitkor nije dužan» § 118; «nevolja nima zakona» § 228; «ništar nije, ča je vanda bilo» § 108; «pravo je, da svaki trud svoju plaću ima» § 198; тоже самое въ § 203; «pravo je, da je svak za svoj teg plaćen»; и наконецъ общій принципъ въ § 120: «pravda ima se svakomu jednako dieliti». — Эти общія изрѣченія вошли въ законы въ видѣ подтвержденій и аргументацій, и это вполнѣ народная аргументація, на которыхъ народъ основывалъ свой законъ или обычай, и которыми подтверждалъ законъ, затѣмъ чтобы этотъ послѣдній лучше удерживался въ памяти. Подобная аргументація иногда высказывается символически въ прекрасной народной картинѣ, какъ напр. въ § 108, гдѣ при опредѣленіи вреда, наносимаго свиньею полю или винограднику, говорится: zač svine nosi dvoje oružje, kosu i motiku; или же иногда въ ней сохранился какой-нибудь народный обычай, какъ напр. въ § 229, гдѣ передается древній законъ: «more se kovaču samliti šiholiko priko reda», и кромѣ того встрѣчается слѣдующая замѣчательная аргументація: zač i u kovačnici mlinskomu gvoždju red je, neto dojde»; такимъ образомъ два народныхъ обычая ставятся въ законѣ въ причинной связи. Народная простота и искренность видны и въ томъ что законъ, говоря о какомъ-либо особомъ преступленіи, не упускаетъ случая добавить: «ča nedaj bog» или «ča bog uprosi», или же въ концѣ прибавляетъ: «a toj za toj, neka se nitkor neuči takove hudobe i nečistoće činiti».

Отдѣльные законы, обыкновенно, соединены въ сборникъ безъ юридической системы; законы слѣдуютъ одинъ за другимъ по мѣрѣ того, какъ они припоминалися или оказывались нужными, и не всѣ одинаково пространно изложены; напротивъ каждый законъ былъ пространенъ на столько, на сколько былъ развитъ извѣстный обычай въ народной жизни. Нельзя и предположить, чтобъ всѣ народные обычаи были

исчерпаны и занесены въ законъ: именно объ этомъ говорится въ Полицкомъ статутѣ, что слѣдуетъ «viditi i razgledati i promislivši prociniti nič po zakonu i običaju, a nič po domisli i po kušencij; zač se ne mogu prem sve svake stvari napuno sasvim zakoniti, izmiriti i ugonititi, ni se mogu prem sve riči u štatut postaviti... jere se nemogu sve stvari izimenovati». Благодаря этому мы можемъ сказать, что эти статуты представляютъ вѣрную картину народной жизни и обычаевъ: по нимъ мы узнаемъ то, что не записано древними лѣтописцами—многія подробности управленія хорватскихъ общинъ, общественныя и семейныя отношенія; узнаемъ, чѣмъ всего охотнѣе занимался Хорватскій народъ, какой образъ жизни онъ уважалъ болѣе всего; узнаемъ нѣкоторыя его добродѣтели и пороки, и по наказаніямъ за нихъ можемъ судить, что, и какое именно, имѣло значеніе въ общественномъ мнѣніи, какая снисходительность или строгость господствовала въ немъ.

Повѣствованіе отличается драматическою живостью: нѣкоторые законы облечены даже въ форму краткихъ разсказовъ; слова, имѣющія быть кѣмъ-либо и кому либо сказанными, обыкновенно приводятся въ видѣ разговора между двухъ лицъ, какъ напр. въ § 83: «ako-li tko rekao: brate, ja ti ću dati utokam zemlje, zamini se sa mnom», или § 189: «ima prizvati gospodara ter mu reći: gospodine, to je sve božje i tvoje». Тоже встрѣчаемъ и въ граматахъ. Въ этомъ отношеніи въ юридической стилистикѣ славянскихъ законовъ замѣчательна индивидуализація: о какомъ нибудь случаѣ разсказывается отъ перваго лица, напр. «i jošće ako razbojnika moje škodi najdu v noći, to jest mne (meni) škodu čineć ter njega živa nemogu jati, volja da ga neznam, da bim videl od česa se tužiti, a njega ubiju: u nijednoj riči nimam se osuditi ni suprotiv nemozi nigdore mne pojti volja priti» (Винод. зак.). Какъ на особенности юридической стилистики можно указать на императивы, какъ-то: «ako bi tko ugonio... plaća duplicu; ako li se neće usvistiti, tadaj jednomu usići repa; i jošće ako se neće ostaviti, a ti posici»; «on ki priseći ima, najdi porotnike, i ako ih nemore imiti, prisezi on sam»; «ako ni na plnu meso, kȍ je jeto, budi toga istoga pristava; a ȍn čije je bilo meso, išći svoje pravdi» и т. д.

Особенно достойна вниманія тавтологія, проявляющаяся въ юридической прозѣ и столь идущая къ ней тамъ, гдѣ все должно быть изложено въ подробности. Такими примѣрами

тоже изобилуютъ не только законы, но и грамоты юридическаго содержанія; изъ законниковъ самый оригинальный въ этомъ отношеніи—Поличскій статутъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ его стиля: ovako i po ovi put, svi kupno svi jedino, или: svi jedino i skladno, или: kupno i dogovorno, или: svi općeno budući zajedno na okupu; kako je dostojno i podobno, svitlo bilodano, mirno bez utiske; grihom proklet očito i navišten za prokleta, kdi je i u kom mestu, zač je to i po čem, držati na svom i o svom, na konac i na svrhu, u listih i zapisih, učiniše i uzakoniše, primiše i uzakoniše i u svoj statut zapisaše, strneći i tvrdeći, sabljusti i pravo dati, strati i obrati, svadiv se i skarav se и т. д. Иногда подобныя выраженія связываются словомъ ali, какъ-то: u pravdi ali parni, načinba ali takmina, priuzeti ali posesti, tere se skubli ali bili prez rane ali modrice и т. д. На ряду съ словомъ встрѣчается нерѣдко и его истолкованіе, какъ-то: voda živa, ka nigdar neprisiše; voda rvenica, ka je rukami učinjena; prinesti ga (sc. svine), na rvotinu, gdi je rilo; založiti u tmi toj rekući otaji. Для доказательства же словообилія вообще достаточно будетъ и одного слѣдующаго примѣра: «da čagodi čovik prinajde i pribavi ali prikupi ali izdvori ali inako kako godi dostigne sobom i svojim trudom: ča bi prinašao, toj svaki zakon hoće, da je tim voljan i slobodan i u smrt i u život, ili mu za put ili mu za dušu, ili ča mu godi ugodno ot togaj učiniti, rekući onoj, ča je on osobito našao i dobio ili pribavio dosli dila, s kim dio ima u plemenšćini, ali je jedan, ali jih veće: to je njemu slobodno; kako je stekao, tako more i narediti toj slobodno, kud mu godi drago»!

Помимо этихъ особенностей, характеризующихъ юридическій стиль Хорватскихъ статутовъ, мы находимъ въ нихъ сильный энергичный языкъ, почему они и важны въ исторіи Хорватской литературы какъ рѣдкій примѣръ настоящей народной прозы, сохранившейся отъ того времени (ранѣе XV в.), вмѣстѣ съ глагольскими и нѣкоторыми кирилловскими грамотами. Такъ какъ здѣсь всего чаще идетъ рѣчь о сельской жизни, о дѣятельности, связанной съ домомъ, полемъ, виноградникомъ, мельницею, скотомъ и другими доходными статьями, то все это изложено прекраснымъ и богатымъ народнымъ языкомъ и носитъ на себѣ слѣды многихъ народныхъ обычаевъ. Юридическая терминологія довольно развита для такой тѣсной сферы, хотя и не лишена итальянскаго вліянія,

которое тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ новѣе стилизація законника. Въ винодольскомъ законникѣ встрѣчаются слѣдующія иностранныя слова: band, pena, kaštigati, oficij и oficijal (также: služba и služabnik), areditati, pošišion, fals и falso, dupal—duplo, impač и impačati и нѣмецкое likuf; кромѣ того въ Поличскомъ статутѣ встрѣчается: apeo и apelati, ašišin—ašišinski, avizan, beneficij, deferencija, dota-dotati, embra, fruštati, kuntenat—kuntentati, kušencija, kvistiun, lige-parti, maganatati, muzuvir, ožurnik, pasanog, na poštu, prokazatur, provižiun, rizik, sentencija, skandao, stabulo, stimati, suveniti, škapuo, tastamenat, traditur, turma. Кромѣ этихъ, по большей части юридическихъ выраженій, которыя иногда были употребляемы только поневолѣ, для исторіи Хорватской культуры имѣютъ еще значеніе иностранныя выраженія, касающіяся торговли и сношеній, какъ-то: sovernar, kvaderna, krdenča; наконецъ деньги и мѣра, какъ-то: libra, soldin, bolanač и beč. Хорватское народное слово grivne, упоминаемое въ глаголическихъ грамотахъ, въ законахъ не встрѣчается; но въ Поличскомъ статутѣ для обозначенія мѣры долготы употребляется народное слово rozga (put obći veliki kroz župu ima biti širok jednu rozgu), а для обозначенія тяжести—слово naklajaj (вм. nakladjaj).

Эти законники писаны тѣмъ же нарѣчіемъ, какъ и глаголическія грамоты, а именно древне-хорватскою чакавщиною; тексты Винодольскаго и Крчскаго законниковъ писаны глаголицею, а Поличскій статутъ боснійско-хорватскою кириллицею. Винодольскій законникъ былъ бы для насъ образцомъ чакавщины XIII вѣка, еслибъ та единственная пергаменная рукопись, въ которой этотъ древній памятникъ дошелъ до насъ, не была написана вѣроятно только въ XV, если не въ XIV вѣкѣ, что доказывается характеромъ письма—курсивною глаголицею и правописаніемъ: тамъ употребляется буква П-Р совершенно какъ лат. *j*, что составляетъ новѣйшій способъ; дѣлается также различіе между ć (ꙑ) и šć (шꙑ), и иногда гласное *r* замѣняется чуждою ороографіею *er*. Труднѣе опредѣлить, на сколько подновленъ языкъ Винодольскаго законника; въ немъ, кажется, нѣтъ большихъ перемѣнъ, потому что въ Винодольскомъ законникѣ еще и донынѣ несомнѣнно сохранилось старины языка болѣе, чѣмъ въ статутахъ Крчскомъ или Поличскомъ, больше чѣмъ въ древне-хорват-

ской Дуклянской хроникѣ. По этой единственной, находящейся теперь въ Загребѣ, рукописи, Мажураничь издалъ Винодольскій законникъ въ 1843 г., въ третьей книжкѣ журнала «Kolo»; изданіе на столько критичное, на сколько это дозволяла латинская транскрипція глаголическаго текста; но и тутъ вкрались нѣкоторыя ошибки, которыя необходимо будетъ исправить въ новомъ изданіи (ср. также «Primĕri» Ягича, стр. 160). Въ библіотекѣ Кукульевича имѣется одинъ новѣйшій списокъ Винодольскаго законника, писанный на бумагѣ латинкою, который можно бы считать спискомъ съ указанной рукописи, притомъ въ то время, когда первый листъ оригинала еще не былъ изорванъ; поэтому при новомъ изданіи слѣдуетъ принять во вниманіе и этотъ списокъ. Отъ XVII вѣка (1640 г.) дошелъ до насъ такъ называемый законникъ Терсатскій, который есть ничто иное какъ переиначенный текстъ Винодольскаго закона, о чемъ и упоминается въ началѣ самого законника—въ единственной, извѣстной доселѣ рукописи, находящейся въ библіотекѣ Кукульевича (ср. Književnik, II. 571): такимъ образомъ, когда дѣло дойдетъ до критическаго изданія и юридической оцѣнки древняго Винодольскаго памятника, то слѣдуетъ принять во вниманіе и этотъ текстъ.

Статутъ острова Крка,—древнѣйшая часть котораго принадлежитъ 1388 г., а новѣйшія приписки – 1470, 1483, 1526 и т. д.,—написанъ нѣсколькими различными почерками (издатель его въ журналѣ «Arkiv» II кн., упоминаетъ о трехъ почеркахъ) и вѣроятно только въ XVI вѣкѣ. Въ концѣ читаемъ, что кое-что переписано въ 1526 г. «s harti bombažine na hartu bergaminu». Нарѣчіе острова Крка и донынѣ очень замѣчательно; поэтому и статутъ обилуетъ замѣчательными древними формами. Иногда языкъ статута переходитъ въ словенскій, но рѣже чѣмъ въ Истрійскомъ межевомъ документѣ.

Самый же обильный по содержанію—статутъ Полицкій, писанный новою чакавщиною, т. е. на такомъ Хорватскомъ языкѣ (и статутъ называетъ его «рвацкимъ») съ икавскимъ произношеніемъ, который очень близокъ къ нынѣшней штокавщинѣ. На томъ же самомъ нарѣчіи написано житіе Александра Великаго (Рудницкій текстъ) и нѣкоторыя боснійско-хорватскія грамоты. Извѣстно изъ исторіи, что Поличане переселились изъ Босны въ XI вѣкѣ. (См. статью Мих. Павлиновича «Poljica i Poljičani» въ «Narodnom Koledaru» Далматин-

ской матицы за 1866 г.). Критическое изданіе текста Поличскаго статута помѣщено проф. Мѣсичемъ въ V-й кн. «Arkiva», чѣмъ и исполнено желаніе, высказанное Шафарикомъ еще въ то время, когда онъ въ первый разъ разъяснилъ ученому свѣту все значеніе Поличскаго статута (см. въ 3-й кн. полнаго собр. сочиненій Шафарика; и въ «Гласникѣ друштва срб. слов.» VIII).

Распоряженія *Сеньскаго капитула* 1380 г. и *епископіи Модрушской* 1589 г. (текстъ напечатанъ латинкою во II-й кн. «Arkiva»; оригиналъ былъ навѣрное глагольскій) замѣчательны только потому, что подтверждаютъ уже извѣстную истину, что въ этихъ епископіяхъ народный языкъ господствовалъ не только въ церкви и въ богослуженіи, но и во всѣхъ дѣлахъ внѣ церкви. [1] Славянскій языкъ въ Сеньской, Модрушской и Крчской церквахъ пользовался нѣкогда гораздо бо́льшимъ уваженіемъ свѣтскихъ, государственныхъ властей, чѣмъ нынѣ; нѣкогда даже короли порою употребляли глаголицу въ своихъ письмахъ къ капитуламъ или священникамъ—глаголитамъ. Есть глагольская грамота Угорскаго короля Матвѣя отъ 1463 г., которою онъ утверждаетъ нѣкоторые дары Франкопана, отказанные монастырю св. Николая въ Гвоздѣ: эту грамоту капитулъ Модрушскій въ 1471 г. «od slova do slova, ništar neumankuje spisao i kopijao». (Mon. hist. Slavor. merid. № XCI). Въ 1527 г. король Фердинандъ снова далъ Сеньскому капитулу право избирать канониковъ глаголическою грамотою, къ которой королевская печать была приложена въ Остригомѣ. (idib. № CCXXIII).

2. Слѣды Сербской литературной старины до временъ св. Саввы; древнія Сербскіе памятники, грамоты, хрисовулы. Ревностная дѣятельность великаго учителя и просвѣтители народа Сербскаго, св. Саввы считается обыкновенно началомъ собственно древне-сербской литературы (около 1200 г.). Дѣйствительно, во вновь возвысившемся и объединенномъ государствѣ своего отца Немани, онъ пер-

---

(1) И другіе капитулы или церковныя собранія имѣли свои постановленія и статуты. У Кукульевича въ Monumenta historica Slavorum meridionalium подъ № 121 упоминается *сборный законъ* Вербницкихъ монаховъ и священниковъ, написанный въ 1487 г. въ концѣ одного глагольскаго мисала XIII или XIV вѣка.

вый положилъ основаніе болѣе строгой христіанской жизни и тому образованію, которое въ средніе вѣка соединялось съ прочнымъ устройствомъ іерархическаго, а въ особенности монастырскаго образа жизни: при его вліяніи Сербскій народъ прочно усвоилъ себѣ духовное христіанско-византійское направленіе, какъ въ церковной такъ и въ культурной жизни;—направленіе, отъ котораго онъ уже никогда болѣе не уклонялся. Хотя это и такъ, но тѣмъ неменѣе многіе признаки указываютъ намъ на то, что по Сербски достаточно писалось еще до Саввы и что языкъ этотъ былъ уже въ состояніи вполнѣ удовлетворять литературнымъ потребностямъ. Но къ сожалѣнію мы еще такъ мало знаемъ прошедшее Сербскаго народа въ Боснѣ, Сербіи и Верхней Далмаціи до временъ Неманичей и почти ничего не можемъ сказать о его тогдашней жизни! Изображеніе этого края и народа, сдѣланное путешественниками западной Европы, посѣтившими его во время крестовыхъ походовъ, уже слишкомъ грустно и преисполнено преувеличеній. Нѣкто Раймундусъ де Агилесъ въ 1090 г. описываетъ верхнюю Далмацію слѣдующимъ образомъ: «Славянская земля (Sclawonia) есть земля пустая, безъ дорогъ и гористая; впродолженіи трехъ недѣль мы не видали въ ней ни звѣрей, ни птицъ. Обитатели этой земли на столько просты и дики, что не хотѣли намъ ничего продать, ни указать дороги, а убѣгая изъ своихъ селъ и городковъ, убивали старухъ, нищихъ и больныхъ, которые по слабости не поспѣвали за остальнымъ (крестоноснымъ) войскомъ... Почти сорокъ дней мы были въ Славянской землѣ и выдерживали такіе густые туманы, что ясно ощущали ихъ и только движеніемъ могли нѣсколько разсѣевать ихъ.... Наконецъ у Скадра мы сошлись съ королемъ славянскимъ (Бодиномъ?) и заключили съ нимъ союзъ; но и здѣсь Славяне убивали по своему обыкновенію нашихъ людей и у безоружныхъ отнимали что могли». Не лучше описываетъ эту страну сто лѣтъ спустя Вильгельмъ Тирскій (1188), который кромѣ того изображаетъ въ нѣсколькихъ словахъ и образъ жизни: «Далмація—говоритъ онъ— населена народомъ дикимъ и привыкшимъ къ разбоямъ; вся она усѣяна горами и лѣсами, большими рѣками и пастбищами, простирающимися и вширь и вдаль, рѣдко гдѣ обработываются поля и всѣ средства къ жизни обитателей этого края заключаются въ стадахъ и скотоводствѣ.... Народъ суровый, необузданный, живетъ въ горахъ и лѣсахъ, не имѣетъ

понятія о земледѣліи, но обладаетъ большими стадами и богатъ молокомъ, сыромъ, масломъ, мясомъ, медомъ и воскомъ». — Чтобъ уяснить себѣ нѣкоторыя странныя черты этого описанія, мы должны вспомнить древне-славянскій образъ жизни, по которому народъ Сербскій любилъ жить разсѣяно, такъ что иностранецъ, проходившій славянскою землею, почти нигдѣ не встрѣчалъ большихъ, скученныхъ поселеній; къ этому слѣдуетъ еще прибавить и то, что поселяне имѣли очень много причинъ уклоняться отъ незваныхъ и непріятныхъ гостей и укрываться въ лѣсахъ: отсюда возникло несправедливое заключеніе западнаго хрониста, что народъ живетъ въ горахъ и лѣсахъ.

Кромѣ того, что намъ разсказываютъ путешественники о внѣшней жизни Сербскаго народа въ этихъ краяхъ, мы узнаемъ еще изъ другихъ источниковъ кое-что и объ умственной жизни его. Извѣстно, что и тогда уже тамъ были монастыри, въ которыхъ процвѣталъ церковно-славянскій языкъ, а подъ его защитою постепенно развивался и приспособлялся къ литературной дѣятельности и древне-сербскій языкъ. Папа Александръ II-й напоминалъ въ 1067 г. архіепископу Дукланскому Петру, чтобы онъ заботился о *славянскихъ монастыряхъ*. По нашему мнѣнію, въ одномъ изъ этихъ монастырей и было положено начало той Славянской хроники, которую, какъ мы уже упоминали, безъимянный Діоклеецъ перевелъ въ XII вѣкѣ съ славянскаго языка на латинскій. Зная, гдѣ находился древній городъ Діоклея (Dukla—близь нынѣшней Подгорицы); зная, что еще до Немани именно въ верхней Далмаціи, вдоль Адріатическаго приморья жилъ весьма дѣятельный Сербскій народъ; имѣя наконецъ передъ глазами самое содержаніе Діоклейской хроники въ латинскомъ переводѣ—мы никакъ не можемъ усомниться, что подъ славянскимъ языкомъ тутъ подразумѣвался древне-сербскій языкъ. Многое подтверждаетъ эту мысль: приведемъ кстати хоть одинъ примѣръ. Близь Котора, въ монастырѣ Банѣ и донынѣ существуетъ древняя эпитрахиль, вышитая по шелковой матеріи золотомъ, серебромъ и жемчугомъ, на которой изображена древнѣйшая изъ извѣстныхъ донынѣ Сербская надпись 1114 года. Надпись эта напечатана уже два раза: въ IV-й книжкѣ Arkiv'a (стр. 344) и въ Monumenta Serbica Миклошича (№ 1); но къ сожалѣнію чтеніе Миклошича не согласуется съ болѣе древнимъ чтеніемъ Саблара и разница зак-

лючается именно въ томъ, что очень важно для нашего вопроса. Хотя и не можетъ быть сомнѣнія, что предлогъ ȣ съ мѣстнымъ падежемъ есть настоящая сербская форма вмѣсто древне-болгарскаго къ, или что бȣдет(ь) есть сербизмъ, замѣняющій древне-болгарское бѫдеть, но не мѣшало бы знать, что̀ вышито на эпитрахили: бȣдеть (съ ь) или бȣдет (безъ ь); а точно также вьл'кто или вл'ѣ, и еще нѣкоторыя различія. Но тѣмъ неменѣе эта сама по себѣ неважная надпись имѣетъ, по крайней мѣрѣ донынѣ, особенное значеніе, какъ древнѣйшій, писанный кириллицею образецъ Сербскаго языка, и служитъ свидѣтельствомъ того, что нѣкогда было и чего нынѣ уже нѣтъ.

Мы уже выше говорили и здѣсь снова мимоходомъ упомянемъ о томъ, какъ важно значеніе богомиловъ въ исторіи древней южно-славянской культуры и литературы: мы обязаны имъ очень многимъ относительно развитія языка и его введенія въ письменность. Богомильство особенно процвѣтало въ Сербскихъ краяхъ съ X вѣка по XII. Въ житіи св. Симеона (Немани), написанномъ сыномъ его Степаномъ, Первовѣнчаннымъ королемъ Сербскимъ, повѣствуется какъ Неманя, вооруженною силою возсталъ на богомиловъ, находившихся въ его государствѣ, и однихъ сжегъ, другихъ преслѣдовалъ различными наказаніями, а нѣкоторыхъ изгналъ изъ своего государства и раздѣлилъ ихъ имущество между бѣдными; учителю же их отрѣзалъ языкъ, а его *нечестивыя книги сжегъ*. Такимъ образомъ исчезло множество литературныхъ памятниковъ древне-сербской литературы.

Еще тогда, когда жизнь Сербско-Хорватскаго народа находилась въ зачаткахъ, роль главнѣйшаго дѣятеля выпала на долю Дубровника. Находясь по своему природному положенію въ самомъ центрѣ, гдѣ различныя Сербско-Хорватскія земли сходятся къ одному приморскому пункту, онъ вскорѣ превзошелъ всѣ далматинскіе города красотою, могуществомъ и величиною и сдѣлался разсадникомъ идей высшей культурной жизни и юга и востока—и Босны, и Сербіи, и Захлумья, и Діоклеи и т. д.; Дубровничане всюду разносили культуру въ качествѣ торговцевъ, ремесленниковъ и строителей. Ихъ древнія сказанія много сообщаютъ о беспокойствахъ, которыя доставляли Дубровнику сосѣдніе съ нимъ Славяне; съ особенною любовью эти сказанія относятся къ притчѣ о ке-

ролѣ Павлимірѣ, котораго народное преданіе считаетъ основателемъ Славянскаго города: съ тѣхъ поръ, какъ съ его прибытіемъ городъ увеличился, ему и было дано славянское названіе «Дубровникъ». Заключается или не заключается историческая истина въ повѣствованіи о королѣ Павлимірѣ, оно всетаки доказываетъ намъ, что уже съ самаго начала обитатели города находились въ непрерывныхъ, иногда дружественныхъ, а иногда непріязненныхъ отношеніяхъ съ сосѣдними племенами Сербско-Хорватскаго народа. Это мы знаемъ и изъ исторіи. Константинъ Порфирородный разсказываетъ, что Дубровничане платили князьямъ Захлумскому и Травунскому какую-то годичную дань за виноградники, которыми Дубровничане владѣли на ихъ землѣ; потомъ уже въ IX в., во времена императора Василія, они перевозили на своихъ ладьяхъ славянскія дружины въ Неаполитанское государство, чтобъ завладѣть городомъ Баромъ. И съ властолюбивыми Неретванами они предпочитали жить въ мирѣ и согласіи. Дубровницкіе историки приписываютъ значеніе и тому, что въ ихъ городѣ издавна имѣлъ резиденцію архіепископъ, которому были подчинены восточные края—Боснійскій и Сербскій. Но о томъ, когда именно это было—нынѣшніе историки говорятъ различно (см. Književnik I. 202); Кукульевичь приводитъ изъ Дубровницкаго архива буллу папы Пасквала, которою онъ въ 1102 г. даровалъ архіепископскую мантію Дубровницкому епископу Доминику, отдавъ подъ его церковную власть жупанство Захлумское (regnum Zachulmiae), Сербское (r. Serviliae) и Требиньское (r. Tribuniae), а Дубровницкій историкъ прошлаго вѣка Растичь (Resti) описываетъ въ исторіи Дубровника, какъ въ 1189 г. Дубровницкій архіепископъ Брня «рукоположилъ» Радагоста, епископа Боснійскаго и этотъ послѣдній призналъ его своимъ главою и *принесъ ему присягу на славянскомъ языкѣ*.

Такимъ образомъ связь, соединявшая Славянскій югъ съ Дубровникомъ, была троякая: матеріальная выгода, культурное общеніе и религіозныя отношенія. За естественныя богатства, которыми изобиловали восточныя и южныя земли Сербско-Хорватскаго народа, Дубровничане уплачивали имъ плодами культуры, знакомили ихъ съ болѣе утонченнымъ образомъ жизни, приглашали ихъ, и принимали къ себѣ ихъ бѣглецовъ, ставили въ ряды своихъ властелей и надѣляли роскошными дворцами. Понятно, что людямъ, страдавшимъ отъ безчислен-

ныхъ горестей и невзгодъ, которыя никогда не переставали преслѣдовать Сербско-Хорватскій народъ, отрадно было видѣть такую благотворную, мирную и неутомимую дѣятельность Дубровника! Изъ этого легко уяснить себѣ, почему уже издавна возникли тѣсныя сношенія Дубровника съ ближайшими славянскими князьями: то они вели переговоры о новомъ союзѣ, то возобновляли старыя дружескія отношенія или торговые договоры, разъясняя ихъ и пополняя, а иногда дѣло доходило и до размолвокъ, и до ссоръ. Все это вещи весьма обыкновенныя въ жизни, но онѣ особенно важны для насъ, такъ какъ были причиною того, что народный Сербскій языкъ очень рано вошелъ въ литературное употребленіе и еще донынѣ сохранилось прекрасное собраніе литературныхъ памятниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Сербскихъ грамотъ, которыя чѣмъ древнѣе, тѣмъ драгоцѣннѣе, какъ единственные образцы народнаго Сербскаго языка древнѣйшей Сербско-Хорватской литературы.

Теперь никакъ нельзя опредѣлить, когда впервые явилась у Дубровничанъ потребность заключать договоры съ своими сосѣдями, и потомъ подтверждать ихъ письменно! Дубровницкіе лѣтописцы указываютъ на мирный договоръ, заключенный еще въ 831 г. между Дубровникомъ и какимъ-то Травунскимъ баномъ, и этотъ именно договоръ они считаютъ первымъ и древнѣйшимъ. Растичь и Аппендини подробно излагаютъ условія этого договора. Но если даже ихъ сообщенія и справедливы, то письменнаго слѣда этого договора всетаки уже не существуетъ; точно также неизвѣстно ни одного текста нѣкоторыхъ другихъ договоровъ, заключенныхъ Дубровничанами до XI вѣка съ различными Сербскими банами и князьями. Увѣряютъ, что въ 1023 г. значительный пожаръ въ Дубровникѣ уничтожилъ большую часть древнихъ письменныхъ памятниковъ: кто знаетъ, сколько тогда погибло древнихъ Сербско-Хорватскихъ памятниковъ! Между тѣмъ Кукульевичь нашелъ въ Дубровницкомъ архивѣ (Arkiv, кн. 4 стр. 326) грамоту (оригинальную-ли?) какого-то протоспаѳарія и стратига Сербскаго и Захлумскаго, поимени «Латовитта», 1030—1040 г., и тотчасъ вслѣдъ за нею—грамоту великаго жупана Захлумскаго Гранка, 1044 г.; потомъ снова двѣ грамоты жупана Діоклейскаго и Захлумскаго Деви, 1151 г. и двѣ грамоты бановъ Славогоста и Барича, 1152—1160 г.—этими грамотами даруются и утверждаются за бе-

недиктинцами острова Млета (Meleda) извѣстныя имущества. Такимъ образомъ мы имѣемъ двѣ грамоты первой половины XI в. и нѣсколько грамотъ XII в., писанныхъ ранѣе грамоты Кулина бана: онѣ писаны Сербо-хорватами. Новѣйшій текстъ этихъ грамотъ конечно латинскій, но не трудно сообразить, что первоначально рядомъ съ латинскимъ текстомъ находился еще и славянскій (сербскій). Грамота Кулина бана, 1189 г., написана не только на сербскомъ языкѣ, но и на латинскомъ. Не существовалъ-ли и здѣсь встарь обычай писать нѣкоторые документы на двухъ языкахъ? Въ Боснійской грамотѣ 1333 г. говорится, что она была написана въ четырехъ отрывкахъ: «a tomuj su 4. povelje... dvie latinsci a dvi srpscie... dvie sta u gospodina bana Stefana, a dvie povelje u Dubrovnici». Не было-ли такого обыкновенія и ранѣе?

Эти сомнительныя догадки возбуждаютъ болѣе довѣрія, если разсмотрѣть поближе древнѣйшія Сербскія грамоты: Кулина бана 1189 г., Немани 1199 г., древнѣйшую, но безъ обозначенія года, грамоту Поповской общины, и еще болѣе древній именникъ Дубровничанъ, наконецъ два подписа князя Мірослава 1186 и 1190 гг. Всѣ эти древніе памятники писаны почти въ одно и то же время, или по крайней мѣрѣ вскорѣ одинъ за другимъ, и появились на свѣтъ въ разныхъ Сербско-Хорватскихъ краяхъ: одинъ написанъ Радоемъ, дьякомъ Боснійскаго бана, другой—кѣмъ-то изъ Поповской общины (Попово находится въ Герцеговинѣ близь Любиня), третій—кѣмъ-то изъ дружины Сербскаго жупана Немани, можетъ быть на Аѳонской горѣ; да притомъ въ нихъ такъ много сродства и даже сходства относительно языка,—что и неудивительно—и относительно правописанія—что очень важно,—что мы бы его себѣ никакъ не могли объяснить, еслибъ стали придерживаться мнѣнія, что напр. грамота Кулина бана 1189 г. есть первый и самый древній памятникъ, писанный кириллицею и на Сербскомъ языкѣ. Здѣсь видна такая увѣренность и умѣнье писать по Сербски кириллицею; такая, кажется даже бо́льшая чѣмъ въ послѣдующія времена, эманципація изъ подъ вліянія церковно-славянскаго языка, что какъ-то не вѣрится, чтобы въ Боснѣ, Захлумьи, Діоклеціи и т. д. не писали кириллицею и на народномъ Сербскомъ языкѣ много ранѣе Кулина бана. Особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на одинаковой способъ писанія тѣхъ Сербскихъ звуковъ, которыхъ въ Болгарскомъ языкѣ нѣтъ, т. е. ћ и ђ.

Вмѣсто перваго изъ этихъ знаковъ во всѣхъ древнѣйшихъ Сербскихъ памятникахъ употребляется к: трьгѹюке, помокь, тисѹка въ грамотѣ Кулина бана,—опькине, кемо, мѣникевикь въ грамотѣ Поповской общины,—помокию, вракаю въ грамотѣ Немани; а вмѣсто втораго встрѣчается уже особенная буква ћ (ꙉ) и въ грамотѣ Кулина: граћамь (выговаривается грађам), и въ грамотѣ Немани: ћѹрьгево. Въ грамотѣ Поповской общины написано: дѹрьдевь (выговаривается: ђурђев); писавшій ее не былъ такъ свѣдущъ какъ, дьякъ Кулина, Радой!

Грамоты, писанныя кириллицею, важны для насъ не только потому, что составляютъ древнѣйшее свидѣтельство литературнаго употребленія Сербскаго языка, даже еще до св. Саввы, какъ мы видѣли; но и потому, что когда вся позднѣйшая Сербская литература и въ духѣ и въ языкѣ стала держаться строго-церковнаго направленія, даннаго ей св. Саввою,—то у Сербовъ сохранилось еще нѣсколько грамотъ XII—XV в., въ которыхъ обнаруживается болѣе свѣтскій образъ мыслей и свѣтскій т. е. простонародный языкъ. Но не всѣ грамоты одинаковы въ этомъ отношеніи.

Переписка Боснійскихъ бановъ съ Дубровницкой республикой, начиная съ Кулина въ XII в. и Матвѣя Степана Нинослава въ XIII, извѣстныхъ приверженцевъ богомильства, и до Твердка и его наслѣдниковъ въ Боснійскомъ королевствѣ въ XIV и XV в., велась правильнымъ языкомъ и точнымъ, народнымъ стилемъ; видно, что писецъ не находилъ нужнымъ придерживаться всяческихъ формулъ и длинныхъ библейскихъ фразъ, которыхъ придерживалась духовная канцелярія Сербскихъ государей; только уже когда Твердко провозгласилъ себя королемъ (въ 1376 г.), боснійскіе логофеты—дотолѣ были дьяки—повысили тонъ и стали придерживаться церковно-славянской фразеологіи. Съ Боснійскими грамотами сходны и нѣкоторыя древнія письма XIII в., полученныя Дубровникомъ отъ Хумскихъ князей и нѣкоторыхъ другихъ государей, какъ-то отъ Андрея князя Хумскаго (1240—1249), отъ Радослава Хумскаго (1254), отъ Черноміра (1253), отъ князя Юрія и т. д.; а равно сходны съ ними и позднѣйшія посланія XIV—XV в., въ которыхъ Боснійскіе, Герцеговинскіе, Приморскіе и Далматинскіе владѣтели, какъ-то кн. Воиславъ, Бальша и Бальшичь, Георгій Конавльскій, Хрвое Сплитскій, Ябланичи и Санковичи, Сандаль Граничь, Радославъ Павловичь, его сынъ Иванишъ и д. д. сообщали Дубровниц-

кой республикѣ о разныхъ торговыхъ и денежныхъ дѣлахъ. Эта Боснійская переписка не только отличается прекраснымъ народнымъ языкомъ, какого напрасно будемъ искать въ чисто Сербскихъ грамотахъ, но даже можетъ служить нѣкоторымъ вознагражденіемъ за все то, въ чемъ Боснія отстала въ древней литературѣ; ея бурное прошлое, колебанія между востокомъ и западомъ и перемѣны властей, и свѣтскихъ и церковныхъ, не давали ей возможности, вмѣстѣ съ тихою созерцательною монастырскою жизнью, приняться за такую литературную дѣятельность, какой посвящали себя Сербскіе монастыри.

Древнія грамоты Сербскія начинаются съ Немани и его династіи. Самая древняя грамота Немани, дана въ 1189 г. Хиландарскому монастырю. (¹) Изъ грамотъ XIII и XIV вв. дошло по нѣскольку отъ каждаго сербскаго государя, начиная со Стефана Первовѣнчаннаго и до царя Лазаря; нѣкоторыя изъ нихъ очень обширны и замѣчательны богатымъ содержаніемъ, какъ напр. хрисовулъ Стефана Уроша III, которымъ положено было основаніе Дечанскому монастырю въ 1330 г. (см. въ VII-мъ т. Изв. Имп. Ак. Наукъ), или хрисовулъ царя Душана около 1348 г., которымъ было положено основаніе монастырю архангеловъ Михаила и Гавріила въ Призренѣ (напечатана въ «Гласникѣ» кн. XV). И по паденіи Сербскаго государства послѣ Косовской катастрофы есть еще довольно грамотъ сербскихъ деспотовъ до самаго конца XV-го вѣка. Грамоты сербскихъ государей не столь важны и необходимы для исторіи сербской литературы и сербскаго языка, какъ боснійскія и остальныя западныя; но тѣмъ не менѣе онѣ важны для уразумѣнія церковной и государственной жизни самой Сербіи, что признаетъ за ними и историческая наука. Въ этихъ грамотахъ, которыми основываются и надѣляются нѣкоторые монастыри на Св. Горѣ и въ Сербіи, преобладаетъ церковный, богословскій способъ выраженія, съ

(¹) Уже извѣстно, что Неманя, еще до поѣздки на св. Гору, построилъ въ своемъ отечествѣ множество храмовъ и монастырей, и вѣроятно давалъ имъ хрисовулы, которые были древнѣе Хиландарской грамоты. Это подтверждается словами св. Саввы въ житіи св. Симеона, гдѣ онъ, говоря о Студеницкомъ монастырѣ, построенномъ и богато надѣленномъ Неманею, приводитъ въ доказательство «златопечатну повелю» Немани, а равно и надписью на стѣнѣ церкви.

обильною примѣсью текстовъ изъ св. писанія и нѣкоторыхъ твореній отцевъ церкви; языкъ ихъ вообще очень близокъ къ церковно-славянскому. Напротивъ того въ перепискѣ съ Дубровницкою республикою, за исключеніемъ библейскаго введенія, языкъ всюду носитъ на себѣ свѣтскій, т. е. народный отпечатокъ, какъ и предметъ, о которомъ идетъ рѣчь. Если сравнимъ два документа одного и того же царствованія, но посвященные различнымъ цѣлямъ, то увидимъ совершенно ясно, какова была въ Сербіи разница въ способѣ писанія между языкомъ, такъ сказать, государственнымъ или канцелярскимъ, который въ то же время былъ стилемъ и сербской церкви, и между языкомъ, употреблявшимся въ частныхъ дѣлахъ; подобное сравненіе нынѣ уже возможно, потому что мы имѣемъ богатое собраніе сербскихъ грамотъ въ изданіяхъ Миклошича и Пучича. Во второй части изданія Пучича «Споменици србски» есть нѣсколько коротенькихъ, но оригинальныхъ писемъ сербскаго короля Уроша II-го, Милютина II-го, Уроша III-го и царя Душана и т. д. къ дубровницкому князю и общинѣ,—писемъ, которыя касались совершенно частныхъ вопросовъ, главнѣйшимъ образомъ денегъ, и писаны не государственными логофетами, стало быть помимо государственныхъ канцелярій; поэтому и языкъ ихъ болѣе народный и правописаніе болѣе однообразное (безъ ы, ь часто выпускается или замѣняется народнымъ а), чѣмъ въ другихъ грамотахъ, изданныхъ тѣми же государями.

Этой естественной простотѣ въ стилѣ и въ правописаніи, которую мы находимъ въ Боснійскихъ и даже нѣкоторыхъ Сербскихъ грамотахъ, всего болѣе услугъ оказалъ Дубровникъ. Дубровничане, свободные отъ религіозныхъ и другихъ предразсудковъ, издавна умѣли разумно соединять свои собственныя выгоды съ чужою пользою: поэтому на всемъ славянскомъ востокѣ ихъ почитали за лучшихъ сосѣдей и повсюду встрѣчали ихъ съ большимъ радушіемъ. Дубровникъ цѣнился всѣми южными Славянами за его привѣтливое обхожденіе и дружескія отношенія: Сербскіе и Боснійскіе баны, князья и короли оспаривали другъ у друга, какъ особенный знакъ расположенія и отличія, право, по которому Дубровникъ записывалъ ихъ въ ряды своихъ властелей и, заключая съ Дубровничанами мирные и дружескіе договоры, они никогда не забывали испросить себѣ свободный входъ въ ихъ городъ, въ полной увѣренности, что если Дубровничане разъ дадутъ обѣ-

щавіе, то уже не скоро возьмутъ его назадъ. Въ Дубровникѣ сходился цвѣтъ Хорватской и Сербской народности; все благородное по происхожденію стремилось сюда, и только этимъ можно объяснить неисчерпаемыя духовныя силы и то множество даровитыхъ людей, которыхъ создавалъ одинъ этотъ городъ въ продолженіи многихъ вѣковъ. Дубровницкіе торговцы объѣзжали весь полуостровъ, а путники изъ всѣхъ концовъ Сербіи и Босніи приходили въ свою очередь въ Дубровникъ. Если же банамъ, князьямъ и королямъ встрѣчалась надобность заключить съ Дубровникомъ договоръ, то туда посылались уполномоченные и дьяки. Для этого вѣче содержало на государственный счетъ людей, свѣдущихъ въ Сербскомъ языкѣ и кириллицѣ, которые переписывали и переводили принесенные грамоты, заносили ихъ въ государственныя актовыя книги и именемъ вѣча составляли отвѣты. Этой разумной заботѣ Дубровницкаго вѣча мы обязаны сохраненіемъ большей части Сербскихъ грамотъ, какъ тѣхъ, которыя вѣче разсылало къ различнымъ лицамъ въ Босніи и Сербіи, такъ и тѣхъ, которыя оно само получало извнѣ; еслибъ оно не заботилось столько о сохраненіи въ Дубровницкихъ архивахъ оригиналовъ и вѣрныхъ списковъ всѣхъ этихъ древнихъ памятниковъ, то мы не имѣли бы нынѣ такого множества грамотъ писанныхъ кириллицею. Само собою разумѣется, что Дубровницкая канцелярія при беспрерывномъ полученіи сербскихъ грамотъ— которыя часто изготовлялись и въ Дубровникѣ, куда боснійскіе князья имѣли обыкновеніе привозить съ собою дьяковъ и логофетовъ для переговоровъ—и при изготовленіи необходимыхъ отвѣтовъ, достаточно занималась сербскимъ языкомъ и имѣла полную возможность усвоить себѣ надлежащій канцелярскій стиль; а такъ какъ здѣсь не было вліяній въ родѣ существовавшихъ въ сербской канцеляріи, то дубровницкія грамоты дѣйствительно писаны однообразнымъ, точнымъ и правильнымъ языкомъ.

Вслѣдствіе того, что настоящая Хорватская письменность въ Дубровникѣ появилась только предъ концемъ XV вѣка, мы могли бы повидимому принимать за образецъ старинной дубровницкой прозы—Дубровницкія грамоты XIII—XV вѣковъ; но если мы языкъ этихъ грамотъ сравнимъ съ языкомъ первыхъ дубровницкихъ поэтовъ, то замѣтимъ весьма значительное различіе; и это различіе объясняется только тѣмъ, что дубровницкіе грамоты были писаны не нарѣчіемъ самого Дуб-

ровника—которое было чакавскимъ и испещрено итальянизмами—но нарѣчіемъ тѣхъ общинъ, съ которыми Дубровникъ состоялъ въ непрерывной торговой связи и которымъ и были писаны эти грамоты. Такимъ образомъ дубровницкіе грамоты представляютъ намъ не образецъ народнаго языка, который въ XIV—XV вѣкѣ господствовалъ въ Дубровникѣ, но образецъ того языка, которымъ говорили Босна, Герцеговина и южныя части Далмаціи ниже Дубровника. При религіозномъ и политическомъ различіи, Дубровницкая республика тщательно отдѣляла народъ и языкъ «сербскій» отъ народа и языка дубровницкаго,—послѣдній обыкновенно назывался «словинскимъ», изрѣдка «хорватскимъ» языкомъ. Кромѣ того извѣстно, что и позднѣе добровницкіе поэты изучали чистоту и правильность Сербско-хорватскаго языка въ Боснѣ и Герцеговинѣ, гдѣ онъ сберегся лучше, нежели въ Дубровникѣ.

Когда Турки начали угнетать христіанъ Балканскаго полуострова, гнать и занимать ихъ края, то значительная часть народонаселенія Босны и Сербіи перебралась, какъ извѣстно изъ исторіи, въ Далмацію, Хорватское приморье и въ Угорское королевство до рѣки Сáвы. Отъ той поры осталось нѣсколько кирилловскихъ памятниковъ, писанныхъ даже въ нынѣшней Кроаціи, но разумѣется только отъ XV и XVI в., отъ такъ называемой *ускочской* поры, преимущественно изъ фамиліи Кеглевича. Онѣ писаны чистымъ простонароднымъ языкомъ и напечатаны въ числѣ глагольскихъ грамотъ въ собраніи Кукульевича (можетъ быть ихъ найдется и больше). Въ эту пору Сербскій языкъ былъ дипломатическимъ языкомъ турецкаго, угорскаго и румунскаго дворовъ, когда имъ приходилось переговариваться о чемъ-нибудь съ Дубровникомъ или между собою: доказательствомъ этого служатъ намъ ихъ письма, находящіяся въ собраніи сербскихъ грамотъ изданныхъ Миклошичемъ, какъ напр. письма Мурата II-го отъ 1430 и 1442 г. республикѣ Дубровницкой, письма Магомета II-го, Али бега, Гамза бега, Баязета II-го, Селима I-го, Солимана II-го; письмо Матіаса короля Угорскаго отъ 1465 г. къ фратру Александру Дубровчанину, письма Ивапа Запольи Мегмедъ бегу, письмо Александра, воеводы Молдавскаго, Дубровницкой республикѣ и т. д.! И извѣстный герой той поры, Георгъ Кастріютъ Свендербегъ переписывался съ Дубровницкомъ на Сербско-хорватскомъ языкѣ.

4. Неманя и св. Савва. Въ то самое время, когда, по словамъ древне-хорватскаго лѣтописца, Хорваты «изъ свободныхъ сдѣлались рабами»,—Сербскій народъ, благодаря энергіи великаго жупана Немани, пріобрѣлъ новую государственную силу, а сынъ Немани, св. Савва, на основаніи отцовской дѣятельности, упрочилъ религіозно-культурный и литературный прогрессъ Сербскаго народа. Усилія ихъ увѣнчались такимъ блестящимъ успѣхомъ, что еще и теперь весь Сербскій народъ съ гордостью вспоминаетъ свою прошлую славу, результатъ ихъ трудовъ. Уже въ древнія времена, какъ и теперь, сознавали, что великій Сербскій жупанъ Неманя укрѣпилъ и объединилъ разъединенное сербское государство и расширилъ его границы на востокъ и западъ. Двое его сыновей, первовѣнчанный краль Стефанъ и св. Савва, описывали жизнь своего славнаго родителя и оба высказываютъ ту мысль, что Неманя «обновилъ отчее наслѣдіе и укрѣпилъ его при помощи Божіей мудростью своею», и что наконецъ «отовсюду миръ и тишина» господствовали въ его державѣ, ибо дѣйствительно онъ былъ «дивенъ и страшенъ» всѣмъ своимъ сосѣдямъ. То, что сообщаютъ намъ библейскимъ стилемъ эти житія, подтверждаютъ и остальныя историческія свидѣтельства, т. е. что Неманя былъ сильнымъ и энергичнымъ государемъ, который стремился государство свое возвысить изъ ничтожества до славы, значенія и силы. Такое стремленіе его достойно тѣмъ большаго уваженія, что онъ желалъ переродить свое государство не только силою оружія, но и подъемомъ духовной жизни.

Въ нѣкоторыхъ краяхъ сербской территоріи, преимущественно на востокѣ, гдѣ Неманя управлялъ въ своей молодости, христіанство было шатко и извѣстно только по имени; еще не были изглажены всѣ слѣды стараго язычества, да кромѣ того и богомильская ересь считала много приверженцевъ. И здѣсь-то для ревности Немани открылось обширное поприще дѣятельности. И дѣйствительно, еще въ первые, молодые годы, когда онъ управлялъ только одною частью Сербской земли, онъ началъ стремиться къ утвержденію народа въ христіанской вѣрѣ: по обычаю того времени онъ началъ созидать церкви и монастыри и наполнять ихъ набожными монахами, которые должны были вести народъ по стезямъ христіанскихъ добродѣтелей и утверждать его въ догматахъ вѣры. Въ числѣ многихъ «задушбинъ» этого сербскаго святителя,

сербскія житія упоминаютъ: монастырь Пресвятой Богородицы въ Топлицѣ, на рѣкѣ Косальницѣ; монастырь св. Николая на рѣкѣ Баньской, близь Топлицы; позднѣе, послѣ удачной борьбы съ своими завистливыми братьями, онъ въ честь побѣды соорудилъ храмъ св. Георгія въ Расѣ, гдѣ уже прежде была соборная церковь св. Петра и Павла, въ которой Неманя былъ вторично крещенъ по греко-восточному обряду въ 1144 г.; но самымъ замѣчательнымъ сооруженіемъ его, совершимся прежде его отшествія на Аѳонъ, были церковь и монастырь на рѣкѣ Студеницѣ, — монастырь, въ которомъ Савва провелъ два первые года своего монашества. Всѣ эти церкви и монастыри, сооруженные Неманею, были богато украшены и одарены иконами, священными сосудами, *книгами*, ризами. Даже и внѣ границъ своего отечества, Неманя созидалъ церкви и посылалъ богатые дары въ такія прославленныя въ христіанскомъ мірѣ мѣста, какъ напр. Римъ, Царьградъ, Баръ, Скоплье, (Scopia) Солунь. Когда же, въ 1188 г., Неманя узналъ, что германскій императоръ Фридрихъ будетъ проходить съ крестоносцами на востокъ чрезъ его земли, то отправилъ въ Эрлау пословъ, чтобъ они привѣтствовали императора отъ его имени и предложили ему не только свободный проходъ чрезъ Сербію, но и почетный роздыхъ. Западные хронисты дѣйствительно упоминаютъ объ этомъ и восхваляютъ Неманю за торжественную встрѣчу и угощеніе императора и за богатые дары, которыми онъ надѣлилъ его и его дружину: за вино, медъ (medone) и стада ([1]).

Эти факты изъ дѣятельности Немани свидѣтельствуютъ о благородномъ стремленіи, сербскаго государя исторгнуть государство свое изъ тьмы невѣжества и познакомить его съ остальною христіанскою Европою.

Краснорѣчивый древне-сербскій писатель Доментіанъ, съ своей религіозной точки зрѣнія, прославляетъ заслуги Немани въ слѣдующихъ словахъ: «Тогда прѣльстьный мракъ идольскые льсти многобожиꙗ отъ насъ исчезе и молитвами прѣподобьнааго

(1) «... gratanter egrediebantur obviam peregrinis, et maxime imperatoris vdventum, prout decebat, cum ingenti pompa et apparatu magnifico salutantes, huno benignis stipant obsequiis. Singulis etiam principum boves, oves, ainum, frumentum et hordeum dividebant».

отьца нашего (т. е. Немани) по вьсемь отьчьствѣ кего заре бла-говѣрию кавише се и капишта раздроушише се и црькьви христо-вы поставише се и идоли ськроушише се и иконы светыихъ кавише се, бѣси провѣгоше и вьсечьстьный крьсть христовь вьсоу землю освети... епископи и свештеници, попове и дикакони, попечениемь прѣподовьнааго кавише се бескрьвьноую жрьтвоу вьзносеште христоу богоу и вьсь клиросъ свештеныихъ украси се и вь вельлѣпотоу одѣкаше се светые црькьви... и монастириее сташе по вьсемоу отьчьству преподобьнааго, моужиее и жены, малии и велиции, оубозии и богатии, вьси людиее отьчьства испльнише светые црькьви христовы»... ([1]).

Это Доментіановское прославленіе одной религіозной стороны въ дѣятельности Немани заслоняетъ всѣ правительственные подвиги и частныя или государственныя событія настолько, что о живни Немани, не смотря на обиліе ея описаній, извѣстно очень мало. И Савва и краль Стефанъ, писавшіе объ отцѣ своемъ, и позднѣе ихъ—Доментіанъ прославляли набожнаго мниха Симеона болѣе нежели славнаго государя Неманю. Кто считаетъ постриженіе Немани на старости лѣтъ важнѣйшимъ событіемъ въ его жизни и съ религіознымъ энтузіазмомъ разсказываетъ объ его аскетизмѣ, подобно древне-сербскому біографу, для того свѣтскія дѣянія этого государя не имѣютъ ровно никакого значенія; поэтому Савва и говоритъ откровенно въ житіи Симеона: **о владычьствѣ кего и дрьжавѣ неисписахомь по редоу, кже слышахомь и видѣхомь, оумноженика ради словесь!**

Хотя и извѣстно, что Савва своимъ примѣромъ увлекъ отца, который постригся въ монахи и подъ именемъ Симеона прожилъ сначала два года въ построенномъ имъ самимъ монастырѣ Студеницѣ, отъ 1195 до 1197 г., а потомъ переселился на Св. Гору (тамъ онъ сначала жилъ въ Ватопедскомъ монастырѣ, а потомъ Хиландарскомъ, † 1200); но все-таки было бы несправедливо предположить, что именно со временъ Саввы въ сербскихъ государяхъ начала пробуждаться удивительная наклонность къ монастырской строгости, излишнее и смиренное подчиненіе жизни религіознымъ формамъ. Эту наклонность обнаружилъ еще Неманя, что ясно доказы-

---

([1]) Ср. похвалу Кагану Володиміру. Прим. Пер.

вается вышеупомянутыми признаками его преданности церкви и церковнымъ учрежденіямъ. Въ этомъ отношеніи и Неманя и весь Сербскій народъ, принадлежавшій къ восточной церкви, находились подъ сильнымъ вліяніемъ византійскаго религіознаго направленія, которое уже издавна водворилось тамъ различными путями, стараясь прикрыть недостатокъ животворнаго убѣжденія внѣшностью и замаскировать внутреннее разложеніе наружнымъ блескомъ.

И сыновья Немани были, безъ сомнѣнія, воспитаны въ томъ же духѣ религіозной строгости, хотя намъ ничего положительнаго объ этомъ неизвѣстно. Доментіанъ говоритъ только: и роди сыны дъштери, и въспита ихъ въ въсакомъ благовѣрии и чистотѣ, и въсемоу страхоу божию и прѣвеликомоу съмѣрению давидьскы прѣмоудрости научи ю, а о молодомъ Растқѣ (Саввѣ), который былъ младшимъ сыномъ и любимцемъ родителей, онъ прибавляетъ еще: и полаты на прѣбывание юмоу сътворены быше:. родитела же юго великоу любовь имоуща на немь, често прихождааста къ неемоу, велика дива испльнающа се о немь... и прѣложиста и на божию волю, и светылимь книгамь наоучиста и. Всего болѣе убѣждаетъ насъ въ этомъ самая жизнь сыновей Немани. Стефанъ Первовѣнчанный краль написалъ, какъ извѣстно, житіе своего отца на славяно-сербскомъ языкѣ и, не смотря на занятія государственныя, находилъ настолько досуга, чтобъ составить по гречески тринадцать литургическихъ вопросовъ къ архіепископу болгарскому Димитрію; на младшаго же сына Растка (Савву) это религіозное направленіе повліяло еще сильнѣе, такъ что онъ, какъ извѣстно, противъ воли своихъ родителей презрѣлъ всѣмъ мірскимъ блескомъ и, отказавшись отъ назначенной ему части государства, ушелъ на Св. Гору. Это событіе совершилось на 17-мъ году его жизни, стало быть въ 1186 г., такъ какъ принято считать, что Растко родился въ 1169 году. Такъ какъ св. Савва не былъ обыкновеннымъ монахомъ, то и недостаточно было бы дивиться только его набожности и религіозному воодушевленію. Истинно религіозное настроеніе его нѣжной души не могло противостоять тихому блаженству монастырской жизни, которую Саввѣ расхваливалъ какой-то старецъ святогорецъ, родомъ Русинъ. Едва-ли преувеличенъ и разсказъ о его строгой жизни на Св. Горѣ, гдѣ онъ мучилъ тѣло свое различными истязаніями, въсегда соухъ хлѣбъ ıады, и того по малоу, и въ мѣроу водоу пию, и виноу жедаю, вина

и масла по малоу вькоушаѥ, какъ пишетъ Доментіанъ; но кромѣ этихъ свойствъ, которыми онъ вѣроятно не отличался отъ остальныхъ монаховъ, у него уже съ самаго начала проявлялись стремленія, ясно указывающія на то, что и въ уединенной монашеской кельѣ онъ не забывалъ о своемъ происхожденіи и зналъ, что сыну сербскаго государя, имѣющему обязанности не только относительно Бога, но и относительно своего народа, слѣдуетъ стараться такъ проявлять свою личную набожность, чтобъ она вмѣстѣ съ тѣмъ приносила пользу и отечеству: стремленія, которыхъ простой монахъ и не пойметъ и которыя подъ силу только людямъ возвышеннаго духа. Св. Савва, при всей набожности, съ которою онъ тратилъ большія деньги на постройку и украшенія храмовъ и монастырей Св. Горы, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ Сербомъ и заботился о благѣ и славѣ своего народа въ томъ направленіи, которое онъ избралъ себѣ въ началѣ жизни.

Нужны-ли на это доказательства? Ихъ достаточно въ его жизни, которая вся всецѣло была посвящена духовнымъ подвигамъ и благу Сербскаго народа. И на Св. Горѣ, гдѣ онъ богато надѣлилъ многіе монастыри золотомъ, которое ему присылали его родители, и построилъ много церквей и келій, — онъ вспомнилъ и о родинѣ (житія повѣствуютъ, что на эту мысль навелъ его какой-то старецъ; но это вѣроятно выдумка), и обратился къ игумену съ просьбою, чтобъ онъ ему «далъ какой нибудь пустырь, гдѣ онъ устроилъ бы келійку, въ которой путники изъ его отечества имѣли бы вѣрное пристанище.» Но игумену эта просьба не понравилась: игоумєноу нє годѣ выстъ то и нє створи волѥ ѥго, говоритъ Доментіанъ. Вотъ когда уже справедливое желаніе Серба встрѣчало отпоръ со стороны чужеземцевъ! Но Неманя и Савва не отказались отъ своего желанія и настаивали до тѣхъ поръ, пока греки наконецъ удовлетворили ихъ изъ боязни, чтобъ такіе благотворители не покинули Св. Гору. Обойдя всю Св. Гору, Неманя выбралъ для Сербской лавры Хиландарь, потому что эта мѣстность ему всего болѣе нравилась. Превративъ прежнюю пустыню въ садъ, онъ выстроилъ тутъ большой монастырь и подновилъ церковь, а потомъ послалъ своего сына въ Царьградъ къ императору Алексѣю съ просьбою, чтобъ онъ укрѣпилъ за нимъ эту мѣстность и чтобъ прибавилъ еще что-нибудь отъ себя. Императоръ дѣйствительно отдалъ ему монастырь Зигъ, а нѣкоторые другіе онъ купилъ у гре-

ковъ за деньги, такъ что теперь Хиландарь заключаетъ въ себѣ четырнадцать монастырей. Этотъ соединенный воедино обширный сербскій монастырь былъ отданъ подъ покровительство великаго жупана Стефана и его наслѣдниковъ (см. Доментіанъ, житіе св. Саввы, изд. Даничичемъ. стр. 168). Здѣсь старецъ Неманя прожилъ еще восемь мѣсяцевъ и умеръ въ 1200 г. Въ то время въ монастырѣ было еще очень мало монаховъ, на что въ одномъ мѣстѣ жалуется и самъ Савва, но вскорѣ, подъ управленіемъ Саввы, отъ неявленаго и малаго велелѣпьно възрасте, въ равьньство сь прочиими.

Благодаря щедрости старца Немани и сына его Саввы, Хиландарь сдѣлался не только самымъ богатымъ монастыремъ на Св. Горѣ, но и главою всѣхъ сербскихъ монастырей. Воспоминанія о Саввѣ и Симеонѣ, этихъ народныхъ просвѣтителяхъ, привлекли на Аѳонъ со всѣхъ концовъ Сербіи множество набожныхъ людей, желавшихъ послужить Богу на томъ же мѣстѣ, гдѣ ему служили Симеонъ и великій учитель св. Савва. Короли и цари сербскіе не забывали Св. Гору и сербскую Хиландарскую лавру. Въ самомъ Хиландарѣ жило постоянно по нѣскольку сотъ сербскихъ монаховъ, которые, кромѣ отправленія монастырскихъ обѣтовъ, занимались еще писаніемъ книгъ. Въ Хиландарскомъ монастырѣ всего болѣе было написано древне-сербскихъ книгъ: лучшіе и драгоцѣннѣйшіе древне-сербскіе литературные памятники были здѣсь составлены или переведены, написаны или списаны, и отсюда распространены по всей Европѣ. Что говорится Сербами о Герцеговинѣ—будто она населила весь свѣтъ, а сама не опустѣла—тоже можно бы было сказать и о сербскомъ Хиландарѣ: онъ наполнилъ всѣ европейскія библіотеки, а самъ не опустѣлъ. Одинъ изъ послѣднихъ путешественниковъ на Св. Гору, Дмитріевъ-Петковичь, нашелъ, post tot discrimina rerum, еще болѣе трехъ сотъ славянскихъ рукописей преимущественно сербской рецензіи, въ одномъ Хиландарѣ, въ главной библіотекѣ, и около полутораста рукописей въ одной маленькой кельѣ; если же прибавить къ этому и остальные Святогорскіе монастыри, то число сербскихъ памятниковъ, находящихся на Аѳонѣ, возрастетъ до нѣсколькихъ тысячъ!

Еслибъ св. Савва не сдѣлалъ ничего болѣе, кромѣ замѣчательнаго устройства этого монастыря, то и тогда память о немъ не умерла бы среди сербскаго народа, а тѣмъ болѣе,

когда извѣстно, что именно онъ былъ первый сербскій писатель въ этой замѣчательной мѣстности.

Вскорѣ послѣ смерти отца, Савва написалъ для Хиландарскаго монастыря замѣчательный и пространный уставъ, (типикъ) подъ заглавіемъ: исписаниѥ и оуказаниѥ житиꙗ соуштеѥ вь монастыри прѣсветиѥ богородице наставнице и прѣданное мною грѣшнимь и смѣренымь мнїхомь Савою вамь о Господѣ вьзлюблѥна чеда и братиє. Эту драгоцѣнную древность сербской литературы видѣлъ въ 1848 г. въ Хиландарѣ Авраамовичь, который говоритъ, что книга писана на пергаменѣ in 8°, что у нея недостатетъ перваго листа и всѣхъ листовъ между 36 и 38 главами; онъ полагаетъ, что она написана, по порученію Саввы, однимъ изъ его учениковъ. Къ счастію Авраамовичъ списалъ изъ этой книги по крайней мѣрѣ заглавія всѣхъ главъ, числомъ 43; и хотя мы не можемъ вполнѣ положиться на этотъ списокъ, такъ какъ и въ немъ есть нѣкоторыя очевидныя ошибки, но всетаки и изъ краткихъ отрывковъ Авраамовича довольно ясно видно, на сколько измѣненъ и испорченъ текстъ этого типика въ спискѣ, напечатанномъ въ XX-й книжкѣ «Гласника». Въ этомъ послѣднемъ спискѣ, къ сожалѣнію, выброшены всѣ особенности древне-сербскаго письма, какъ въ правописаніи, такъ и въ грамматическихъ формахъ; измѣнены цѣлыя фразы и болѣе древнія и лучшія мѣста замѣнены новѣйшими и худшими. Благодаря этому текстъ, напечатанный въ «Гласникѣ», не имѣетъ никакого филологическаго значенія относительно древности, и на Бѣлградскомъ «ученомъ обществѣ» лежитъ обязанность позаботиться о новомъ, болѣе вѣрномъ спискѣ этого сокровища хиландарской лавры и древне-сербской литературы. Такъ какъ Хиландарь, въ которомъ хранится всего болѣе славянскихъ и именно сербскихъ древностей, посѣщается очень многими путешественниками, то можно опасаться, что эти сокровища исчезнутъ или что монахи изъ страха и подозрѣнія запрячутъ ихъ въ такое мѣсто, гдѣ онѣ, пожалуй, окончательно погибнутъ. Удивительно, что одинъ изъ послѣднихъ по времени путешественниковъ по Св. Горѣ, Петковичь, ни единымъ словомъ не упоминаетъ о типикѣ!

Содержаніе Хиландарскаго типика довольно интересно. Въ началѣ разсказывается краткая исторія этого монастыря, упоминается и о смерти Немани, изъ чего становится яснымъ, что типикъ написанъ послѣ 1200 года; ко всѣму, что гово-

рится о томъ, какъ Неманя и Савва отъискали пустое мѣсто и заселили его, выстроили монастырь и украсили церковь, прибавлены еще имѣющія большое значеніе слова: приложихомь же книгы. За тѣмъ слѣдуютъ подробныя наставленія, какъ должны монахи проводить каждый часъ дня, что они должны дѣлать, чѣмъ жить, какъ и чѣмъ питаться; какъ они должны выбирать игумна, не нуждающагося въ царскомъ утвержденіи, и другихъ служащихъ, и т. д.

Въ 42-й главѣ Хиландарскаго типика упоминается уставецъ Карейскій, (или Ораховичскій) составленный св. Саввою въ 1199 г. для самого себя и для одного или двухъ монаховъ, которые по его смерти, пожелали бы служить Богу въ этомъ уединенномъ мѣстечкѣ, въ скромной кельѣ. Этотъ уставецъ написанъ на кусочкѣ пергамена и отлично сохранился, исключая первыхъ двухъ строкъ, которыя сильно стерты. Авраамовичъ говоритъ, что тотъ же самый текстъ со многими сокращеніями вырѣзанъ на камнѣ надъ дверью кельи. Этотъ типикъ въ первый разъ былъ весь напечатанъ въ 1840 г. во второй книжкѣ «Голубицы», по списку Л. Мушицкаго, но въ совершенно искаженномъ видѣ, по новой русской рецензіи. Если это и было простительно въ 1840 г., то непростительно нынѣ; однако же и г. Петковичъ сдѣлалъ ту же непростительную ошибку, списавъ типикъ съ искаженіями и правописанія и грамматическихъ формъ по новѣйшей русской рецензіи! Этотъ испорченный списокъ напечатанъ въ Записк. Ак. Наукъ т. VI, кн. 2. Въ «Книжевникѣ» за 1866 г. Даничичь достигъ того, что по какому то новѣйшему, но вѣрному списку возстановилъ первоначальную древность текста. Но всетаки еще остается желать, чтобъ съ этого памятника былъ еще разъ сдѣланъ болѣе вѣрный списокъ.

Уже въ этихъ трудахъ—если и воздержимся отъ оцѣнки литературнаго значенія — проявляется организаторскій умъ Саввы, который вскорѣ обнаружился въ еще болѣе важныхъ дѣлахъ. Послѣ того какъ Савва, по желанію всѣхъ Святогорскихъ монаховъ, написалъ въ Хиландарѣ къ годовщинѣ Неманиной смерти (стало быть въ 1201 г.) «каноны и стихиры и чудотворенія», провозглашенному святымъ, Симеону (нельзя предположить, чтобъ нынѣшняя служба св. Симеону была первымъ и оригинальнымъ трудомъ Саввы); послѣ того, какъ онъ былъ посвященъ въ іереи, а потомъ вскорѣ въ архимандриты,—онъ отправился около 1203 г. въ Сербію, по пригла-

шенію своего старшаго брата Стефана. Онъ взялъ съ собою и останки отца своего Немани и похоронилъ ихъ въ Студеницкомъ храмѣ, по желанію самого Немани.

На сколько причина путешествія Саввы была прискорбна для его родины, на столько же она была уважительна для него. Когда Неманя отрекся отъ престола (1195), великожупанская власть перешла въ руки его старшаго сына Стефана, которому отецъ торжественно передалъ бразды правленія въ присутствіи бояръ и народа; младшему же сыну Вукану (Вльканъ, какъ его называютъ туземныя лѣтописи), брату Стефана, досталась Діоклеція и верхняя Далмація съ титуломъ великаго князя (велии кнезъ). Но братья недолго жили согласно; съ помощью своихъ сторонниковъ (короля Угорскаго и папы) Вуканъ возсталъ противъ старшаго брата и былъ,—какъ пишетъ самъ Стефанъ въ житіи Немани—преступникъ заповѣди очинию: изведе бо иноплеменнике на отачьство свою и прогнавь брата изь земле, претвори ю оу поустошь... Обзоръ этого несчастнаго раздора между родными братьями не составляетъ нашей задачи; только въ доказательство того, что уже древніе сербскіе писатели (краль Стефанъ, Савва и Доментіанъ) ясно сознавали бѣдствія своего народа, которыя проистекли изъ этого раздора, мы приведемъ здѣсь слова Доментіана, касающіяся этого событія: вь сицевомь враждовании и гонении междоу братома вь велицѣй ноужди, ѣко вь тѣснотѣ нѣкоей земли одрьжимой бывши и многымь плѣновании емь и пролитиемь крьве запоустѣвьши и неорании емь гладемь до конца погыбаюшти, ѣко многымь по тоуждей земли разити се!

Среди такихъ бѣдствій, постигшихъ Сербію, Стефанъ вспомнилъ о своемъ братѣ, проживавшемъ на Св. Горѣ и попросилъ его вернуться на родину, чтобъ помирить братьевъ и изцѣлить язвы отечества. Съ этого времени начинается новый періодъ въ жизни и дѣятельности Саввы: это было время пребыванія его между братьями и управленія его Студеницкимъ монастыремъ. Хотя Савва и былъ только архимандритомъ въ Студеницѣ, но благотворное вліяніе его ревностной дѣятельности распространялось далеко за предѣлы монастыря. Онъ всѣми силами поддерживалъ брата въ различныхъ государственныхъ дѣлахъ, выполняя важныя политическія порученія и роль посредника не только между братьями, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ, гдѣ требовалось представитель-

ство Сербіи; особенно же онъ стремился къ тому, чтобъ сдѣлаться духовнымъ учителемъ и просвѣтителемъ Сербскаго народа, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Странствуя между народомъ, онъ поучалъ его въ идеяхъ христіанства, строилъ церкви и монастыри, большіе и малые. каменные и деревянные, и вьсакый образь светые горы прѣнесе вь свои отьчьство. Савва уже издавна имѣлъ намѣреніе устроить самостоятельную народную сербскую церковь и іерархію. Для этого онъ, съ помощью брата Стефана, началъ строить будущую резиденцію для сербскаго архіепископа, блестящій Жичскій монастырь. Онъ выписалъ изъ Греціи множество искусныхъ архитекторовъ и самъ приказывалъ имъ, какъ что устроить и украсить. Когда же онъ замѣтилъ, что его дѣятельность на родинѣ принесла достаточно пользы, то помимо воли брата своего оставилъ Сербію и вернулся на Св. Гору, конечно не для того, чтобъ жить покойно въ монастырской тишинѣ и не думать о родинѣ, а для того чтобъ довести до конца великое дѣло духовнаго возрожденія Сербскаго народа. Оттуда онъ вскорѣ отправился въ Никею къ своему свату, греческому императору Ѳеодору Ласкарису съ просьбою, чтобъ онъ далъ Сербіи духовнаго главу, архіепископа, и чтобъ этотъ послѣдній былъ посвященъ въ этотъ санъ патріархомъ Константинопольскимъ, по приказанію императора. Ѳеодоръ нашелъ Савву самымъ достойнымъ такого высокаго сана и приказалъ патріарху Герману (¹) посвятить его въ архіепископы Сербскіе, что и совершилось въ 1221 г. Но чтобъ еще болѣе упрочить самостоятельность Сербіи, Савва испросилъ у Греческаго патріарха позволеніе, чтобъ сербскіе архіепископы впредь не должны были для посвященія являться въ Царьградъ, а чтобъ вновь избранный архіепископъ былъ посвящаемъ въ собраніи всѣхъ сербскихъ епископовъ. Такимъ образомъ Сербія, по словамъ Доментіана, сдѣлалась и въ церковномъ отношеніи самопосвящающею; какъ она была до того самодержавною въ политическомъ отношеніи.

(¹) Филаретъ въ своемъ трудѣ: «Святые южныхъ славянъ» I, стр. 17. прим. 23-е обращаетъ наше вниманіе на хронологическія противорѣчія, а именно, что импер. Ѳеодоръ умеръ въ 1221 г., а Германъ сдѣлался патріархомъ только въ 1226 г.

Будучи еще архимандритомъ и Студеницкимъ игумномъ, (еще до 1215 г.), Савва позаботился объ уставѣ для этого монастыря и написалъ для него особенный типикъ, сходный отчасти съ типикомъ Хиландарскаго монастыря, о которомъ мы уже говорили выше. Этотъ типикъ или образьникь светааго Савы срьбьскаго сохранился не въ оригиналѣ, а въ спискѣ XVII в., который вѣроятно сдѣланъ съ самаго оригинала; рукописный сборникъ, въ которомъ помѣщенъ этотъ списокъ, находился нѣкогда въ рукахъ Шафарика и былъ имъ описанъ въ «Jahrbücher der Literatur, 1831 г. Bd. 53. Anz. Bl. 26 № 71. (ср. Gesch. der Südsl. Liter., III. стр. 203. № 108.), но теперь о немъ ничего уже неизвѣстно. Не находится-ли онъ въ Карловцахъ? Онъ вѣроятно не погибъ и слѣдовало бы позаботиться объ изданіи такого драгоцѣннаго памятника. До сихъ поръ напечатанъ только маленькій отрывокъ въ книгѣ Шафарика: Serbische Lesekörner. Въ томъ же самомъ рукописномъ сборникѣ находится и оттуда перепечатано Шафарикомъ (въ его «Památky dřevního písemn. Jihoslovanův) житіе св. Симеона, написанное Саввою также въ Студеницѣ во время его игуменства, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «слово ·а· о наслѣдовании светаго монастира сего (т. е. Студеницы) прѣподобнымь отьцемь нашимь и ҳтиторомь, господиномь Сvмеономь и о житіи его. И такъ мы имѣемъ два доказательства литературной дѣятельности игумна Саввы въ Студеницѣ: житіе Немани, для котораго онъ составилъ службу еще на Св. Горѣ, и типикъ для Студеницкаго монастыря. Нынѣ еще неизвѣстно, писалъ-ли онъ, будучи игумномъ, еще что нибудь кромѣ этихъ оригинальныхъ трудовъ; извѣстно только, что возвращаясь, уже въ качествѣ сербскаго архіепископа, на родину чрезъ Аѳонъ и Солунь, онъ заѣхалъ къ своему давнишнему другу, Солунскому митрополиту, Костадію, чтобъ посовѣтоваться съ нимъ о нѣкоторыхъ церковныхъ вопросахъ, и пробывъ нѣкоторое время въ монастырѣ Филокалѣ, «книгы многы прѣписа законьные о исправлении вѣрѣ, ихьже трѣбоваше сьборьнаꙗ емоу црькьви». Какія это были книги—намъ неизвѣстно; но можно предположить, что между ними разумѣется и номоканонъ для вновь устроенной сербской церкви. Такъ какъ по его торжественномъ возвращеніи на родину уже въ санѣ архіепископа первою заботою его было устройство іерархіи, то онъ и избралъ изъ своихъ учениковъ извѣстное число надежныхъ людей, посвятилъ ихъ въ еписко-

пы, и расписавь страны отьчьства своіего и посьла когождо ихь вь енорию свою по достоıанію, ıакоже кого знаıаше, наоучивь ихь богоподобьнѣ и прѣдавь имь комоуждо книгы законьные. Здѣсь Савва снова является предъ нами организаторомъ сербской церкви и основателемъ сербской литературы.

Въ санѣ архіепископа,—для резиденціи котораго онъ избралъ богатый и въ то время уже оконченный Жичскій монастырь ([1])—Савва всетаки продолжалъ служить и Богу и родинѣ. Чтобъ утвердить народъ сербскій въ христіанствѣ, онъ тотчасъ созвалъ церковный соборъ «изъ великихъ игумновъ и честныхъ монаховъ, изъ поповъ и діаконовъ и всего народа» и самъ, въ блестящемъ архіерейскомъ облаченіи проповѣдывалъ собравшемуся народу евангеліе и истолковывалъ истины христіанскаго ученія, своихъ же избранныхъ учениковъ онъ разослалъ въ санѣ протоіереевъ во всѣ края Сербіи, чтобъ они «пополняли недостатки», чтобъ собирали въ церкви всѣхъ женатыхъ безъ церковнаго благословенія, вѣнчали ихъ и благословляли старыхъ и молодыхъ, мужей и женъ, и дѣтей рожденныхъ отъ незаконнаго брака. Заботясь съ одной стороны объ утвержденіи въ народѣ вѣры и нравственности, онъ въ то же время заботился и о государственной самостоятельности. Въ этомъ отношеніи онъ болѣе разсчитывалъ на Римъ, чѣмъ на Царьградъ. Для этого онъ вошелъ въ сношенія съ папою, съ которымъ и братъ его Стефанъ жилъ въ дружбѣ послѣ примиренія съ Вуканомъ. Нѣтъ причины не вѣрить Доментіану, который повѣствуетъ, что Савва отправилъ въ Римъ своего епископа Меѳодія, написавъ письмо къ папѣ, въ которомъ онъ его проси ıако да посьлıеть ıемоу благословениıе отъ светыю апостолоу и отъ того самого благословеный вѣньць, ıако да вѣньчаıеть брата своıего на кралıевьство по прьвомоу отьчьствоу кралıевства ихь, вь немьже и отьць ихь роди се по божьствьномоу сьмотрению вь мѣстѣ рекомѣмь Діоклетии, ıеже зоветь се велико кралıевьство отъ прька. Изъ этого видно, что Савва, испрашивая у папы королевскую

([1]) Въ этомъ монастырѣ имѣется замѣчательная надпись, которою король Стефанъ и сынъ его Радославъ даровали Жичѣ большія привиллегіи, имущества и всякія сокровища, между которыми находились также *св. евангелія* и *много книгъ*. Эта надпись напечатана Шафарикомъ и Миклошичемъ. Ср. также Гласникъ, XI, стр. 158.

корону для своего брата, ссылался на то, что еще прежніе папы признали за сербскими владѣтелями, а именно въ XI вѣкѣ папа Григорій VII призналъ за Діоклейскимъ владѣтелемъ Михаиломъ, а потомъ папа Иннокентій—за Вуканомъ, котораго онъ, въ 1199 г., назвалъ въ письмѣ «regi Dalmatiae et Diocliae». И дѣйствительно, по причинамъ весьма уважительнымъ, папа выполнилъ желаніе Саввы и въ 1222 г. Стефанъ торжественно возложилъ на себя въ Жичѣ королевскую корону, почему и получилъ прозвище: первовѣнчанный краль.

И такъ задушевное желаніе Саввы исполнилось: онъ видѣлъ, какъ государственная самостоятельность его отечества была утверждена королевскою короною и какъ устроилась независимая іерархія сербской церкви, которая жила въ мирѣ и согласіи и съ Римомъ и съ Царьградомъ; онъ дожилъ до великой радости—видѣть еще при жизни прекрасные плоды своей неутомимой дѣятельности. Уже на смертномъ одрѣ онъ постригъ въ монахи брата своего Стефана и далъ ему имя Симеонъ; тѣло его было похоронено сначала въ Студеницѣ, а впослѣдствіи было перенесено въ Жичу. По смерти Стефана онъ короновалъ въ сербскіе короли сына его Радослава, въ 1228 г., и вскорѣ потомъ онъ изъ Далмаціи отправился на востокъ для посѣщенія святыхъ мѣстъ. Во время этого путешествія его всюду встрѣчали съ большимъ почетомъ и торжествомъ; на родину онъ вернулся чрезъ Св. Гору, которую и въ этотъ разъ обошелъ всю. Такимъ образомъ уже въ третій разъ онъ возвращался въ свою Сербію и снова посѣтилъ Студеницу и Жичу, къ которымъ его привязывали воспоминанія объ отцѣ и братѣ; онъ снова прошелъ многіе края своего отечества и всюду за нимъ слѣдовало огромное стеченіе народа, желавшаго усладиться благотворными поученіями своего великаго учителя. Онъ и подъ старость былъ такимъ же учителемъ народа, отцомъ бѣдныхъ, защитникомъ притѣсненныхъ, покровителемъ всего благаго и врагомъ всего дурнаго; онъ часто собиралъ вокругъ себя епископовъ и монаховъ бесѣдовалъ съ ними о христіанской вѣрѣ, и поучалъ всему доброму. Все что, путешествуя по востоку, онъ нашелъ хорошаго въ церковномъ устройствѣ,—онъ желалъ примѣнить и къ своему отечеству. Доментіанъ говоритъ объ этомъ такъ: вьселеньское прьвѣіе приємь законоположениє, и выше пакы достигь иєрсалимьскаго исправлениꙗ, и окоє добрѣ

сьложивь и оть обою лучьшеѥ прѣбираѥ утврьждааше исправлıаѥ црьковьноѥ утврьждениѥ и законьноѥ исправлѥниѥ.

Савва пережилъ новый государственный переворотъ, когда властели взбунтовались противъ короля Радослава, принужденнаго бѣжать въ Драчь; королевскій же престолъ занялъ младшій братъ его Владиславъ. Савва послѣдовалъ за Радославомъ, чтобъ его утѣшить, и наконецъ уговорилъ его постричься въ монахи и принять имя Іоанна; послѣ этого, въ 1234 г., онъ самъ короновалъ уже третьяго короля въ лицѣ Владислава. Наконецъ и онъ началъ тяготиться архіепископствомъ и вознамѣрился передать его въ болѣе молодыя и сильныя руки. Найдя въ лицѣ іеромонаха Арсенія человѣка достойнаго такого высокаго сана, онъ созвалъ въ Жичу церковный соборъ и посвятилъ Арсенія въ архіепископы, а самъ снова сѣлъ на корабль и отправился опять на востокъ ко святымъ мѣстамъ. Въ этотъ разъ онъ побывалъ на всемъ христіанскомъ востокѣ и въ Іерусалимѣ, и во всей Палестинѣ, обозрѣлъ и Іерихонскій край и Іорданскія пустыни; побывалъ и въ Александріи, въ Мареотійской и Ливійской пустыняхъ, и въ Өиваидѣ, и на Синаѣ и даже въ Вавилонѣ. Не только христіане, но и магометане—правители принимали Савву съ большою торжественностью: такъ вавилонскій правитель приказалъ для него приготовить отдѣльный дворецъ, куда все необходимое доставлялось съ султанскаго двора! Возвращаясь назадъ чрезъ Сирійское море, старецъ—Савва, утомленный уже долгимъ путешествіемъ, заболѣлъ еще морскою болѣзнью и съ трудомъ добрался до Царьграда. Пробывъ здѣсь нѣкоторое время и переговоривъ съ императорскими художниками вѣроятно о какой-нибудь новой работѣ, предназначавшейся для его милой родины, онъ заѣхалъ въ болгарскій престольный городъ Терновъ, къ болгарскому царю Іоанну Асеню. Здѣсь болѣзнь его усилилась и онъ, отправивъ въ Сербію всѣ церковныя вещи, привезенныя имъ съ востока, и поручивъ передать свой привѣтъ и благословеніе всѣмъ роднымъ, паствѣ своей и всей родинѣ, простился съ своими учениками и скончался, 14 января 1237 г.

Тѣло Саввы было торжественно погребено въ храмѣ св. 40 мучениковъ, въ Терновѣ. Но нѣсколько лѣтъ спустя, король Владиславъ явился въ Терновъ съ блестящею свитою, чтобъ испросить у своего тестя позволеніе перенести мощи Саввы въ Сербію. Сначала царь не соглашался на это, по-

тому, что ему было жаль разстаться съ такою святынею, но потомъ, по словамъ Доментіана, какое-то ужасное ночное видѣніе принудило его согласиться на просьбу Владислава. Этотъ послѣдній торжественно перенесъ тѣло Саввы въ Сербію и похоронилъ его въ монастырѣ Милешевѣ, гдѣ оно сначала покоилось въ могилѣ, а потомъ въ церкви, пока въ 1595 году суровый Синанъ Паша не поднялъ его съ мѣста и не сжегъ его на Врачарѣ противъ Бѣлграда. И греческая и римская церкви почитаютъ Савву святымъ и празднуютъ его память 14-го января.

Безъ этой краткой біографіи св. Саввы, нельзя уяснить себѣ его великаго значенія въ исторіи сербской культуры и литературы. Вся дѣятельность Саввы направлена была къ одной главной цѣли—прославить Бога и свой народъ—и эта цѣль какъ въ зеркалѣ отражалась во всей его жизни. Еслибъ кто вздумалъ упрекнуть его, что стремленія его были направлены почти въ одну, религіозную сторону, то это не его вина—если это только вина—виноваты въ этомъ обстоятельства и время, въ которое онъ жилъ и когда именно вся умственная жизнь народа въ византійской имперіи приняла религіозное направленіе. Можно даже сказать, что Савва во многихъ отношеніяхъ опередилъ узкія идеи своего времени; поэтому многіе историки и нынѣ еще не понимаютъ его. Это въ особенности касается его отношеній къ западу и къ папѣ, въ которыхъ Савва былъ болѣе свободенъ отъ предразсудковъ, чѣмъ многіе нынѣшніе православные историки, которые или уклоняются отъ всего, относящагося къ этому вопросу, и отрицаютъ то, что подтверждается туземными источниками, или же всѣми силами стараются представить Савву тяжелымъ фанатикомъ.

4. Общій характеръ древне-сербской литературы. Въ очеркѣ жизни Саввы мы упомянули и объ его литературныхъ трудахъ. Благодаря ихъ важному значенію, мы должны снова возвратиться къ нимъ. Какъ Савва положилъ прочное основаніе церковному устройству Сербіи, на которомъ продолжали строить послѣдующіе сербскіе владѣтели,—точно также онъ обозначилъ направленіе литературы, которому слѣдовали всѣ послѣдующіе древне-сербскіе писатели. Въ древне-сербской литературѣ Савва стоитъ во главѣ цѣлой школы, существовавшей до паденія государственной са-

мостоятельности Сербіи и пережившей эту катастрофу до конца XV вѣка. Подстрекаемый его примѣромъ, братъ его Стефанъ, краль первовѣнчанный, написалъ житіе отца своего Немани) съ него, какъ съ учителя, брали примѣръ и многочисленные ученики его, которыхъ онъ собиралъ вокругъ себя еще на Св. Горѣ и возбуждалъ къ ревностной дѣятельности, а лучшимъ изъ нихъ довѣрилъ впослѣдствіи управленіе сербскими епископіями. И такъ своимъ вліяніемъ и примѣромъ онъ воспиталъ цѣлую школу сербскихъ писателей, между которыми находились и государи (Стефанъ, Краль первовѣнчанный; Стефанъ Высокій, деспотъ Лазаревичъ), и высокіе церковные сановники (архіепископы Никодимъ, Даніилъ) и множество скромныхъ монаховъ. Что въ ихъ литературной дѣятельности менѣе оригинальности, чѣмъ механическаго трудолюбія, въ томъ виноватъ уже не основатель школы, съ которымъ никто изъ нихъ не могъ даже и сравняться, а виновата въ этомъ духовная опека византійской образованности, отъ которой всѣ древне-сербскіе писатели, какъ ея духовные дѣти, наслѣдовали и хорошія и дурныя качества.

Сербскіе писатели духовнаго сана заимствовали языкъ отъ болгарской церкви, въ которой до того времени сербскій народъ почерпалъ свое духовное образованіе. Что ещё до временъ Саввы писали на сербскомъ языкѣ—мы старались доказать это уже выше, но направленіе Саввы было и въ этомъ отношеніи иное. Его трудами узаконилось въ сербской церкви употребленіе такъ называемаго Сербско-славянскаго языка, т. е. нарѣчія болгарской церкви, приспособленнаго къ фонетическимъ законамъ сербскаго языка, къ которымъ, отчасти по забывчивости, а отчасти и по незнанію, примѣшивались болѣе или менѣе народныя слова и формы. Выше уже было упомянуто о томъ, что Сербы и теперь еще находятся въ затруднительномъ положеніи и не въ состояніи достичь до оригинальнаго языка св. Саввы, потому что всѣ его доселѣ изданные труды или обезображены относительно языка или напечатаны по позднѣйшимъ спискамъ. Въ филологическомъ отношеніи даже нельзя положиться на изданіе житія св. Симеона, написаннаго королемъ Стефаномъ, хотя Шафарикъ напечаталъ его по рукописи XIII—XIV в., находившейся нѣкогда въ Хиландарѣ, а нынѣ хранящейся въ Парижѣ. Такимъ образомъ до сихъ поръ еще литератур-

ніе труды этихъ двоихъ древнѣйшихъ сербскихъ писателей не изданы съ желанною точностью.

Чтобъ быть въ состояніи писать на церковно-славянскомъ нарѣчіи, природный Сербъ нуждался въ знаніяхъ, которыя большею частью пріобрѣтались усерднымъ чтеніемъ церковно-славянскихъ книгъ, а не практическимъ изученіемъ церковно-славянскаго языка. Въ монастыряхъ, въ особенности на Св. Горѣ, было достаточно случаевъ упражняться въ подобныхъ занятіяхъ. Но не всякому легко было даже переписывать болгарскія рукописи по сербски. Въ рукописи XIV вѣка (1374 г.), въ древне-сербской тріоди, находящейся теперь въ Россіи, переписчикъ Сербъ жалуется на это: сій тріодь... исписа се оу светой синаи роукою рабь божиихь иеромонахь иакова и грѣшни ианикиее светомоу архистратигоу црькве срьбскыее оу иеросолимѣ; извода светогорского правога, все на редү, и сь типикомь и сь оүтаикомь, ништа да не липса; извода новога нь истинь боугарского езыка, терь богь вѣсть, веама ни ее било усильно прѣставлѣти га на срьбскы езыкь... и како смо вь изводѣ находили, тако смо писали: ни одлагали, ни прилагали. (Уч. записки. II. 102). Подобное переписываніе особенно характеризуется выпискою изъ рукописи XVI в., находящейся въ Хиландарѣ, въ которой говорится: «Вь лѣто 7093 (1585) прѣписахь сію книгѹ Іѡсипа прѣмѹдраго... оть рускаго извода, понеже не обрѣташе се сиа книга Іѡсипа нашимь срьбьскымь езыкомь ни вь Светѣй Горѣ вь срьбьскыхь монастырѣхь, ни вь срьбьсцѣй земли; понеже много искахь и испитовахь; невѣмь аште гдѣ ессть вь бльгарьскыхь земляхь, но не оузнахь, понеже и тамо питахь; нь принесена бысть оть рускые земли. Велми тежько бысть нашемѹ срьбскомѹ езыкѹ на чтеніе, яко многымь не знати, ньто льтѹтк рускыхь рѣчей не разѹмѣюште. Азь же монастырскымь посланіемь и вторицею быхь вь роускыхь земляхь... и тако привикоүхь..... елико ми разѹмѣти многые роускые рѣчи вь сіе книзѣ — и прѣписахь срьбьскыми рѣчьмы вь пиргѹ светого Савы вь Кареахь». (Ср. Петковичъ, Обзоръ Аѳон. древн., стр. 57). Затрудненія, о которыхъ здѣсь съ такою искренностью разсказываетъ переписчикъ, конечно встрѣчались и многимъ прежнимъ переписчикамъ, со временъ Саввы. Съ теченіемъ времени этотъ церковный языкъ вошелъ въ обычное употребленіе въ сербской литературѣ и на немъ обычно писали даже и то, что не находилось въ тѣсной связи съ церковью, т. е. житія, лѣтописи и законы;

даже языкъ древнѣйшихъ памятниковъ гораздо свободнѣе, гибче и народнѣе, чѣмъ языкъ болѣе позднихъ произведеній. Все лексикальное богатство языка, находящееся въ напечатныхъ древнихъ литературныхъ памятникахъ сербскихъ, собрано въ прекрасномъ трудѣ Даничича: «Рјечник из књижевних старина српских», три части, Бѣлградъ 1862—1864. Этотъ словарь Даничича принесъ огромную пользу сербской научной литературѣ: онъ положилъ твердое основаніе историческому изслѣдованію сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею.

Такъ какъ требовалось немало знанія и навыка для того, чтобъ въ древне-сербскую литературу ввести однообразный церковный языкъ, приспособленный къ фонетическимъ потребностямъ сербскаго языка, то еще въ XIII вѣкѣ встрѣчается достаточно памятниковъ полу-болгарскихъ и полу-сербскихъ, въ которыхъ кое-гдѣ сохранилось ѧ вм. ѥ или ѫ вм. оу, или ꙑ вм. ь. Для примѣра можемъ привести евангеліе, списанное старцемъ Симеономъ господинꙋ своемꙋ великомꙋ жꙋпанꙋ Влькꙋ ꙋ Пеки, ꙋ Градѣ Расѣ (около 1200 г.). По описанію этой рукописи, сдѣланному Срезневскимъ (Записки имп. ак. н. т. IX. кн 1. стр. 29) буква ѫ встрѣчается въ ней пять разъ, ѧ—пять разъ, ѧ и ꙗ—очень часто, и обыкновенно тамъ, гдѣ-бы должно было быть ѫ и ѭ; ꙑ же вм. ь встрѣчается очень рѣдко. Это служитъ яснымъ признакомъ того, что старецъ Симеонъ переписалъ свой текстъ съ болгарскаго оригинала и именно съ такой рукописи, въ которой уже, по обычаю средне-болгарскихъ памятниковъ, звукъ ѧ смѣшивается съ ѫ. Въ послѣдствіи (въ XIV—XV вѣкахъ), когда сербская литература окрѣпла, а болгарская начала падать, случалось наоборотъ: вліяніе сербскаго языка и правописанія оказалось на нѣкоторыхъ болгарскихъ памятникахъ.

Такъ какъ древне-сербская литература заключаетъ въ себѣ большею частью несамостоятельныя произведенія, то не можетъ быть и рѣчи о манерѣ писанія. Во всемъ списанномъ измѣнены только нѣкоторыя слова или формы, но слогъ и синтаксическое сочетаніе осталось неизмѣненными. Въ переводахъ, которые тщательно дѣлались съ греческаго языка, господствовала та же рабская зависимость, которая уже издавна укоренилась въ славяно-болгарской литературѣ Переводы точно придерживаются словъ греческихъ оригя-

наловъ, почему сербскій текстъ иногда становится не совсѣмъ памятнымъ. Нѣтъ и слѣда свободныхъ оборотовъ языка или какихъ-либо законовъ, которыхъ придерживался переводчикъ. При такихъ недостаткахъ, въ которыхъ справедливо обвиняется большинство древне-сербскихъ переводовъ, нисколько неудивительно, что и небольшое количество оригинальныхъ произведеній, имѣющееся въ древне-сербской литературѣ, не могло избѣгнуть тѣхъ же промаховъ. Собственно говоря, въ древне-сербской литературѣ даже нѣтъ оригинальныхъ произведеній, потому что не было никакихъ оригинальныхъ идей. Вся оригинальность мышленія, проявлявшаяся вѣроятно у молодаго сербскаго народа, была уже въ самомъ началѣ заглушена дряхлымъ направленіемъ византійской жизни. Все высказанное самостоятельно—большею частью объ историческихъ вопросахъ—такъ спутано съ излишнею библейскою фразеологіею, что трудно найдти сряду нѣсколько строкъ, въ которыхъ бы просто и опредѣленно излагался самый вопросъ, и которыя бы не представляли безконечныхъ періодовъ, состоящихъ изъ разныхъ библейскихъ и богословскихъ цитатъ. Поэтому и трудно чрезъ эту пучину общихъ фразъ добраться до какой-нибудь осмысленной фразы, имѣющей историческое значеніе. Объ очерченности отдѣльныхъ характеровъ, объ обрисовкѣ ситуацій, объ изслѣдованіи мотивовъ и причинъ—не можетъ быть и рѣчи. Нигдѣ не видно, чтобы писавшій обсуждалъ значеніе извѣстнаго факта или извѣстнаго историческаго лица; нигдѣ событія не сопровождаются размышленіями о положеніи народа. Все доброе приписывалось волѣ Божьей, проявлявшейся въ извѣстномъ лицѣ или событіи; а если же случалось что-либо худое то это было дѣломъ дьявола. Поэтому отдѣльные факты разсказываются не ради ихъ самихъ, но только какъ доказательства милосердія Божія, надѣляющаго міръ всѣми благами, или какъ доказательство адской злобы, съ которою дьяволъ обманываетъ людей. Въ доказательство этого приводятся только тѣ факты, которые кажутся пишущему довольно пригодными и довольно важными, при чемъ не обращается вниманія ни на хронологію событій, ни на ихъ дѣйствительную связь; важность ихъ измѣряется тѣмъ, на сколько данное лице предано церкви и ея внѣшнимъ формамъ въ особенности монастырской жизни.

Отсюда видно, на сколько писатели того времени отстали отъ жизни своего народа; они не знали его жизни, не уловили его характера, смотрѣли со страхомъ на каждое соприкосновеніе со свѣтомъ и единственною цѣлью своего существованія считали молитву въ монастырскомъ уединеніи. Таковы были древне-сербскіе писатели, и нисколько неудивительно, что на ихъ произведеніяхъ болѣе или менѣе отражаются однообразный характеръ монашеской жизни и одностороннія понятія о мірскихъ дѣлахъ! Въ историческомъ трудѣ св. Саввы, т. е. въ житіи Немани, и въ такомъ же произведеніи короля Стефана, наконецъ въ сочиненіяхъ краснорѣчиваго Доментіана—есть еще довольно историческаго смысла, довольно матеріала для исторіи, хронологіи и т. д.; и это конечно самые лучшіе плоды древне-сербской литературы. Послѣдующіе писатели утратили и эту малую долю здраваго взгляда на жизнь и міръ и уже вполнѣ углубились въ богословскія размышленія. Въ трудахъ св. Саввы и короля Стефана для аргументацій, украшеній и уподобленій приведены многія мѣста изъ св. Писанія, въ особенности же слова Давида, Соломона или апостола Павла; но стиль Саввы менѣе широковѣщателенъ, чѣмъ стиль брата его, короля Стефана, полный длинныхъ отступленій, испещренныхъ риторическими фигурами вопросовъ и восклицаній. Но и его далеко превзошелъ Доментіанъ, обладающій столь необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, что его по всей справедливости сербскіе писатели называютъ сербскимъ Златоустомъ. Стиль его имѣетъ тѣмъ большую цѣну, что въ немъ видна нѣкоторая ловкость въ выборѣ риторическихъ прикрасъ и что онъ умѣлъ избѣжать и чрезмѣрной напыщенности и хвастовства, которое становится совершенно несноснымъ въ обширномъ трудѣ архіепископа Даніила. Но и за Даніиломъ и за всѣми древне-сербскими писателями, оставившими оригинальныя произведенія, мы должны признать по крайней мѣрѣ одно: ихъ неутомимое усердіе въ чтеніи церковной византійской литературы. О нихъ навѣрное можно сказать, что они изучали богатую византійскую богословскую литературу съ такимъ же терпѣніемъ, какъ и сами византійцы, и знали ее нисколько не хуже ихъ. Болѣе подробную оцѣнку отдѣльныхъ писателей мы должны отложить, пока не отъищутся источники, изъ которыхъ каждый изъ этихъ писателей почерпалъ такое обиліе библейскаго и богословскаго ма-

теріала. При составленіи житій они большею частью пользовались обширнымъ греческимъ сборникомъ Симеона Метафраста, а затѣмъ нѣсколькими греческими прологами, патериками и т. д. Слѣдовало бы также рѣшить вопросъ, приведены-ли мѣста изъ св. Писанія, которыхъ такъ много въ каждомъ произведеніи,—по старому древне-славянскому переводу или каждый переводилъ ихъ по своему?

Внѣшней формѣ древне-сербской литературы вполнѣ соотвѣтствовалъ и выборъ содержанія, которое съ своей стороны согласовалось съ личнымъ характеромъ писателя. Вся древне-сербская литература носитъ на себѣ церковный характеръ, такъ какъ всѣ ея писатели были духовныя лица. И все написанное даже помимо церковныхъ книгъ (св. писанія, богословія и церковнаго права) обязано своимъ происхожденіемъ какой-либо духовной идеѣ; а если имѣется кое-что, отзывающееся мірскимъ духомъ, то оно проникло въ литературу украдкой и нечаянно. Уже выше упоминалось, что Савва и король Стефанъ въ житіяхъ своего отца описывали не великаго жупана Неманю, а только монаха Симеона; тою же мыслью руководились и Доментіанъ, и Даніилъ, и всѣ остальные. Изъ того же источника, изъ того же убѣжденія возникли и различныя лѣтописи, которыя въ древне-сербской литературѣ встрѣчаются большею частью не въ видѣ самостоятельныхъ произведеній, а въ видѣ приложенія къ нѣкоторымъ другимъ рукописямъ церковнаго содержанія.

Характеръ древне-сербской литературы, названный нами церковнымъ, кажется, можетъ быть ближе опредѣленъ выраженіемъ: монашескій или монастырскій. Монахи были единственными писателями, и литературная дѣятельность ихъ составляла только извѣстную часть духовныхъ занятій, которымъ посвящалась жизнь черноризца. Согласно идеямъ, одушевлявшимъ ихъ и питавшимъ въ нихъ надежды дойти до высшаго и угоднаго Богу усовершенствованія, они болѣе всего уважали и всего охотнѣе читали литературныя произведенія великихъ образцовъ своей монастырской жизни, замѣчательныхъ аскетовъ—монаховъ. Поэтому то они такъ и любили переводить аскетическія книги, которыя они всегда считали большою драгоцѣнностью. Поучительный примѣръ того, какъ много посвящалось труда такимъ произведеніямъ, представляетъ намъ извѣстіе о Бранковичевой «Лѣствицѣ» Іоанна Климака. Мы уже упоминали, что первый пере-

водъ лѣствицы Климака принадлежитъ къ литературнымъ произведеніямъ древне-болгарскаго Симеоновскаго періода; но въ XIV в. набожный Георгій Бранковичь нашелъ, что этотъ переводъ недостаточенъ, почему и велѣлъ отовсюду привезти въ Смедерево множество греческихъ и славянскихъ рукописей, созвалъ туда монаховъ, столѣтнихъ старцевъ изъ Хиландаря, которые, подъ надзоромъ Браничевскаго митрополита Савватія, составили новый, исправленный и дополненный текстъ лѣствицы. Рукописи исправленнаго текста имѣются не только у Сербовъ (въ Крушедолѣ, въ Карловцахъ), но и въ Россіи въ русско-славянскихъ спискахъ. (Горскій, Оп. 2. 2. 216). Совершенно справедливо Шафарикъ сожалѣлъ нѣкогда о томъ, что столько труда было употреблено на такое произведеніе, какъ лѣствица Климака; изъ этого всего яснѣе виденъ характеръ различныхъ временъ и различныхъ людей. Къ несчастію Бранковичь и его современники не сознавали ближайшихъ потребностей духовнаго блага сербскаго народа, помимо лѣствицъ!

Это аскетическое направленіе сербскіе писатели наслѣдовали частью отъ Болгаръ, изъ ихъ церковной литературы, а частью поддерживали его и сами, своею литературною дѣятельностью. Въ IV-й главѣ этой книги, уже была рѣчь о древне-болгарскихъ литературныхъ произведеніяхъ, переведенныхъ между IX и XII-мъ вѣками, такъ что сербская литература нашла труды уже оконченными и оставалось только переписать болгарскія рукописи по сербски. Тамъ же было сказано, что большинство древне-болгарскихъ книгъ дѣйствительно имѣется въ сербскихъ спискахъ; нѣкоторые изъ оригинальныхъ переводовъ уже утратились и остались только сербскіе съ нихъ списки. Но мы знаемъ и нѣсколько примѣровъ, подобныхъ вышеприведенному извѣстію о Бранковичевой лѣствицѣ, когда сербскіе писатели переводили вновь или по крайней мѣрѣ значительно исправляли нѣкоторыя переводы, уже существовавшіе прежде на древне-болгарскомъ нарѣчіи. Приведемъ тому нѣсколько доказательствъ: въ свое время мы уже упоминали о древнеболгарскомъ переводѣ бесѣдъ Григорія Назіанзина;—изъ новыхъ рукописей мы узнаемъ, что этотъ переводъ былъ впослѣдствіи исправленъ: болѣе темныя мѣста выяснены въ болѣе пространномъ изложеніи, переводъ гораздо полнѣе, а въ языкѣ встрѣчается уже много сербизмовъ. Исправитель бымъ —

что положительно доказываетъ и самый текстъ—природный Сербъ, но намъ неизвѣстно ни его имя, ни время, когда онъ жилъ. Рукописи съ исправленнымъ текстомъ имѣются и въ сербской рецензіи (Ср. Шафарикъ: Gesch. der südsl. Liter. III, № 124; Востоковъ, Румянц. музей, № 85), и въ русско-славянскихъ спискахъ, не свободныхъ отъ сербскаго вліянія (Горскій, Оп. 2. 2. 96). Въ доказательство приведемъ еще хронику Георгія Гамартола. Мы уже ранѣе замѣтили, что навѣрное неизвѣстно, когда она въ первый разъ переведена на славянскій языкъ; но позднѣйшіе тексты (XIV—XV в.) принадлежатъ къ двумъ рецензіямъ: къ одной рецензіи принадлежитъ болгарскій или древне-русскій текстъ, а въ другой—сербскій. Рукописи одной рецензіи разнятся въ текстѣ отъ рукописей другой рецензіи; сербскій текстъ, кажется, былъ впослѣдствіи передѣланъ. Еслибъ древніе памятники сербской литературы были лучше извѣстны, то и мы въ состояніи были бы привести побольше подобныхъ примѣровъ; но со временемъ и этотъ вопросъ разъяснится.

Еще труднѣе доказать, какія книги переведены въ первый разъ именно сербскими писателями на церковно-славянскій языкъ. Гдѣ на это не указано—а случаи подобныхъ указаній очень рѣдки—тамъ приводится дѣлать заключенія по тексту и языку. Но и эти данныя не всегда достаточны, такъ какъ можно предположить, что или въ древне-болгарскомъ переводѣ впослѣдствіи были на столько измѣнены нѣкоторыя слова и формы, что можно приписать переводъ сербскому писателю, или же—что сербскій переводчикъ былъ на столько свѣдущъ въ церковномъ языкѣ, что переводъ его трудно отличить отъ настоящаго древне-болгарскаго. Ко всему вышесказанному прибавимъ еще и то, что донынѣ мало занимались подробнымъ изслѣдованіемъ отдѣльныхъ рукописей и самое бо́льшее, что́ мы можемъ,—это перечислить ихъ и указать, гдѣ они хранятся. Но несмотря на все это—изъ научныхъ изслѣдованій, сдѣланныхъ до сихъ поръ, смѣло можно вывести заключеніе, что древне-сербскіе писатели значительно обогатили церковно-славянскую письменность не только безчисленнымъ множествомъ списковъ, но и многими переводами, цѣль которыхъ заключалась въ пополненіи богословской литературы. Въ этомъ отношеніи школа Саввы можетъ быть поставлена на ряду съ замѣчательными древне-болгарскими писателями золотаго Симеонова вѣка. Приведемъ

въ доказательство нѣсколько примѣровъ. Сербскіе писатели получили уже вполнѣ законченный переводъ всей библіи; они уже продолжали переводъ толкованій св. Писанія, которыя еще не были переведены. Такимъ образомъ кромѣ шестоднева Іоанна Экзарха въ XV вѣкѣ былъ переведенъ шестодневъ Іоанна Златоуста. Этотъ переводъ былъ сдѣланъ двумя сербскими монахами, Іаковомъ и Венедиктомъ, въ 1426 г. на Св. Горѣ. Одинъ изъ нихъ прибавилъ къ своему переводу слѣдующія слова: «вь лѣто 6.9.3.4. (6934—1426) вь дни благочьстиваго и благовѣрьнаго и богомь вѣньчаньнаго господина вьсеие срьбьскыіе и поморьскыіе землие. и многихь чести оугрьскые и босьньскыіе землие, моудраго и сладьчайшаго и славьнаго деспота Стефана, сиіе светыіе и божьствьныіе книгы, шестодневныхь светаго Ивана Златооуста прѣписа попь венедикть вь светѣй горѣ одь грьчьскаго иезыка на срьбьскы». Въ 1655 году этотъ переводъ попалъ въ Россію (ср. Горскій, Оп. 2, 1, № 31—62). Въ 1412 г. священникъ Гавріилъ въ Хиландарѣ перевелъ толкованія книги Іова, составленныя Олимпіодоромъ, и другими. И по этому переводу видно, что Гавріилъ былъ природный Сербъ. (Ср. Горскій, Оп. 2, 1, № 63). Вотъ два примѣра только изъ XV вѣка; а что бы было, еслибъ намъ было извѣстно все переведенное въ XIII и XIV вѣкахъ, когда Сербія жила при болѣе благопріятныхъ для литературной дѣятельности условіяхъ, еслибъ намъ было извѣстно большее количество такихъ рукописей, какъ сербскій номоканонъ 1262 г., гдѣ изъ рукописнаго примѣчанія видно, что онъ, по настоянію Зетскаго епископа Неофита, особеннаго почитателя сербской литературы, писанъ для его соборной церкви, въ Иловицѣ (потьштаниіемь... кыр Неофита, испльниающтаго все недостатьчноіе светыихь писаній). Точно также можно доказать, что древне-сербскіе писатели пополняли новыми переводами догматическую и нравственно-богословскую литературу. Переводъ Исаака Сирина былъ вѣроятно тоже дѣломъ Сербовъ; одна сербская рукопись XIV вѣка хранится въ Москвѣ, одна—XV вѣка находится въ Вѣнѣ (Ср. Горскій, Оп. 2, 2, 166; Миклошичь, Lex., comp. XI); затѣмъ переводъ Григорія Паламы и Нила, архіепископовъ Солунскихъ (ср. Горскій, Оп. № 175), а можетъ быть и переводъ бесѣдъ Григорія Двоеслова: двѣ рукописи болгарской рецензіи упоминаются въ Lex. Миклошича (Ср. еще Горскаго, Оп. 2, 2, 236). Можетъ быть этотъ же самый Двоесловъ разумѣется подъ рукописью

сербской рецензіи, которую въ 1423 г. писалъ Герасимъ: книга совѣтельная, глаголемая діалогъ; эту рукопись Петковичъ видѣлъ на Св. Горѣ (см. Обзоръ Аѳон. древностей, стр. 94). Очень важны причины, по которымъ переводъ такъ называемой грамматики и діалектики Дамаскина не признается за Іоанномъ экзархомъ, а по характеру перевода и языка приписывается какому-либо сербскому писателю (ср. Горскій, Оп. 2, 2, 311 до 318). Уже между самими ранними древне-болгарскими переводами упоминаются избранныя произведенія Іоанна Златоуста; по множеству рукописей можно заключить, что Іоаннъ Златоустъ пользовался въ древне-сербской литературѣ особымъ уваженіемъ; это и даетъ право думать, что не всѣ его произведенія были переведены въ древне-болгарскій періодъ и что кое-что изъ нихъ досталось и на долю сербскихъ писателей. Дѣйствительно, Шафарикъ (Gesch. der südslav. Lit. № 135) приводитъ одну рукопись, о которой говорится, что она только въ 1451 г. была переведена съ греческаго; но каковъ текстъ остальныхъ рукописей (напр. рукописи 1286 г., о которой Гильфердингъ говоритъ въ описаніи Босніи, Герцеговины и ст. Сербіи), — еще неизвѣстно. Точно также неизвѣстно ничего положительнаго о произведеніяхъ нѣкоторыхъ другихъ богословскихъ писателей, упоминающихся въ рукописяхъ сербской рецензіи: гдѣ и когда онѣ переведены въ первый разъ на Славянскій языкъ и кѣмъ переведены: Болгаромъ, Сербомъ или Русскимъ. Такимъ образомъ и этотъ вопросъ, хотя и очень важный для характеристики и значенія литературы, донынѣ все еще принадлежитъ къ такимъ вопросамъ, на которые можно отвѣчать только приблизительно.

Каковъ же характеръ оригинальныхъ произведеній древне-сербскихъ писателей — монаховъ? Древне-сербскія оригинальныя произведенія составляютъ весьма незначительную часть остальной литературы, да и о тѣхъ, которыя считаются оригинальными древне-сербскими литературными произведеніями, ничего неизвѣстно, гдѣ, когда и кѣмъ онѣ написаны. Извѣстно только, что какъ во всемъ другомъ, такъ и относительно оригинальныхъ произведеній, св. Савва служилъ образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ писателей. Онъ написалъ, какъ мы видѣли, службу св. Симеону (отцу своему Неманѣ); онъ написалъ его житіе, конечно, съ церковной точки зрѣнія и прославлялъ заслуги, оказанныя имъ

христіанской вѣрѣ и церкви; наконецъ онъ писалъ правила и типики для вновь устроенныхъ монастырей. Этими вышеприведенными произведеніями уже почти исчерпывается вся оригинальная дѣятельность послѣдующихъ сербскихъ писателей. Они пошли по слѣдамъ своего учителя и писали житія и службы сербскимъ святымъ, т. е. тѣмъ лицамъ которыя за заслуги, оказанныя ими церкви, причислены были къ лику святыхъ. Зная, что въ то время всѣ попеченія и духовныхъ лицъ и мірянъ сосредоточивались около церкви, мы не будемъ удивляться такому почитанію этихъ личностей и со стороны церкви и со стороны народа, между которыми была тѣсная связь. Такимъ образомъ житія и службы сербскимъ святымъ служатъ въ древне-сербской литературѣ выраженіемъ народной гордости и народнаго самосознанія, такимъ выраженіемъ, которое могло возникнуть только въ то время, когда жизнь приняла одностороннее религіозное направленіе. О томъ, какимъ стилемъ писались житія, мы уже говорили выше, разсуждая вообще о манерѣ изложенія въ древне-сербской литературѣ; мы сказали, что житія представляютъ не историческія біографіи, а только религіозные панегирики. При составленіи службъ писатель долженъ былъ придерживаться внѣшней формы, налагаемой уже самимъ церковнымъ обрядомъ; что же касается до идеи — то онъ могъ взять себѣ за образецъ греческія и древне-болгарскія службы. Но всетаки и житія и службы имѣютъ большее значеніе, чѣмъ обыкновенные списки и переводы, по крайней мѣрѣ, какъ доказательство степени умѣнья сербскихъ писателей писать оригинальныя сочиненія; къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны имена всѣхъ писателей, составлявшихъ житія и службы.

Судя по тому, что Савва, по открытіи мощей его отца, св. Симеона, былъ тотчасъ вызванъ соборомъ Аѳонскихъ монаховъ для составленія ему службы, можно предположить, что, и впослѣдствіи, архіепископы или игумны тѣхъ монастырей, гдѣ покоились мощи какого-либо святаго, составляли службы и похвальныя слова вскорѣ послѣ открытія мощей его, по собственному желанію или по порученію массы духовенства. Это предположеніе, высказанное впервые Даничичемъ (см. его «Служба свецима Србима» въ газ. «Видов дан» за 1862 г. № 23—25) очень близко къ истинѣ, но едва-ли будетъ когда-нибудь возможно подтвердить его историческими

свидѣтельствами, такъ какъ въ службахъ не упоминается имя писавшаго ихъ. Но составитель службы прибавлялъ по большей части и краткое жизнеописаніе, по которому со временемъ можно будетъ добиться какихъ-либо свѣдѣній. Сербскіе святители всего болѣе были расположены къ Св. Горѣ, гдѣ въ монастыряхъ постоянно жили Болгары, Сербы и Русскіе. Поэтому службы и прологи (краткія житія) сербскихъ святыхъ легко переходили изъ сербскихъ рукописей въ болгарскія и русскія, и наоборотъ. Такимъ образомъ древнѣйшій изъ донынѣ извѣстныхъ текстъ службы св. Саввѣ и Евстаѳію найденъ въ минеѣ болгарской рецензіи XIII вѣка (рукопись находится теперь въ Бѣлградѣ), что важно и само по себѣ, но еще важнѣе то обстоятельство, что въ этой рукописи служба св. Саввѣ совершенно не похожа на находящуюся въ позднѣйшихъ сербскихъ текстахъ, а о службѣ Евстаѳію даже не было почти ничего извѣстно. По болѣе тщательномъ изслѣдованіи древнѣйшихъ миней, имѣющихся на Св. Горѣ и въ другихъ мѣстахъ, навѣрное найдутся болѣе древніе источники и остальныхъ службъ, похвальныхъ словъ и житій, между тѣмъ какъ теперь напр. служба первовѣнчанному королю Стефану, въ постриженіи Симеону, не можетъ быть подтверждена болѣе древнимъ свидѣтельствомъ, чѣмъ рукопись Раковацкаго монастыря 1714 г. Сколько разъ эта служба была переписана, а можетъ быть и переиначена ранѣе, чѣмъ она была занесена рукою монаха Максима въ рукопись игумна Ѳеофана. И нынѣ уже имѣются болѣе древнія рукописи нѣкоторыхъ службъ. Служба королю Милютину и Стефану Дечанскому имѣется въ рукописи сербской рецензіи XV в., находящейся въ Бѣлградѣ (Гласникъ, кн. XI; извѣстно также, что службу королю дечанскому писалъ тотъ же самый Цамблакъ, который написалъ пространное житіе его. Служба князю Лазарю встрѣчается въ рукописи 1692 г. и имѣется въ еще болѣе древней рукописи монастыря Житомишлича (нѣкогда на Св. Горѣ, см. Магазинъ сербско-далматинскій, 1861 г. стр. 69). Служба св. Георгію Кратовцу вмѣстѣ съ его житіемъ составлена священникомъ Пеей (Гласник., кн. XXI). Впрочемъ нѣкоторыя житія святыхъ и службы встрѣчаются только въ печатныхъ Серблякахъ, «содержащихъ въ себѣ богослужебная молебная правила святымъ србскаго рода»; самымъ богатымъ рукописнымъ сборникомъ слѣдуетъ считать кодексъ Ѳеофана 1714 г. Въ немъ

заключаются службы сербскимъ святымъ: Симеону, Саввѣ, Стефану Первовѣнчанному, Милютину, Стефану Дечанскому, царю Урошу, князю Лазарю, деспоту Стефану Георгіевичу, женѣ его Ангелинѣ, сыновьямъ ихъ: Максиму епископу и Іоанну деспоту, и Стефану Штиляновичу. Есть также самостоятельныя житія и похвальныя слова, совершенно отдѣльныя отъ службъ: онѣ писались уже не для церковнаго чтенія, а просто вслѣдствіе набожнаго настроенія духа различныхъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ писателей. Кромѣ обширнаго сборника архіепископа Даніила и его продолжателей (преемниковъ), такія сочиненія особенно встрѣчаются въ позднѣйшее время, въ концѣ XIV-аго и въ XV-мъ вѣкѣ, когда въ монастырскомъ уединеніи у набожныхъ Сербовъ надрывалось сердце при видѣ несчастій родины и они находили единственное утѣшеніе въ воспоминаніяхъ о народныхъ мученикахъ, въ родѣ несчастнаго царя Лазаря. За образецъ такихъ произведеній приведемъ: похвалу князю Лазарю, въ рукописи XIV—XV вѣка (напечатана Даничичемъ въ Гласникѣ, кн. XIII), или знаменитую надпись на покровѣ князя Лазаря въ Раваницѣ, вышитую по шелковой матеріи золотомъ и серебромъ, монахинею Евфиміею; но это не царица Милица, —какъ нѣкогда думалъ Шафарикъ, печатая эту надпись—а деспотица, т. е. жена деспота Углеши, брата Вукашинова (она жила въ концѣ XIV в. Ср. другой ея покровъ, пожертвованный въ Хиландарскій монастырь съ надписью, которая напечатана въ Гласникѣ, кн. V и у Миклошича, стр. 245). Эта надпись, въ которой горячо высказываются скорбныя ощущенія почтенной Сербянки, открыта также въ рукописи 1692 г. въ концѣ церковнаго правила князю Лазарю (Гласникъ, кн. IX) и по нѣкоторымъ выраженіямъ Даничичъ заключилъ—что очень вѣроятно—что эта надпись составляла сначала отдѣльную похвалу, написанную Евфиміею въ честь князя Лазаря и только впослѣдствіи предназначена ею для покрова. Стало быть эта похвала списана въ вышеупомянутой рукописи не съ покрова, а съ болѣе древней рукописи. Имѣется еще нѣсколько довольно обширныхъ, но по содержанію незначительныхъ житій (см. Гласникъ, кн. XI, кн. XXI и у Гильфердинга, Боснія, и т. д. стр. 273). Довольно пространное житіе Стефана Высокаго, сына Лазарева, который и самъ занимался литературою—съ нѣкоторыми отрывками его трудовъ насъ познакомилъ Даничичъ,

въ XI кн. Гласника—написано Константиномъ Костенчовицъ, по прозванію Философомъ. По словамъ древняго лѣтописца (у Шафарика, стр. 63), а равно и по мнѣнію извѣстнаго ученаго В. И. Григоровича (Извѣстія Имп. ак. н. VII. 221.), это житіе имѣетъ большое стилистическое и историческое значеніе. Григоровичь упоминаетъ нѣсколько рецензій этого житія, и между ними древнѣйшую сербскую, въ рукописи XV вѣка, находящейся у него. Житіе это издано г. А. Поповымъ въ его книгѣ «Обзорѣ хронографовъ русской редакціи».

Въ этотъ краткій перечень вошли не всѣ оригинальныя произведенія древне-сербскихъ писателей; многое до сихъ поръ еще намъ неизвѣстно, а кое-что мы проходимъ молчаніемъ, какъ не имѣющее почти никакого значенія, какъ напр. оригинальныя сербскія молитвы, встрѣчающіяся въ сербскихъ требникахъ (ср. статью въ Гласникѣ, кн. XX). Но изъ всего вышесказаннаго каждый пойметъ, что древнесербская литература постоянно вращалась въ томъ тѣсномъ кругу, который ей въ самомъ началѣ начерталъ своею дѣятельностью св. Савва. Всѣ эти произведенія, хотя и заслуживаютъ уваженія, какъ оригинальные продукты сербскаго духа, но по внутреннему достоинству никакъ не могутъ равняться съ трудами основателей: Саввы, Стефана Первовѣнчаннаго и Доментіана. На вопросъ о причинѣ такого страннаго явленія намъ даетъ правдивый отвѣтъ Даничичь въ своей лекціи, напечатанной въ газетѣ «Видов дан» 1862 г. № 18: «Немања,—говоритъ онъ—собравъ погибшіе мести отечества своего, вдохнулъ въ сербскій народъ новую государственную жизнь. Эта государственная жизнь сильно подвинула и письменность. Это замѣтно по литературнымъ произведеніямъ, дошедшимъ до насъ отъ самаго начала того времени, по литературнымъ произведеніямъ сыновей Немани. Но уже при сынѣ Немани, первомъ сербскомъ королѣ, дѣла приняли иной оборотъ, во вредъ только что возникавшему развитію государственной жизни; а вмѣстѣ съ тѣмъ и литературному прогрессу. Первымъ несчастнымъ событіемъ было возмущеніе князя Вукана противъ брата, перваго сербскаго короля. Подобныя смуты продолжались и впослѣдствіи безъ перерыва и не дали окрѣпнуть государственной жизни народа. Припомнимъ борьбу Радослава съ Владиславомъ, поступокъ Драгутина съ отцомъ своимъ, Урошемъ Великимъ;

припомнимъ — можетъ быть — заслуженную слѣпоту Дечанскаго, припомнимъ, какъ первый сербскій царь вошелъ на престолъ. Всѣ эти потрясенія и перевороты были причиною того, что государственная жизнь народа все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ, не смотря на то, что границы сербскаго государства расширялись. Онѣ расширялись потому, что сербскій народъ дѣйствительно былъ достаточно силенъ для государственной жизни. Но въ немъ не было того, что, кромѣ физической силы, требовалось для государства и что именно придаетъ силу и еще болѣе развиваетъ ее,—а именно не было стремленія отдѣльныхъ людей къ народному единству;— не было сознанія у отдѣльныхъ личностей, что они составляютъ только части одного цѣлаго, т. е. народа,—цѣлаго, состоящаго изъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ и внѣ котораго каждый изъ нихъ—ничто, равно какъ и это цѣлое не можетъ существовать безъ связи между ними въ ихъ сознаніи. А такъ какъ такого сознанія не было; такъ какъ оно нарушалось безпрестанными раздорами; такъ какъ внутренняя, нравственная сила, порождающая физическую, не могла развиваться; такъ какъ не было стремленія къ единству и такъ какъ это стремленіе задерживалось всѣмъ, что только можно придумать,—поэтому сербская государственная жизнь приходила все больше и больше въ упадокъ, между тѣмъ какъ границы государства расширялись. Вотъ гдѣ причина и того, что сербская литература была слабѣе въ то время, когда сербское государство было, кажется, на высшей ступени могущества—слабѣе, чѣмъ во время своего и его возникновенія, такъ какъ при началѣ государственнаго устройства въ сербскомъ народѣ было болѣе государственной жизни, чѣмъ впослѣдствіи. Если мы говоримъ, что литература была слабѣе, то мы подъ этимъ подразумѣваемъ не количество произведеній, а ихъ качество. — Относительно исторіи я думаю также,—говоритъ Даничичъ—что время Немани имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ время Душана; жупанство Немани имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ царствованіе Душана; объединеніе Сербовъ при Немани имѣетъ большее значеніе, чѣмъ торжество надъ Византіей при Душанѣ. Изъ жупанства Немани образовалось королевство; царство Душана быстро приблизилось къ погибели».

Поэтому древне-сербская литература, общій характеръ которой мы здѣсь изложили, не была вѣрнымъ изображені-

емъ умственной жизни сербскаго народа; она заключаетъ въ себѣ только одно доказательство—доказательство удивительнаго трудолюбія сербскихъ монаховъ, ревностной литературной дѣятельности въ сербскихъ монастыряхъ. Все же находящееся внѣ этого круга—т. е. весь остальной народъ—даже и не упоминается въ литературѣ и самъ ничего не зналъ о ней, не только не почерпалъ изъ нея какую-либо пользу для своего умственнаго развитія. Дѣйствительно набожные сербскіе владѣтели, князья и бояре, любили строить богатыя церкви и монастыри, которые они вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностями надѣляли и книгами; но на эти послѣднія они смотрѣли какъ на украшеніе церкви, а не какъ на плоды сербской литературы. Такимъ образомъ народъ прожилъ нѣсколько вѣковъ совершенно отдѣльно отъ литературы, своею особенною жизнью, на которую тогдашніе писатели не обращали никакого вниманія; вслѣдствіе этого и въ ихъ трудахъ нѣтъ ничего народнаго. Древне-сербская литература и сербскій народъ—это двѣ стихіи, которыя въ своей жизни очень мало сталкивались, и то только въ церкви, гдѣ народъ чрезъ духовенство знакомился съ нѣкоторыми идеями, выраженными въ древне-сербской литературѣ, усвоивалъ себѣ идеи христіанскія съ византійскими толкованіями; но и тутъ его затруднялъ отчасти языкъ, который былъ для народа почти чужимъ.

Но и сербскій народъ имѣлъ одну великую книгу, въ которую онъ самъ вписывалъ свои радости и невзгоды, въ которую собиралъ плоды своего многовѣковаго опыта, въ которой каждое поколѣніе оставляло слѣды своего умственнаго развитія;—но къ сожалѣнію сербскіе писатели не умѣли читать эту книгу, ничего не заимствовали изъ нея для своей дѣятельности. Она передавалась только посредствомъ устнаго преданія отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку; она переиначивалась и измѣнялась, сокращалась и пополнялась въ продолженіи многихъ вѣковъ, пока наконецъ просвѣщенный XIX вѣкъ не обратилъ на нее вниманія и не научилъ понимать ея красоты, остававшіяся сокрытыми для предшествовавшихъ вѣковъ. Это сербскія народныя пѣсни, сказанія и пословицы. Мы уже говорили о нихъ выше, насколько, по нашему мнѣнію, можно найти намековъ на нихъ по крайней мѣрѣ въ нѣсколькихъ чуждыхъ памятникахъ, усвоенныхъ древне-сербскою письменностью. Но и то, что

создано изъ иного матеріала; что проникло въ народныя пѣсни и сказанія не извнѣ, а создано собственною исторіею народа,—и то жило въ народной памяти и воспѣвалось нѣкогда также, какъ и нынѣ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вѣроятно, даже болѣе чѣмъ нынѣ. Мы можемъ легко обойтись безъ историческихъ свидѣтельствъ о сербской народной поэзіи въ родѣ разсказа византійскаго хрониста Никифора Грегораса обо всемъ слышанномъ имъ на пути въ Сербію въ 1326 г. (vociferabantur et tragicis cantibus celebrabant laudes veterum heroum); мы все это лучше и вѣрнѣе узнаемъ изъ самыхъ пѣсенъ, которыя и въ той новой формѣ, въ которой Вукъ заимствовалъ ихъ у народа, сохранили воспоминаніе о народныхъ святителяхъ и ихъ прекрасныхъ задушбинахъ въ давнія времена государственной самостоятельности. Конечно народныя воспоминанія о такихъ давнихъ эпохахъ, какъ напр. времена Немани и его династіи,—весьма темны; но въ этихъ воспоминаніяхъ еще слышатся и теперь живые звуки [1]: а что же было въ былыя времена? Въ былыя вре-

[1] Въ народной пѣснѣ «Свети Саво» (Вукъ, кн. II, № 23) говорится о томъ, какъ собирался соборъ въ церкви Грачаницѣ и спрашивали другъ друга, куда дѣвалось несмѣтное богатство царя Немани? Имъ отвѣчаетъ Савва Неманичь, что родитель его потратилъ свое богатство не на булавы, не на сабли, не на копья, не на украшенія добрыхъ коней:

«Веħ je бабо потрошио благо
На три славна Српска намастира:
Једну бабо саградио цркву:
Б'јели Вилиндар насред горе Свете,
Красну славну себе задужбину,
Вјечну куħу на ономе свјету,
Да се њему поје летурħиjа
Оног св'јета, као и овога;
Другу бабо саградио цркву:
Студеницу на Влаху Староме,
Красну славну мајци задужбину,
Својој мајци царици Јелени,
Вјечну куħу на ономе свјету
Да с' и њојзи поје летурħиjа
Оног св'јета, као и овога;
Треħу бабо саградио цркву:
Милешовку на Херцеговини,
Красну славну Сави задужбину.

Еще пространнѣе пѣсня, которая въ сборникѣ Вука непосредственно слѣдуетъ за вышеупомянутой. Тамъ народное воспоминаніе изъ благодарности приписываетъ царю Неманѣ всѣ болѣе значительныя задушбины.

мена было совсѣмъ не то. И поэтому мы вѣчно будемъ сожалѣть, что древніе сербскіе писатели не только не понимали народной поэзіи, но обошли молчаніемъ даже и то, что навѣрное слышали и видѣли несчетное число разъ и что они презирали, какъ грубое и грѣховное.

5. Обзоръ литературной дѣятельности до конца XIV вѣка. Назвавши характеръ древне-сербской литературы монастырскимъ, мы въ то же время опредѣлили, гдѣ и для кого писались древнія сербскія книги. Славяне путешественники, посѣщавшіе южные сербскіе края, въ особенности же тѣ края, которые и донынѣ находятся подъ турецкимъ владычествомъ, сообщаютъ, что еще и нынѣ, по прошествіи столькихъ бурныхъ вѣковъ, они встрѣчали цѣлыя кучи древне-сербскихъ рукописей и не только на Св. Горѣ,—чему мы менѣе удивляемся, такъ какъ тамъ еще существуетъ монастырская жизнь,—но и въ сербскихъ монастыряхъ Босны, Старой Сербіи и Герцеговины, которые были несчетное число разъ ограблены и сожжены турками и которые теперь по большей части опустѣли и превратились въ развалины. О славянскихъ рукописяхъ, находящихся на Св. Горѣ ученый славянскій міръ поближе узналъ впервые изъ книги Григоровича: «Очеркъ путешествія по европейской Турціи». Казань. 1848 г. Между тѣмъ еще до Григоровича эти края посѣтилъ сербъ Михановичь, усердно собиравшій славянскія рукописи, значительное число которыхъ перешло потомъ въ южно-славянскую Загребскую академію. Былъ и еще одинъ сербъ, писавшій о древнихъ Святогорскихъ литературныхъ памятникахъ, а именно Дим. Авраамовичь. Посѣтивъ Св. Гору въ качествѣ художника, онъ написалъ о ней двѣ книги, которыя и нынѣ еще достойны упоминовенія: «Света Гора са стране вере, художества и повестнице» и «Описаније древности Србски у Светој Гори». Бѣлградъ. 1848. Въ новѣйшее время о Св. Горѣ появилось нѣсколько русскихъ сочиненій, изъ которыхъ слѣдуетъ указать на «Обзоръ аѳонскихъ древностей» Дмитріева-Петковича, напечатанный въ Зап. Импер. ак. н. т. VI, кн. 2. Здѣсь перечисляется очень много сербскихъ рукописей, находящихся въ различныхъ монастыряхъ Св. Горы, но описаніе ихъ весьма поверхностно и недостаточно. Извѣстный ученый, Гильфердингъ посѣтилъ въ 1857—58 гг. западные края Турціи:

Босну, Герцеговину и Старую Сербію, описалъ ихъ, и во многихъ мѣстахъ своей книги упоминаетъ о томъ, что онъ нашелъ большое количество древне-сербскихъ рукописей. Онъ нашелъ ихъ въ славной нѣкогда Сербской патріархіи въ Печи (стр. 176), въ монастырѣ Таслиджѣ (стр. 327), въ монастырѣ Доволѣ (стр. 331); а о Дечанахъ онъ говоритъ: «Въ трапезѣ Дечанской церкви стоитъ огромный сундукъ, похожій по вышинѣ и ширинѣ на большой шкафъ. Это хранилище старинныхъ книгъ и рукописей. Къ несчастію сундукъ этотъ не защищаетъ ихъ отъ мышей. Древнихъ богослужебныхъ рукописей, пергаменныхъ и бумажныхъ, писанныхъ въ Сербіи въ XIII, XIV и XV вѣкахъ, довольно много; еще больше новѣйшихъ (стр. 196). Въ монастырѣ Колашинѣ, давно уже опустѣвшемъ, Гильфердингъ видѣлъ нѣсколько рукописей, лежавшихъ на трапезѣ, и множество валявшихся около алтаря. Онъ съ жадностью бросился разсматривать эти несчастныя книги, которыя вслѣдствіе сырости превратились въ массу склеенныхъ листовъ, и выбралъ изъ нихъ то, что ему казалось лучшимъ; но къ сожалѣнію всего онъ не могъ взять съ собою и принужденъ былъ оставить цѣлый кругъ миней и другія литургическія книги на съѣденіе мышамъ и плѣсени, или въ добычу будущихъ посѣтителей. И въ Призренѣ, въ церкви св. Георгія, валялось десятка два старыхъ рукописей, заброшенныхъ въ какомъ-то темномъ углу въ верхней, женской части церкви и покрытыхъ слоями пыли. Не только отъ одной пыли страдали онѣ; онѣ гнили отъ сырости и давно служили пищею мышамъ. (См. Гильфердингъ: Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, стр. 209).

Мы заимствовали это изъ книги Гильфердинга только для того, чтобъ показать, какъ много еще древнихъ литературныхъ сербскихъ памятниковъ, о которыхъ, по крайней мѣрѣ теперь, еще не можетъ быть и рѣчи въ исторіи литературы. А сколько драгоцѣнныхъ сербскихъ памятниковъ погибнетъ такимъ образомъ, какъ описываетъ Гильфердингъ! И сколько ихъ уничтожили бѣдствія, злоба и глупость человѣческая! О судьбѣ рукописей Студеницы покойный Вукъ разсказывалъ Шафарику, что когда Турки въ 1813 г. опустошали Сербію и зажгли Студеницу, то какой-то монахъ Софроній, находившійся въ испостницѣ (пещера, отстоящая на часъ ходьбы отъ монастыря, въ которую нѣкогда уединялся

св. Савва) долженъ былъ спастись бѣгствомъ, и не будучи въ состояніи взять съ собой рукописи, данныя ему на храненіе, и не желая въ то же время, чтобъ онѣ попали въ руки варваровъ, онъ, несчастный, не придумалъ ничего лучшаго, какъ сжечь ихъ!

Но несмотря на всѣ неудачи и затрудненія при изслѣдованіи, съ помощью возбужденнаго славянскаго самосознанія, въ короткій промежутокъ времени—въ двадцать-тридцать лѣтъ,—значительное число сербскихъ древнихъ литературныхъ памятниковъ было отчасти описано, а отчасти и издано вполнѣ; надъ ними еще донынѣ трудятся и исторія и филологія, раскрывающія съ ихъ помощью темное прошедшее и народа и языка.

Въ большинствѣ древне-сербскихъ памятниковъ не обозначено ни года, ни мѣста, гдѣ они писаны, ни имени писавшаго ихъ: этого требовала скромность «многогрѣшныхъ» писателей. Отъ каждаго вѣка сохранилось только по нѣскольку памятниковъ съ обозначеніемъ года, мѣста и имени писца. Эти приписки, хотя и очень короткія, весьма интересны: изъ нихъ мы узнаемъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыя имена сербскихъ древнихъ писателей и приблизительно мѣсто, гдѣ они жили и писали книги. Большинство древнихъ памятниковъ сохранилось на Св. Горѣ и вѣроятно по той естественной причинѣ, что этотъ край менѣе подвергался турецкому насилію, чѣмъ остальные сербскіе монастыри. Вѣроятно даже, что новѣйшія произведенія дѣйствительно возникли по большей части на Св. Горѣ, потому что здѣсь было болѣе средствъ и поводовъ для такой работы; въ Сербіи же дѣлались обыкновенно только списки.

а) *Вѣкъ XIII-й.* Всего менѣе сохранилось памятниковъ XIII-го в., хотя въ этомъ вѣкѣ наиболѣе процвѣтала письменная дѣятельность. Но вслѣдствіе отдаленности времени и послѣдующихъ бѣдствій сербскаго народа, намъ извѣстенъ теперь только какой нибудь десятокъ древнихъ памятниковъ, несомнѣнно принадлежащихъ XIII вѣку. Кромѣ св. Саввы и брата его, короля Стефана, о которыхъ мы уже говорили выше, самый извѣстный для насъ писатель этого вѣка—знаменитый Доментіанъ. Онъ жилъ на Св. Горѣ въ Хиландарскомъ монастырѣ и самъ себя прозвалъ «послѣднимъ» ученикомъ св. Саввы; т. е. онъ вѣроятно былъ родомъ Сербъ и отправился на Св. Гору въ качествѣ одного изъ самыхъ младшихъ и послѣднихъ учениковъ Саввы, и

прожилъ съ Саввою только очень короткое время; еще въ юности, вѣроятно, онъ увлекся примѣрною жизнью своего учителя. Вскорѣ послѣ смерти св. Саввы, «въ дьни великааго и благовѣрьнааго кирь стефана кралга оуроша, вьноука светаага симеона» (стало быть послѣ 1241 г.) онъ поселился въ кельѣ Саввы въ Кареяхъ, съ цѣлію жить въ уединеніи по правилу, данному его учителемъ, и написалъ тутъ житіе св. Саввы, въ 1243 г. Источникомъ для этого житія послужило все, что Доментіанъ зналъ и видѣлъ самъ, и все слышанное имъ о Саввѣ отъ другихъ. Поэтому въ одномъ мѣстѣ, разсказывая о своемъ учителѣ, онъ говоритъ: «и отъ тѣхъ светыихъ моужій оставьши вь светѣй горѣ рѣше ми, иже самовидьци бывше прѣславныимь дѣломь его, аньгела земльнааго и небесьнааго чловѣка именовахоу и». Двадцать лѣтъ спустя Доментіанъ былъ духовникомъ всего братства Хиландарской лавры, и по его настоянію грамматикъ Θеодоръ началъ переписывать древне-болгарскій текстъ Іоанна Экзарха (его шестоднева) сербской рецензіей. Доментіанъ былъ не только виновникомъ появленія этого труда, но и его покровителемъ, и безъ его помощи Θеодоръ, вѣроятно, никогда бы не окончилъ свою работу: это служитъ новымъ, прекраснымъ доказательствомъ того, какъ Доментіанъ заботился о сербской литературѣ, за что Θеодоръ и назвалъ его «книголюбьць». Въ то время, какъ Θеодоръ грамматикъ, безъ сомнѣнія тоже Сербъ, переписывалъ шестодневъ Экзарха (въ 1263 г.), самъ Доментіанъ писалъ житіе св. Симеона, отца Саввы. Это житіе окончено имъ въ 1264 г., стало быть 21 годомъ позже перваго (т. е. житія св. Саввы), и уже не въ карейской кельѣ, а въ Хиландарскомъ монастырѣ. Оба эти произведенія Доментіанъ отослалъ — о чемъ свидѣтельствуютъ приписки — въ Сербію, королю Урошу. Были-ли это единственные труды Доментіана, намъ неизвѣстно; можетъ быть онъ и еще писалъ что-нибудь самъ или по крайней мѣрѣ поручалъ переписывать, но нынѣ не имѣется объ этомъ никакихъ историческихъ данныхъ. И оба «житія» писанныя Доментіаномъ сохранились только въ позднѣйшихъ спискахъ, въ новѣйшихъ рукописяхъ, да, кажется, еще житіе св. Саввы сохранилось если не въ трехъ, то по крайней мѣрѣ въ двухъ редакціяхъ; одна изъ нихъ—оригинальный трудъ Доментіана, а другая составляетъ передѣлку Доментіанова текста какимъ-то Θеодосіемъ. Житія св. Симеона и св. Саввы, считающіяся ори-

гинальными произведеніями Доментіана, потому что онѣ подписаны его именемъ, изданы вмѣстѣ Даничичемъ въ 1865 г., въ Бѣлградѣ, подъ заглавіемъ: Живот светога Симеуна и светога Саве, написао Доментијан, на свијет издао Ђ. Д. (XIX+345). Это изданіе сдѣлано по новѣйшей (XVI в.) вѣнской рукописи. Шафарикъ нѣкогда упоминалъ о томъ, что у него есть болѣе древняя рукопись; но судя по отрывку, напечатанному въ «Serbische Lesekörner», слова его не оправдываются. Гильфердингъ въ своей книгѣ (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія, стр. 297) приводитъ нѣсколько словъ изъ житія св. Симеона по рукописи Дечанскаго монастыря; къ сожалѣнію онъ ничего не упоминаетъ о томъ, къ какому вѣку принадлежитъ Дечанская рукопись, но текстъ совершенно схожъ съ текстомъ, напечатаннымъ Даничичемъ. О житіи св. Симеона можно сказать, что оно всюду сохранилось въ той самой редакціи, какъ его написалъ самъ Доментіанъ. Но житіе св. Саввы имѣется по крайней мѣрѣ въ двухъ редакціяхъ, въ двухъ текстахъ, потому что кромѣ вышеупомянутаго текста есть еще другой, напечатанный Даничичемъ въ 1860 г., въ Бѣлградѣ (VII+219). Объ этомъ послѣднемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ его заглавіи говорится только: житиѥ.... сьписано прѣподобнымь Доментиıаномь и больше ничего, почему и самъ Даничичь считалъ его сначала оригинальнымъ произведеніемъ Доментіана. Но уже въ древнихъ рукописяхъ встрѣчается имя какого-то Θеодосія, который, какъ говорится, переписалъ, а можетъ быть и передѣлалъ текстъ Доментіана. Дмитріевъ-Петковичь нашелъ на Св. Горѣ, въ Хиландарской библіотекѣ, пергаменную рукопись, писанную въ 1336 г., о чемъ свидѣтельствуетъ приписка на рукописи; писца звали Θеодуломъ, а заглавіе говоритъ, что это: житиѥ и подвизи ѥже вь поустыни сь своимь отьцемь и особь хожденија, а оть чести чоудесь исповѣданиѥ иже вь светыхь отьца нашего савы прьвааго архиепископа и оучителıа срьпскога, сказано прѣподобьнымь доментиıаномь, инокомь прєзвытеромь монастири хиландарь нарицаѥмаго, сьписано же ѳеодосиѥмь мнихомь того же монастири. Изъ этого видно, что Θеодосій жилъ очень рано, во всякомъ случаѣ ранѣе 1336 года; кажется, что эта Святогорская рукопись не автографъ Θеодосія, а уже списокъ нѣкоего, выше уже упомянутаго, Θеодула. Возникаетъ только вопросъ, какой же это текстъ произведенія Доментіана, въ которомъ упоминается и Θе-

одосій? Тотъ-ли же самый текстъ, который въ 1860 г. былъ напечатанъ Даничичемъ? Заглавіе, по крайней мѣрѣ, вполнѣ сходно въ обѣихъ рукописяхъ, и въ Святогорской и въ вывезенной изъ Турціи, которую Даничичъ напечаталъ въ 1860 г.; только въ этой послѣдней имя Ѳеодосія выпущено. Но если текстъ, напечатанный Даничичемъ въ 1860 г., дѣйствительно произведеніе Ѳеодосія, то мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Шафарика объ этомъ трудѣ; все, въ чемъ Шафарикъ упрекаетъ текстъ Ѳеодосія, не приложимо къ этому труду, который также замѣчателенъ, какъ и напечатанный въ 1865 г.; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ даже лучше послѣдняго. Если же Шафарикъ дѣйствительно правъ, если текстъ дѣйствительно такъ плохъ, то это что нибудь другое, а не то произведеніе, которое издано Даничичемъ въ 1860 г. Вопросъ этотъ былъ бы разрѣшенъ, если бъ кто-нибудь списалъ хоть одинъ отрывокъ изъ Хиландарской рукописи 1336 г.; тогда видно бы было, сходенъ-ли онъ съ которымъ нибудь—и съ которымъ именно—изъ обоихъ текстовъ Даничича. Слѣдовало бы также еще разъ изслѣдовать текстъ, неодобренный Шафарикомъ, находящійся въ библіотекѣ митрополіи въ Карловцахъ. Сербы гордятся трудами Доментіана и считаютъ ихъ самыми драгоцѣнными изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ оригинальныхъ произведеній древне-сербской литературы: не смотря на заслуги, оказанныя двумя прекрасными изданіями Даничича, не мѣшало бы потрудиться и еще надъ изслѣдованіемъ трудовъ Доментіана. Упомянемъ еще, что Гильфердингъ напечаталъ въ своей книгѣ нѣсколько выраженій изъ Доментіановскаго житія св. Саввы (о Ѳеодосіи тамъ не говорится ни слова) по рукописи 1526 г., писанной въ монастырѣ Сопочанскомъ, и этотъ отрывокъ вполнѣ сходенъ съ текстомъ, напечатаннымъ Даничичемъ въ 1860 г.

Писались-ли въ XIII в. еще какія либо оригинальныя произведенія, кромѣ произведеній сыновей Немани и Доментіана—положительно неизвѣстно: можно только предполагать, что въ то время были составлены по крайней мѣрѣ нѣкоторыя житія и службы сербскимъ святымъ того вѣка. Не слѣдуетъ забывать, что все, что намъ извѣстно изъ прошлаго сербской литературы, въ особенности же изъ XIII вѣка, все это составляетъ весьма небольшую частичку одного цѣлаго. Напр. царица Елена, мать короля Милютина, жила

также въ XIII вѣкѣ и Даніилъ разсказываетъ намъ о ней, что она постоянно заботилась о церквахъ и монастыряхъ: вьса ѥже на потрѣбоу светыимь црькьвамь и монастирємь нештедьно подаваашє, книгы божьстьвьныѥє вь домоу своѥємь сьставлѩюшти и изредьно пишоушти. (Ср. также прекрасный разсказъ о томъ, какъ эта достойная женщина учила дѣвочекъ женскимъ работамъ и потомъ отдавала ихъ замужъ. Даніилъ, стр. 97).

Между переводами первое мѣсто занимаетъ сербскій **номоканонъ**, написанный въ 1262 г. какимъ-то **Богданомъ**, въ Иловицѣ, по приказанію Зетскаго епископа Киръ **Неофита**. Этотъ драгоцѣнный древній памятникъ хранится въ настоящее время въ собраніи рукописей Михановича, въ Загребѣ; книга писана на пергаменѣ, большимъ уставомъ и заключаетъ въ себѣ 398 листовъ, но она всетаки не цѣлая, потому что во многихъ мѣстахъ изъ средины вырвано по нѣскольку листовъ. На послѣднемъ листѣ обозначенъ годъ, мѣсто и имя писавшаго. Такъ какъ уже доказано (ср. Востоковъ, Опис. румянц. муз. № 232), что въ 1270 г. болгарскій деспотъ Іаковъ Сватьславъ послалъ въ Россію, кіевскому митрополиту Кириллу III, одинъ экземпляръ славянскаго (древне-болгарскаго) номоканона, переписаннаго, по приказанію деспота, троими писцами (одного изъ нихъ звали Драгославомъ) въ 50 дней, и такъ какъ текстъ и внутреннее распредѣленіе этого номоканона и въ позднѣйшемъ русскомъ спискѣ XVI вѣка вполнѣ сходны съ текстомъ сербскаго номоканона,—то мы имѣемъ право предполагать, что и Богданъ въ 1262 году имѣлъ подъ руками какой-либо болѣе древній оригиналъ, съ котораго и былъ списанъ сербскій кодексъ; трудно только сказать, какой рецензіи былъ оригиналъ Богдана—древне-болгарской, какъ оригиналъ Драгослава, или напротивъ сербской. Судя по тому, что еще св. Савва упоминаетъ о перепискѣ *законныхъ книгъ* (номоканоновъ), можно предположить, что Богданъ списывалъ съ древне-сербской рукописи; но нельзя отрицать и того, что источникомъ сербскаго номоканона былъ древне-болгарскій текстъ. Нѣсколько болгаризмовъ встрѣчаются даже въ спискѣ Богдана; напр. иногда ѧ или а вмѣсто є, ъ вм. ь и ѣ вм. ꙗ: сьнидошє сѧ, стр. 1., сьвькоупиша сѧ, стр. 3., въ лѣть, стр. 5., оучителѣ, стр. 6 и т. д.

Изъ книгъ, употребляемыхъ при богослуженіи, намъ извѣстно евангеліе старца Симеона, написанное для князя Вукана въ городѣ Расѣ, и кажется еще до смерти Немани, стало быть до 1200 г. Срезневскій обѣщалъ приготовить эту рукопись, находящуюся нынѣ въ Россіи, къ изданію; онъ ее уже описалъ довольно подробно въ Зап. Имп. ак. н. т. IX. Есть и еще весьма замѣчательное евангеліе сербской рецензіи, въ Хиландарскомъ монастырѣ, писанное какъ повѣствуется, дьякомъ Григоріемъ князю Мирославу, сыну Завидину. Петковичь, въ своемъ «Обзорѣ аѳонскихъ древностей», (стр. 58) помѣстилъ слѣдующую приписку въ концѣ рукописи: азь грѣшныи Глигорие дигакь недостоины нарещи се дигакь заставихь сие евангелие златомь кнезю великославному Мирославу синоу Завидиноу.... Завидъ былъ, какъ повѣствуютъ лѣтописи, братъ Немани, но, по сербскимъ и латинскимъ грамотамъ, Мірославъ былъ тоже братъ Немани, а здѣсь говорится, что Мірославъ былъ сынъ Завида: какъ же это объяснить? И когда писано это евангеліе? На эти вопросы мы не можемъ дать никакого отвѣта, потому что и о самомъ памятникѣ знаемъ только то, что о немъ написалъ Петковичь; а онъ, кажется, и не предполагалъ, на сколько эта рукопись важна для насъ. Въ концѣ XIII вѣка, въ 1273 г., чьтьць Костандинъ написалъ въ Сврлигѣ евангеліе для священника Радослава (см. о немъ Гласникъ, кн. XX. Отъ него сохранились только отрывки).

Изъ евангелій безъ года и приписокъ къ XIII вѣку относятся, единственно по палеографическимъ примѣтамъ, слѣдующія: 1) Печское евангеліе, найденное Гильфердингомъ въ Печи, съ знаменитымъ прологомъ нѣкоего философа Константина, котораго Гильфердингъ принялъ за славянскаго апостола, Константина Солунскаго. Но вѣрнѣе, что это Константинъ болгарскій, о которомъ была уже рѣчь выше (стр. 84). Въ синаксарѣ печскаго евангелія съ особенно теплымъ чувствомъ говорится о смерти св. Саввы, вслѣдствіе чего нѣкоторые и относятъ эту рукопись ко второй половинѣ XIII вѣка; но есть также мнѣнія, что она написана только въ XIV вѣкѣ (см. у Гильфердинга и Изв. Имп. ак. н. VII.). 2.) Призренское евангеліе, о которомъ Гильфердингъ тоже упомянулъ вкратцѣ въ своей книгѣ (стр. 209); потомъ нѣсколько евангелій изъ собранія Михановича (по крайней мѣрѣ одно, если не два и не три), въ библіотекѣ

народной и Бѣлградскаго общества любителей литературы. Эти послѣднія рукописи близко еще не изслѣдованы. Евангеліе, находящееся, по словамъ Мартынова, въ Парижѣ за № 25 (см. Les manuscrits slaves, стр. 98)—не сербской, а болгарской рецензіи, и принадлежитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, XIV вѣку.

Изъ остальныхъ литургическихъ книгъ XIII вѣка упомянемъ: тріодь изъ собранія Михановича, два пролога: одинъ Норовскій, описанный вкратцѣ Востоковымъ (Уч. Зап. 2. 2. 102); другой румянцовскій, описанный въ Опис. румянц. муз. № 319. Оба пролога замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ упоминаются уже и русскіе святые, а изъ сербскихъ—одинъ только св. Симеонъ. Это доказываетъ, что эти рукописи заимствованы изъ болгарскихъ оригиналовъ, что замѣтно и по языку румянцовскаго пролога. До своего ослабленія и паденія болгарское государство находилось въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ съ русскимъ народомъ, чѣмъ Сербія; поэтому русскіе святые попали въ болгарскія рукописи, а оттуда уже и въ сербскія. Въ собраніи Михановича есть также одинъ прологъ, безъ сомнѣнія принадлежащій XIII вѣку, и въ немъ изъ сербскихъ святыхъ упоминается одинъ только св. Симеонъ съ краткимъ житіемъ. Барбериніевскій палимпсестъ вѣроятно тоже принадлежитъ XIII-му вѣку; это пергаменная рукопись, гдѣ по славянскому и греческому письму написанъ вновь греческій текстъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ ветхаго завѣта. На сколько можно разобрать прежній, славянскій текстъ—одна половина его болгарской рецензіи, а другая—сербской; судя по содержанію это долженъ быть октоихъ (см. Уч. Зап. 2. 2. 91).

Относительно богословской литературы мы уже упоминали о перепискѣ, съ соблюденіемъ особенностей сербской рецензіи, древне-болгарскаго шестоднева Іоанна Экзарха,—трудъ грамматика Θеодора, въ Хиландарѣ, въ 1263 г. Гильфердингъ (Боснія, etc.) упоминаетъ о поученіяхъ св. Іоанна Златоуста 1286 г., а въ собраніи Михановича находится сборникъ поученій, который важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ встрѣчаются статьи, находящіяся уже въ Glagolita Clozianus. Въ той парижской рукописи, гдѣ находится житіе св. Симеона—рукопись относятъ къ XIII вѣку—находится нѣсколько богословскихъ статей, еще не изслѣдованныхъ, почему мы и не знаемъ—оригинальные

ли это сербскіе переводы или только списки съ древне-болгарскихъ переводовъ. (Описаніе рукописи см. въ «Гласникѣ» кн. VI. стр. 164 и у Мартынова: Les manuscrits slaves, стр. 46).

Наконецъ Востоковъ въ обзорѣ рукописей, которыми онъ пользовался для своего словаря, упоминаетъ сербскій типикъ XIII вѣка, принадлежащій публичной петерб. библіотекѣ. О томъ, какой это типикъ,—ничего не сказано.

b) *Вѣкъ XIV-й.* Въ XIV вѣкѣ въ сербскомъ государствѣ обнаружились прискорбные результаты тѣхъ элементовъ общественной жизни, которые еще въ предшествовавшемъ столѣтіи были внесены въ молодое государство изъ Византіи. Оно не было въ состояніи побороть своихъ соединившихся противниковъ: завистливую Византію, несогласный феодализмъ и—Турокъ. Въ то время, какъ извнѣ государство стояло на высшей ступени славы и его властелинъ Душанъ съ гордостью провозгласилъ себя сербскимъ царемъ, изнутри корень этого молодаго стебля былъ подточенъ; поэтому не прошло и полувѣка, какъ Сербія погибла подъ турецкимъ ножомъ, направленнымъ противъ нея старинными ея врагами: завистью Византіи и домашнимъ несогласіемъ властолюбивыхъ бояръ сербскихъ.

Этому, въ началѣ столь славному, а въ концѣ столь бѣдственному, XIV вѣку древне-сербская литература обязана значительнымъ числомъ памятниковъ; судя по тому, что намъ теперь извѣстно, XIV вѣкъ гораздо обильнѣе литературными произведеніями, чѣмъ XIII, но за то вся литература XIV-го вѣка гораздо ниже по своему значенію; она носитъ на себѣ явные слѣды тяжелаго для Сербіи времени и ложнаго направленія умственной жизни. Этотъ упадокъ всего замѣтнѣе на нѣсколькихъ оригинальныхъ произведеніяхъ того времени, дошедшихъ до насъ. Самымъ замѣчательнымъ плодомъ древне-сербской литературы XIV вѣка слѣдуетъ конечно считать произведенія архіепископа Даніила, писавшаго житія сербскихъ королей и архіепископовъ (хвальнаꙗ житиꙗ, какъ онъ самъ ихъ называетъ), въ которыхъ съ строго-церковной точки зрѣнія разсказывается только то, что извѣстный король или архіепископъ сдѣлалъ для церкви; съ особеннымъ восхищеніемъ описывается строгій образъ ихъ частной жизни, который, если вѣрить Даніилу, приличествовалъ скорѣе монаху чѣмъ сербскому го-

сударю. Напр. въ житіи короля Драгутина Даніилъ не находитъ достаточно словъ для описанія его великой набожности, разсказываетъ какъ онъ постоянно думалъ о смерти, какъ онъ спалъ на камняхъ, покрытыхъ терномъ и т. д. (ср. изданіе Даничича, стр. 39). Кто же кромѣ того надѣлялъ дарами Св. Гору и выстроилъ нѣсколько церквей—трудно рѣшить, кто изъ сербскихъ владѣтелей былъ самымъ щедрымъ на это—тотъ въ глазахъ Даніила былъ святымъ, хотя бы и велъ необузданную жизнь во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Поэтому всѣ Даніиловскія житія похожи одно на другое; вездѣ разсказывается одно и то же: какъ сербскіе государи набожны, какъ они день и ночь молятся Богу, строятъ церкви и монастыри и т. д. Намъ напр. извѣстно изъ исторіи, что король Милютинъ былъ несомнѣнно однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сербскихъ государей: въ немъ было болѣе государственнаго смысла, чѣмъ въ комъ-либо до него или послѣ него; но набожнымъ и нравственнымъ онъ сдѣлался только въ глубокой старости. Но Даніилъ и о Милютинѣ не сообщилъ ничего кромѣ своего восхищенія его набожностью, его богоугодными подвигами на пользу вѣры и церкви. Эти восхваленія доходятъ даже до того, что онъ говоритъ (изд. Даничича, стр. 127): мнѣ грѣшьномоу и недостойномоу рабоу Христа моѥго сьмѣреномоу Данилоу потьштавьшоу се исповѣдати величиꙗ неисповѣдимыихь чоудесь господина моѥго сего (Милютина), помышлꙗю вь оумѣ моѥмь, оть коудоу и сиꙗ глаголана мною, оудобь бо страхомь одрьжимь ѥсмь хоте мльчати, любовію же богооугодьныихь ѥго дѣꙗний оуꙗзвлꙗѥмь дрьзаю похвалы ѥго принести силою прѣсветаaго доухa обоштрѣнь, а немного ниже онъ прибавляетъ, что перечислить всѣ добрыя дѣла Милютина значило бы тоже самое, что пересчитать звѣзды на небѣ или песчинки въ морѣ! Даніилъ понималъ свою задачу весьма односторонне, измѣряя достоинства сербскаго государя не мѣриломъ заслугъ его предъ сербскимъ народомъ, а мѣриломъ безусловной наклонности къ монастырской жизни! Поэтому, въ такихъ произведеніяхъ какъ Даніилово, мы напрасно стали бы искать хотя какой-нибудь намекъ на положеніе сербскаго народа, на отношенія бояръ къ правителю, на внутреннее, политическое или юридическое устройство государства. Онъ напротивъ не забываетъ упомянуть о такихъ тайнахъ брачной жизни, какія разсказываются у него на 52-й страницѣ о королѣ Драгутинѣ,

объясняя ихъ впрочемъ одною набожностью! Такимъ образомъ Шафарикъ и Рачскій совершенно справедливо обвинили Даніила (см. Gesch. der südsl, Lit. III. стр. 240, Ocjena, стр. 150); но замѣтимъ, что такое обвиненіе относится не столько лично къ Даніилу, сколько вообще къ направленію цѣлаго вѣка; по всѣмъ вѣроятіямъ и каждый сербскій писатель XIV вѣка написалъ бы то же самое. Нельзя сказать, чтобъ Даніилъ намѣренно искажалъ истину; ему въ этомъ не было никакой необходимости, такъ какъ онъ a priori умалчивалъ обо всемъ, что не заслуживало похвалы! Мы того мнѣнія, что за любовь Даніила къ истинѣ ручается уже и то, что онъ описываетъ жизнь каждаго короля не одинаково подробно; о томъ что ему не было хорошо извѣстно, онъ говоритъ только вкратцѣ: такъ напр. о времени, предшествовавшемъ королю Урошу I, онъ разсказываетъ только въ нѣсколькихъ словахъ; жизнь короля Уроша 1-го, Драгутина и Елены описана нѣсколько обширнѣе, но всего пространнѣе изложена—и составляетъ какъ бы ядро цѣлаго произведенія—жизнь короля Милютина и короля Дечанскаго. Разсказывая о жизни болѣе древнихъ правителей онъ говоритъ: елика слышахомь и разоумѣхомь или нѣкотории оть древнихь моужий сьвѣдѣтели выше дѣломь ихь, елико сьтворише вь дьни житиꙗ своего и ти оуко вьзвѣстише намь, стр. 5; въ описаніи жизни короля Драгутина встрѣчается уже и его собственное свидѣтельство: имьже и мы самовидьци быхомь, стр. 23, а равно и въ жизнеописаніи царицы Елены: ꙗко вьзвѣстише ми прѣжде мене соуштеи сьвѣдѣтели житиꙗ сее блаженые Єлены, еликоже и азь очима моима видѣхь, истиньно исповѣдаю, стр. 58.

Полное изданіе произведеній архіепископа Даніила напечатано Даничичемъ въ 1866 г., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Животи Краљева и архіепископа српских, написа архіепископ Данило и други, на свиjет издао Ђ. Д. XV+386. Изданіемъ трудовъ Даніила—о чемъ думалъ еще и Шафарикъ—Даничичь облегчилъ разрѣшеніе вопроса, который задавалъ еще Шафарикъ, а именно: на сколько этотъ сборникъ житій составленъ Даніиломъ и на сколько—его продолжателями? Что не все, встрѣчающееся въ рукописи подъ именемъ Даніила, писано имъ самимъ, это ясно изъ того, что Даніилъ жилъ до 1338 г., а житія, въ отдѣлѣ царей, доведены до царя Душана (стало быть между 1336 и 1356 гг., хотя житіе Душана и не полно), а въ отдѣлѣ архіепи-

сводомъ — даже до 1376 г., такъ что въ этомъ же сборникѣ находится пространное житіе и самого архіепископа Даніила. И такъ житіе царя Душана, а затѣмъ и житія архіепископа Даніила и патріарховъ: Іоанникія, Саввы и Ефрема (три послѣднія въ весьма краткомъ видѣ) писаны неизвѣстнымъ продолжателемъ Даніила. Но еще возникаетъ вопросъ: когда и гдѣ писалъ Даніилъ свое твореніе? Судя по обстоятельствамъ и антецедентамъ сербской литературы, можно думать, что онъ писалъ его на Св. Горѣ; тамъ былъ разсадникъ сербскихъ писателей, и Даніилъ во многихъ мѣстахъ называетъ себя воспитанникомъ и ученикомъ Св. Горы; и, кажется, онъ писалъ свой трудъ прежде, чѣмъ сдѣлался сербскимъ архіепископомъ, т. е. ранѣе 1325 г.; все же написанное послѣ этого года писалъ, по нашему мнѣнію, уже не онъ, а кто-нибудь изъ учениковъ его. Съ его отбытіемъ со Св. Горы въ санѣ сербскаго архіепископа окончилась и его литературная дѣятельность, потому что его ожидали теперь другія, болѣе важныя обязанности въ общественной жизни, которыя скорѣе препятствовали, чѣмъ способствовали развитію его литературной дѣятельности. Но его трудъ, вѣроятно, остался въ Хиландарѣ и былъ тамъ продолжаемъ однимъ, а можетъ быть и нѣсколькими его учениками. Въ пользу этой гипотезы говоритъ много внутреннихъ доказательствъ. Даніилъ въ своемъ трудѣ довольно часто говоритъ о себѣ, и всегда въ первомъ лицѣ, не называя себя иначе какъ грѣшьный или сьмѣреный Даніиль (см. стр. 39, 58, 104, 319), или, какъ читаемъ на стр. 234: азь сьмѣреный и недостойный нарещти се Даніиль (см. также стр. 292). Біографъ же Даніила говоритъ о себѣ не иначе какъ: азь грѣшьный и недостойный рабь юго (т. е. Даніила), а Даніила онъ вездѣ называетъ: господинь мой, прѣосвѣщтеный архиепископь кирь Даніиль (см. стр. 329); на страницѣ же 330 онъ прямо называетъ себя недостойныимь оученикомь юго. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ прямо говорится, что житіе Даніила написано однимъ изъ его учениковъ (намъ извѣстно, что ихъ было нѣсколько), который вездѣ называетъ Даніила своимъ господиномъ, прибавляя къ этому полный архіепископскій титулъ и всякіе другіе хвалебные предикаты, — то, вѣроятно, можно безошибочно предположить, что тѣ мѣста сборника, сохранившагося подъ именемъ Даніила, гдѣ пишущій говоритъ о Даніилѣ какъ о своемъ господинѣ, надѣляетъ его

различными хвалебными прозвищами и вообще хвалить его такъ, какъ самъ Даніилъ не сталъ бы хвалить самого себя, что тѣ мѣста писаны не Даніиломъ, а его ученикомъ. Такой способъ изложенія мы видимъ не только въ житіи архіепископа Даніила, гдѣ напр. на стр. 219 читаемъ: и господинь мой, прѣосвештеный кирь Даніиль; но и въ житіи короля Дечанскаго Даніилъ никогда не упоминается въ первомъ лицѣ, но всегда о немъ говорится примѣрно такъ: кь семоу господиноу моіемоу прѣосвештеномоу, стр. 165, или короче: сь господинь мой, стр. 166, 202, 203; а тамъ гдѣ пишущій ссылается на своего господина (какъ напр. на стр. 172), онъ говоритъ о немъ такъ, какъ Даніилъ никогда не сталъ бы писать о себѣ; напр. на стр. 173: зѣло бо хоудогоу и разоумьноу моудрость имѣаше вь срьдьци своіемь, ср. также стр. 204—206. Можно почти навѣрное сказать, что и житіе короля Дечанскаго — по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ какъ оно сохранилось донынѣ—написано не Даніиломъ, а кѣмъ-либо изъ его учениковъ; нельзя утверждать навѣрное, что оно написано тѣмъ же ученикомъ, который написалъ житіе Даніила; но и это возможно. Слѣдуетъ еще замѣтить, что и предшествовавшія Даніиловскія житія не свободны отъ чуждыхъ интерполяцій, но къ счастію онѣ легко отличимы. Напр. въ житіи короля Милютина, гдѣ Даніилъ достаточно говоритъ о самомъ себѣ, въ концѣ на стр. 150, 155—158 такъ говорится о Даніилѣ, какъ онъ самъ о себѣ навѣрное не сталъ бы писать; все это вѣроятно кѣмъ-нибудь прибавлено впослѣдствіи. Такая же очевидная интерполяція видна и въ житіи короля Драгутина въ томъ, что говорится о Даніилѣ, начиная съ 43-й стр., гдѣ ему прибавляется архіепископскій титулъ сь прѣосвештени, между тѣмъ какъ извѣстно, что въ то время онъ былъ только Хиландарскимъ игумномъ.

Изъ этого краткаго обсужденія ясно видно, что литературная дѣятельность Даніила еще не вполнѣ уяснена и было бы весьма полезно, еслибъ какой-нибудь счастливый случай открылъ болѣе древнія рукописи, чѣмъ тѣ три, по которымъ Даничичь напечаталъ труды Даніила. Въ настоящее время уже неизвѣстно ничего и о той Хиландарской рукописи, съ которой сдѣланы въ прошломъ вѣкѣ Карловецкіе списки. Какое значеніе имѣетъ рукопись XVI вѣка, найденная Гильфердингомъ въ Довольскомъ монастырѣ (см. Боснія, Герцеговина и Ст. Сербія, стр. 302. прим. 2) — намъ

неизвѣстно: нѣсколько фразъ, приведенныхъ изъ нея въ его книгѣ, обнаруживаютъ сербскую рецензію, а слова текста тѣ же самыя, какъ и въ древнѣйшемъ Карловецкомъ спискѣ.

Писалъ-ли Даніилъ еще что-нибудь? Положительно неизвѣстно, но вѣрнѣе, что писалъ, потому что въ житіи короля Драгутина, въ интерполяціи, на которую мы уже указали, неизвѣстный писатель разсказываетъ, какъ Даніилъ, живя на Св. Горѣ, отказался отъ игуменства въ Хиландарѣ и удалился въ Саввину келью въ Кареяхъ, и на мнозѣ тоу живоуштоу ѥмоу богоугоднаꙗ мысль вьзиде на оумь ѥмоу, сьставивь писаниꙗ доушепользныихь глаголь и сиꙗ вьслати кь.... кралю стефаноу; и ѥлико помыслиль ѥ, тако и сьтвори: вьса сии сьвршивь и сь вьсѣмь срьдьчьнымь благословениѥмь и глаголы богоизбраньіими и писании чьстьными вьса сии сьставивь, послалъ это со старцемъ Аѳанасіемъ королю въ Дабрацъ. Изъ этихъ словъ положительно не видно—послалъ-ли онъ королю простое посланіе или нравоучительно-философское сочиненіе. На столько же поверхностны и слова біографа, сказанныя имъ въ похвалу Даніилу: книгы же многочисльныѥ сьставлꙗѥ и изобрѣтаѥ прѣжде не бывьшеѥ николиже, стр. 367. Но какъ бы то ни было, на сколько мы знаемъ Даніила изъ его произведенія и изъ біографіи, написанной его ученикомъ, мы должны причислить его къ самымъ замѣчательнымъ представителямъ сербскаго народа XIV вѣка, изъ уваженія къ его неутомимымъ заботамъ о культурѣ и просвѣщеніи древней Сербіи.

На ряду съ Даніиломъ упоминался уже одинъ изъ его учениковъ, написавшій похвальное житіе своего учителя, вошедшее въ трудъ Даніила (въ изданіи Даничича стр. 328—377). Къ сожалѣнію мы не знаемъ даже имени этого сербскаго писателя, который, судя по написанному имъ житію его учителя, заслуживаетъ уваженія, и еще болѣе, если это тотъ же самый человѣкъ, который продолжалъ и пополнялъ нѣкоторыя части произведенія Даніила. Мы того мнѣнія, что ученикъ Даніила, кромѣ житія своего учителя, написалъ только житія короля Дечанскаго и царя Душана, въ которыхъ онъ очень много говоритъ о «своемъ господинѣ» архіепископѣ Даніилѣ, и мотивъ его дѣятельности—почитаніе своего учителя — совершенно понятенъ. Остаются еще три житія, находящіяся въ сборникѣ Даніила, а именно житія патріарха Іоанникія, Саввы и Ефрема, очень краткія и не-

значительныя, и по манерѣ изложенія совершенно отличныя отъ всего предшествовавшаго; мы полагаемъ, что въ сборникъ Даніила онѣ добавлены кѣмъ-нибудь впослѣдствіи и недостойны ученика его. Ученикъ Даніила навѣрное не сталъ бы такъ небрежно отзываться о царѣ Душанѣ и о введеніи имъ церковной реформы, по которой сербскій архіепископъ былъ возведенъ въ санъ самостоятельнаго сербскаго патріарха (см. изданіе Даничича, стр. 381—382).

Шафарикъ упоминалъ нѣкогда (см. Gesch. der südsl. Lit. III. 242), а Даничичъ теперь подтвердилъ, что въ древнѣйшемъ Карловецкомъ спискѣ произведенія Даніила, въ концѣ житія Душана, есть приписка, говорящая о какомъ-то болѣе пространномъ житіи того же самаго царя, текстъ котораго находился нѣкогда въ Студеницѣ: сего благочестиваго и превысокаго крала Стефана обрѣтается житиѥ пространнѣише во обители Студеничкои, а здѣ точию се написанно. Неизвѣстно, кто первый сдѣлалъ эту приписку, и была-ли она уже въ Хиландарскомъ оригиналѣ, или кто-нибудь прибавилъ ее впослѣдствіи. Поэтому и неизвѣстно, кѣмъ и когда написано это болѣе пространное житіе Душана. Не то-ли это житіе царя Душана и сына его Уроша, которое написалъ архіепископъ и патріархъ Печскій Паисій (жившій только въ началѣ XVII вѣка)? Неужели о жизни такого славнаго государя никто ничего не писалъ до XVII вѣка? Мы не можемъ этому повѣрить, такъ какъ знаемъ, что въ XIV вѣкѣ, а равно и въ началѣ XV въ Сербіи было очень много біографовъ, такъ что и понынѣ сохранилось по нѣскольку житій нѣкоторыхъ сербскихъ святыхъ, чѣмъ мы, кажется, много обязаны примѣру архіепископа Даніила. Намъ извѣстно напр., что кромѣ написаннаго Даніиломъ о Драгутинѣ и Милютинѣ, имѣется еще въ Бѣлградѣ, въ рукописи XV в. житиѥ и жизнь благочьстиваго кралꙗ Стефана срѣмьскаго, монаха Θеоктиста (т. е. короля Драгутина) и паметь иже вь светыхь и вь благочьстии великааго и вь милости изештьнаго богоносьнаго Стефана, правештаго скыптри кралѥвства вьсеѥ срьбьскыѥ земле и поморьскыѥ (т. е. короля Милютина). О томъ, кѣмъ и когда составлены первоначально эти два текста, нѣтъ никакихъ свѣденій: можетъ быть, это только передѣлка произведенія Даніила, такъ какъ тотчасъ за этими текстами мы встрѣчаемъ въ той же самой рукописи и житіе царицы Елены, матери Милютина, которое слово въ слово взято изъ

Даніила (см. Гласникъ, кн. XI). Но это еще ничего не доказываетъ, потому что въ той же самой рукописи имѣется наконецъ и житіе Стефана Дечанскаго: житіе и жительство свѧтаго великомоученика въ царѣхъ Стефана срьбьскааго, иже въ Дѣчахъ. Это житіе не просто выписка изъ Даніила, а самостоятельный, обработанный по многимъ источникамъ трудъ Григорія Цамблака, человѣка замѣчательнаго на сколько въ исторіи сербской литературы, на столько же, если не болѣе, въ исторіи умственнаго развитія народа русскаго.

Григорій родился гдѣ-то въ Болгаріи, но былъ нѣкоторое время Дечанскимъ игумномъ и написалъ въ то время вышеупомянутое житіе Стефана Дечанскаго (вмѣстѣ съ службою): оно напечатано по рукописи сербской рецензіи въ Гласникѣ, кн. XI, и по испорченной болгарской рецензіи—въ Архивѣ, кн. IV. Въ 1379 г. (неизвѣстно, до своего игуменства въ Дечанахъ или послѣ), у Трновскаго патріарха Евѳимія, онъ встрѣтился съ русскимъ митрополитомъ Кипріаномъ, который, направляясь, въ Царьградъ, посѣтилъ Сербію. Кипріанъ конечно замѣтилъ необыкновенныя умственныя дарованія молодаго Григорія и предложилъ ему отправиться въ Россію. Но Григорій, бывшій сначала игумномъ Дечанскаго монастыря въ Сербіи и Пантократорова въ Молдавіи, только впослѣдствіи согласился на приглашеніе своего соотечественника Кипріана и отправился въ южную Россію, но уже не засталъ въ живыхъ своего покровителя (Кипріанъ умеръ въ Кіевѣ въ 1406 г.). Переселившись въ Россію Цамблакъ отказался отъ Сербіи и сталъ трудиться на пользу русскаго народа. О заслугахъ его, оказанныхъ образованію русскаго народа, писали епископы—Филаретъ, (Обзоръ духовн. литературы, Ученыя Зап. III. стр. 90) и Макарій: («О Григоріѣ Цамблакѣ, митрополитѣ Кіевскомъ», Извѣст. Ак. н. т. VI. стр. 97). Этотъ послѣдній характеризуетъ Григорія слѣдующимъ образомъ: «Григорій принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей древняго періода. Въ продолженіе двухъ столѣтій, XIV и XV, когда жилъ онъ и святительствовалъ, въ Россіи не было ни одного писателя—проповѣдника, который бы могъ сравняться съ нимъ по краснорѣчію и по внутреннему достоинству своихъ твореній. Скажемъ болѣе: въ продолженіе первыхъ пяти вѣковъ нашей Церкви, не смотря на всю многочисленность бывшихъ у насъ писателей, мы едва можемъ указать двухъ-трехъ духовныхъ ораторовъ, которые

имѣли бы одинаковое право съ Григоріемъ занять мѣсто въ исторіи Русской словесности».—Донынѣ извѣстно до 25 произведеній Григорія Цамблака, большею частью проповѣди, которыя, не смотря на нерасположеніе къ самому Григорію, много читались и уважались въ Россіи; но нѣкоторыя изъ нихъ, кажется, составлены имъ еще въ то время, когда онъ жилъ на югѣ, въ своемъ отечествѣ. Кромѣ житія Стефана Дечанскаго, для насъ интересны еще: бесѣда о перенесеніи мощей св. Петки въ Сербію (не была издана); говорятъ, что онъ передѣлалъ также житіе св. Петки, составленное патріархомъ Евѳиміемъ (напечатанное въ Гласникѣ, кн. VIII); наконецъ, похвала его соотечественнику Кипріану и похвала Терновскому патріарху Евѳимію. Новѣйшіе біографы Цамблака отрицаютъ, приписываемое ему Гласникомъ (кн. XI, стр. 37), житіе св. Ромила, но хронологія, основанная на житіи Ромила, гдѣ говорится о деспотѣ Углешѣ, допускаетъ предположеніе, что писатель Григорій, упоминаемый въ житіи могъ быть и Григорій Цамблакъ.

Дѣятельность Григорія въ Сербіи относится какъ разъ къ концу XIV вѣка; онъ послѣдній писатель XIV вѣка, о которомъ мы кое-что знаемъ: намъ неизвѣстны имена другихъ древне-сербскихъ писателей, оставившихъ оригинальныя произведенія. Намъ неизвѣстно напр., кто написалъ нѣсколько похвалъ князю Лазарю, о которыхъ выше уже была рѣчь; до насъ дошло только имя Евѳиміи, составившей извѣстную надпись на покровѣ Лазарева гроба въ Раваницѣ. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что и другія похвалы князю Лазарю написаны уже въ концѣ XIV вѣка, или въ началѣ XV.

Съ героическою смертью Лазаря кончается одна и начинается другая эпоха въ жизни сербскаго народа. Битва на Косовомъ полѣ была послѣднимъ усиліемъ въ борьбѣ за самостоятельность и цѣлостность сербскаго государства: оно сокрушено не Турецкою силою, а несогласіями туземныхъ бояръ, измѣною феодаловъ—ренегатовъ. Съ тѣхъ поръ Сербія должна была служить чужимъ интересамъ: страшная месть судьбы постигла сыновей князя Лазаря и Вука Бранковича, когда они принуждены были вести народъ свой въ бой для прославленія османскаго могущества и проливать сербскую кровь, чтобъ наложить на себя и на народъ еще болѣе крѣпкія оковы. Самъ сербскій народъ въ своихъ пѣсняхъ оплакалъ это событіе съ большимъ достоинствомъ, чѣмъ

ученые древне-сербскіе писатели, продолжавшіе и далѣе умалчивать о бѣдствіяхъ и страданіяхъ своего народа и широковѣщательно восхвалять отдѣльныя набожныя личности изъ княжескаго рода. Такая похвала воздана была Стефану Лазаревичу его біографомъ, Константиномъ философомъ; а впослѣдствіи также деспоту Стефану Георгіевичу, женѣ его Ангелинѣ, и наконецъ ихъ сыновьямъ, Максиму архіепископу († 1516) и Ивану Деспоту († 1503). Имена ихъ біографовъ намъ неизвѣстны. Тексты этихъ позднѣйшихъ похвалъ напечатаны по сербской рецензіи: житіе архіепископа Максима напечатано еще отдѣльно въ Гласникѣ, кн. XI.

Мы прежде всего упомянули объ этихъ житіяхъ и похвалахъ по двумъ причинамъ: потому что онѣ составляютъ самую замѣчательную часть литературной дѣятельности цѣлаго вѣка и потому что уже доказано, что онѣ послужили источникомъ и матеріаломъ для иной дѣятельности, несомнѣнно возникшей уже въ XIV вѣкѣ, продолжавшейся въ XV и особенно процвѣтавшей въ XVI и XVII вѣкахъ: мы говоримъ о сербскомъ лѣтописаніи.

Сербская хронографія, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, развилась вполнѣ на греческой основѣ. И въ лѣтописаніи сербская литература представляетъ простое подражаніе византійской литературѣ. Тѣ же самые священники и монахи, которые переводили церковныя и богословскія книги, считали исторію богоугоднымъ занятіемъ въ своей монастырской жизни. Дѣятельность эта началась съ перевода византійскихъ лѣтописцевъ. Въ то время въ византійской литературѣ, а въ послѣдствіи и въ славянской, всего болѣе уважались имена четырехъ лѣтописцевъ: Іоанна Малалы, Георгія Гамартола, Іоанна Зонары и Константина Манассія. О первомъ изъ нихъ уже была рѣчь; до сихъ поръ еще неизвѣстно, существуетъ-ли гдѣ-либо сербскій текстъ его перевода. О второмъ мы тоже говорили. Судя по множеству рукописей, въ которыхъ и донынѣ еще сохранился славянскій текстъ Георгія Гамартола, можно заключить, что юго-славянскіе писатели, и въ особенности древніе Сербы, очень много и охотно переводили изъ него. Когда былъ сдѣланъ Сербами новый переводъ или по крайней мѣрѣ передѣланъ прежній древне-болгарскій переводъ хроники Георгія — Положительно неизвѣстно, но можно предположить, что въ XIV вѣкѣ, такъ какъ всѣ доселѣ извѣстныя сербскія рукописи на-

писаны не ранѣе XIV вѣка. Одну рукопись видѣлъ Авраамовичъ на Св. Горѣ, въ монастырѣ Св. Павла; она писана между 1376—1389 г. (см. книгу Авраамовича, стр 118); другая рукопись, бывшая прежде въ Хиландарѣ, хранится теперь въ Московской Синодальной библіотекѣ и писана въ 1386 г.; третью рукопись, принадлежавшую нѣкогда Шафарику и находящуюся теперь въ библіотекѣ Пражскаго музея, относятъ къ 1389 г.; четвертая—Вѣнская рукопись принадлежитъ XIV вѣку, а пятая—Румянцовскаго музея относится къ XV столѣтію; греческій же текстъ изданъ Мураltомъ въ 1861 г. (Уч Записки II-го отд. А. Н.). Лѣтопись Іоанна Зонары была, кажется, въ первый разъ самостоятельно переведена на сербскій языкъ, и тоже, кажется, въ XIV вѣкѣ; рукопись Карловецкой библіотеки, въ которой заключается славянскій текстъ Іоанны Зонары, принадлежитъ XV вѣку, но она не что иное, какъ списокъ съ болѣе древняго оригинала. Переводъ лѣтописи Константина Манассіи относится къ болгарской литературѣ; неизвѣстно, существовала-ли она когда нибудь въ сербской редакціи. . . . .

Эти четыре хроники, изъ которыхъ одна, какъ мы видѣли, вполнѣ, а другая по крайней мѣрѣ на половину принадлежатъ древне-сербской литературѣ, важны не столько сами по себѣ, сколько потому, что изъ нихъ почерпался матеріалъ для такъ называемаго **хронографа**, т. е. **общей лѣтописи** о церковныхъ и свѣтскихъ событіяхъ исторіи еврейской, сирійской, македонской, греческой и римской; кромѣ того встрѣчается тамъ нѣсколько прибавленій и изъ славянской исторіи. Такихъ хронографовъ въ славянской литературѣ очень много, въ особенности же въ русскихъ редакціяхъ XVI вѣка. Хотя и у Сербовъ есть нѣсколько хронографовъ (Шафарикъ въ своей Gesch. der südsl. Lit. III. 236—237, упоминаетъ три рукописи; самый замѣчательный изъ нихъ текстъ сербскаго хронографа XV вѣка, хранящійся гдѣ-то въ Россіи и упомянутый Лазаревскимъ въ Изв. Петерб. ак. н. т. VIII стр. 387), но никто до сихъ поръ не взялъ на себя труда изслѣдовать ихъ поближе; только на одинъ вопросъ, поставленный нѣкогда Шафарикомъ, отвѣчаетъ намъ Лазаревскій: что сербскій хронографъ древнѣе русскаго и что русскій по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть своего содержанія заимствовалъ изъ сербскаго. По изслѣдованію Лазаревскаго русскій хронографъ заимствовалъ будто бы изъ сербскаго весь

матеріалъ имѣющійся у Іоанна Зонары, отрывки изъ Іосифа Флавія, отрывки древне-болгарской и греко-славянской исторіи и т. д., а можетъ быть нѣкогда былъ занесенъ въ Россію и цѣлый сербскій хронографъ. Но когда и какъ возникли сербскіе хронографы? Были-ли это оригинальные труды сербскихъ писателей, или они заимствованы изъ болгарской литературы? и наконецъ что въ древне-сербской литературѣ появилось ранѣе—хронографы или лѣтописи? На всѣ эти вопросы до сихъ поръ еще нельзя дать никакого положительнаго отвѣта.

Мы только знаемъ, что **сербскіе лѣтописи**, въ тѣсномъ значеніи этого слова, состояли всегда изъ двухъ частей: одна половина заключала въ себѣ общую лѣтопись, не касавшуюся туземныхъ событій; въ другой же половинѣ сообщались только туземныя событія, изъ сербской исторіи. Всеобщій отдѣлъ сербскихъ лѣтописей заимствовался, кажется, изъ хронографовъ; источниками же туземнаго отдѣла были, по большей части, сербскія житія, такъ напр. произведенія св. Саввы, Доментіана, Даніила, Цамблака и т. д. Такъ какъ мы высказали мнѣніе, что сербскія лѣтописи составились изъ извлеченій изъ хронографовъ и изъ оригинальныхъ житій, то слѣдуетъ допустить мысль, что лѣтописи возникли значительно позднѣе хронографовъ. Такъ конечно и было; нигдѣ не упоминается о сербской лѣтописи древнѣе XV и XVI вѣка и т. д. до возникновенія народной литературы въ концѣ прошлаго вѣка. Это обстоятельство можно объяснить и условіями времени: только въ XV вѣкѣ дошелъ народъ сербскій до такого состоянія, что при бѣдственномъ настоящемъ онъ сталъ жить воспоминаніями о болѣе счастливомъ прошедшемъ; только тогда сербскіе писатели, при помощи общихъ лѣтописей или хронографовъ и туземныхъ житій, начали составлять генеалогическіе обзоры судебъ своихъ правителей, своихъ князей. При этомъ можно постановить за правило, что чѣмъ древнѣе лѣтопись, тѣмъ въ ней обширнѣе первый, не сербскій отдѣлъ, тѣмъ болѣе она похожа на хронографъ. По мѣрѣ того какъ накоплялось больше домашняго матеріала, позднѣйшіе переписчики стали сокращать первый отдѣлъ, а иногда даже и вовсе выпускали его. Образцомъ пространнаго не сербскаго отдѣла въ лѣтописцѣ считается Бѣлградская лѣтопись, напечатанная Вукомановичемъ (Гласникъ, кн. IX), подъ заглавіемъ: повѣсть отъ бытия и w цѣсарьствихъ всѣхъ

родовъ. И самое заглавіе уже показываетъ, что писавшій имѣлъ въ виду не одну сербскую исторію, но дѣйствительно настоящій хронографъ, только съ незначительнымъ сокращеніемъ перваго отдѣла и съ продолженіемъ втораго до новѣйшихъ временъ (1517). Мы убѣждены, что вполнѣ бы увѣрились въ этомъ, еслибъ была возможность сравнить первую страницу этой «повѣсти» съ какимъ нибудь другимъ, болѣе древнимъ хронографомъ, или напр. съ «повѣстью» римскихъ и греческихъ царей отъ Помпея до Константина (1028), которую Шафарикъ описывалъ по Крушедольской рукописи XV вѣка и которая-ничто иное, какъ отрывокъ хронографа (см. Gesch. der südsl. Lit. III. стр. 215).

Ни первый (всеобщій), ни второй (сербскій) отдѣлъ сербскихъ лѣтописей не отличается положительно никакими достоинствами; изложеніе не ясно и не полно, оно не идетъ далѣе нанизыванія голыхъ именъ въ генеалогическомъ порядкѣ; только при имени болѣе замѣчательныхъ лицъ — членовъ царствующаго дома по порядку наслѣдованія разсказано какое-либо событіе, случившееся или съ даннымъ лицомъ или по крайней мѣрѣ во время его правленія. Такимъ образомъ ни государство, ни народъ не проявляются въ своей органической цѣлости. Сербскія житія и ихъ копіи—сербскія лѣтописи писаны съ однимъ и тѣмъ же одностороннимъ направленіемъ, съ тою только разницею, что въ послѣднихъ, по требованіямъ средневѣковой хронографіи, писатель находился въ сильномъ затрудненіи, какъ въ свой историческій матеріалъ внести генеалогическій порядокъ: это было такимъ препятствіемъ, которое не могли преодолѣть всѣ ихъ познанія. Лѣтописи ничего не упоминаютъ о событіяхъ, случившихся до Немани; онѣ даже не въ состояніи привести въ порядокъ его генеалогію и называютъ его правнукомъ императора Константина! Уже возникалъ вопросъ, почему сербскія лѣтописи не знаютъ ничего о времени до Немани, и мы думаемъ, что намъ вовсе не нужно, подобно Гильфердингу, прибѣгать къ помощи строгаго православія, — которое будто бы не обращало вниманія на эпоху до Немани, тамъ, гдѣ намъ совершенно достаточно знать, какъ поздно въ Сербіи принялись за писаніе лѣтописей: вѣдь это уже произведенія позднѣйшихъ временъ, когда и культура и образованность XIII и XIV столѣтій уже значительно упали; а такъ какъ нельзя особенно лестно относиться и къ болѣе древнимъ про-

изведеніямъ, то поэтому уже не должно удивляться и незначительности позднѣйшихъ: что же могутъ сказать о давнемъ прошломъ сербскаго народа эти позднѣйшія компиляціи, когда о немъ ничего не говорится въ болѣе древнихъ источникахъ, которые всетаки были ближе къ IX, X, XI и XII вѣкамъ!

До сихъ поръ найдено до двадцати пяти различныхъ рукописей, заключающихъ въ себѣ болѣе или менѣе пространныя сербскія лѣтописи. Самую древнею изъ нихъ должно считать такъ называемую Копривницкую лѣтопись, конца XIV или начала XV вѣка, найденную Шафарикомъ въ Крушедольской рукописи 1453 г.; это вѣроятно списокъ съ болѣе древней рукописи, и должно замѣтить, что лѣтопись заканчивается смертью короля Вукашина (1371 г.) Съ этою лѣтописью очень сходна Печская лѣтопись, найденная Гильфердингомъ въ Печи, въ рукописи XV вѣка; эта лѣтопись идетъ нѣсколько далѣе, а именно до 1391 г. (ср. Гильфердингъ, Боснія и т. д., стр. 271). Всѣ остальныя лѣтописи позднѣе конца XIV вѣка и за исключеніемъ Сѣченьевской лѣтописи, найденной въ мѣсяцесловѣ 1501 г., изъ нихъ нѣтъ ни одной, которая не достигала бы до XVI или XVII вѣка; нѣкоторыя же продолжались и до XVIII. Но это не даетъ намъ права думать, что ни въ одной изъ новѣйшихъ лѣтописей не заключается болѣе обширныхъ свѣдѣній о древнихъ временахъ (до конца XIV вѣка), чѣмъ въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ. Нерѣдко въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ встрѣчаются весьма важныя свѣдѣнія о какомъ либо древнемъ событіи, которыхъ мы бы напрасно стали искать въ старѣйшихъ лѣтописяхъ, бывшихъ всетаки ближе къ данному событію. Это служитъ доказательствомъ, что нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ лѣтописей почерпали свѣдѣнія о давнемъ прошломъ Сербіи изъ источниковъ (можетъ быть тоже лѣтописей), отъ которыхъ нынѣ не осталось и слѣда. Такъ напримѣръ въ позднѣйшимъ плодамъ древне-сербской литературы принадлежитъ лѣтопись Троношская (напечатана въ Гласникѣ кн. V), въ 1791 г. она была переписана какимъ-то іеромонахомъ Іосифомъ Тронощемъ, въ монастырѣ Тронощѣ. Оригиналъ этого списка былъ написанъ тоже въ XVIII вѣкѣ, потому что писавшій его упоминаетъ о нѣкоторыхъ современныхъ ему событіяхъ, свершившихся въ половинѣ XVIII вѣка. Но при внимательномъ изслѣдованіи не трудно замѣтить, что эта лѣтопись бы-

-да только кѣмъ-то передѣлана и пополнена въ XVIII вѣкѣ, а древняя ея редакція достигала только до первой половины XVI вѣка, а именно до 1526 г. Гильфердингъ въ Печи (и Дечанахъ), нашелъ въ двухъ рукописяхъ текстъ точно такой же лѣтописи; но и у него одинъ текстъ приблизительно XVIII вѣка, а другой нѣсколько древнѣе (см. Гильфердингъ, Боснія и т. д. стр. 264). Въ Тронош(с)кой или, по редакціи Гильфердинга, Печской лѣтописи такъ хорошо и подробно разсказывается о нѣкоторыхъ древнихъ событіяхъ (напр. о Косовской битвѣ), какъ ни въ одной изъ болѣе древнихъ лѣтописей. Откуда же взялись въ ней такія достоинства? Вѣроятно писавшій ее имѣлъ подъ руками какіе-либо древніе источники, о которыхъ мы теперь ничего не знаемъ.

Большинство извѣстныхъ донынѣ лѣтописей уже напечатано. Шафарикъ, въ своихъ «Památky dř. písemn. jihoslovanův», именно въ той части, гдѣ находятся ukázky občanského písemnictví» (Прага, 1851), соединилъ десять лѣтописей въ одинъ текстъ подъ заглавіемъ: сказаніе о срьбьскыхъ господахъ и лѣтописьць господь срьбьскыихъ; въ первой половинѣ соединены болѣе обширныя повѣствованія двухъ лѣтописей: Копривницкой и Карловецкой; въ другой помѣщена въ хронологическомъ порядкѣ компиляція болѣе краткихъ свѣдѣній изъ остальныхъ осьми лѣтописей. Нельзя упрекать Шафарика за такой способъ изданія, тѣмъ болѣе, что только этимъ путемъ можно опредѣлить историческое значеніе сербскихъ лѣтописей; но въ 1851 г. не было еще извѣстно или по крайней мѣрѣ доступно наукѣ достаточное количество рукописей, чтобъ возможно было по нимъ составить исправленный и критическій текстъ. Въ подтвержденіе этого можемъ сослаться на поправки Вукомановича (Гласникъ, кн. XI, стр. 158), на обильныя поправки въ словарѣ Даничича и на поправки Ягича по рукописи Кукульевича (Književnik, III. стр. 122). Между тѣмъ послѣ 1851 г. напечатано уже весьма значительное число лѣтописей и теперь съ большимъ успѣхомъ можно было бы примѣнить къ изданію лѣтописей способъ Шафарика. Въ Гласникѣ кн. V напечатана Троношская лѣтопись (ср. при этомъ Гильфердинга, Боснія и т. д., 264), въ кн. X — вышеупомянутый хронографъ (повѣсть отъ бытия), въ кн. XI — Вукомановичева лѣтопись царемъ срьбьскымъ, въ кн. XX — лѣтопись Раваницкая, въ кн. XXI — родословіе сербскіи царей; въ книгѣ «Дечански споменици»

Растича (Бѣлградъ 1864) напечатана лѣтопись Дечанская (безъ критики); въ изданіи Arkiv, кн. III — латинскій переводъ лѣтописи Бранковича; въ изд. Književnik III. 122 напечатано большое извлеченіе изъ лѣтописи Кукулевича и т. д. Остается желать, чтобъ еще нѣкоторыя лѣтописи были, если не вполнѣ напечатаны, то по крайней мѣрѣ сравнены съ болѣе подходящими изъ тѣхъ, которыя уже напечатаны, чтобъ посредствомъ такого сравненія можно было исправить ошибки и объяснить темныя мѣста: особенно же важно это для лѣтописи, найденной Гильфердингомъ въ Печской рукописи (см. Боснія и т. д. стр. 271). Въ монастырѣ Житомишличѣ, какъ сообщаетъ «Далматинскій магазинъ» 1861 г., есть какой то цароставникъ, написанный въ 1634 г. въ Хоцовѣ; сербская-ли это лѣтопись или хронографъ — неизвѣстно.

Въ то же самое время, когда составлялись лѣтописи, писались на досугѣ и другія мелкія статьи историческаго содержанія, которыя встрѣчаются иногда въ рукописяхъ. Такимъ образомъ инокъ Исаія къ своему переводу Діонисія Ареопагита присоединилъ разсказецъ о смерти короля Вукашина (1371 г.); текстъ его найденъ въ позднѣйшей рукописи Болгарской рецензіи, да кажется и самъ Исаія былъ родомъ Болгаръ (см. Mikl. Homil. in ramos palm. стр. 69).

Въ XIV вѣкѣ Терновскій патріархъ Евѳимій написалъ житіе св. Іоанна Рыльскаго; эта рукопись сама по себѣ не имѣетъ значенія и принадлежитъ скорѣе къ болгарской литературѣ, чѣмъ къ сербской. Но послѣ текста Евѳимія въ рукописяхъ обыкновенно встрѣчается и добавленіе, разсказывающее о томъ, какъ мощи Іоанна Рыльскаго были снова перенесены изъ Тернова въ Рыльскій монастырь. Это добавленіе написано послѣднимъ въ днехъ Владиславомъ грамматикомъ. Такъ какъ это перенесеніе мощей совершилось въ 1469 г., то ясно, что Владиславъ не могъ жить ранѣе второй половины XV вѣка, но и не позже, потому что, судя по его описанію, трудно повѣрить, чтобъ онъ самъ не былъ очевидцемъ событія. Кромѣ того ниже мы упомянемъ о панегирикѣ Рыльскомъ, написанномъ тѣмъ же самымъ Владиславомъ въ 1479 г., что тоже служитъ указаніемъ времени, когда онъ жилъ. Даничичъ (въ газ. «Видов дан», 1863 г. №№ 11—12) оцѣнилъ произведеніе Владислава и доказалъ, что Владиславъ былъ умный и ученый человѣкъ, и его разсказъ содержитъ въ себѣ много важныхъ свѣдѣній о самыхъ близкихъ къ нему времени событіяхъ. Изъ

краткаго извлеченія, сдѣланнаго Даничичемъ, видно сколько достоинствъ заключаетъ въ себѣ разсказъ грамматика Владислава, и желательно, чтобъ этотъ разсказъ былъ изданъ критически. Кромѣ Бѣлградской рукописи есть, на сколько извѣстно, еще одна на Св. Горѣ (см. Петковича, Обзоръ и т. д. стр. 61).

Въ рукописи 1619 г., въ которой находится житіе св. Симеона, писанное Саввою, есть коротенькій разсказъ о Царьградѣ, о томъ какъ онъ былъ построенъ императоромъ Константиномъ и какъ онъ былъ взятъ Турками въ 1453 г. Разсказъ этотъ еще не изданъ. Въ гласникѣ, кн. XI., Даничичь, въ видѣ приложенія къ исторіи сербской церкви, напечаталъ сказаніе о архіепископѣхъ срьбьскыхъ иже вь пеки бывшихъ. Современемъ вѣроятно найдется и еще множество такихъ произведеній, которыя-послужатъ-ли онѣ или не послужатъ къ уясненію исторіи сербскаго народа—важны уже потому, что полное опредѣленіе характера и значенія древне-сербской литературы возможно только тогда, когда всѣ эти мелочи будутъ собраны воедино.

Говоря о сербскихъ лѣтописяхъ, мы перешли далеко за границы XIV вѣка; но это было необходимо, потому что въ послѣдующихъ вѣкахъ лѣтописи заняли мѣсто прежнихъ житій, а прежнія житія продолжались впослѣдствіи въ формѣ сербскихъ лѣтописей. Теперь же вернемся снова къ литературной дѣятельности XIV вѣка.

Изъ книгъ, служащихъ для церковнаго употребленія, упомянемъ прежде всего типикъ св. Саввы Іерусалимскаго, переведенный съ греческаго на сербскій языкъ архіепископомъ Никодимомъ. Будучи еще игуменомъ Хиландарскимъ, онъ прибылъ однажды въ Константинополь, гдѣ въ то время проживалъ патріархъ Антіохійскій и Іерусалимскій, и познакомился здѣсь съ тамошнимъ уставомъ; сдѣлавшись архіепископомъ, онъ пожелалъ и для своего отечества составить такой же типикъ, послалъ въ Константинополь за греческимъ текстомъ и, какъ говоритъ онъ: прѣложихъ вь нашь ѥзыкь оть писмень грьчьскаго ѥзыка; это было въ 1319 г. Этотъ памятникъ сербской литературы оцѣненъ какъ слѣдуетъ Даничичемъ, въ Гласникѣ кн. XI. Но къ XIV вѣку относятся еще нѣсколько типиковъ, хотя и неизвѣстно на сколько они сходны съ типикомъ Никодима; такъ напр. у Шафарика былъ сербскій типикъ, писанный между 1357 и 1367 г. и принад-

лежащій теперь библіотекѣ Пражскаго музея; какой-то типикъ Хиландарскій XIV вѣка находился нѣкогда въ мѣстечкѣ село Бродарь оу Боснѣ, и принадлежалъ впослѣдствіи В. Караджичу (ср. Миклошичь, Lex. XX); и въ Россіи, въ Новоіерусалимскомъ монастырѣ, имѣется также сербскій типикъ, писанный на пергаменѣ въ XIV вѣкѣ, съ слѣдующею припискою си типикь ієромонаха аѳанасиꙗ кратовьца радоника попа и матере єго (см. Извѣст. VIII. 272). Въ 1324 г. по приказанію вышеупомянутаго архіепископа Никодима, чернорисецъ Даміанъ написалъ извѣстную рукопись апостола Шишатовацкаго, оу Пеки въ градѣ рекомѣмь Жрѣлѣ; этотъ драгоцѣнный памятникъ напечатанъ Миклошичемъ въ 1853 г. въ Вѣнѣ; къ тому же—если не къ болѣе раннему времени, относится Шишатовацкое евангеліе. Весьма замѣчательно Никольское евангеліе, напечатанное Даничичемъ въ 1864 г. въ Бѣлградѣ (есть предположеніе, что это списокъ съ глагольскаго текста); на Св. Горѣ имѣется Карейское евангеліе 1316 г. и евангеліе Павлова монастыря 1329 г. (о нихъ упоминаютъ Григоровичь и Аврамовичь); затѣмъ имѣется нѣсколько (по крайней мѣрѣ четыре) Хиландарскихъ евангелій: одно изъ нихъ написано въ 1337 г. повелѣніємь и попеченьиємь прѣподобнаго wтьца нашего игоумена кѵрь Арсеніа, вь дни благочьстиваго и прьваго цара Срьблємь кѵрь Стефань, а другое—въ 1356 г. (см. Петковичь, Обзоръ и т. д., 58). Нѣкій Аѳанасій прѣложилъ въ 1365 году хиландарскій апостолъ (Петковичъ, 57), а въ 1372 г. написано евангеліе Вѣнское (отрывокъ его напечатанъ въ книгѣ Копитара: Glagolita Clozianus). Къ XIV же вѣку относятся вѣроятно и еще два—три евангелія безъ обозначенія года, имѣющіяся въ собраніи Михановича въ Загребѣ, и можетъ быть такое же число имѣющихся въ національной библіотекѣ въ Бѣлградѣ; и тамъ и тутъ хранится также по одному апостолу на пергаменѣ, XIV вѣка.

Сравнительно съ такимъ множествомъ рукописей, содержащихъ въ себѣ тексты новаго завѣта, древне-сербская литература очень бѣдна текстами ветхаго завѣта; намъ неизвѣстно, найдена-ли до сихъ поръ хоть одна такая рукопись сербской рецензіи, которая бы была старше XV вѣка! Но въ глагольскихъ древнихъ памятникахъ, содержащихъ части ветхаго завѣта, можно встрѣтить болѣе древній текстъ, чѣмъ въ кирилловскихъ. Къ XV же вѣку принадлежитъ зна-

менитая Крушедольская рукопись, въ которой заключается пять книгъ Моисеевыхъ, книга Іисуса Навина, Судей и Царствъ. Въ собраніи Михановича имѣется одна рукопись ветхаго завѣта (пять книгъ Моисеевыхъ и еще нѣкоторыя части), но бумажная, писанная около конца XV или въ XVI вѣкѣ. Существуетъ предположеніе, что сербскій ветхій завѣтъ, находившійся у г. Григоровича, писанъ въ 1544 г.; Эта рукопись должна быть очень замѣчательна, судя по частымъ упоминаніямъ о ней русскихъ ученыхъ. Такъ какъ напечатано уже достаточное количество текстовъ евангелія (Остроміроово, Ассеманіево, Никольское), напечатанъ также и одинъ апостолъ (Шишатовацкій), то слѣдовало бы приняться и за изданіе текстовъ ветхаго завѣта.

Изъ остальныхъ литургическихъ книгъ XIV вѣка упомянемъ только самыя замѣчательныя, главнѣйшимъ образомъ тѣ, на которыхъ обозначены годъ или имя писателя: Норовскій октоихъ, написанный *грѣшникомъ Меѳодіемъ*, при королѣ Урошѣ; здѣсь по всѣмъ вѣроятіямъ подразумѣвается король Милютинъ, 1275—1321 (см. Ученыя Зап. 2. 2. 101). О тріоди Синайской, написанной въ 1374 году мы уже говорили; въ 1359 г. была написана тріодь Карейская рукою многогрѣшьнаго Макарига мниха; а писалъ онъ сь царьствоующоу Стефаноу Урошоу, благословениемь..... игоумена хиланьдарьскаго кур Дороѳеа и повелѣниемь.... старьца Михаила Каренска. Эта рукопись предназначалась для кельи Саввы, что видно далѣе изъ приписки (Петковичь, стр. 6). Въ Бѣлградѣ, въ національной библіотекѣ, имѣется пергаменный октоихъ и отрывки постной тріоди (см. Новаковић, Ист. серб. кн. стр. 37). Въ Румянцевскомъ музеѣ подъ № 400, по описанію Востокова, есть сербская рукопись: оуставь божьствьныѥ слоужьбы, написанная на Св. Горѣ, вѣроятно въ 1386 г., а Гильфердингъ въ цитированной книгѣ (стр. 168) упоминаетъ о двухъ рукописяхъ, видѣнныхъ имъ въ какой-то церкви близь Печи и заключающихъ въ себѣ литургическія статьи. Между прологами XIV вѣка замѣчателенъ прологъ Бѣлградскій, описанный Даничичемъ въ Гласникѣ, кн. X; въ собраніи Михановича имѣется прологъ Радослава 1370 г. съ припиской: многогрѣшнии дыакь Радославь скопчикь; въ словарѣ Милошича упоминается еще прологъ Вука Караджича находящійся въ Берлинѣ. Въ книгѣ Дамаскаго: «О славянскихъ рукописяхъ» (Зап. Петерб. ак. н. т. VI, кн. 1. Ср.

также Гласникъ, кн. XVI) очень подробно описанъ синаксарь Станислава 1330 г. Правда, по рецензіи эта рукопись болгарскаго рода, но первые 70 листовъ писаны по сербски; но тотъ же самый Станиславъ написалъ въ 1332 году — стало быть два года спустя — сербскую минею, по приказанію воеводы Оливера, почему ее и называютъ Оливеровскою минеею. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ, на одномъ и томъ же мѣстѣ написалъ двѣ рукописи, каждую своей рецензіей: синаксарь Станислава написанъ болгарской рецензіей, а его минея—сербской. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія и ясно указываетъ на то, что именно въ XIV вѣкѣ, когда сербское государство тяготѣло къ югу, къ Болгаріи и Греціи,—сербская литература находилась въ тѣсной связи съ болгарской. Весьма интересно сравненіе обѣихъ подписей—болгарской въ синаксарѣ и сербской въ минеѣ (ср. Ламанскаго «О славянскихъ рукописяхъ» стр. 19 и 165). Извѣстно и еще нѣсколько миней и патериковъ XIV—XV вѣка. Въ словарѣ Миклошича упоминается патерикъ Вѣнскій XIV вѣка, который нѣкогда находился въ Зографскомъ монастырѣ; въ Верникѣ имѣется замѣчательный патерикъ XIV—XV вѣка; ихъ много встрѣчается и въ другихъ Срѣмскихъ монастыряхъ; Гильфердингъ нашелъ въ Призренѣ минею за Декабрь, писанную для князя Лазаря (стало быть ранѣе (1389 г.); если сравнить приписку къ этой минеѣ (напечатанную въ книгѣ Гильфердинга «Боснія» и т. д. стр. 209) съ приписной въ парижской минеѣ (Гласникъ, кн. VI стр. 162), то легко убѣдиться, что Призренская и Парижская минеи были нѣкогда дарованы однимъ и тѣмъ же лицомъ, а именно жупаномъ Симою, монастырю св. Николая. Болѣе подробное описаніе Парижской минеи имѣется въ книгѣ Мартынова: «Les manuscrits slaves», стр. 89. Въ національной Бѣлградской библіотекѣ хранится пергаменная минея за Августъ мѣсяцъ (Новаковић, Ист. серб. кн. 37).

Изъ принадлежащихъ къ XV вѣку, и именно къ 1479 году, извѣстна минея или панегирикъ Рыльскій: это сборникъ житій болгарскихъ и сербскихъ святыхъ, написанный грамматикомъ Владиславомъ, дѣятельнымъ сербскимъ писателемъ XV вѣка. По его тексту напечатано житіе св. Кирилла въ книгѣ Шафарика. Еще болѣе миней XVI—XVII вѣка встрѣчается въ различныхъ библіотекахъ

и монастыряхъ. Для насъ особенно важна ихъ славянская часть, содержащая въ себѣ житія славянскихъ святыхъ. Шафарикъ, какъ мы уже сказали, напечаталъ по минеямъ житіе св. Кирилла; въ 1867 г. въ Запискахъ петерб. ак. н. т. XI. кн. 1. Срезневскій напечаталъ по двумъ рукописямъ XIV в. (одна болгарская, а другая русская) похвалу св. Кириллу епископа Климента; такимъ образомъ со временемъ возможно будетъ издать и еще многія донынѣ неизвѣстныя творенія, находящіяся въ подобныхъ книгахъ.

Изъ богословской литературы упомянемъ бѣлградскую рукопись Ефрема Сирина 1337 г. подробно описанную Ламанскимъ (Зап. Петерб. ак. н. т. VI, кн. 1); тому же вѣку принадлежитъ и другая рукопись Ефрема Сирина въ собраніи Михановича; существуетъ предположеніе, что въ 1344 г. написаны были на Св. Горѣ нѣкоторыя бесѣды Іоанна Златоуста. Къ тому же вѣку относятся и сербскіе списки: пандектовъ Антіоха (теперь въ Вѣнѣ), богословія Іоанна Дамаскина (въ Крушедолѣ), твореній Исаака Сирина, о которыхъ мы уже упоминали ранѣе; потомъ обширный сборникъ поученій, находящійся теперь въ Вѣнской библіотекѣ, и т. д. Кромѣ такихъ списковъ, есть и еще списки, творенія богословскихъ писателей относящіяся къ XV вѣку, но о болѣе древнихъ сербскихъ текстахъ этихъ списковъ мы знаемъ также мало, какъ и объ именахъ переводчиковъ. Къ такимъ произведеніямъ должны быть причислены: діоптра Филиппа (сербская рукопись XV вѣка; одна въ Люблянѣ и одна въ Шишатовцѣ), переводъ книги Андрея Юродиваго: о мытарствѣ (сербская рукопись XV в. въ Люблянѣ), творенія Леонтія (сербская рукопись XV в. въ Люблянѣ) и т. д.

Кромѣ того древніе сербскіе монахи очень любили составлять сборники изъ статей разныхъ писателей; это были энциклопедіи ихъ времени и ихъ системы. Такихъ сборниковъ очень много и въ нихъ иногда встрѣчаются интересныя статьи: между богословскими и философскими разсужденіями попадаются сербскія лѣтописи, сербскія грамоты, иногда сказки, статейки по физіологіи, медицинѣ, астрологіи и т. д. Тутъ руководствовались вполнѣ византійскимъ способомъ,—составлять изъ множества книгъ различнаго содержанія одно цѣлое, но не органическое цѣлое, а какую-то очень странную смѣсь.

Древне-сербскіе писатели очень рано начали составлять подобные сборники, такъ какъ они сохранились отъ XIV и XV вѣка. Въ митроп. библіотекѣ въ Карловцахъ имѣется рукопись XIV вѣка, писанная на бомбицинѣ и заключающая въ себѣ слѣдующія статьи: a) правильникъ Матвѣя Властаря (этотъ Властарь или Blastares жилъ въ XIV вѣкѣ и составилъ въ 1335 г. на греческомъ языкѣ: *σύνταγμα*—сборникъ законовъ и правилъ церковныхъ, который вскорѣ былъ переведенъ на древне-сербскій языкъ); b) Посланіе архіепископа Доминика Венеціанскаго къ Антіохійскому патріарху Петру; c) отвѣтъ на это посланіе; d) Михаила синкела Іерусалимскаго—объ истинной вѣрѣ противъ латинъ; e) посланіе Константинопольскаго патріарха Михаила патріарху Антіохійскому Петру; f) папы Григорія IX исповѣданіе латинской вѣры, писанное Константинопольскому патріарху; g) отвѣтъ на это Константинопольскаго патріарха Германа; h) патріарховъ антіохійскаго Анастасія и Кирилла александрійскаго изложеніе христіанской вѣры въ вопросахъ и отвѣтахъ; i) Михаила Синкелла Іерусалимскаго объясненія Символа вѣры; k) объясненіе нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсенъ; l) толкованіе символа вѣры; m) объясненіе молитвы господней по Іоанну Златоусту; n) изъ требника, о принятіи еретиковъ въ церковь; o) разговоръ архіепископа Александрійскаго Кирилла съ еретикомъ Несторіемъ.—Этотъ сборникъ, судя по заключающимся въ немъ статьямъ, посвященъ преимущественно догматикѣ, и въ немъ выдвигается на первый планъ различіе между восточною и западною церквами. Совершенно другаго характера сборникъ, принадлежавшій нѣкогда Шафарику (Gesch. der Südsl. Lit. 221. № 162) и по его смерти перешедшій со остальными его книгами въ библіотеку національнаго музея въ Прагѣ. По мнѣнію Шафарика, этотъ сборникъ былъ написанъ между 1390 и 1408 г., и онъ заключаетъ въ себѣ 21 статью. Вотъ онѣ: a) извлеченіе изъ правильника Властаря; b) правила Іоанна Постника; c) нѣкоторые законы Юстиніана; d) законникъ царя Душана; e) законы и правила семи вселенскихъ соборовъ и отцовъ церкви; f) историческія извѣстія о семи вселенскихъ соборахъ; g) объясненіе стиха: Господи, Исусе Христе etc; h) служба при св. причастіи; i) толкованіе азбуки; j) св. изрѣченія; k) гороскопъ; l) о темпераментахъ; m) лечеб-

никъ; n) молитвы церковныя и пѣснопѣнія, изрѣченія отцовъ церкви; o) Льва Премудраго—о будущемъ; p) иныя предсказанія о будущемъ; q) параллель между знаками зодіака и членами человѣческаго тѣла; r) предсказанія по грому; s) предсказанія по дню Рождества Христова на весь годъ; t) лунный кругъ съ 6898 (1399) по 6916 (1408) г.; u) молитвы на сонъ грядущій.

Сборниковъ, подобныхъ двумъ вышеприведеннымъ, очень много въ сербской литературѣ XV—XVII вѣковъ (см. Шафарика, Gesch. der südsl. Lit. III., рукописи подъ №№ 95, 102, 105, 130, 147, 159, 161, 163, 164, 168 и 194; затѣмъ рукописи, принадлежавшія иногда Шафарику и находящіяся теперь въ Прагѣ (Catalogus librorum, etc.), въ особенности подъ № 15: сборникъ Шишатовацкій 1541 г., и подъ № 19: сборникъ XV вѣка, наконецъ сборникъ изъ библіотеки Кукульевича, описанный въ журналѣ Književnik, III., стр. 121; а сколько еще существуетъ и такихъ, до которыхъ не касалась рука ни одного ученаго!) Въ этихъ сборникахъ сохранились слѣды всего, что когда-либо было предметомъ чтенія, письма и изученія древне-сербскихъ писателей; ничто такъ хорошо не опредѣляетъ характеръ древне-сербской литературы, какъ подобный сборникъ, подобная энциклопедія. На ряду съ богословскими статьями, съ литургическими толкованіями, духовными бесѣдами и панегириками, съ разсказомъ о чудесахъ разныхъ святыхъ помѣщаются отрывки изъ церковнаго и свѣтскаго права (ср. рукописи подъ №№ 159, 160, 161, 163, 164, 168 и въ каталогѣ библіотеки Шафарика—15), затѣмъ исторія библейская и всеобщая, напр. объ Ассѣ и о Нимродѣ подъ № 95, вопросы и отвѣты изъ библейской исторіи подъ № 105; отрывки изъ библейской и римской исторіи, тамъ же; библейская исторія и исторія римскихъ и греческихъ императоровъ отъ Помпея до Константина VIII, подъ № 147; далѣе, сербскія лѣтописи и текстъ законника царя Душана; отдѣльно встрѣчаются нѣкоторыя апокрифическія притчи (см. подъ № 95, 147 и въ каталогѣ Шафарика—19), разсужденія о календарѣ и хронологіи (см. подъ №№ 105 и 159), кое что объ астрологіи (напр. *громовникъ* подъ № 102 и 105, одна рукопись хранится въ Вѣнѣ) и о медицинѣ (напр. лечебникъ подъ № 162), кое-что изъ философіи (напр. рѣчи греческихъ философовъ, подъ № 95) и изъ граммати-

ки, напр. подъ № 95 оксипарх, т. е. объ акцентуаціи и аббревіаціи славянскихъ словъ; можетъ быть, то же самое есть и въ рукописи подъ № 19 въ каталогѣ Шафарика. Извѣстно, что въ XV вѣкѣ **Константинъ** (**философъ**) **Костенчскій** написалъ трактатъ о славянской грамматикѣ, изданный Григоровичемъ въ его книгѣ: «Статьи, касающіяся древняго Словянскаго языка», Казань, 1852 г. (Также см. Starine. кн. I, статья Даничича: Knjiga Konstantina filosofa o pravopisu.) Ст. Новаковичь утверждаетъ, что въ одной изъ рукописей Бѣлградскаго ученаго общества есть также **греко-славянскій словарь**!

Выше (отд. V) мы уже обратили вниманіе на значеніе этихъ литературныхъ сборниковъ, относительно заключающихся въ нихъ различныхъ библейскихъ и греко-восточныхъ притчъ, и апокрифическихъ сказаній, въ которыя—какъ мы уже замѣтили—всего легче было проникнуть элементу народнаго преданія и сказанія;—теперь же замѣтимъ еще и то, что именно въ такомъ сборникѣ Шафарикъ нашолъ самый важный памятникъ древне-сербской литературы, а именно текстъ **законника Душана**. Еслибъ трудолюбивый Шафарикъ не пересмотрѣлъ всѣ эти рукописи, то мы и въ настоящее время не имѣли бы еще критическаго изданія этого драгоцѣннаго свидѣтельства о государственномъ развитіи сербскаго народа въ XIV вѣкѣ. Правда, изданіе Шафарика не таково, какимъ бы онъ самъ желалъ его сдѣлать, такъ какъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы тщетно ищемъ полный текстъ Душанова законника, въ той формѣ, въ какой, какъ мы предполагаемъ, онъ долженъ былъ въ первый разъ выйдти изъ государственной сербской канцеляріи. Всѣ донынѣ извѣстные тексты—по словамъ самого Шафарика—были найдены въ только что упомянутыхъ нами рукописныхъ сборникахъ; они внесены въ такіе сборники монахами на ряду съ правильникомъ Властаря, отрывками номоканона и различными разсужденіями церковно-историческаго, богословскаго и литургическаго содержанія. По всему видно, что переписчики не хотѣли переписать весь законникъ, а каждый списывалъ нужную только ему часть законника, остальное же выпускалъ; вслѣдствіе чего тексты этого памятника весьма различны. Шафарикъ раздѣлилъ ихъ на два разряда: на **краткіе и пространные**; въ древнихъ рукописяхъ текстъ короче, въ новѣйшихъ—пространнѣе. Даже стилизація отдѣль-

ныхъ параграфовъ не вездѣ одинакова: въ болѣе древнихъ она короче и точнѣе, а въ новѣйшихъ—подробнѣе и новѣе. Изучивъ такимъ образомъ характеръ текстовъ (Шафарикъ имѣлъ подъ руками до десяти списковъ), Шафарикъ въ своемъ изданіи держался рукописи того сборника, содержаніе котораго мы привели выше, такъ какъ это самая древняя рукопись,—конца XIV вѣка между 1390—1408 г.; а всѣ пробѣлы этого текста онъ пополнялъ изъ Раковецкой рукописи 1700 г. Изданіе Шафарика основывается, собственно говоря, только на этихъ двухъ рукописяхъ: на болѣе краткой, но древнѣйшей рукописи XIV вѣка и на болѣе пространной, но новѣйшей—1700 года. Жаль только, что Шафарикъ не привелъ изъ другихъ рукописей по крайней мѣрѣ варіантовъ на избранный имъ текстъ для своего изданія; это придало бы ему бо̀льшее значеніе. Изданія болѣе старыя, чѣмъ Шафариково, имѣютъ только историческое значеніе; но въ 1859 г. въ журналѣ сербской матицы—Сербскій лѣтописъ—былъ еще разъ перепечатанъ, и много вѣрнѣе, тотъ текстъ, который нѣкогда имѣлъ подъ руками Раичь. Тамъ же напечатаны отрывки изъ законовъ императора Константина и Юстиніана, которые въ рукописи помѣщены предъ законникомъ Душана. И теперь не лишне было бы напечатать всѣ остальные тексты Душанова законника, какіе только можно найти; пусть и филологія съ своей стороны доставитъ, насколько возможно обильный, матеріалъ изученію славянскаго права, которое при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ будетъ прежде всего нуждаться въ критическихъ текстахъ.

Нечего и говорить о великомъ значеніи Душанова законника. Чѣмъ болѣе мы имѣемъ правъ жаловаться на отсутствіе, въ древне-сербской литературѣ, вѣрнаго выраженія народнаго духа и образа мыслей,—тѣмъ драгоцѣннѣе становится для насъ законникъ Душана, такъ много сообщающій о тогдашнемъ общественномъ, государственномъ и религіозномъ, гражданскомъ и военномъ положеніи сербскаго народа. Какую помощь оказываетъ Душановъ законникъ при уясненіи исторіи сербскаго народа и еще весьма молодой науки славянскаго права,—ясно доказывается новѣйшими учеными трудами, въ которыхъ этотъ памятникъ уже достойно оцѣненъ, а именно: «Исторіею сербскаго народа» Майкова, «Исторіею славянскаго права» Мацѣевскаго, книгою Иречка о Чешскомъ правѣ; затѣмъ отдѣльными статьями о самомъ за-

конникѣ написанными Палацкимъ и Крстичемъ (въ Гласникѣ). Въ литературномъ отношеніи этотъ памятникъ не имѣетъ такого значенія, какъ въ историческомъ и юридическомъ; для литературы онъ даже не такъ важенъ, какъ прежде упомянутые статуты далматинско-хорватскихъ общинъ. Правда, языкъ въ законникѣ Душана болѣе народный, чѣмъ, въ древне-сербскихъ книгахъ вообще; можно даже положительно сказать, что въ немъ выраженія народныя, но народныя формы перемѣшаны съ церковно-славянскими; стиль же и манера изложенія не имѣютъ тѣхъ достоинствъ народнаго сказанія, которыя мы нашли въ граматахъ и хорватскихъ статутахъ (напр. въ Полицкомъ). Это обстоятельство, вѣроятно, можно объяснить тѣмъ, что Душановъ законникъ составленъ въ высшей административной сферѣ и его стилизація уложена въ рамку византійской манеры изложенія; въ составленіи законовъ, какъ и во всемъ остальномъ, Душанъ бралъ себѣ за образецъ византійскихъ императоровъ. Въ началѣ законника читаемъ: «сь же законьникь поставлıаемь оть православьнаго сьбора нашего сь прѣосвѣштенымь патриархомь курь Іоаникиеемь и вьсеми архиереи и црьковникы, малыми и великыми, и мною благовѣрнымь Стефаномь и вьсеми властели царьства ми, малыми же и великыми»; отсюда видно, какіе государственные факторы участвовали въ составленіи законника, который не былъ вполнѣ новымъ, что видно уже изъ самаго текста нѣкоторыхъ параграфовъ (напр. § 130); и совершенно естественно, что Душанъ, въ большинствѣ случаевъ только узаконилъ нѣкоторые старые обычаи или возобновилъ законы своихъ предшествениковъ, бывшіе въ ходу уже прежде. Древнѣйшіе тексты Душанова законника заключаютъ въ себѣ 130 параграфовъ, а новѣйшіе имѣютъ 205; еще положительно не доказано, всѣ ли они дѣйствительно составляютъ Душановъ законникъ. Предположимъ даже, что всѣ параграфы нынѣшняго текста дѣйствительно составлены Душаномъ, но и это не вполнѣ разрѣшаетъ вопросъ: во всякомъ случаѣ это только отрывки, рядомъ съ которыми въ сербскомъ народѣ жили многія юридическіе обычаи, но законникъ не упоминаетъ о нихъ, потому что они сами собою подразумѣвались. На сколько отрывоченъ весь этотъ сборникъ, мы можемъ судить уже и потому, что онъ былъ составленъ въ два пріема: въ 1349 и 1354 гг.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

